

Святитель Иннокентий
Херсонский

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Молитва
святого
Ефрема Сирина

ДУХОВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Святитель Иннокентий
Херсонский

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

МОЛИТВА
СВЯТОГО
ЕФРЕМА СИРИНА

Москва
«Отчий дом»
2012

УДК 248.15
ББК 86.372
И-66

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(ИС 11-026-3034)*

Печатается по изданию:

Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского
и Таврического. Т. 6.
Великий пост. — Молитва святого Ефрема Сирина.
СПб.—М., 1873

Иннокентий Херсонский, святитель

И-66 Великий пост. Молитва святого Ефрема Сирина. —
М.: Отчий дом, 2011. — 448 с. (Серия «Духовный со-
беседник»).

Предлагаемая читателям книга содержит проповеди «русского Златоуста» — святителя Иннокентия (Борисова; †1857), архиепископа Херсонского и Таврического, прославленного в лике святых в 1997 году.

Время Великого поста драгоценно для нашего спасения. И от нас самих зависит, будем ли мы проводить его в лености и беспечности или же постараемся избавиться от наших грехов и беззаконий.

Эта книга может стать практическим руководством в прохождении поприща Великого поста для всех ищущих спасения.

УДК 248.153
ББК 86.372

ISBN 5-85280-190-9

© Макет, оформление —
издательство «Отчий дом», 2011

Великий пост

СЛОВО В НЕДЕЛЮ¹ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ

С нынешнего дня, братие, Святая Церковь начинает приуготовление к Святой и Великой Четыредесятнице, почему и начала оглашать слух наш трогательным воззванием к покаянию. Заблаговременно начинает Церковь свое дело; ибо великие дела и приготовления требуют немалого. У кого есть намерение сразиться с сильным и многочисленным неприятелем, тот заранее собирает силы для его низложения: а какой враг опаснее и хитрее нашей плоти, которая непрестанно воюет на дух наш? Кто предпринимает врачевание упорной и застарелой болезни, тот заранее берет на свои руки недужных и разлучает со многими вещами: а какая болезнь старше и упорнее греха, живущего в нашем сердце? — Итак, не будем удивляться и сетовать, если еще до наступления поста будем не раз слышать из уст Церкви воззвание к покаянию — это глас здравия душевного для немощных! Глас победы для имеющих выйти на сражение! Напротив,

¹ Неделей по-церковнославянски называется воскресный день; в богослужебных текстах пишется с прописной буквы.

чувствуя всю нежность матернего попечения Церкви о нашем спасении, усугубим внимание и послушание, войдем в ее благие намерения о нас и последуем за ее руководством, как немощные следуют за советами врача, воины за указаниями опытного полководца.

Что же представляет пред очи наши Святая Церковь, изводя нас ныне на поприще покаяния? — Представляет двух человек: фарисея и мытаря, — фарисея, хвалящегося своими совершенствами, осуждающего тех, кои не имеют их, и за это самое осужденного Богом, — мытаря кающегося, со смирением исповедующего свои грехи и за это самое отходящего в дом свой оправданным (см.: Лк. 18, 9–14). Не без великого намерения, братие, представляются ныне вниманию нашему эти, а не другие лица. В них должно быть означено, что надобно делать и чего удаляться нам при покаянии. В самом деле, в отношении к покаянию, все мы разделяемся на два вида: одни думают, что не имеют нужды в покаянии, и потому или не приносят оно или каются поверхностно: таковых Церковь вразумляет примером фарисея. Другие из нас находят для себя нужным покаяние и желали бы принести оно, но не знают, чего требуется от кающегося: таковым Церковь подает наставление в лице мытаря. То и другое наставление весьма ясно и понятно для каждого! Посему нам надлежало бы только обратить ваше внимание на картину мытаря и фарисея и сказать от имени Церкви: усмотрите и поучайтесь. — Но поелику

плотской человек наш, для коего покаяние есть смерть, умеет в этом случае и ясное делать темным, то попытаемся пресечь ему пути к тому.

Примером осужденного фарисея Церковь хочет, мы сказали, вразумить нас, что вся наша праведность не имеет цены пред Богом правды, если не соединена со смирением, — что всем нам для получения милости Божией одно средство — покаяние и вера в Искупителя. — Но разве кто-либо не верит сим истинам и решится представлять из себя надменного праведника? — Подлинно, братие, явно никто не захочет быть фарисеем, но в сердце многие остаются фарисеями, сами, может быть, не примечая того. Иначе, скажите, почему некоторые, не отвергаясь, впрочем, веры в Спасителя и упования жизни вечной, вовсе не являются во врачевницу покаяния? — Как ни судить, а в основании такого поступка лежит нечто явно фарисейское. — Почему многие и являясь в духовное судилище покаяния, кажутся более судиями, нежели судимыми, скорее дающими, нежели приемлющими? И тут нельзя не заметить духа фарисейского. — Почему, наконец, самые добрые по видимому христиане большею частию при покаянии так сухи, хладны, неподвижны, как бы делали что самое обыкновенное, не имеющее ни важных причин, ни важных последствий? — Не плод ли и это самодовольства своим состоянием, незнания той тяжести, которую слагают, той бездны, из коей исходят, того дара, который приемлют, то есть не явный ли плод тайного фа-

рисейства? — Итак, видите, как много из нас находится духовных фарисеев при самом поверхностном рассмотрении наших поступков?

Что же может держать людей в ослеплении фарисейском и не дает видеть им своей греховности? — То, что можно иметь, и многие действительно имеют, весь вид праведности, не будучи на самом деле истинно праведными. Не чувствовали никогда сильных и открытых припадков зла, живущего в сердце, — не имели несчастья преступать нагло пределов правды и долга, не выходили из повиновения уставам Церкви; хранили порядок в жизни и делах, старались заслужить похвалу у людей, заслужили оную, чувствуют нередко одобрение самой совести: и вследствие всех сих заслуг, добродетелей, похвал, думают, что они совершенно здоровы душою, а думая таким образом, естественно, не требуют врача духовного. Вот происхождение всякого фарисейства! Оно утверждается на мнимых добродетелях; и потому тем труднее руке человеческой поколебать его. Кумир праведности кажется так благолепен, что невольно требует поклонения и жертв.

Но, кто бы ты ни был, надменный своей правдою, ты должен оставить ее! — Ты не видишь в себе зла; но можешь ли сказать, что ты видишь в себе все? Апостол Павел, без сомнения, не менее твоего трудился над своим сердцем и жизнью; но что говорит? *Ничесоже в себе свем: но ни о сем оправдаюся*¹ (1 Кор. 4, 4). Почему и сего

¹ В Синод. рус. переводе: *Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь.*

недостаточно к оправданию? Не по избытку ли смирения это сказано? Нет, по существу самого дела, — потому, что *есть болий сердца нашего*, Который *весть вся*¹ (1 Ин. 3, 20)! — Невидное нам видно Ему. Когда Он оправдит нас, тогда токмо мы будем правы. Но Он что говорит нам? Он говорит, и говорит всем, не грешникам токмо, но и самым праведникам: что *еще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Ин. 1, 8). Хвались после сего своею правдою и думай много о ней!

«Верую, — скажешь, — свидетельству Божию о моей нечистоте, потому и хожу на исповедь: но не могу приписывать себе тех грехов, коих во мне нет». Но есть ли хотя один грех? Без сомнения есть. Внемли же, что говорит апостол? *Иже согрешит во едином, бысть всем повинен* (Иак. 2, 10). Как это может быть? — спросишь. А как бывает с телом, что один член болит, а все тело нездорово? Если в теле так, кольми² черна в душе; ибо душа не имеет такой сложности, как тело, — в ней все одно. Притом, кто дал одну заповедь, тобою нарушенную? — Не Тот ли, от Кого произошли и все прочие заповеди? — Коль скоро ты не уважаешь Законодателя, — а не уважаешь, нарушая Его заповедь, — то уже не уважаешь и всего закона. И что значат все заповеди, как не раскрытие одной и той же заповеди — быть святым, *якоже Он свят есть* (ср.: 1 Пет. 1, 16)? Посему, нарушив одну заповедь, ты нарушил все: *иже согреши во едином, бысть всем повинен*!

¹ Ср. Синод. рус. пер.: *Бог больше сердца нашего и знает всё*.

² Во сколько более (церк.-слав.).

Но совесть твоя не может указать тебе и на один грех, тобою сделанный? — Благодарим Господа, сохранившего тебя от явных грехов; но, не думай спасти чрез это кумир твоей праведности. Есть другой способ обнажить его срамоту и низринуть с высоты. Внемли! Если бы ты часто видел над горою дым, из нее выходящий, а по временам и искры, что бы ты заключил об этой горе? Не то ли, что внутри ее вулкан? И решился ли бы ты, несмотря на всю красоту и видимую прочность горы, основать на ней свое жилище? — Суди таким же образом о своей душе и сердце. Ты не можешь, никак не можешь отрицать, чтобы из этого доброго сердца не выходил по временам дым худых мыслей, чтобы в сей честной душе не появлялись иногда искры нечистых вожделений. Итак, знай, что внутрь тебя вулкан зла огнедышащий. Он покоен до времени, ибо не достает потрясений совне, но тем не менее в нем целый ад зла. И здесь ли, на этой ли горе, на сей ли праведности ты думаешь основать здание вечного твоего спасения? — Явится искушение, подойдет враг, — и то, что было вознесено до облак, низринется до ада; что прельщало взоры, представит груды развалин.

И не то ли самое видится в жизни некоторых людей совершенно неукоризненного поведения? — С высоты честной жизни они вдруг низвергаются в бездну какого-либо тяжкого порока, даже предаются всем родам нечестия, а потом отчаянию и самой смерти. Что значит это? Вдруг ли происходит такое превращение? В самом ли деле всемогущая благодать Божия так

скоро уступает место и победу греху и диаволу? — Нет, в сем случае происходит именно то, что бывает с огнедышащими горами: выходит наружу, что давно сокрывалось внутри. Если бы зла давно не было в сердце, то оно не разразилось бы так внезапно и с такою свирепостию, не заняло бы всех входов и исходов жизни, не убило бы вдруг души и тела.

Не будем же превозноситься нашею правдою. Все мы ходим над бездною и без Ангела хранителя можем сто раз пасть и разбиться в прах. Ах, что было бы с самыми честнейшими, по мнению света, людьми, если бы благодать Божия предоставила их силе зла, в них живущего!

Но нельзя же отвергать, что многие из христиан имеют действительные добродетели и обладают немалым совершенством духовным.

И кому же иметь добродетели, как не христианам? Чего не сделано, дабы мы все были добродетельными? — Сколько талантов дается для сего каждому? И все ли употребляются в дело? Вместо того, чтобы считать долго, что имеешь и что приобрел, сочти лучше, сколько принял. Нет человека, который бы сделал более, нежели сколько для него сделано, приобрел множае, нежели принял. Чем же гордиться? — Ты употребил в дело пять талантов, но можешь ли сказать, что принял только пять? — Можешь ли поручиться даже за то, что все это не поддельное золото, коим ты так восхищаешься?

Как обыкновенно мы смотрим на добродетели? — Почти всегда в увеличительное стек-

ло; напротив, пороки наши представляются нам в стекле уменьшительном. Отбрось пристрастие — и многое тотчас переменится: там, где ты видел один блеск ослепляющий, увидишь пятна и тьму. Пророк удивлялся некогда красоте храма Иерусалимского, представленного ему в видении, и вдруг услышал голос: *раскопай стену* (Иез. 8, 8—10). Прокопавши, он увидел в храме мерзости, коих можно ожидать только в домах разврата. Прокопай и ты, недугующий духом тщеславия, прокопай стену твоего самолюбия, вникни в тайные побуждения и цель твоих блистательных подвигов: и, может быть, ты ужаснешься того храма твоей святости, пред коим теперь благоговеешь.

Малые добродетели кажутся нам великими нередко и оттого, что мы сравниваем их с пороками других, как поступил и фарисей, говоря, что он не хищник, не прелюбодей, как другие. — Правильное ли это сравнение? Добродетель должна быть сравниваема не с пороком, а с добродетелями. Сравни же теперь свой пост с постом Иоанна Крестителя, свою веру с верою Авраама, и так далее. Быть не может, чтобы при этом сравнении ты не нашел в себе многих недостатков. Сам фарисей, вероятно, не стал бы превозносить себя, если бы вместо мытаря взял для сравнения с собою кого-либо из святых, коими так богата история народа Божия.

Немалым, наконец, пособием против духа гордости духовной может служить и представление великости предназначения, нас ожида-

ющего. Твои добродетели служат предметом похвал для подобных тебе человеков: но для человека ли ты должен быть добродетелен? В этом мире и малое может казаться великим. Но будет ли таковым в том новом мире, куда пойдешь ты и должны идти все? Мы должны некогда жить с Ангелами, вступить в общение с Самим Богом. Довольно ли чист и для сего? Устоит ли твоя добродетель пред очами Божиими? — Исаия провел всю жизнь в подвигах духовных и удостоился избрания в пророки; но когда увидел себя пред Престолом Божиим, то возопил с ужасом: *окаянен аз человек, яко нечисты устне имый, и Господа Саваофа видех очима* (ср.: Ис. 6, 5), и не прежде успокоился, как Ангел очистил его прикосновением угля с жертвенника. Ставь, когда придет к тебе дух гордости, ставь себя скорее и ты не пред сонм мытарей или фарисеев, а пред Престолом Бога Всесовершенного, — и ты возопиешь гласом Исаии о своей бедности и нечистоте, и всеочищающий уголь Тела и Крови Богочеловека соделается для тебя необходимою.

Но довольно — против фарисейской праведности. Должно сказать что-либо в наставление и тех, кои чувствуют свою греховность и желают принести покаяние, но не знают, как лучше совершить это великое дело. Вам, братие, кто бы вы ни были, нельзя дать лучшего совета, как взирать на кающегося мытаря и поступать, как поступал он. Его глубокое смирение, его надежда на милость Божию, его исповедание своего не-

достоинства должны быть всегда у вас пред очима. Если бы и за сим потребовалось какое-либо новое вразумление, то в следующую неделю Святая Церковь представит еще пример покаяния в блудном сыне, который был совершенно мертв грехами, но потом ожил для Бога и жизни вечной (см.: Лк. 15, 11–32). Идите его путем и придете в дом отеческий! Аминь.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ МЯСОПУСТНУЮ¹

Вчера мы творили молитвенную память о всех, от века преставльшихся, отцах и братиях наших²; а ныне сами преносимся мыслию в будущее и поставляем себя вместе с ними пред Престолом грозного Судии, имеющего решить вечную участь каждого из нас. Судя по сему, если в какой день, то настоящий прилично нам размышление о своей жизни, исследование своей совести, слезы и плач о грехах наших. Ибо можно ли помыслить о Страшном Суде Божиим и не обратиться в то же время к своей совести? Можно ли обратиться к своей совести и не заметить тотчас, что мы покрыты множеством грехов, что мы все не в таком состоянии, чтобы с светлым лицом явиться пред Того, Кто испытует сердца и утробы? Посему-то одна мысль о Страшном Суде Божиим приводила в трепет са-

¹ Неделя мясопустная (мясопуст — отпуст, т. е. запрет на вкушение мяса) именуется еще Неделей о Страшном Суде.

² Имеется в виду богослужение на Вселенскую родительскую субботу.

мых праведников; и, без сомнения, если какой день, то настоящий проводили они от утра до вечера в слезах и воздыхании.

У нас — напротив! Нет, кажется, ни одного дня в году, который проводился бы с таким невоздержанием и плотугодием, как нынешний. Можно подумать, что мы составили заговор против святого учреждения Церкви и хотим показать, что ни во что вменяем тот Страшный Суд, изображением коего думает она запят¹ стопы наши на широком пути мира и плоти!

Причиною сей несчастной противоположности и небрежения о дне, столь важном и священном, не другое что, как то обстоятельство, что нынешним днем оканчивается употребление обыкновенной нашей пищи. Можно ли было ожидать, чтобы причина столь неважная отняла всю силу у святого учреждения Церкви, привела в забвение Страшный Суд Божий и произвела именно противное тому, что предполагала Святая Церковь? — Но дело точно так; ибо другой причины нет. Церковь с своей стороны употребила все, могущее возбудить в нас чувство покаяния: самые трогательные и угрожающие песни ее собраны именно в службе на нынешний день; одно ныне чтенное Евангелие и Апостол могли бы вразумить самого закоренелого плотугодника (см.: Мф. 25, 31–46; 1 Кор. 8, 8–13). Но нас, увы, ничто не трогает и не возбуждает от пагубного служения плоти и миру. — Над нами во всей силе сбывается грозное слово Спасителя,

¹ Здесь: заградить, остановить.

изреченное о народе иудейском: *рыдахом вам, и не плакасте* (Лк. 7, 32)!

Где искать причины нашего столь пагубного нечувствия? Не в том ли, между прочим, что многие из нас вовсе не знают, что в нынешний день совершается воспоминание Страшного Суда Божия? — К сожалению, многие действительно не знают сего: но что значит самое это незнание? Увы, и оно не оправдывает, а еще более обвиняет нас. Ибо кто виною этого незнания? — Мы сами. — Сколько песней церковных в настоящий день, из коих каждая изображает Суд Страшный? Одно Евангелие нынешнее недостаточно ли вразумить в сем всякого, кто только не лишен слуха? — И что прикрывать лжею наше неведение? — Что ныне день Страшного Суда, этого мы не знаем; а знают же все от велика до мала, что ныне последний день мясосястия. Как же мы все так твердо узнали одну половину учреждения церковного и вовсе не знаем другой? Знаем твердо то, что служит в угождение плоти, и не ведаем того, что на пользу духа и совести! — Не явный ли это признак, что мы дорожим одною своею плотию и угождением чреву, а что необходимо ко спасению души, о том нерадим безумно? Сия-то именно склонность к чувственному губит нас и ныне, как и всегда; она-то делает для нас бесплодными все благие учреждения Церкви.

Ибо нынешний ли один день так несчастно превращается нами? — Увы, это превращение есть только начало другого, большего. Я разу-

мею наступающую неделю¹ сыропустную. Что может быть жалче участи сея недели? Она предназначена, по намерению Церкви, служить приготовлением к Великому посту и, так сказать, введением в него. Церковь показала при сем случае всю материнскую заботливость о нас. Чтобы приучить нас постепенно к подвигу постному, она лишила нас на сию неделю половины снедей, дабы внезапным и сильным переворотом не потрясти слишком самых чувственных привычек наших. Что же вышло у нас из сего снисхождения Церкви? — Вышел новый повод и случай к плотоугодию и невоздержанию. В целом году нет ни одной недели, которая была бы исполнена столько шума и молвы, столько объядения и пьянства, столько празднословия и кощунства, столько пороков и беззаконий, как наступающая. Если о какой седмице, то, вероятно, о сей плачут ежегодно Ангели Божии, радуются аггелы тьмы; если когда ад и геенна приобретают для себя наиболее жертв, то в это несчастное время. Увы, если бы учредители сей недели могли предвидеть то, что мы делаем из нее!

Но они невинны: они желали нашего спасения; и сделали для сего все, что могли. Прочтите или выслушайте со вниманием богослужение каждого дня в наступающей седмице. Как внятно там объяснена цель учреждения недели сыропустной! — Сколько на каждый день святых мыслей и чувств! Церковь, можно сказать, взяв за руку, ведет нас с распутий мира и приближа-

¹ Здесь неделя означает целую седмицу, а не воскресенье.

ет к поприщу Святого поста; но все сие остается втуне¹. Ибо мы в продолжение сей недели стараемся быть и бываем везде, только не в церкви. После сего благое учреждение церковное как бы вовсе не существует для нас.

Но если бы только не существовало! И это было бы бесчестьем для имени христианского и злом для нас, но все еще не так великим. Нет, когда мы, отягченные невоздержанием в ястве и питии, дремлем, то враг спасения нашего не спит и не дремлет. Чего не успел он сделать из этой священной седмицы? Точно, как пред концом мира, зная, *яко время мало имать* (Апок. 12, 12), он окажется, по свидетельству тайновидца, всю лютость и все лукавство: так поступает он и в продолжение наступающей седмицы. Угрожаемый постом и покаянием, он употребляет все силы, расставляет все сети, разбрасывает все приманки, чтобы уловить как можно более жертв. И многие ли избегают этих сетей? Самые, в другое время, степенные лица почитают как бы за какой долг дать в это время волю своим чувственным пожеланиям; самые старцы не почитают за стыд являться подобными несмысленным детям. А юные? — Увы, если когда гибнет цвет этого прекрасного возраста, то в это несчастное время!

То есть в какое время? — То самое, которое, по намерению Церкви, должно служить приготовлением к посту, и, следовательно, само уже есть некоторого рода постом и днями сетования, то время, которое следует непосредственно за вос-

¹ Попусту, напрасно (церк.-слав.).

поминованием Суда Страшного, ныне совершаемым! — Сему-то выучиваемся мы в нынешний день! Такой-то плод производит в нас явление грозного Судии! О бесчувствия! О окаменения душ и сердец!

Между тем сия пагубная привычка так укоренилась во всех нас, так сроднилась с нами от младенчества, вошла в нравы, в самую природу нашу, что говорить против нее значит почти явно терять слова и время. Ибо вот мы теперь рассуждаем о сем, скорбим и сетуем; вы сами не можете не признать справедливости наших слов и нашей скорби. Но найдется ли хотя один из нас, кто бы принял сии слова к сердцу и решился поступить сообразно намерению Церкви, презреть обычай мира и провести наступающую седмицу не в угождении чреву и в увеселениях мирских, а в приготовлении себя к Святому посту и покаянию? Ах, печальный опыт едва не отнимает у нас всей надежды на сие; и если мы говорим теперь, то не столько по чаянию плода от нашей беседы, сколько для исполнения своего долга. Ибо обязанность пастырей — говорить и возвещать истину даже и тогда, когда бы и никто не хотел слушать ее.

Если бы, впрочем, нашелся теперь хотя один, который бы, вняв нашему слову, или паче указанию Святой Церкви, решился провести наступающую неделю в воздержании, молитве и целомудрии, то мы возблагодарим и за сие Господа; ибо и одна душа — приобретение великое; и за одну душу Спаситель излил кровь Свою так же, как за всех. Мы уверены, что такой человек най-

дет более душевного услаждения в своей чистоте и воздержании, нежели сколько прочие находят в шумных забавах мирских и в плотоугодии, которое редко не доводит предающегося ему до омрачения чувств и недугов телесных.

Что же сделают все прочие? Они сделают то же, что делали прежде, в прошедших годах: окружают себя всякого рода снедями; измышляют новые роды забав и утех; постараются, подобно древним сластолюбцам, везде оставить *знамение веселия* (Прем. 2, 9) своего. Мне кажется, что уже дают слышать себя безумные игры и смехи празднующих, уже видятся следы *человеков яко древие ходящих*¹ (Мк. 8, 24), уже стонут распутия и стóгны² от бесчиния и наглостей, уже вместе с людьми ликуют невидимо духи злобы, нечистоты и лукавства; что сама смерть уже готовится невольно поглощать жертвы, падающие сами собою во уста ее от своего невоздержания.

Если вас, братие мои, сколько-нибудь трогают подобные мысли и выражения; если вам, как христианам, дорога честь Святой Церкви и собственное спасение душ ваших; если Страшный Суд Божий, ныне представляемый пред очи наши, не есть для вас яко вещь чуждая и вас не касающаяся, то дадим обет теперь же провести наступающую седмицу без тех безрассудств и невоздержаний, с коими она обывала соединяться у нас, провести ее как уже начало и преддверие Святого поста, а не как верх угождения плоти и страстям нашим. Аминь.

¹ Ср. Синод. пер.: *вижу проходящих людей, как деревья.*

² Улицы, переулки и площади (*церк.-слав.*).

СЛОВО В НЕДЕЛЮ СЫРОПУСТНУЮ¹

*И сие, ведяще время, яко час уже нам от сна
востати. Ныне бо ближайшее нам спасение,
нежели егда веровахом. Нощь убо прейде, а
день приближися: отложим убо дела тем-
ная, и облечемся во оружие света.*

Рим. 13, 11–12

Сими поучительными словами апостола Павла Святая Церковь напутствует нас, братие мои, на поприще Святого и Великого поста. Между прочими побуждениями к покаянию во грехах наших, она указывает и на большую удобность к тому для нас в продолжение наступающих святых дней. В самом деле, хотя спасение наше никогда не далеко от нас, но с наступлением Святой Четыредесятницы дело спасения до того приближается к каждому, что, можно сказать, невольно и неотступно требует себе места в душе и сердце. Подлинно, время Великого поста во всех отношениях должно сравнивать с прекрасным днем для веры и благочестия: равно как седмицу, ныне оканчивающуюся, со всех сторон нельзя не уподобить темной, бурной и хладной ночи. Каких дел тьмы не совершается повсюду в продолжение этой седмицы! Сколько душ, волею и неволею, низвергается в пропасть греховную! Сколько людей, коим всю жизнь на-

¹ Так называется последнее воскресенье перед Великим постом (сыропуст — запрет на вкушение сыра и других молочных продуктов, а также мяса). В этот день на церковном богослужении вспоминается изгнание прародителей из рая за непослушание (Воспоминание Адамова изгнания. — См. Быт., гл. 3); вечером в храмах совершается чин прощения, — поэтому это воскресенье еще именуют Прощеным.

добно бывает оплакивать несколько минут нынешнего безумного веселья! Из самых осторожных и бдительных над собою и своими деяниями не многие могут похвалиться тем, что в течение прошедших дней они не потерпели никакого ущерба в чистоте сердечной и спокойствии своей совести.

Но благодарение Господу: *Ночь убо прейде, а день приблизися* (Рим. 13, 12)! Нынешний вечер положит конец соблазнам и опасностям душевным: завтра мы проснемся уже в другой стихии и как бы в другом мире. С одним появлением Святого поста все примет новый, лучший вид: и люди, и вещи, и одушевленное, и самое бездушное. Как после потопа Ноева, хляби зла заключатся¹ сами собою и явится суша (см.: Быт., гл. 8). Есть уже к чему пристать вляявшимся² в море житейских сует и соблазнов! Есть уже на чем утвердиться самым расслабленным от плотугодия стопам и коленам! — Ибо Церковь не может уступить миру в усердии. Если он, злохитрый, употреблял все средства сводить нас с ума, брать в плен страстей без сражения, то Святая Церковь еще более найдет способов образумить нас и пленить паки в сладкое послушание веры и любви, яже о Христе. Мы нечисты и осквернены похотями греховными: у престола Благодати, в храмах, заструится множество свежих источников для нашего духовного омовения. Мы покрыты язвами и струпами: у матери нашей Церкви готовы для нас все пластыри и обязанности целеб-

¹ Бездны зла затворятся.

² Мятущимся (церк.-слав.).

ные. Мы гладны духом: она учредит такую трапезу, которая могла бы напитать самих Ангелов. При таком обилии средств духовных самый невнимательный к своей душе принужден будет сознаться и сказать, что ныне — в продолжение Святого поста — ближайшее к нам спасение, нежели во все прочие дни; ибо со дня завтрашнего самый мир с его соблазнами, гонимый видимо и невидимо силою Святого поста и молитв церковных, удалится от нас, сокроется, потеряет силу ослеплять и влечь во ад.

Не будем же, возлюбленные, и мы хладны и невнимательны к своему спасению; воспользуемся драгоценным временем поста для уврачевания душ и сердец наших от яда греховного; дадим матери нашей Святой Церкви действовать над нами во спасение наше, как она знает и может; отвратим очи и сердце от всего, что питало в нас похоть плоти и гордость житейскую; вникнем прилежно в свою жизнь и совесть и поспешим сойти с того пути, который явно ведет в пропасть адскую. Ей, братие мои, сделаем все сие для вечного блага душ наших! Ибо не напрасно апостол Христов восклицает: *яко час уже нам от сна встати* (Рим. 13, 11). Время пробудиться всем нам от нечувствия душевного и подумать, где мы и что с нами, куда идем и что ожидает нас. Время уже потому, что нет почти ни одного греха, который не был бы содеян нами в том или другом виде. Какая из способностей наших не употреблена во зло, не унижена и не осквернена страстями? Чем еще будем раздражать Господа и Спасителя нашего? На что

пустимся и что еще употребим для вечной гибели нашей? Какому кумиру суеты не кланялись мы до земли стократно? Если посмотреть на нас очами и не пророка, то давно нельзя не сказать, что от ног до главы нет в нас целости. Самая чаша греха, с ее мнимою, скоропреходящею сладостию и с ее действительным смертоносным ядом, уже видимо оскудела для нас. Еще ли будем наполнять ее снова и отравлять ею все существо свое?

Час уже нам от сна востати! Вначале, когда мы были неопытны, еще сколько-нибудь извинительно было гоняться нам, подобно малым детям, за призраками суеты земной и воображать, что на стрóпотных распутиях греха¹ ожидают нас одни утехи и радости. Теперь, после стольких горьких опытов, совершенное безумие было бы позволять врагу нашему обманывать нас снова. Ибо что приобрели мы в удалении от Бога? Что доставил нам мир с его многообразною похотью? — Предположений, замыслов, надежд, обещаний была бездна; а на деле оказалось все *суета сует* (Еккл. 1, 2). У большей части из нас беззаконная жизнь отняла и то, что имели они от природы и благоприятных обстоятельств; некоторые из грешников по видимому еще высятся и цветут: но как вял и безжизнен этот цвет несчастный, как ощутительно веет от него тлением и пагубою! Снаружи, вокруг сих так называемых счастливых мира, почести, богатство, довольство и утехи, а внутри, — спросите о том их самих, — внутри пусто и холодно, мертво и от-

¹ *Здесь:* на извилистых путях греха.

вратительно: совесть обличает, сердце тоскует, душа болит, самое тело видимо страдает и просит пощады от яда греховного. И после сего мы еще будем гоняться за нашей тенью, еще будем ловить ветер, еще строить на воздухе, еще пить яд потому только, что он сладок?

Час уже нам от сна востати! Время образумиться и пожалеть нам мать свою, Святую Церковь, которая доселе болела сердцем от нашего забвения ее святых уставов и от нашей жизни нечистой; время вспомнить и пожалеть нам Ангела хранителя нашего, который с того времени, как мы начали помнить себя и действовать, с плачем доселе ходит за нами по дебрям страстей и беззаконий, не видя нашего исправления; время устыдиться и пожалеть нам Самого Спасителя нашего, Который с утра до вечера ежедневно простирает к нам со Креста руки и доселе не может привлечь нас к Своему сердцу; время, время, братие мои, сжалиться нам над самими собою и обрадовать покаянием нашим небо и землю, Ангелов и всех добрых людей, кои скорбели и скорбят о нашем развращении, молились и молятся, да не погибнем во грехах наших!

Час уже нам от сна востати! Ибо ужели до конца жизни оставаться нам в плену страстей, греха и диавола? Ужели ждать нам, чтобы под стопами нашими разверзлась наконец бездна адская и поглотила нас навеки? Ах, братие мои, она разверзнется некогда и, может быть, весьма скоро, если не перестанем прогневлиять Господа грехами нашими: но что будет тогда с нами?

Вспомните богача евангельского (см.: Лк. 16, 19–28), вспомните пламень геенский (см.: Мф. 25, 41 и др.); поставьте себя мысленно в положение сего несчастного и судите, в каком безумии виновен тот, кто, имея, как мы теперь, всю возможность избежать жребия столь ужасного, будет продолжать идти прямо к бездне адской? — Час убо¹, *час всем нам от сна востати!* Аминь.

СЛОВО В ПОНЕДЕЛЬНИК 1-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче,
утреннею бо дух мой ко храму святому
Твоему!²*

Итак, сами по себе, собственными силами не можем мы достигнуть не только истинной свободы от грехов и праведности пред Богом, но даже отверзть себе двери покаяния, то есть перестать жить беззаконно! — Правда ли это, подумает иной, не испытывавший на себе действия и силы истинного покаяния? Когда я мог подвергнуть себя грехам, то почему же не могу оставить греха и начать жить праведно? Свойство свободы моей в том и состоит, что я волен делать, что хочу. Грех не отнимает у меня свободы: не отнимает поэтому и возможности — перестать грешить. Рассуждение довольно благовидное, только показывающее, что размышляющие та-

¹ Воистину, же (*церк.-слав.*).

² См.: Тропарь, глас 8-й, на утрене по 50-м псалме; поется от Недели мытаря и фарисея до 5-й недели Святой Четыредесятницы // Триодь постная.

ким образом никогда не принимались за дело покаяния, как должно. Примись, и тогда узнаешь, что значит грех, что делает он с твоею свободою и как трудно возникнуть от рова страстей. Грех точно не отнимает у тебя свободы как необходимой в составе души способности, но производит с нею то же, что ржавчина производит с железом. Как заржавелое железо теряет крепость и силу до того, что чего прежде не могли сломить великие усилия, то будет ломаться и рваться от малого напряжения, хотя объем и количество железа те же: так у грешника остается весь призрак свободы; в некоторых случаях он свободнее, по-видимому, самого праведника, который всегда связан совестью и страхом Божиим; но внутренней мощи на добро нет, и при малом усилии к какому-либо благому подвигу грешник слаб как дитя. Отчего так? Оттого, что с свободою нашею, — употребим другое сравнение, — происходит от греха то же, что бывает с магнитом, когда его употребляют неправильно. Магнит теряет силу привлекать железо и указывать страны света; свобода наша теряет силу привлекать волю и желания к себе и направляться вместе с ними по закону совести. Таково свойство греха и вместе наказание за него, что грешник после каждого беззакония теряет часть способности творить правду. Потеря сия, с продолжением греховного состояния, доходит наконец до того, что бедный грешник делается совершенным рабом своих страстей и злых навыков. Для него невозможно уже без чуждой помощи не только восстать из рова страстей, — трудно даже помыслить о воз-

вращении на путь правый. Если мы, ходя путем беззакония, не испытали еще сего на самих себе доселе, то это верный знак, что мы никогда еще не начинали истинного раскаяния во грехах наших. Может быть, оно и было на устах наших, производило даже некую временную перемену в наших поступках и отношениях, но до самого источника зла в нас явно не досягало, в самое сердце и душу нашу не входило. В противном случае и нами ощущено бы было то же самое, что ощущали на себе все истинно каившиеся: мы увидели бы ужасную силу греха и страстей, познали бы всю немощь нашей воли и нашего ума, пришли бы к тому же чувству безнадежности, в коем был некто, когда вопиял: *Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени Твоему* (Пс. 141, 8)!

Посему-то первая и последняя надежда у людей истинно кающихся не на самих себя, не на свой ум и свое сердце, а на благодать Божию. Они смиренно исповедают, что еще¹ не Господь Сам созиждет дом души их, то напрасны будут все труды и подвиги над его исправлением: без помощи свыше, при всех усилиях наших, он вечно останется в развалинах. А такое чувство собственной немощи непрестанно заставляет их обращать очи свои горе², взывать молитвенно к Богу крепкому и живому, да ниспошлет благодать покаяния и да подаст силы возненавидеть грех, разорвать узы страстей, возлюбить, стяжать и сохранить чистоту и правду, кои для грешника соделываются чуждыми и противными.

¹ Если (церк-слав.).

² Вверх, ввысь, к небу (церк-слав.).

Сии самые чувства выражаются в том умиленном песнопении, которое мы предложили в начале нашего собеседования с вами, братие мои. Поелику Святая Церковь повторяет его каждую седмицу, то углубимся в него еще несколько нашим размышлением.

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!

Ты Сам, — как бы так говорит кающийся грешник, — Ты Сам, Жизнодавец, зришь, что я, несчастный, давно престал уже находить сладость в ядовитой чаше греха и беззакония; Сам видишь, как искренно хочу я переменить мою нечистую жизнь и многократно уже собирал все силы свои, чтобы расторгнуть узы преступных навыков моих, возникнуть от пагубной сети, в которую уловил меня враг мой, но что выходит из всех моих усилий? Чем кончаются все, столь часто повторяемые, обеты и решимости, оставить грех и обратиться на стезю заповедей Твоих? — Увы, не успею омыться слезами покаяния, как паки упадаю в блато нечистых помыслов и студных деяний! Лютый враг мой, кажется, для того токмо и дает мне несколько свободы духовной, дабы отнять ее потом и сокрушить все, что ни сделано мною во время покаяния. Прежде мог еще я, безрассудный, надеяться на свои силы, воображать, что, когда ни захочу, перестану грешить: но теперь, после стольких несчастных опытов, вижу, что я совершенный раб греха, что страсти мои бесконечно сильнее меня, что если мне остаться с одним моим умом и сердцем, то враг мой будет влачить меня из дебри в дебрь, доколе не повергнет в пропасть адскую.

Оставляю убо надежду на себя самого и все упование мое возлагаю на Тебя, Господь и Спаситель мой, на Тебя, Коего всемогущество беспредельно и милость бесконечна, на Тебя, Который можешь Духом Твоим Святым пересоздать самое злое сердце мое. Призри на бедного, беспомощного, но желающего спасения грешника и даруй ему духа покаяния, которое, как тень, непрестанно удаляется от меня, когда я обращаюсь к нему: *Покаяния отверзи ми двери!* И не только отверзи, но введи меня в него; введя, удержи в сей бане пакибытия¹ дотолѣ, пока не омоется вся греховная нечистота моя, не уврачуются все язвы совести, не изгонится из души все злое и не останется в ней единый Божественный образ Твой.

Так молятся истинно кающиеся. Так должны молиться и мы, если воистину хотим освобождения от грехов наших и от навыка к беззаконию, освобождения действительного и всегдашнего, а не на словах токмо и на время. Будьте уверены, братие мои, что никто не может сделать сего, кроме Всемогущего; ибо тут — при перемене наших нравов и жизни — должно совершиться чудо, не меньшее того, какое было при создании нас из ничего (см.: Быт. 1, 1–26). Даже создать нас, осмелимся сказать, было легче, нежели воссоздать: ибо тогда ничто в нас не мешало всемогуществу Творца; а теперь, при духовном воссоздании нашем, Ему надобно побеждать и искоренять зло, живущее в нашем сердце, изменить на лучшее самую свободу нашу, которая, будучи крайне слаба в грешнике на добро,

¹ Возрождения, обновления (церк.-слав.).

тем сильнее на зло и противление благодати Божией.

Но, возвергая печаль и упование наше на Господа, не будем, братие мои, и мы праздными зрителями собственной гибели от греха. Мы не можем возродить себя духом, так же, как не можем паки¹ внити в утробу матернюю, но можем и должны пламенно желать сего возрождения и просить о том Господа; можем и должны устранять от себя все, что препятствует ему в нас и что не дает силе благодати оказать над нами ее действие. Это самое внушает нам песнопение, нами рассматриваемое, дальнейшими словами своими. Ибо что говорится далее? — *Утреннует бо дух мой ко храму святому Твоему!* Видите, чем занят истинно кающийся! Он не спит и не лежит праздно, подобно грешнику нераскаянному, а утреннует, то есть восстает с ложа, когда еще все спит; начинает свое дело, когда еще нигде не видно движения. Что же занимает его так постоянно? Дело его спасения: *утреннует дух мой ко храму святому Твоему*; то есть ко всему, что может служить на пользу души, ко умерщвлению в ней греха и страстей. И действительно, у истинно кающихся первым и последним делом становится попечение о душе своей. Никто, как они, так часто не посещает храма Божия, не слушает с таким вниманием молитв церковных, не читает так усердно Священного Писания, не спешит так на помощь ближнему. — Как миролюбцы ищут увеселения и рассеяния, так кающийся ищет слез и умиления душевного.

¹ Опять, снова (церк.-слав.).

По сим-то признакам судите, братие мои, и о самих себе. Если ты, вникая в свое поведение, не можешь сказать по совести: *утреннует дух мой ко храму святому Твоему*, — то в тебе нет искреннего желания раскаяться в грехах своих. Ибо что же бы это было за желание, которое не обнаруживается никакими действиями? В таком случае напрасно будем повторять и первые слова святой песни: *Покаяния отверзи ми двери!* Ибо Тот же милосердый Спаситель скажет: доколе Мне отверзать ее для вас напрасно? Затворите прежде сами двери и врата страстям вашим и соблазнам мира; и тогда грядите ко Мне с мольбою о духе истинного покаяния. Аминь.

СЛОВО ВО ВТОРНИК 1-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*¹

Не кажется ли кому-либо, братие мои, что Святая Церковь в продолжение настоящих дней слишком часто и многократно оглашает слух наш сим воззванием умилительным? — Если бы кому пришла подобная мысль, тот пусть примет труд вместе с нами обозреть, хотя мало, всю человеческую жизнь нашу от ее начала до конца. Может быть, что кажется теперь слишком многократным в храме, то самое не будет после того казаться излишним и дома, и не только во время

¹ См.: Припев Великого покаянного канона прп. Андрея Критского. Этот канон читается по частям на великом повечерии с понедельника по четверг 1-й седмицы Великого поста и полностью читается в среду вечером на 5-й седмице поста.

поста и покаяния, но и в другие дни, среди самых празднеств будет само собою приходить на мысль и по временам исторгаться из самых уст.

Для сего взойдем, во-первых, к самому началу бытия нашего на земле. Что там? — Мрак и нечистота, похоть и страсти. *В беззаконных зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя* (Пс. 50, 7), вопиет за всех нас святой Давид. Зачатый в беззаконии, я и сам потому беззаконен; рожденный во грехе, я и сам потому грешник. И не сие ли самое означали болезни моего рождения? За что страдали и рождающая и рожаемое, если не было вины и нечистоты? Не это ли самое выражал и вопль мой при появлении на свет? Что вопияло тогда во мне? Не разум, не память, не воображение — вопияла вся природа моя. Чем смущалась она и от чего страдала? От внутреннего прирожденного расстройства, нечистоты и виновности. — Первый вопль мой обращен был не к земле, а к небу, — к Тебе, Жизнодавец, Который образовал меня в утробе матерней и Который един мог воссоздать меня и вне утробы матерней.

Представляя все сие теперь в моем уме, вникая мыслию в образ моего явления на свет, я и теперь поникаю лицом долу, стыжусь нечистоты моего происхождения, боюсь наследия, мною принесенного, и вопию: *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Будь милосерд к бедному созданию, которое явилось на свете со всеми нечистотами отцов и праотцев, которое вместо наследия принесло с собою ужасную преклонность ко злу, которому предстояла и предстоит борьба со множе-

ством скорбей, соблазнов и искушений! *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Вослед за первым рождением от плоти и крови последовало другое, высшее и лучшее рождение от Духа. Несмотря на мою нечистоту и бесчувственность, меня, тотчас по рождении, приняла в объятия свои Святая Церковь; омыла скверну природы моей в купели Крещения; освятила благодатию Духа; запечатлела знаменем Креста; облекла в белую одежду невинности. Из чада гнева я стал чадом Благодати.

Но где теперь сие царское облачение? Где дары, на меня излиянные? Увы, и я, подобно невесте у Соломона, должен сказать: *положиша мя стража в виноградех, и винограда моего не сохраних* (Песн. 1, 5)! Не сохранил я благодати Крещения, не пребыл верным Тому, Кому сочетался! Осквернил белую одежду невинности! Потерял благодать и Духа! — Одно взял мир; другое похитили страсти; то пропало от нерадения и беспечности; весь я подобен человеку, впадшему в разбойники: от ног до головы нет во мне целости. — К кому обратиться за помощью, кроме Тебя, Всеблагий Творец и Всемогуший Промыслитель мой? «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» *Заблудих яко овца погибшее; взыщи раба Твоего* (Пс. 118, 176)! *Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени Твоему* (Пс. 141, 8)! *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс. 50, 12)!

За летами моего неразумного младенчества, о коих самый первый мудрец не может не сказать ко Господу с Давидом: *скотен бых у Тебе*

(Пс. 72, 22), наступили лета отрочества и юности. Время наидрагоценное, в которое человеку, при раскрытии в нем разума и воли, можно сказать, самому дается быть в некотором смысле творцом духовного бытия своего. В это время и я, подобно прародителям моим, находился в раю невинности, и предо мною было древо жизни с обетованием и древо смерти с заповедию. Мог я не простирать руки к плоду запрещенному; властен был я остаться на пути правды и непорочности. Все удерживало меня: и благодать Крещения, и глас совести, и родители, и воспитатели; но, увы, ничто не удержало! И мне змий искушитель представился достовернее моего Творца и Благодетеля; и для меня древо смерти показалось добрым в снедь, угодным очима еже видети, и красно еже разумети; и я, — стократ неразумнее прародителей моих, ибо имел их опыт пред собою — и я, несчастный, вкусил дерзностно *горькия снеди*, и потерял рай¹.

Ах, братие мои, кто не пожелал бы, чтобы возвратились дни его юности, драгоценные те дни, когда от нас зависело вступить на путь Господень или уклониться на распутия греха и суеты мирской? Но сии дни не возвратятся; и каждому из нас, вспоминая их, остается точию восклицать из глубины души: *Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Грех юности и неведения моего не помяни! Помяни же мя ради благости* (ср.: Пс. 24, 7), единой благости Твоей.

¹ См.: Седален «Изгнан бысть Адам...», глас 4-й, на утрени в Неделю сыропустную, Адамова изгнания // Триодь постная.

Наступило время мужества и лет зрелых: мы взошли в различные связи семейства, дружелюбия, знакомства, вступили на путь служения общественного, облеклись различными обязанностями; многие из нас засвидетельствовали клятвою, что они будут верными истине, непреклонными хранителями правды для себя и для других. Чего бы надлежало ожидать от нас после сего? Надлежало бы ожидать твердого и неуклонного исполнения своих обязанностей, мужественной борьбы с пороком во всех его видах, благоразумного употребления даров счастья, кому они посланы, и великодушного перенесения ударов несчастья, кого они постигли, что мы всегда будем готовы на всякое дело благое, удалены от всякой лжи и неправды, будем воздержны и строги к самим себе, великодушны и милосердны к ближним нашим, кротки, искренни и любвеобильны ко всем и каждому, непамятозлобивы к самим врагам.

Но, братие мои, скажите сами, многие ли могут похвалиться сими качествами? Кто, бросив самый поверхностный взор на свои обязанности, не скажет: ах, я не исполнял и не исполняю их, как должно! При святом алтаре — я не предстою с тою чистотою и благоговением, кои подобают служителям Бога Вышняго; в суде — я не храню правды и истины с тем самоотвержением, коего требует участь подсудимых собратий моих; во святилище наук — я дорожу не столько истинною, сколько суетною славою моего имени и готов нередко защищать ложь, для меня приятную; в купле и продаже — я своекорыстен,

на господстве — жесток и своенравен, в низкой доле — лукав и строптив. Сколько времени погибло и гибнет у меня напрасно! Сколько данных от Бога талантов погублено и теряется все! Многократно я решался на доброе, и доселе творю худое. Вижу, что иду не тем путем, а иду непрестанно. И когда окончится во мне эта злополучная борьба совести с страстями? Где конец моему душевному плену и рабству? Творец всемогущий, к Тебе молитва моя! Помилуй бедное создание Твое! Дай силы расторгнуть узы греховных навыков и страстей! *Отврати очи мои, во еже не видети суеты* (ср.: Пс. 118, 37)! Коснись грехолюбивого сердца, да престанет биться для праха и тления! *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Спаси меня от меня самого!

Наступят и лета старчества: тело мое ослабевает, чувства одно за другим будут закрываться, и льстящий теперь мир сам начнет убегать от меня. Но и все это обратит ли меня к Богу и вечности? Употребится ли мною хотя сей жалкий остаток жизни на дела благая? Не разделят ли и его между собою те же похоти и те же страсти? Ах, сколько старцев, кои с летами видимо юнеют в злобе и любви к миру! Сколько стоящих у дверей гроба и смотрящих вспять! Не буду ли подобен им и я? Не пройдут ли и мои последние годы и дни в суете и ослеплении, как проходят у многих? Господь милосердый, не попусти мне впасть в сие ужасное ослепление! Пощади от сего адского нечувствия! *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Вслед за немощами придет, наконец, последняя болезнь; ляжем на одр, с коего не встанем более: врач отступится, священник приблизится, сродники и присные окружают одр наш и будут ожидать нашей кончины. В сей грозный час, среди последнего томления тела и духа, среди всеконечного смятения мыслей и чувств, какой глас желали бы вы, братие мои, чтобы изшел из уст ваших? — Мне бы не хотелось для себя другого, кроме: *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Помилуй грешника, коего жизнь исчезла в суете и грехах! Яви последний знак милосердия и даруй, да изыду из темницы плоти моей с чувством покаявшегося на кресте разбойника!

Ударит, наконец, час общего всемирного пробуждения от сна смертного: надобно будет вставать из утробы земной, облечься в тело новое и неразрушимое и вместе с делами своими явиться на Суд Страшный для услышания приговора над собою на всю вечность. Тогда, среди неба и ада, между Ангелами и духами отверженными, что будешь чувствовать ты, бедная душа моя? Не возопиешь ли в последний раз: *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Да, братие мои, на Страшном всемирном Суде Божиим, не прежде, конец сей покаянной молитвы: она прекратится тогда, как пред лицом Вселенной навсегда решится судьба каждого из нас. После сего уже не будет ей места. В раю, у праведных останется одна радость и одно вечное славословие имени Божия. Во аде, для грешников — один вопль отчаяния и скрежет зубов.

Какая из сих участь ожидает нас? — Един Господь весть. Но если пребудем таковыми, каковы есмы, если умрем во грехах наших, то явно, где часть и с кем жребий наш. Воззовем же к Господу Богу из глубины души все и каждый: помилуй нас! Дадь всем нам прежде конца покаяние! Аминь.

СЛОВО В СРЕДУ 1-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Да исправится молитва моя, яко кадило
пред Тобою!*

Пс. 140, 2

Увы, как в нас все слабо и нечисто, даже самое лучшее и совершеннейшее! Если что драгоценного осталось в природе нашей от ее совершенств первобытных, то — молитва, посредством коей человек мгновенно возносится над всем земным и тленным, становится превыше небес и всего сотворенного, приступает к Престолу Самого Бога и входит с Ним в непосредственное общение. Вместе с молитвою тотчас понижает долу в душе все злое и мрачное, оживает и получает силу все чистое и благое; вместе с молитвою ум светлеет, чувство умягчается, воля свободнее, совесть яснее, душа успокаивается, самое тело приходит в порядок и становится не так земным и тяжелым. Молитва есть как бы некое соприкосновение с Божеством, низводящее в нас силу сверхъестественную и изменяющее все существо наше на лучшее.

Но, увы, прирожденные порча и нечистота падшей природы нашей так велики, что проникают самую молитву нашу до того, что нередко отъемлют у ней всю силу, делают ее мертвою и бесплодною. И если бы только бесплодною! Бывают и такие молитвы, кои обращаются в грех молящемуся. Посему-то Святая Церковь, между прочими предметами прошений, научает нас молиться о самой молитве нашей, да будет она тем, чем быть должна: *Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою* (Пс. 140, 2).

От чего *да исправится*? От тяжести и обременения — от грубости и нечистоты, вялости и безжизненности.

Принудив себя, самые чувственные люди могут простоять несколько времени на молитве. Но и для людей нечувственных стояние на молитве, особенно продолжительное, всегда составляет некий труд, после коего необходим отдых даже телесный, так что без сего они не способны скоро заняться чем-либо другим. Не знак ли это, что дух молитвы так удалился от нас, что она соделалась нам как бы чуждою и несродною? Ибо сама по себе молитва должна бы составлять для нас не тяжесть и работу, а отраду, покой и наслаждение. Посмотрите на мир ангельский: там нет ни наших нужд и искушений, ни наших скорбей и печалей, — а однако ж Херувимы и Серафимы, окружающие Престол Божий, выну взывают: *Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф* (Ис. 6, 3); взывают и никогда не находят в том утомления. Почему? Потому что молитва составляет необходимую потребность бытия их. Утомиться мо-

литься для небожителей значило бы то же, что нам утомиться дышать.

Искать ли нам с тобою, возлюбленный слушатель, вдруг для себя этой неусыпающей молитвы серафимской? Да примут сей высокий дар те, кои могут вместить его! Для нас, на первый раз, немалым даром будет уже и то, если молитва наша престанет быть как камень на вые¹, гнетущий нас к земле; если мы хотя среди повременной молитвы нашей не будем подобны птице, лишенной крыл, которая хочет подняться на высоту и тотчас падает долу.

Итак, *да исправится*, Господи, *молитва наша пред Тобою!* Да будет хладное и бесчувственное сердце мое, по крайней мере, подобно кадилу, на которое зрю я во время богослужения! Как в кадиле по наполнении его огнем фимиам неудержимо стремится вверх — к сводам храма, так да парят мысли и чувства мои к Престолу благодати Твоей, когда Святая Церковь возжигает их огнем своих молитв и песнопений! Как кадильница становится легче, когда улетает из нее фимиам, так да соделываюсь после молитвы и я легчайшим в духе и сердце, бодрейшим на совершение дел благих!

Второй недостаток молитв наших есть их грубость и нечистота. Сами по себе мы даже *о чесом помолимся, якоже подобает, не вемы* (Рим. 8, 26). Но и наученные, как подобает молиться, Самим Господом, мы не молимся, якоже научены. Нам внушено молиться — да приидет Царствие Его и да будет воля Его же, яко на Небеси, тако и на

¹ На шее (*церк.-слав.*).

земли¹; а мы хотели бы посредством самой молитвы нашей распространить на все наше собственное владычество и все подчинить своему слепому произволу. Нам позволено испрашивать только хлеба насущного, то есть такого количества благ земных, какое необходимо для нашего краткого пребывания на земле; а мы желали бы захватить в свои руки все блага мира, радовались бы и веселились, если бы ни у кого не осталось хлеба, точию² в наших житницах. Нам воспрещено и являться пред лице Божие, не примирившись с братом своим, не оставив долгов клеветам³ нашим, то есть всем, кои в чем-либо виновны пред нами; а мы, злопамятные, бываем готовы иногда среди самой молитвы просить отмщения так называемым врагам нашим. И каким врагам? Кои нередко страдают гораздо более от нас, нежели мы от них. Все это и многое еще худшее производит то, что молитва наша, вместо благоухания веры и любви, распространяет вокруг нас смертоносную воню⁴ гордости, злобы и любостяжания.

Как после сего, приступая к молитве, не вознести мне первое всего со смирением гласа о том, *да исправится молитва моя пред Тобою* (ср.: Пс. 140, 2), Господи! Да удалятся от нее все земные и нечистые помыслы! Да познаю истинные нужды мои, паче же всего, — да не забудется мною в сие

¹ Ср.: Молитва Господня «Отче наш...». — См.: Мф. 6, 9–13.

² Только (*церк-слав.*).

³ Друг, соработник. *Здесь:* вообще всем окружающим нас и близким нашим (*церк-слав.*)

⁴ *Здесь:* дух.

время моя бедность греховная и необходимость исправить мою жизнь и да соделается духовное обновление мое первым и последним предметом моих желаний и прошений пред Тобою! Если же бы я, неразумный, забыв все сие, явился когда-либо, Господи, во храме Твоем с желаниями чувственными, с прошениями, коих исполнение для меня пагубно, то да будет сердце мое во время сей нечистой молитвы, яко кадило угасшее! Когда уже нет в нем фимиама веры и любви, то да не изыдет из него по крайней мере тлетворная воня злобы и лукавства! Да *прильпнет* тогда *язык мой к гортани моей* (ср.: Пс. 21, 16), и буду яко не могый проглаголати!

Наконец, молитвы наши, и в самом очищенном виде их, большею частию слабы, безжизненны и потому бездейственны. Молимся иногда и о благах духовных, например о пришествии Царствия Божия, но так слабо, как бы сии блага или не существовали на самом деле, или не стоили большой цены. Просим иногда себе освобождения от грехов и страстей, но так холодно, как бы наша порочная жизнь была зло нисколько не важное, от коего не худо и свободиться, но с коим можно однако же без большого вреда прожить до смерти. Предаем по видимому судьбу свою и присных своих в волю Божию; но почти так же, как именуем и пишем себя покорнейшими слугами всех и каждого, то есть на одних словах, не думая, что мы обязывались сим к чему-либо. Такая слабая и безжизненная молитва вместо того, чтобы оживлять и укреплять нас на пути жизни, нередко еще более обессиливает

ет нашу совесть, погружая нас в беспечность духовную. После такой молитвы мы бываем так же слабы на добро, так же немощны на сражение с соблазнами и страстями, так же безутешны среди скорбей и искушений и нередко почти далее от нашего спасения.

Как и чем помочь этому бессилию и безжизненности в молитве? — Так же, как помогают кадилу угасающему — раздуванием прежнего или подложением нового огня. Где взять для сего дуровения и огня? Некую часть того и другого можно находить, при помощи Божией, в себе самих. От усиленного, часто повторяемого размышления о злополучном состоянии грешника, каковы мы, может произойти некое вяние мыслей, не способное к возбуждению угасающей молитвы. От движения чувств душевных — при мысли о Боге, вечности, Спасителе нашем и страданиях Его — может родиться в сердце теплота, разрешающаяся в молитву. Но да не обольщает себя никто, всего этого мало для того, чтобы молитва наша сделалась, яко кадило благоуханное. Для сего необходимо вяние свыше — самой благодати Божией; потребен невещественный огонь Духа Святаго, который, по выражению святого Павла, проходит *до разделения нашей души и духа, членов же и мозгов* (Евр. 4, 12), потребляя в них все нечистое и греховное. Кому *сей Дух по достоянию дхнет*, того, по выражению Святой Церкви, *вземлет от земли*¹, тогда молится уже

¹ Последование воскресной утрени, глас 6-й, антифон 1-й «Святому Духу всякая всеспасительная вина...»

не столько сам человек, сколько Дух Божий, ходатайствующий в нем и за него *воздыханиями неизглаголанными* (ср.: Рим. 8, 26). А человек? Он среди сей молитвы Духа, по свидетельству людей, испытавших сие состояние, бывает как металл, проникнутый огнем. Тогда никакая нечистота не может прилипнуть душе или исчезает тотчас сама собою: тогда весь мир забыт; нет другого чувства, кроме всенаполняющего и всезаменяющего присутствия Божия; нет других желаний, кроме как у Петра на Фаворе: жажды оставаться навсегда в сем блаженном состоянии (см.: Мф. 17, 4). Плоть, одуховившись, или молчит, яко несущая, или парит вслед духа и готова бывает вся излиться в слезах, излететь в воздыханиях. Тогда уже не ум и воля, а все существо человека, *яко кадило*, пред лицом Божиим. Сего-то состояния искал и вожделевал святой Давид, когда вопиял в молитве своей ко Господу: *разжжи утробы моя* (ср.: Пс. 72, 21)! И когда сей пренебесный огонь нисходил на него, то сердце его *отрыгало слово благо*, и язык его становился *тростию книжника скорописца* (Пс. 44, 1).

Вопросит кто-либо: чем и как привлекать в сердце таковую благодать Духа? Паче всего, возлюбленный совопросник, смирением и чувством своего ничтожества, постоянным молитвенным вожделением благодати Божией, чистотою мыслей и намерений! Сердца смиренна и духа сокрушенна никогда не уничтожит Господь (ср.: Пс. 50, 12)! Душ, вожделевающей молитвы и благодати, никогда не оставит без помощи Дух Святый! Аминь.

СЛОВО В СРЕДУ 1-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА¹

Опять время поста и покаяния! Опять *ближайшее к нам спасение, нежели егда вероухом* (Рим. 13, 11)! И ныне это драгоценное время наступило гораздо скорее обыкновенного, так что самый мир в дни немногие принужден был кончить то, что любил прежде продолжать до последней возможности. Как будто Тот, Кто управляет кругом времен, провидел для нас особенную нужду в покаянии и поспешил послать для сего к нам Святой пост. Не тем ли паче мы должны вступить в него с большим усердием и любовью?

Есть и другое знамение во благо. Прохождение поприща постного начинается, как известно, от врат потерянного рая; ибо рай потерянный и падение Адамово воспоминается Церковию ежегодно в прошедший день недельный². Ныне в сей же самый день, как бы у самых врат потерянного рая, сретил нас Спаситель наш, Материю носимый, Симеоном приемлемый, Анною песнославимый. Для чего сретил при самом вступлении в Святой пост? Дабы мы охотнее вступили в него, бодрственнее проходили и, смиренно видя, как Он, Господь и Владыка всех, подчиняет Себя исполнению ветхозаветного закона обрядов, научились быть послушными матернему водительству и уставам Святой Церкви.

¹ Печатано с рукописи. — *Примеч. изд. 1873 года.*

² Воскресный (*церк-слав.*).

Итак, примем пост не как врага и противника, не как мучителя и истязателя, а как наставника, как друга, как врача, как освободителя, как приносящего нам блага. В самом деле, чего не в силах доставить пост любителям своим? Посредством поста Моисей соделался способным получить скрижали Завета на горе Синайской. Посредством поста Илия удостоился зреть славу Божию на горе Хорив, а потом быть взятым от земли на небо. Посредством поста Даниил заградил в рове уста львов, а три отрока остались невредимыми в печи от пламени (см.: Исх., гл. 19; 3 Цар. 19, 8–10; Дан. 6, 21–22; Дан. 3, 19–51). Пост воспитал пророков, охранял апостолов, укреплял мучеников, совершал подвижников, всегда и везде исправлял и врачевал грешников. — Постом Сам Спаситель приготавливал Себя к победе над искушителем, ибо сказано: *постився дний четыредесять и нощий четыредесять, последи взалка* (Мф. 4, 2); тогда приступил к Нему диавол. Искуситель воображал, что пост произвел ослабление и что это самый удобный случай к нападению; а на деле вышло иное: все искушения его расторгнуты, *яко паутина* (Пс. 89, 10), единым дуновением уст Божественного постника.

Да не заблуждает никто и из нас, воображая, что пощение может быть вредно чем-либо. Неприятно оно может быть для плотского человека, привыкшего к пресыщению, но вредно — нет. Напротив, если наше здоровье страдает от чего-либо, то наиболее от пресыщения и невоздержности. Пост, напротив, исправляет и врачует то, что расстроило и повредило объядение.

Многие болезни проходят от поста без всяких лекарств. Если же пост бывает не полезен кому-либо, то причиною сему неправильный образ пощения. Ибо как некоторые постятся? Воображая, что пост состоит только в качестве, а не в количестве пищи, они, посему, отказавшись от непостных яств, тем неумереннее предаются употреблению яств постных, отягчают себя ими без меры. Удивительно ли, что в таком случае пострадает и голова, и стомах¹? Но причиною сего явно не пост, а постное, так сказать, объядение. — Даже неприятность от поста для чувственности нашей отнюдь не так велика, как воображают некоторые, вовсе не испытывавшие поста. На первый раз неудовлетворяемая привычка — принимать в известное время пищу, конечно, будет напоминать о сем и тревожить тебя; но, побежденная раз, другой, она — оставит тебя в покое, уступив место другой привычке — поститься. А в привычке, поверьте мне, и все дело. Телесный состав наш сам по себе, можно сказать, столько же имеет нужду в покое, как и в пище. И как бы он не имел нужды в посте? Пост — то же для чрева, что отдых. Для всех сил наших есть время отдыха: должно быть и для чрева. Непрестанная работа изнуряет. Так бывает и с чревом. Не облегчаемое постом, оно наконец теряет силу делать свое дело. Отсюда множество болезней, кои все лечатся, хотя мы не примечаем того, наиболее постом. Ибо, хотя бы мы принимали лекарства, но если не будем в то же время поститься, то они не окажут действия. Явный знак, что пост есть главное лекарство.

¹ Желудок (*греч.*).

Итак, вступим в поприще постное, ничтоже сумняся, ничтоже бояся. Если мы лишимся на время некоторых утех чувственных, то сколько взамен их представится утешений духовных! В церковном круге Святая Четыредесятница — то же, что весна в круге времен года. Как весна есть самое лучшее время для тела — тут и оно с природою как бы юнеет и цветет, так пост есть лучшее время для духа — тут он с Церковию невольно оживает и утешается, хотя на время. Пост — это рай духовный. Сколько песнопений, услаждающих сердце! Сколько молитв, возносящих дух горé! Сколько благоуханий не-вещественных! А трапеза церковная, предлагаемая каждую седмицу — я разумею Причащение! Подобной не имеют самые Ангелы на Небе. Есть чем занять дух! Есть чем напиться, усладиться, успокоиться!

Одного только должно желать, чтобы мы проходили поприще великопостное как должно, дабы не лишиться плода его. Для сего молим вас размыслить о себе и своей жизни, дабы видеть, что нужно посредством поста исправить. Без сего мы будем похожи на путников, кои идут по пути, не зная, куда он ведет и что будет в конце с ними. Да не будет из нас никто подобным путником! Для сего и мы с своей стороны употребим не только молитву, но и слово наше, или паче¹ Божие, ибо мы что говорим, взимаем из Писания. Вас же молим словами пророка поновить поле, то есть душу и сердце ваши, дабы нам не сеять на тернии (ср.: Иер. 4, 3). Аминь.

¹ Лучше (церк.-слав.).

СЛОВО В ЧЕТВЕРГ 1-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Постимся постом приятным, благоугодным Господеви: истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения, лжи и клятвопреступления.

Стихира в понедельник 1-й седмицы
Великого поста

Церковный стих сей справедливо можно называть поучением церковным на все святые посты. Наши слова и проповеди, по самой слабости их, бывают нередко продолжительны; а поучение Церкви столь же кратко, сколько сильно и действительно. Тем нужнее посему обратить на него все внимание и размыслить о том, чему учит в отношении к посту Святая Церковь.

Постимся постом приятным, благоугодным Господеви! Значит, есть пост неприятный и неблагоприятный Господу!

Какой это пост?

Тот, когда ты не вкушаешь обыкновенной, а может быть, и никакой пищи; а своим гневом и строптивостию изъедаешь душу и тело подручных твоих, слуг или домашних. Тот пост, когда ты во храме падаешь на землю и просишь себе отпущения грехов, говоришь, чтобы они прощены были так же, как ты прощаешь все прегрешения противу тебя; а, вышед из храма, пойдешь в суд, чтобы преследовать бедного должника твоего, взыскать с него до последней лепты¹, посадить его в противном случае в темницу, разорить

¹ Самая малая медная монета.

весь дом его и семейство. Тот пост неблагоприятен Господу, когда ты по внешности как будто смиряешь себя и говоришь, что ты первый из грешников, а внутренне не зная меры своим мнимым достоинствам, ставишь себя в мыслях выше всех, творишь из себя судию вселенского, готового судить и пересуждать всех и всё. Тот пост неприятен и неугоден Богу, когда ты хочешь и ожидаешь, чтобы за малые поклоны и несколько воздыханий твоих отверзлись для тебя все сокровища благодати Божией, уврачеваны были все язвы твоей совести, чтобы тебя ввели на самую вечерю царскую и напятили Телом и Кровию Христовою; а сам, при всех столах и воплях нищих братьев твоих, не расположен уделить им и малой части от избытков твоих, хладнокровно оставляешь без всякой помощи больных и страждущих, медлишь ввести под кров твой странных, скупись разделить с алчущими — не тело и кровь твою (пусть они остаются с тобою), а те горы и холмы снедей, от коих едва не распадаются житницы твои. Тот пост неприятен и неугоден Господу, когда ты боишься поднести к устам твоим чашу горячей воды, а не боишься, что из этих уст продолжают по-прежнему выходить, как дым из печи, слова праздные и гнилые, насмешки горькие и уязвляющие, намеки, полные соблазна и заразы душевной. Все таковые и им подобные постники да не дерзуют надеяться милости от Господа; пост их не только не благоугоден, но, по выражению пророка, есть *мерзость пред лицом Божиим* (ср.: Иер. 7, 10; Притч. 15, 9, 26). Лучше бы ты вкушал что угодно, но в то же время питал тех,

кои и не в пост едва не умирают от голода; лучше бы ты продолжал украшаться твоими одеждами по-прежнему, но в ту же пору излишним, празднично висящим и сменяемым от моли одеянием твоим прикрыл наготу нищих братьев, кои страдают от холода; даже лучше, когда бы ты не прерывал обычных твоих забав и увеселений, но, прохладясь сам, доставлял бы утешение и отраду тем, кои давно забыли, есть ли какая радость на земле.

Истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения лжи и клятвопреступления.

Удаление от всех сих пороков должно бы составлять для нас не пост, не принуждение и труд, а дело самое естественное, покой и радость; но, проникнутая еще в предках наших грехом и своеволием, приученная нами самими к нарушению законов воздержания, природа наша до того сроднилась со страстями и похотями, что следовать страстям и злой воле для нее сделалось почти так же естественным, как телу принимать ежедневную пищу. Посему, кто хочет быть свободным от грехов, для того надобно непрестанно удерживать себя от зла и принуждать к добру так же, как постящиеся воздерживают себя от пищи и понуждают к богомыслию. Сие-то воздержание от страстей и пороков, по учению Церкви, составляет пост истинный и благоприятный Господу. Внешние посты не всегда необходимы, а сей внутренний пост необходим во всякое время. Внешние посты преходят и оканчиваются; а этот духовный пост непрерывен

и должен окончиться только с нашею жизнью, когда мы, совлекшись брэнной и грехолюбивой плоти, облечемся в нетление и бесстрастие.

Итак, хочешь ли поститься воистину? Воздержи первое всего язык твой от всякого слова праздного, тем паче гнилого и неподобного. Начни пост духовный с сего малого члена телесного, который, однако же, есть великий враг и упорный противник. Победив его упорство, ты силен будешь *обуздать и все тело* (Иак. 3, 2). В противном случае язык твой, как дикий и свирепый конь, будет влачить тебя, вместе и с постом твоим, по дебрям лжи, злобы и лукавства.

Хочешь ли поститься воистину? Оставь вместе с пищею всякую ненависть, досаду, ропот и пререkanie; сделайся во всем и ко всем тихим, кротким, смиренным, благоснисходительным и любовным. Этого требует во время поста уже самое приличие. Иначе, если ты по-прежнему будешь стропотен¹ и сварлив, то иной и не хотя, подумает, что ты, как малое дитя, сердисься за то, что тебе возбранено Церковию употребление любимых тобою яств.

Хочешь ли поститься воистину? Удали от себя вместе с снeдями и все прочие прихоти плотские. Ибо ветхий и греховный человек твой ослепляет и губит тебя не одним пресыщением тела. Излишество в пище наносит еще вред только тебе одному; а прочие виды плотоугодия и сладострастия вредят, кроме тебя, и многим другим. Оставь же их все, удали от ложа твоего дышащую сладострастием и вольнодумством

¹ Упрям, развращен (церк.-слав.).

книгу, со стен комнат твоих — соблазнительные изображения, а затем выбрось из самого ума и памяти (сколько можно на первый раз, ибо вдруг сего нельзя сделать: ум не то, что стены дома), выбрось, говорю, все любострастные образы и утверди вместо их в памяти и воображении твоём Крест Христов и образ твоей смерти.

Хочешь ли поститься воистину? Раздери, если есть у тебя, всякое несправедливое писание на завладение чужим имуществом: прекрати дело, по сему случаю заведенное в суде: уступи, сколько можно, даже из собственных прав, чтобы не влачиться по судам, подобно еврею и магометанину. Надобно же, чтоб христианин отличался чем-либо не в храме только, а и на суде.

Хочешь ли поститься воистину? Обозри, чем можешь служить, во имя Господа, меньшей братии твоей о Христе, и немедленно приступи к делу благотворения: дозвожь вход в житницы твои для тех, кои, без всякой вины своей, едва не умирают от голода, — одень нагого, прими сирого, призри недужного, посети заключенного. Ибо надобно же произойти каким-либо плодам от такого великого древа, каков Великий пост. Каким же лучше, если не плодам человеколюбия, когда ты сам посредством поста ищешь милости Божией?

Такой пост будет благоприятен для Господа! Соединяющий таким образом воздержание душевное с телесным не погубит мзды своей. Или лучше сказать, он уже приемлет ее здесь и теперь. Ибо для чего мы постимся? Без сомнения, не для того, чтобы сберечь у себя несколько неупотреб-

бленных снедей, а чтобы укротить свою плоть, облегчить душу, оживить совесть, приблизить к себе благодать Божию. Но когда мы сделаемся в мыслях чище и целомудреннее, в словах правдивее и назидательнее, в нравах кротче и великодушнее, в делах справедливее и благотворнее, то цель поста сим самым, при помощи благодати Божией, будет в нас уже достигнута, — сначала, конечно, слабо и несовершенно, а потом более и совершеннее, — доколе не сделаемся во всех отношениях таковы, каковыми должно быть последователям Христовым.

В противном случае, пост наш будет подобен лекарству, при употреблении коего больной, по неразумию и неводержности, предается всем прежним привычкам, произведшим его болезнь. Чего ожидать от такого лекарства, кроме ожесточения болезни, тем опаснейшего, что мы, по надежде на врачевание, будем думать, что выздоравливаем? В таком случае лучше уже не поститься вовсе: ибо тогда, по крайней мере, не будем обольщать себя тем, что мы находимся вне опасности. Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 1-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

**(Перед освящением колива в память
святого великомученика Феодора Тирона)**

Кто бы сказал, для чего ныне поставляется среди церкви святое коливо и воспеваются над ним хвалебные песни в честь святого велико-

мученика Феодора Тирона¹? Ежегодная память его не в настоящий день; она или предшествует ему, как и ныне уже прошла, или последует за ним. Притом из уважения к безмолвию настоящих дней поста, с них, по уставу Церкви, переносятся на другие дни самые праздники в честь святых, дабы гласом радости не воспятить вздохам и слезам покаяния. А для памяти святого Феодора нет сего закона: для него совершается именно противное тому. Видно, память сего великомученика так соединена с наступающими днями, что никак не могла отделиться от них.

Что это за связь и в чем она? Не многие, вероятно, в состоянии дать ответ на сие; хотя каждый не раз в продолжение своей жизни бывал в настоящий день в церкви и видел, что в ней ныне совершается. А если бы теперь же спросить, почему то или другое делается в театре или на балах, то из тех же незнающих людей оказались бы, думаю, многие очень знающими и могущими отвечать на все вопросы. Так мало заботимся мы иметь ясное понятие о том, что когда совершается в Церкви Божией! И в этом ли одном случае мы такие неискусные? Можно быть уверенным, что многие не знают также, почему в следующий день недельный будет возглашаться в церкви анафема, почему среди Великого поста совершается поклонение Кресту Господню, для чего в первые дни Страстной седмицы читаются все четыре Евангелиста, зачем в Великую

¹ День памяти вмч. Феодора Тирона († ок. 306) Церковь празднует 17 февраля / 2 марта и в субботу первой седмицы Великого поста.

Субботу после Литургии совершается освящение хлебов? И что говорить об особенностях в уставе Церкви? Мы не стараемся знать даже того, что в обрядах ее касается непосредственно нас самих. В сороковой день, например, по рождении нашем, нас приносили во храм для посвящения Господу; мы не чувствовали тогда, что говорилось и совершалось весьма важное и поучительное на всю жизнь. Многие ли, пришед в возраст, любопытствовали узнать это и прочесть чин принесения в храм младенцев? Та же небрежность и в отношении к нашему будущему. В молитвеннике церковном содержится последование на исход души и тела, то последование, которое, если не лишимся сея благодати, будет читано и над нами, в час скончания нашего. Очень легко может случиться, что мы не будем тогда в состоянии слышать хорошо и помнить молитв, произносимых у смертного одра нашего. Как бы заранее, хотя из любопытства, не прочитать сих молитв и не узнать их содержания? Но спросите кого угодно из стоящих окрест вас, и он скажет вам, что не знает их и, может быть, даже, только в первый раз слышит о них. Таковы мы в отношении к душе своей! На все у нас есть время: всем мы любим заниматься, даже тем, что вовсе нас не касается и о чем мы не в состоянии судить; а на то, что душеполезно, что постыдно христианину не знать, для того нет у нас ни времени, ни любопытства. Ищите после сего причин, почему благие учреждения и уставы Церкви не оказывают над нами никакого действия! Спрашивайте после сего, почему

мы присутствуем во время совершения самых священных и трогательных обрядов церковных с рассеянием, без чувства, поникшие телом и душою! Как назидаться тем, чего не знаешь ни цели, ни причины, ни духа, ни силы!

Но возвратимся к тому, с чего начали. Итак, ныне, можно сказать, вопреки самому закону Церкви о настоящих днях поста, творится ею празднественная память святого великомученика Феодора Тирона. Причина сего важная и для нас весьма поучительна. Не поскучайте, если по тому самому мы, для объяснения ее, войдем пред вами в некоторые подробности.

По кончине святого и равноапостольного Константина Великого¹, который, как известно, прекратил все гонения на христиан и возвел с собою веру в Иисуса Распятого на престол кесарей, империя Римская, чрез несколько кратких преемств, досталась одному из сродников его, Иулиану². Как блаженный Константин был избранным сосудом благодати, так несчастный Иулиан оказался явным сосудом погибели и отвержения. Одним из первых действий его темного царствования было то, что он отверг Христа и Евангелие и обратился к низверженным идолам языческим. Явного гонения на христиан он не поднимал, — не по жалости к ним, а по уверенности в его безуспешности; вместо сего тотчас началось злохитрое гонение тайное.

¹ Церковь чтит память равноапостольного царя Константина († 337) 21 мая / 3 июня.

² Имеется в виду римский император Юлиан Отступник, правивший в 361–363 гг.

Богоотступник то низводил христиан с честей и достоинств, якобы противных их смирению; то лишал их достояния и имущества, якобы несовместных с нищетою евангельскою; то запрещал учиться наукам под предлогом, что все нужное для христиан содержится в их Евангелии, то вызывал из заточения еретиков, дабы кознями их смутить Церковь Христову. Между сими злохитрыми средствами Иулиан умыслил и следующее. Наступала Четыредесятница христианская. Зная, в какой чистоте и воздержании проводят ее христиане, богоотступник призывает градоправителя константинопольского и велит ему тайно удалить на следующие дни с торжища все обыкновенные снеди, а предложить одно то, что было уже принесено в жертву идолам и потому христианами почиталось за оскверненное. Никто не знал замысла: посему многие тысячи душ в самые святые дни осквернились бы вкушением того, что растворено было (так повелел Иулиан) кровию идоложертвенною. Это составило бы для них предмет сожаления на всю жизнь; а для Иулиана, или, паче сказать, сатаны, им двигавшего, это была бы радость и торжество велие. Тот же отступник, по исполнении замысла, не преминул бы разгласить в слух всего света, что последователи Иисуса Назарянина (так называл он Господа) во время самого поста их употребляли в пищу идоложертвенное.

Но Тот, Кто яко зеницу ока хранит души простые и смиренные и всегда запинаят премудрых в коварстве их, не дал и теперь совершиться умыслу вражью. Среди нощи, но не во

сне, является внезапно тогдашнему епископу Константинопольскому некий светозарный воин и говорит, чтобы он, немедленно собрав духовное стадо свое, дал ему знать об угрожающей опасности с повелением не покупать в следующие дни ничего на торжище. «Чем же препитается в сии дни столько людей, — спросил святитель, — ибо у многих нет ничего в дому?» — «Коливом, или вареною пшеницею, — отвечившийся, — которую ты, нашед у некоторых, должен раздать всем». — «Кто же ты, — спросил патриарх, — вся ведущий и пекущийся таким образом о братии своей?» — «Христов мученик Феодор», — отвечившийся. То есть это был тот святой подвижник Христов, который, будучи воином за много лет до сего, в царствование злочестивого Максимиана, претерпел за имя Христово множество ужасных мук и тем заслужил себе в Церкви Христовой имя великомученика.

Святитель немедленно исполнил повеленное свыше; и христиане константинопольские сохранились от осквернения, а злочестивый Иулиан, видя, что замысел его разрушен, велел предоставить прежнюю свободу торжищам¹.

Видите теперь, что значит нынешнее священнодействие над коливом! Им сохраняется в Церкви на все веки память о благодеянии и приносится благодарность святому Феодору, кото-

¹ О чудесном явлении великомученика Феодора Тирона († 306) Константинопольскому архиепископу Евдоксию (340–341 гг.) см. в Житиях святых свт. Димитрия Ростовского, 17 февраля (далее — Четьи-Минеи).

рый, быв исповедником имени Христова при жизни своей, и по смерти не престаёт быть помощником для тех, кои за исповедание сего имени подвергаются каким-либо опасностям.

Возблагодарим убо Господа Иисуса, никогда не оставляющего без помощи верных рабов Своих и посрамляющего безумных противников Евангелия и Святой Церкви. Прославим память святого великомученика, отвратившего чудесным явлением своим искушение и печаль от Церкви Константинопольской. А между тем возьмем отсюда урок для себя, приличный дням настоящим.

Какой урок? Тот, что соблюдение Святого поста есть вещь весьма важная. Ибо, если бы постом можно было пренебрегать, как вещь неразновенную или малозначащую, то им не занимались бы так на Небе, и святой великомученик не оставил бы светлых обителей Отца Небесного для того токмо, чтобы указать земным братьям своим на средство избежать нарушения поста. Подобные явления святых в нашем мире происходят не иначе, как по причинам самым важным. Как же после сего некоторые осмеливаются думать и говорить, что все равно: поститься или не поститься? Нет, поститься значит быть смиренным и послушным сыном Святой Церкви; а не поститься значит быть заражену вольномыслием, самочинием и духом презорства¹. Поститься значит уметь обуздывать свою чувственность, владеть своими пожеланиями; а не постить-

¹ Непослушания, пренебрежения (*церк.-слав.*).

ся значит быть рабом плоти, находиться в плену у своего чрева, вляяться¹ ветром суемудрия. Поститься значит радеть о спасении души своей, искать свободы своему духу, стремиться во след Ангелов; а не поститься значит уподобляться бессловесным, кои не знают поста, быть хладным к молитве и к очищению своей души от плотских похотей. Поститься значит каяться во грехах, презирать мирские утехы, приготовляться к вечности, а не поститься значит погрязать в земном, предаваться тленному, идти путем широким, ведущим в пагубу. Малолетний, престарелый, немощный путник, воин могут еще иметь причины к извинению, когда не постятся; ибо здесь более или менее нужда и необходимость; а мы, как говорит апостол, *призваны на свободу, только бы сия свобода не была в вину*, или по¹творство *плоти* (ср.: Гал. 5, 13). А кто может воздерживаться от запрещенных постом снедей и не воздерживается, тот грешит и против Церкви и против себя, и еще более против себя, нежели Церкви; ибо пост, учрежденный ею, нужен не для нее, а для нас: поелику он есть одно из сильнейших средств к обузданию нашей чувственности, от преобладания коей над нами гибнет в нас все чистое и святое. В самом деле, кто не испытывал, какая разница встать поутру с стомахом, отягченным пищею, и с ним же облегченным и очищенным постом? В первом случае клонит паки ко сну, а в последнем — является бодрость и способность к молитве. И не мы ли сами, когда хотим заняться чем-либо важным и требующим

¹ Колебаться (*церк.-слав.*).

размышления, то избираем для сего часы утренние, когда тело не отягчено пищею; а после стола говорим, что теперь не способны к умственной работе? А для покаяния и размышления о своих грехах будем обременять себя пищею? Что это, как не явное пренебрежение к делу своего спасения? И кто думает иначе, тот обманывает себя жалким образом.

Если бы за всем этим лукавая плоть подошла к тебе с предложением сложить с себя под каким-либо предлогом Святой пост, то вспомни святого Феодора и чудо, им совершенное, и скажи ей: поди, испроси разрешение у великомученика; а без сего я не могу нарушить Святого поста. Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 1-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

(Перед исповедью)

Опять день покаяния и исповеди! Еще раз раскроем мы пред Всеведущим мрачный свиток наших деяний; еще раз услышим от лица Его прощение во всем, содеянном нами, и пойдем в дом свой оправданными! Так неистощимо милосердие к нам Господа нашего! Правда Его могла бы совершенно отвергнуть нынешнее покаяние наше; могла бы сказать нам, что поелику мы, приносив столько раз покаяние и принимав столько же раз прощение, не престаем оскорблять ее грехами нашими, то и ей остается уже не миловать напрасно рабов преступных и лука-

вых, а вооружаться против них судом и казнью. Но так не поступят с нами: пред Престолом сея Правды и ныне мы обретем ту же любовь и всепрощение!

Чувствуешь ли ты это, душа грешная? Чувствуешь ли, что ты давно стократ достойна ада, а тебе паки отверзут рай и Царствие? Блудись же, чтобы сия милость не была явлена над тобою в последний раз!

Да, братие мои, на земле нет никого, кто бы мог сказать нам наверное, что настоящая исповедь наша не есть для нас последняя. Это мог бы сделать один Тот, в деснице Коего *ключи ада и смерти* (Апок. 1, 18), о Нем же мы *все живем, движемся и есмы* (Деян. 17, 28). Но Он Сам, во ограждение нас от беспечности, благоволил возвестить нам в Евангелии Своем, что день и час как Его к нам Пришествия, так и нашего к Нему отшествия, должны оставаться тайною для нас.

После сего каждый, кому дорого спасение души своей, принося ныне исповедь, должен принести ее так, как бы приносил ее в последний раз в жизни.

Как бы мы исповедовались, бывши на одре смертном? Исповедовались бы с глубочайшим сокрушением духа и нераскаянным омерзением ко греху, который тогда потерял бы для нас всю прелесть; исповедовались бы всецело, ничего не сокрывая, ибо что таиться перед смертию? Исповедовались бы с твердою решимостию не уклоняться более на страну лжи и беззакония, ибо тогда во всей силе открылась бы перед нами

необходимость для человека жизни чистой и святой.

Поступим же точно так теперь, как мы поступили бы на одре смертном. Раскроем пред Всеведущим всю душу и сердце, все тайны страстей и греховных вожделений. Пусть милосердие Божие узрит все язвы и всю гнилость нашего внутреннего человека: оно узрит их токмо для того, чтобы тем прочнее исцелить их. Приняв прощение во грехах, немедленно изгоним их не только из жизни и деяний, — из самого воображения и памяти нашей: пусть они остаются долею врага нашего, который подвигал нас на грех и радовался, когда мы преступали заповеди Господни. Дав пред святым Крестом и Евангелием обет вести жизнь чистую и благую, будем повторять себе сей обет утро и вечер, в часы радости и печали, в храме Божиим и дома, сидя на трапезе и покаясь на ложе, дабы дело нашего спасения никогда не выходило из нашей памяти и обратилось в главное дело нашей жизни.

А для утверждения себя в сем необходимом подвиге, для ограждения себя от новых соблазнов жизни, от новых нападений со стороны страстей, возьмем с собою от святого налож¹, в напутие жизни, память смертную; ибо не напрасно сказано Премудрым: *поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сир. 7, 39)! Аминь.

¹ Налой, аналой (от греч. аналогий) — возвышенный стол, на котором полагается для чтения Евангелие и другие священные книги; полагаются иногда святые иконы и крест.

СЛОВО В СУББОТУ 1-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

(По причащении Святых Таин)

*Кто даст еже быти тако сердцу их в них,
яко бояться Мене и хранить заповеди
Моя во вся дни, да благо будет им и сыном
их во веки.*

Втор. 5, 29

Так пред Синаем вещал Моисею Сам Господь о народе израильском. Явления чудесных знамений при горе святой с такою благотворностию подействовали на дух и сердце строптивых сынов Израиля, до того соделали их богобоязненными и усердными к закону, что для Самого Законодателя синайского ничего не оставалось желать более, как только, чтобы сие прекрасное расположение духа и сердца осталось навсегда в народе избранном: *кто даст, еже тако быти сердцу их в них — во вся дни?*

Быв свидетелями во всю прошедшую седмицу вашего неослабного усердия ко храму Божию, зная, что вы омылись вчера от всех нечистот греховных в купели покаяния и, вероятно, собственных слез ваших, видя теперь радость, блистающую на лицах ваших от таинственного соединения с Божественным Женихом душ и сердец и заключая из того о благом состоянии всего существа вашего, и мы, братие, не можем не иметь теперь и не изречь в слух ваш благожелания синайского: *кто даст, еже тако быти сердцу вашему в вас*, не ныне токмо, но и *во вся дни?* Кто сделает, чтобы вы навсегда остались такими, каковы теперь: с тою же чистотою души

и сердца, с тою же святостию мыслей и желаний, с тем же смирением и преданностию?

И кто может дать нам это кроме Тебя, от Коего исходит *всякое даяние благо и всяк дар совершен* (Иак. 1, 17)? Ты ниспослал благодать положить нам начало покаяния; Ты же даруй силу продолжать и совершить начатое. Сам *утверди, еже сотворил еси в нас* (Пс. 67, 29)!

Но, за Господом и благодатною помощью Его не станет дело, возлюбленные! Если и земледелец не оставляет поля трудов своих, доколе не созреет на нем все посеянное и не будет собрано в житницу: тем паче Премудрость Божия не оставит душ и сердец ваших особенною помощью, не возрадив на них всего *жита правды* (2 Кор. 9, 10) и не собрав с них всех плодов веры и любви.

Все сомнение, вся опасность от нас самих: сохраним ли мы семена веры и любви? Дадим ли им беспрепятственно возрастать в нас и плодоносить? Не попустим ли потоптать их бессловесным животным — низким страстям плоти, или позобать¹ птицам небесным — суетным превозношениям ума и гордости житейской.

Посему-то, возносив доселе молитвы и прошения о вас, теперь мы почитаем за долг обратиться с прилежным молением к вам самим о том, чтобы вы, оставив видимое и временное говетие, не прекращали духовного бодрствования над собою и попечения о душе своей, чтоб употребили все возможные средства продлить и укрепить навсегда в себе то святое расположение духа и сердца, в коем находитесь теперь и

¹ Склевать (церк.-слав.).

чтобы занялись сим святым делом немедленно, по выходе из сего храма: ибо что было бы с растением, возвращенным с великим трудом в теплице, если б его вдруг вынести на холод зимний? Оно потеряет все цветы и увянет в несколько минут. То же будет и с цветом чистоты и невинности душевной, расцветшим во время покаяния и исповеди, если, изшед отсюда, вы начнете продолжать прежний образ жизни и предадитесь греховным привычкам, или пойдете теми же стропотными¹ путями, коими ходили, или, паче², на коих непрестанно падали прежде.

Но вы не поступите так, возлюбленные, и не будете врагами самим себе! А потому, возвратясь в свои дома, прилежно размыслите, как вам начать вести себя отселе, что совершенно оставить из прежнего образа жизни, что вновь принять и что изменить? Обдумав будущее поведение свое, вы тотчас, не отлагая до другого времени, начнете вести себя так, как решились. Живя новою жизнью, вы не оставите по временам подвергать себя строгому испытанию в успехе и немедленно исправлять всякое уклонение от цели.

Настоящий Великий и Святой пост есть самое лучшее время для такового утверждения себя навсегда в вере и благих нравах уже потому, что в продолжение его многие соблазны мира вовсе не существуют для нас, или теряют силу, посему вы будете иметь всю удобность немедля заняться великим делом вашего спасения и, при помощи Божией, совершить его как должно.

¹ Кривыми, непотребными (церк.-слав.).

² Более, лучше (церк.-слав.).

Не пренебрегите же сим, возлюбленные! Оставьте, если возможно, все прочие дела и займитесь сим единым; ибо что пользы, если вы приобретете весь мир, а погубите душу свою? (см.: Мф. 11, 39). Лучше потерять все, даже потерпеть все, нежели умереть во грехах. А кто знает, далеко ли каждый из нас от своего часа последнего? О, как отрадно будет с чистою душою и сердцем вступить в Великую седмицу страданий Христовых! С какою неизъяснимою радостью сретится праздник Воскресения Господня! Ибо вы будете тогда праздновать не восстание токмо Господа из гроба, как было прежде, а и свое собственное воскресение от смерти греховной, которая доселе не давала вам вкусить ни одной истинной радости.

Мы же, как в продолжение сея седмицы молились, так и во все продолжение Святого поста будем молитвенно взывать ко Господу, да Он Сам, *начный дело благо в вас* (ср.: Флп. 1, 6), и совершит е Своею всемошною благодатию! Аминь.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ ПРАВОСЛАВИЯ

Овех¹ убо милуйте разсуждающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе...

Иуд. 1, 22–23

Не сие ли самое, братие, совершает ныне Святая Церковь? — Некоторые из членов ее пустили обнять себя тлетворному пламени ересей богопротивных: и вот она возвышает яко

¹ Овех (церк.-слав.) — иных, других.

трубу глас свой и поражает их страхом анафемы, *еда како даст им Бог покаяние в разум истины, и возникнут от диавольския сети* (2 Тим. 2, 25–26). Средство к исправлению, поистине, одно из самых действительных! — Одна мысль, что подобные нам люди извергаются из общества верующих, вне коего нет и не может быть спасения, — одна сия мысль невольно сотрясает сердце и приводит в движение чувство. Каким же страхом должен быть поражен тот, за кого другие должны так сильно страшиться?

Тем прискорбнее, братие, для Церкви, что чувство спасительного страха, которое она старается внушить чадам своим посредством священного обряда, ныне совершаемого¹, нередко обезображивается, а иногда и совершенно подавляется другими, предосудительными, чувствованиями. Одни — надменные умом, или, паче, неразумием, — стараются уничтожить в мыслях своих все, что в нынешнем обряде есть поразительно-го для заблуждающих, и представляют его себе праздным действием церковной власти, не имеющим влияния на вечную судьбу осуждаемых. Это — люди гордые, кои почитают себя превыше суда Церкви, в том ослеплении, что святилище их совести, — где стоит, может быть, *мерзость запустения на месте святе* (Мф. 24, 15), — есть единственное место, в коем должен быть изрекаем суд над их мнениями о вере. Другие впадают в противоположную крайность: чувство страха при слышании анафемы, соединясь с чувством

¹ Чин анафематствования, совершаемый в Неделю Торжества Православия.

сожаления к поражаемым ею, превращается в их сердце в тайный ропот против мнимонеумеренной строгости церковных правил. «Для чего, — мыслят таковые, — Церковь пременяет ныне столь сродный ей глас любви на проклятия ужасающие?» Это — люди маловерные, кои имеют слабость думать, что Церковь Христова может когда-либо поступать вопреки закону любви, составляющему главное основание всех ее правил и узаконений.

Нет нужды, братие, исследовать, есть ли между нами здесь кто-нибудь, питающий в себе то или другое заблуждение. Мы должны желать, чтобы сказанное нами было одно гадание. Но всякий согласится, что это гадание весьма близко к опыту, и едва ли не оправдывается на самом деле.

Итак, если не для искоренения, то для отвращения вышесказанных заблуждений, вникнем в дух нынешнего обряда и покажем: 1) что суд, произносимый ныне Церковью, есть суд страшный: этим будет низложено легкомыслие тех, кои присутствуют на нем без всякого чувства; 2) что суд, произносимый ныне Церковью, есть суд, исполненный любви: этим будет успокоено маловерие тех, кои думают видеть в нем строгость излишнюю.

1. Суд, произносимый ныне Церковью, есть суд страшный.

Как обыкновенно смотрят, братие, на того человека, который имел несчастье заслужить худое мнение в обществе? — Одни презируют его, другие чуждаются, иные сожалеют о нем. Он сам почитает себя человеком самым несчаст-

ным. Некоторые не могут пережить сего злополучия. Так страшно общественное мнение!

Если же приговор всякого общества имеет такую силу, то ужели, братие, одна Церковь есть такое общество, коего приговором можно пренебрегать? — Напротив, приговор Церкви для здравомыслящего человека должен быть гораздо важнее всякого так называемого общественного мнения уже потому, что Церковь есть самое постоянное, обширное и лучшее из всех обществ человеческих: самое постоянное, ибо Церковь существует от начала мира и будет существовать до его скончания; самое обширное, ибо члены Церкви Христовой рассеяны по всему миру, находятся *во всяком языке, народе и племени* (ср.: Апок. 5, 9); самое лучшее, ибо она представляет видимое Царство Божие на земле и служит приготовлением к вечному Царству Божию на Небесах. Пренебрегать судом такого общества значит не иметь уважения к целому роду человеческому, грешить противу человечества: а что значит грешить противу человечества? — Быть извергом человечества!..

Таким образом, братие, если суд, произносимый ныне Церковью, представлять себе совершенно человеческим, то он весьма важен и страшен, поелику есть суд **Церкви Вселенской!**

Но не в этом одном состоит важность приговоров, изрекаемых ныне Церковью. Она утверждает на основании еще более глубоком и более непреложном.

Что, если бы перед самым надменным вольнодумцем предстал, как некогда пред Иовом,

Сам Бог и воззвал его к суду Своему (Иов. 40, 1, 2)? Не растаял ли бы он в страхе от велелепоты и славы Его? — Одна мысль, что Творец призывает на суд тварь, заключает в себе все, что может быть для твари поразительного: суд Божий всегда страшен!

Но чей суд судит ныне Церковь? Свой или Божий? Божий, братие, Божий!

Истинная Церковь никогда не усвояла себе никакой власти, кроме той, которою она облечена от Божественного Основателя своего. Если она произносит ныне *анафему* на упорных врагов истины, то потому, что так заповедано ей Самим Господом. Вот собственные слова Его: *аще кто Церковь преслушает, буди тебе, якоже язычник и мытарь* (Мф. 18, 17)! Осуждаемые ныне преслушали глас Церкви, не вняли ее увещаниям: и вот она, следуя в точности словам Господа, лишает их имени христиан, извергает из недра своего, как язычников. Она связывает их на земле: но в то же время, по непреложному суду Божию, они связуются и на небе. На них не налагается видимых уз, но налагаются тяжчайшие узы проклятия. Сомневаться в сем может только тот, кто не верит словам Господа, Который сказал: *елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси* (Мф. 18, 18).

Итак, трепещи, упорный противник истины! Суд, на тебя ныне произносимый, есть по своему происхождению суд Божий.

И кто подвергается ныне осуждению? Не те ли люди, кои предварительно осуждены Самим Богом в Его слове? Осуждаются отвергающие

бытие Божие и Его Промысл; но не Сам ли Бог еще устами Давида нарек безумным того, кто говорил в сердце своем (только в сердце!): *несть Бог* (Пс. 13, 1)! Осуждаются не признающие бессмертия души человеческой и будущего Суда; но не Сам ли Бог чрез Премудрого¹ угрожает погибелью тем, кои говорили: *самослучайно рождены есмы, и по сем будем якоже не бывшие... непел будет тело, и дух наш разлится яко мягкий воздух* (Прем. 2, 2, 3)! Осуждаются почитающие ненужным для спасения рода человеческого Пришествие Сына Божия во плоти; но не от лица ли Божия говорит святой Иоанн: *всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога несть, и сей есть антихристов* (1 Ин. 4, 3)! — Осуждаются противники царской власти: но не по внушению ли Духа Святаго написано апостолом Павлом: *несть власть, аще не от Бога... Тем же противляйся власти, Божию повелению противляется* (Рим. 13, 1, 2)!

«Но некоторые приговоры, — скажет кто-либо, — не содержатся в Священном Писании». Скажи лучше, возлюбленный, что их там содержится гораздо более. *Аще кто, говорит апостол Павел, не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят* (1 Кор. 16, 22). Какого заблуждения, какого нечестия не поражает это проклятие? Ибо с именем Господа Иисуса Христа соединены все добродетели. Значит, Церковь щадит еще слабые совести, когда поражает проклятием только некоторые, явные и грубые — ереси и преступления.

¹ Здесь имеется ввиду св. праотец и Израильский царь Соломон.

Итак, трепещи, упорный противник истины! Суд, на тебя ныне произносимый, по самому предмету своему есть суд Божий!

Следствия страшного суда сего откроются в полной мере за пределами этой жизни; там-то осужденные Церкви познают во всей силе, как тяжко проклятие невесты Христовой! Но и в этой жизни следствия сии таковы, что могут привести в ужас всякого, кто не совершенно закоснел в ослеплении ума. Ибо представьте, чего лишается человек, подвергшийся анафеме: он теряет, во-первых, имя христианина и становится язычником — потеря великая! Из древних христиан многие на все вопросы мучителей об их происхождении, звании, имени, отвечали: «Я — христианин». Так много дорожили они сим наименованием! — Вместе с именем теряется и вещь: подвергшийся анафеме уже перестает быть в союзе с таинственным телом Церкви; он есть член отсеченный, ветвь, отнятая от дерева. Потеря величайшая! Ибо вне Церкви нет Таинств, возрождающих нас в жизнь вечную, нет заслуг Иисуса Христа, без коих человек враг Богу, — нет Духа Божия, — вне Церкви область духа злобы. В Церкви Апостольской диавол поражал видимыми мучениями тех, кои своими пороками заслужили отлучение от Церкви; без сомнения, и ныне сей враг спасения человеческого не дремлет в погублении сих несчастных, и коль скоро лишаются они благодатного покровительства Церкви, властвует над их душою с такою же свирепостью, хотя не столь видимо. Скажите, можно ли без ужаса представить такое

состояние? Святой Златоуст оплакивал некогда несчастное состояние тех, кои перешли в будущую жизнь, не очистив себя покаянием. «Кто, — говорил он, — там помолится о них? Кто принесет за них жертву? Там нет ни священника, ни жертвы». Ах, подвергшийся анафеме еще в сей жизни испытывает то несчастье, которое нераскаянным грешникам суждено претерпеть за гробом! Здесь есть священники, выну¹ приносится Бескровная Жертва о грехах, но отлученные не участвуют в этой жертве; их имя изглажено из списка верующих; Церковь не воспоминает о них в своем молитвословии; они — живые мертвецы!

Напрасно отлученный от Церкви успокаивал бы свою совесть тем, что и вне Церкви нет невозможности заслужить милость Божию, — что милосердие Творца беспредельно, — что *во всяком языке делай правду, приятен Ему есть* (Деян. 10, 35). Так! В Боге нет лицепрятия; Он есть Бог христиан и язычников, воздает каждому по делам. Но по тому самому, что в Боге нет лицепрятия, Он не может взирать оком благоволения на того, кто извержен из Церкви. Как? Бог по беспредельному милосердию Своему *привил* (ср: Рим. 11, 24) тебя, как дикую ветвь, к животворной *маслине* — Иисусу Христу: ты, вместо того, чтобы всеми силами держаться на ее корне и, впивая в себя сок жизни, приносить плоды правды, — отломился своим суемудрием от сей маслины, — и Небесный Делатель потерпит тебя в вертограде Своем? Не прикажет бросить

¹ Всегда (*церк.-слав.*).

в огонь? — Где же будет Его правосудие, Его нелицеприятие? — Не говори, что ты, находясь вне Церкви, можешь приносить плод добродетели. Где нет души, там нет жизни; душа — Иисус Христос, — только в теле — в Церкви: значит, ты и с твоими мнимыми добродетелями мертв пред Богом. — *Все, что не от веры, грех* (Рим. 14, 23): а у тебя, отлученный, какая вера? Разве *бесовская* (Иак. 3, 15). Язычник лучше тебя у Бога; он не был удостоен тех даров, коими пренебрег ты; он не был сыном Церкви, а посему и не будет судим как преступный сын. «Еретики, — писал некогда святой Киприан, — думают, что Бог помилует и их. Не помилует, доколе не обратятся к Церкви. Кто не имеет Церковь матерью, тот не может иметь отцом Бога»¹.

Но если участь отлученных от Церкви так плачевна, то не нарушается ли отлучением их закон любви, повелевающий щадить заблудших? Нимало.

2. Суд, произносимый ныне Церковью, будучи судом страшным, есть вместе и суд любви.

Свойство каждого действия, братие, познается из побуждений, расположивших к действию, средств, при сем употребленных, и цели, для которой оно предпринято.

Итак, что побуждает Церковь, — эту любвеобильную мать, которая вседневно призывает на самых строптивых чад своих благословения Божии, — что побуждает ее ныне изрекать проклятия? Во-первых, необходимость указать пад-

¹ См.: Киприан Карфагенский, *сщмч.* О единстве Церкви // Творения... М., 1999.

шим чадам своим ту глубину зол, в которую низринуло их суемудрие. Будучи терпимы в недрах Церкви, они могли бы успокаивать свою совесть тем, что заблуждения их не заключают еще в себе неизбежной гибели для их души, что образ их мыслей еще может быть совмещен с духом Евангелия, что они по крайней мере не так далеко уклонились от общего пути, чтобы их почитать уже совершенно заблудшими. Самолюбие их могло бы еще находить для себя пищу в том, что они, принадлежа к обществу христиан, думают, однако же, о предметах веры не так, как другие христиане. После сего что оставалось делать Церкви? — Именно то, что она делает теперь: поразить суемудрие ужасом и бесславием анафемы! — Изводя на позор заблудших, Церковь сим самым отнимает у заблуждений прелесть особенной мудрости, коею они обольщают; поражая их именем Божиим, она отнимает надежду на безопасность; противопоставляя исповедание Вселенской Церкви суемудрию частных людей, обнажает ничтожность последнего. Пусть заблудшие продолжают питать, если угодно, свои заблуждения: Церковь не связывает их ума; но она сделала свое дело, указала им ту бездну, в которой они находятся, заранее произнесла над ними суд, который, в случае нераскаянности, постигнет их за гробом.

Таким образом, анафема есть последний предостерегательный глас Церкви к заблуждающим. Но глас предостережения, братие, как бы громок ни был, не есть ли глас любви?

Что еще побуждает Церковь произносить ныне проклятия? Необходимость предостеречь верных чад своих от падения. Известно, что заблуждения в устах и писаниях *людей погибельных* (ср.: Ин. 17, 12) имеют нередко вид самый обольстительный: все опасные стороны бывают прикрыты искусным образом; напротив, мнимо полезные следствия их, кои существуют только на словах, изображены бывают со всею привлекательностию, так что ум простой невольно и неприметно соблазняется ими. Подробные, ученые опровержения сих заблуждений, — хотя и в них нет недостатка для знающих, — были бы превыше разумения многих членов Церкви. После сего что оставалось делать Церкви? То, что она делает теперь: выставить на позор заблуждения в их отвратительной наготе и, представив их гнусность пред очи каждого, поразить их проклятием.

Позволяй, после сего, если угодно, воображению твоему обольщаться цветами, коими украшаются заблуждения: Церковь внушила тебе, какие ехидны сокрываются под сими цветами; она невинна, если ты погибнешь от их яда.

Но, может быть, средство, употребляемое Церковию для вразумления падших и предостережения стоящих, слишком жестоко? — Средство это — анафема: итак, что такое анафема? Анафема есть одно из духовных наказаний, самое последнее и потому самое тяжкое. Произнести анафему на кого-либо значит отлучить его совершенно от общества верующих, лишить всех преимуществ христианина, объявить

человеком богопротивным, осужденным, если не раскается, на погибель, — достойным того, чтобы все убегали его, как язвы. В сем разуме употребляет слово *анафема* апостол Павел, когда говорит: *еще кто вам благовестит наче, еже приясте, анафема да будет* (Гал. 1, 9), то есть смотрите на него, как на врага Божия. Такое же значение слова анафема находится у Иустина Мученика (Ответ 21 к православным)¹, святого Златоуста (Беседа 16, на Послание к Римлянам), блаженного Феодорита (в Толковании на Первое послание к Коринфянам, гл. 16, ст. 22), Феофилакта (в Толковании на Деяния святых апостолов, гл. 23) и других отцов Церкви. Таким образом, анафема есть, как мы сказали, самое страшное действие церковной власти: это в некотором смысле — казнь духовная; ибо подвергшийся проклятию мертв для Церкви. Но казнь сия отнюдь не то, что казнь телесная. После казни телесной не воскресают для здешней жизни, а после сей казни духовной всегда можно воскреснуть для жизни духовной через истинное покаяние. Таким образом, анафема, даже как казнь, растворена любовью христианскою. У отлученных не отнимается средств к покаянию: они в величайшей опасности, ибо лишены покрова благодати; но для них еще не все потеряно. Двери милосердия, столько раз для них напрасно отверзавшиеся, еще могут

¹ Имеется в виду творение «Вопросы и ответы к православным» — сочинение, приписываемое Иустину Философу, которое содержит 161 вопрос и касается исторических, догматических и экзегетических проблем, связанных с христианской религией.

быть отверсты. Оставь заблуждение, обратись с искренним покаянием к Церкви, — и она не отринет молитв кающегося.

И как может Церковь отринуть их, когда в сем именно — в обращении заблудших — и состоит главная цель проклятий, ныне изрекаемых? — О ты, который соблазняешься мнимой строгостию церковных правил, ты, — да не оскорбится твое самолюбие, — и слеп и глух. Точно таков! Иначе ты видел бы, как Церковь ныне со всеми чадами своими преклоняет колена пред Господом Иисусом, — слышал бы, как собственными заслугами Его умоляет, дабы Он дал дух покаяния тем, кои за свою нераскаянность подвергаются анафеме. Ибо чем начинается Церковь торжественный обряд, ныне совершаемый? — Молитвами об обращении заблудших. Чем оканчивает оный? — Теми же молитвами. Уступая необходимости, как судия, она произносит осуждение, — покорствуя любви, как мать, она призывает Духа Божия на осужденных. Проклятые могли бы пасть под тяжестью клятвы: и вот, сила проклятия, так сказать, со всех сторон ограждена силами молитвы, дабы первая действовала не более, как сколько нужно для спасения осужденных.

Итак, братие, вместо того, чтобы пререкать настоящему суду Церкви и почитать его или недействительным, или чрезмерно строгим, каждый член Церкви обязан обратить ныне внимание на самого себя и рассмотреть свою совесть. «Вы, — писал некогда апостол Павел к Коринфянам, — вы ищете доказательств на

*то, Христос ли мною говорит. Испытайте лучше самих себя: в вере ли вы? О нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должно (2 Кор. 13, 3, 5, 6)». То же самое, братие, имеет право сказать ныне и Церковь к некоторым чадам своим. Вы, маловерные или неверные чада, вы ищете доказательств на то, Христос ли ныне говорит мною, когда я изрекаю анафему, — не уклоняюсь ли я в сем случае от Духа Христова, Духа мира и любви? — Испытайте лучше самих себя: в вере ли вы? В вере ли вы, когда не утверждены в той мысли, что Церковь, *столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15), никогда не может поколебаться в основании своем, которое всегда было и будет любовь? В вере ли вы, кои питаете предосудительное желание, чтобы Церковь не возвышала более гласа своего для поражения заблуждений, когда враги истины едва не к небу простирают хульные уста свои, дабы изрекать поругание и соблазны? *Испытайте самих себя, в вере ли вы* (2 Кор. 13, 5)? Я для того и совершаю ныне Торжество Православия, для того и провозглашаю в слух всех исповедание Вселенской Церкви, дабы вы рассмотрели свою совесть, сохраняется ли в ней невредимым залог веры, данный вам при Крещении, не нарушена ли целость его богопротивными мудрованиями о вере, тем паче богопротивной жизнью и делами студными? *Испытайте самих себя, в вере ли вы* (2 Кор. 13, 5)? Когда вы будете укоренены в вере как должно, когда одушевит вас дух истинной, живой любви христианской: тогда, надеюсь, без всяких доказательств узнаете обо мне, что я*

то, чем быть должна — судия и мать, заступница пред Богом кающихся и провозвестница суда Божия над нераскаянными.

Желаешь ли, христианин, яснее видеть, чего требует от тебя Церковь, призывая тебя ныне к участию в священном обряде, ею совершаемом? — Внемли! Суд, произносимый ныне Церковью, есть суд страшный. Итак, не оставайся хладнокровным слушателем одного, рассмотри со вниманием свою веру и свою жизнь, не падает ли, прямо или непрямо, проклятие Церкви и на тебя. Не ограничивай силы сих проклятий одними наглыми заблуждениями ума: греховная жизнь еще более заслуживает проклятия, нежели неправая вера. Помни, что сказано апостолом: *Аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет анафема* (1 Кор. 16, 22)! Но тот, кто ведет жизнь нечистую, очевидно, не любит Господа Иисуса. Итак, блюдись, не поражает ли анафема сия и тебя — твои грехи, твою нехристианскую жизнь.

Суд, произносимый ныне Церковью, есть суд страшный. Итак, христианин, убегай, сколько возможно, убегай тех людей, кои питают в себе заблуждения, осуждаемые Церковью, уклоняйся тех собраний и бесед, в коих проповедуется нечестие и рассеиваются неправые толки о вере, смотри с отвращением на писания, в коих содержатся подобные суемудрия, старайся исторгать их из рук тех, кои подчинены твоему управлению.

Суд, произносимый ныне Церковью, есть суд любви. Итак, смотри на него очами любви, вни-

май ему слухом любви. Разделяй с Церковию ее молитвы о заблудших, не забывай упоминать о них в собственных молитвенных беседах твоих с Богом; проси им духа покаяния и смиренномудрия. Сим-то образом ты покажешь истинную любовь твою к заблуждающим братьям твоим по человечеству, а не тем, чтобы пререкать¹ спасительной строгости церковных правил. Аминь.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ ПРАВОСЛАВИЯ

*Пречистому образу Твоему поклоняемся,
Благий, просяще прощения прегрешений
наших...²*

И как не поклоняться тому образу, который представляет нам дражайшего Спасителя нашего в том виде, как Он, Бог сый беспредельный, из любви к нам, бедным грешникам, облекся плотию нашею и соделался навсегда, яко един от нас? — Не чествовать и не лобызать с благоговением тот образ, пред коим благоговевут Архангелы и Ангелы, коего трепещут духи злобы, в коем природа наша красуется всею славою Божества? Если мы дорожим изображениями людей, близких к нашему сердцу, или великих благодетелей человечества; любим часто смотреть на них; ставим их на самые почетные места, а иногда лобызаем их, то как не хранить и не чтить образ Того, Кто пролил за нас на

¹ Прогиворечить (церк.-слав.).

² Тропарь, глас 2-й, поется на утрени 1-й недели Великого поста, Торжества Православия.

Кресте кровь Свою, Кто освободил нас от греха и смерти вечной, возвратил нам рай и доставил Царство Небесное?

Было, однако же, время, когда это поклонение стоило крови и жизни поклоняющимся, когда не только поклоняться образу Спасителя, даже иметь его у себя вменялось за преступление самое тяжкое. И так поступаемо было не у язычников, не у магометан, не у евреев, а между христианами, в державе, издревле славившейся усердием к вере и уставам Церкви! — И такое безумие продолжалось не год, не два, не три, а более ста лет!.. Когда представляешь теперь себе все это, то не знаешь, что думать и чем изъяснить ослепление столь ужасное!

Ибо что такое сделали святые иконы, чтоб им быть предметом гонения, столь лютого и продолжительного? Что некоторые из христиан, по простоте своей, простирали благоговение и усердие свое к ним до излишества, останавливаясь мыслию своею на изображении, вместо того чтоб восходить через него к изображаемому? Но по этой причине надобно было бы сокрушить все иконы и в великом храме природы; надлежало бы погасить на небе солнце, луну и все звезды, а на земле истребить источники и реки, горы и леса, самых животных; ибо все это было и доселе служит для целых народов предметом не только суеверного почтения, но и обожания. И однако же храм природы, несмотря на такое злоупотребление, доселе полон иконами, как был в начале мироздания. Зачем же близо-

рукой мудрости земной не подражать было в сем отношении мудрости небесной?

Много ли, впрочем, из самых простых христиан таких, кои какую бы то ни было икону принимали прямо за лицо, ею изображаемое, и думали, что древо и краски составляют самое Божество? Такого человека надобно долго искать, и, сыскав, при надлежащей беседе с ним, редко не окажется противного, то есть, что он не умеет только выразить своих понятий, как должно, а не то, чтобы не умел отличить иконы от лица, ею изображаемого. Что же касается до других людей, самых простых и непросвещенных, то их усердие и любовь к святым иконам могут казаться некоторым простирающимися до излишества именно потому, что в этих судиях самих слишком уже мало усердия не только к святым иконам, а и к святым лицам, на них изображенным.

И разве нет целого сословия пастырей и учителей Церкви, которое на то истое¹ и учреждено, дабы вразумлять погрешающих, руководствовать немощных? При таком руководстве святыя иконы суть одно из наилучших средств к научению православного народа святым истинам веры. Это самые вразумительные письмена для тех, кои не знают письмен. Поелику же таковых всегда и везде большая часть, то лишить храмы святых икон значит лишить целый народ одного из самых действительных способов к наставлению его в веру. Что может сравниться с назидательностью святого храма, украшенного, по-надлежащему, святыми иконами? — Вступая

¹ Самое главное (церк.-слав.).

в священное окружение его, человек невольно отделяется мыслию и чувствами от всего греховного мира, вступает как бы в видимое сообщество святых; переносится духом в Церковь праведников, на небесах написанных. Что ни взор, то благочестивая мысль или святое чувство. Благоразумно ли закрыть сей источник святого воодушевления? — И чем заменить его? Искусственными ли колоннами, картинами, изображениями природы? — Но они возбуждают в тебе удивление к художнику, а не к Господу; тогда как икона, даже безыскусственная, прямо заставляет думать о Святом. Не перед иконами ли и не их ли действием решалась судьба людей, даже целых народов? — Вспомните Марию Египетскую¹: кто возбудил в душе ее святое дерзновение обещать пред Богом исправление своей жизни? Взор на икону Богоматери, стоявшую над дверьми храма Иерусалимского. Равно не память ли о сей иконе и обете, пред нею произнесенном, поддерживала ее потом в продолжение четырехдесятилетних неимоверных подвигов пустынных? — Судьба всего нашего отечества в отношении к вере также решилась, можно сказать, ни чем другим, а святою иконою. Ибо что особенно подействовало на святого Владимира, в пользу восточного Православия, когда он колебался и недоумевал в избрании веры? — То, что греческий философ, убеждавший его к принятию христианства, заключил убеждения свои представлением пред великого князя карти-

¹ О преподобной Марии Египетской († 522) см. в Четиях-Минеях, 1 апреля.

ны Страшного Суда. Святая икона прекратила наше колебание; святая икона сделала нас христианами, и притом православными. После сего, если бы и все прочие народы христианские по нерассудной гордости перестали поклоняться иконам, то православному отечеству нашему из одной благодарности подобало бы никогда не оставлять к ним должного почтения.

И как перестать почитать святые иконы, когда употребление их утверждено примером Самого Иисуса Христа и Его апостолов? Когда важность и святость их запечатлены чудесами и знамениями, от них происходящими? Если бы поклонение иконам было противно духу веры и благочестия, то Спаситель не стал бы отпечатлевать лица Своего на убрусе и не посылал бы его к Авгарю¹: ибо мог ли Авгарь не облобызать сего образа и не поклониться ему? Равно как мог ли Пославший не знать, что сделают с тем, что послано? Если бы изображения святых заключали в себе что-либо не святое, то евангелист Лука не подал бы первый примера изображать на иконе лицо Богоматери: ибо ему, водимому Духом Святым, нельзя было не предвидеть, что лик Богоматери из-под его апостольской кисти, не замедлит сделаться предметом всеобщего благоговения и что пример живописующего евангелиста не останется без подражателей в Церкви

¹ Авгарь — правитель небольшого царства в Месопотамии, столицей которого был г. Едесса. Сохранилось предание святых отцов Церкви о письме болящего Авгаря к Иисусу Христу с просьбой об исцелении. В ответ Господь передал для него плат (убру́с) с Нерукотворенным изображением Своего лица. — См.: Четьи-Минеи, 16 августа.

Христовой. Наконец, если бы иконопочитание было несообразно с свойством Нового Завета, то благодать Святаго Духа не избирала бы икон в видимое орудие своих чудесных действий, совершая через них различные исцеления. Так мыслили древние защитники иконопочитания и проливали за святые иконы кровь свою. А мы, братие, поклоняясь невозбранно святым иконам, будем проливать пред ними, по крайней мере, благодарственные молитвы за то, что Промысл Божий не дал злу иконоборства утвердиться в Православной Церкви, как оно утвердилось, к сожалению, в некоторых обществах христианских.

Но что приобрели сии общества, отвергнув необдуманно почитание святых икон? Возвысились в понятиях о предметах веры? Напротив, видимо приблизились к опасности потерять веру в самые существенные догматы христианства и охладели в чувстве до того, что с равнодушием слушают и читают самых ожесточенных хулителей имени Христова. Где же мнимая выгода от неиконопочитания? Разве в том, что храмы начали походить своею внутренностию на места простых собраний, так что их всегда тотчас можно обратить на какое угодно употребление?.. И недалёковидные, обнажив безрассудно церковь свою, думали укрыться с сею наготою под сенью заповеди Моисеевой: *не сотвори себе кумира, ни всякого подобия... да не поклонишися им, ни послужиши им* (Исх. 20, 4, 5)! Но богомудрый законодатель еврейский запрещает, очевидно, те кумиры и изваяния, кои были в употреблении у язычников и представ-

ляли собою их божества нечистые, но не запрещает священных изображений предметов святых. Доказательством последнего суть золотые изображения Херувимов, кои, по повелению Самого Бога, поставлены Моисеем в скинии свидения¹, и притом в святейшем ее месте — над ковчегом Завета, куда именно обращались лицом все молящиеся.

И кто из нас, устроая икону, думает творить кумир или подобие Божие? Кто надеется изобразить Беспредельного и Неописанного? Мы только пишем те образы, в коих Господь и Создатель наш благоволил видимо являться нам, Своим тварям. Так, мы изображаем Бога Отца в виде старца, потому что Он в видениях пророка Даниила представляется ветхим деньми (Дан. 7, 13). Так изображаем Святаго Духа в виде голубя и в виде огненных языков, потому что в первом виде Он сошел на Сына Божия во Иордане (Мф. 3, 16), а во втором — на апостолов в день Пятидесятницы (Деян. 2, 1–4). Что тут предосудительного? Что касается до Сына Божия, Спасителя нашего, то можно ли не изображать Его в образе человеческого, когда Он принял сей образ на Себя на всю вечность? А изображая так, можно ли не поклоняться сему образу, когда Им спасены мы и весь мир?

Итак, с какой стороны ни рассматривать почитание святых икон, оно представляется достойным всякого уважения, одним из благолеп-

¹ Скиния — палатка, шатер; место для богослужения среди стада еврейского (см.: Исх., гл. 25–39). Скиния свидения, или свидетельства, т. е. место, где Господь свидетельствовал о Себе людям, сообщал им Свои откровения (см.: Исх., гл. 40).

ных украшений церкви, из действительнейших средств к назиданию в вере и добрых нравах. После сего остается только с благодарностию правильно пользоваться сим средством, стоившим так дорого защитникам иконопочитания, кои полагали, и многие положили, за него души свои. То есть как пользоваться? — Обращая молитвы, прошения и благодарения свои не столько к иконам, сколько чрез них к тем святым лицам, кои на них изображены; возбуждаясь зрением святых лиц и их святых подвигов, на иконах изображенных, к подражанию их вере и добродетелям; не простирая чествования святых икон до обожения вещества, их составляющего, и не приписывая им других необыкновенных качеств, кроме тех, кои зависят от невидимой благодати Божией, через них действующей.

Пользующиеся таким образом святыми иконами по опыту знают, какая великая польза от того душе; а непользующиеся, неудивительно, если не знают сего, последним посему можно и должно сказать и теперь то же, что сказано было, как повествует ныне чтенное Евангелие, апостолом Андреем брату его Нафанаилу: *прииди и виждь* (Ин. 1, 46)! Аминь.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ ПРАВОСЛАВИЯ

Что бы это значило, что возглашаемые ныне Церковию анафемы, все упадают на суетумудрие и ереси, и ни одна не поражает нечестия и порока? Ужели жизнь нечестивая менее противна Евангелию, нежели вера неправая? — Нет, порок

нераскаянный еще преступнее неверия упорного. Если же он не поражается ныне анафемою, то потому, что о преступности его никогда не было и спору; ибо все и всегда, и православные, и самые еретики, единодушно признавали, что жизнь беззаконная и нечестивая сама по себе есть уже анафема.

Не довлеет¹ ли убо² по сему одному обстоятельству поразиться стыдом и ужасом всякому нераскаянному грешнику? Но, чтобы спасительный страх сей был тем сильнее и действительнее, раскроем Священное Писание и прочитаем из него те места, в коих изрекается горе и проклятие на грех и пороки.

Послушаем, во-первых, вождя народа Божия, законодателя синайского, Моисея. Он, по свидетельству Слова Божия, *был человек кротчайший паче всех сущих на земли* (Чис. 12, 3). Что же говорит сия кротость грешникам? *Проклят безчестяй отца своего или мать свою. И рекут вси людие: буди. Проклят прелагаяй пределы ближняго своего! Проклят прельщаяй слепаго в пути! Проклят, иже уклонит суд пришельцу и сироте и вдове. Проклят бияй ближняго с лестию! Проклят, иже возмет дары поразити душу крове неповинныя! Проклят всяк человек, иже не пребудет во всех словесех закона, еже творити я. И рекут вси людие: буди* (Втор. 27, 16–26). Вот что и в другом месте говорит Моисей, или лучше, его устами Сам Господь ко всему народу израильскому: *И будет аще не послушаеши гласа Господа*

¹ Довольно, достаточно (церк.-слав.).

² Впрочем (церк.-слав.).

Бога твоего хранить и творити вся заповеди Его, яже аз заповедаю тебе днесь, и приидут на тя вся клятвы сия и постигнут тя. Проклят ты во граде, проклят ты на селе; прокляты житницы твои, и останки твои; проклята исчадия утробы твоя и плоды земли твоя, стада волов твоих и паствы овец твоих; проклят ты, внегда входить тебе, и проклят ты, внегда исходити тебе (Втор. 28, 15–19).

Видите, сколько анафем, и за что они? Не за ереси и расколы, а за нарушение закона Божия, за жизнь, во грехах нераскаянную.

Но, может быть, такая строгость против порока была принадлежностью одного Ветхого Завета, который сообразно строгому внутреннему характеру своему и дан был на Синае, среди молний, бурь и громов; может быть, в Завете Новом, яко Завете милости и благодати, менее ужаса и страха для грешника нераскаянного, так что, по надежде на заслуги Христовы, можно до конца жизни предаваться беспечно своим похотям и страстям? Но, братие мои, мыслить таким образом не значило ли бы не понимать, унижать, оскорблять достопоклоняемую благодать Божию и, по страшному выражению апостола Христова, *предлагать ее в скверну* (Иуд. 1, 4)? Ибо скажем и мы вместе со святым Павлом: *Христос греху ли служитель? Да не будет* (Гал. 2, 17)! Если в Новом Завете *благодать преизбыточествова* там, *идеже умножися грех* (Рим. 5, 20), то не для того, чтобы сим преизбыточеством своим питать и укреплять в человеках беззаконие, а чтобы подавить его, изгладить и упразд-

нить. Кровь Иисуса Христа очищает и спасает от всякого греха, но кого? Не всякого грешника, а только тех, кои, сокрушаясь о своих грехах и приемля во имя Искупителя прощение в них, употребляют и со своей стороны все средства к освобождению себя от постыдного плена страстей. Для грешников же нераскаянных и в Новом, так же как и в Ветхом Завете, нет ни благодати, ни помилования.

Чтобы сии грозные истины не показались кому-либо нашим собственным рассуждением, обратимся паки к Писанию и послушаем, что в Новом Завете говорится против пороков. *Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко одесятствуете мятву, и копр, и кимин, и оставите вящшая закона: суд, милость и веру*¹ (Мф. 23, 23)! Вот анафема против ложной набожности! *Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко подобитесь гробом повапленным, иже внеуду являются красны, внутриуду же полны костей мертвых и всякия нечистоты*² (Мф. 23, 27)! Вот суд на лицемерии! *Горе, имже соблазн приходит! Унее есть человеку тому, да обесится жернов осельский на выи его*³ и потонет в пучине морстей (ср.: Мф. 18, 7, 6)! Вот анафема на соблазнительей! *Горе вам, богатым, яко отстоите утешения вашего!* Вот суд на богачей неправедных

¹ В Синод. рус. переводе: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе...*

² *...что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны...*

³ *...лучше было бы, если бы повесили ему жернов мельничный на шею.*

и жестокосердных! *Горе вам, насыщенные ныне, яко взалчете!* Вот приговор против сынов роскоши и неги! *Горе вам, смеющиеся ныне, яко възрыдаете и восплачете!* Вот гром против безумных радостей мирских! *Горе, егда добре рекут вам вси человецы* (Лк. 6, 24–26)! Вот стрела против тщеславия и суетной похвалы человеческой!

Видите, с какою силою и строгостью поражается в Новом Завете даже то, что, по суду мира, не только не ставится в порок, но почитается иногда за добродетель. И из чьих уст исходит столько горя и осуждения? Из уст Сладчайшего Иисуса, из уст Того, Кто Сам есть и единственный виновник, и податель всякой благодати. Он ли произнесет горе излишнее?

Хотите ли еще выслушать, что говорит о грешниках апостол Павел, тот апостол, который столько исполнен был любви к ближним, что желал за спасение погибавшей братии своей сам быть отлученным от Христа? Павел поражает анафемою не только явный порок и явную нераскаянность, но и самую холодность к вере, недостаток сердечного расположения и любви к Господу и Спасителю нашему. *Аще кто не любит Господа Иисуса*, говорит он, *да будет проклят* (1 Кор. 16, 22)! После сего какой грех и какой порок будут свободны от анафемы? Ибо любит ли Господа Иисуса тот пастырь, который служит алтарю потому только, что питается от алтаря, и нерадит о спасении душ, ему вверенных? Итак, он под анафемою Павловою! Любит ли Господа Иисуса тот судия, для которого на суде дóроги не правда и невинность, а мзда и ли-

цеприятие? Итак, он под анафемою Павловою! Любит ли Господа Иисуса тот властелин, который кровавые труды подвластных себе расточает на роскошь и прихоти? Итак, он под анафемою Павловою! Любит ли Господа Иисуса тот богач, который, имея всю возможность облегчить участь меньшей братии своей и вместе Христовой, жестокосердо *затворяет утробу свою* (1 Ин. 3, 17) при виде брата требующего? Итак, он под анафемою Павловою! Любит ли Господа Иисуса отец, нерадеющий о воспитании детей и подающий им пример худой? Супруг, не соблюдающий взаимной верности и не переносящий взаимных недостатков? Дети, не оказывающие уважения родителям и старшим? Любят ли Господа Иисуса все невоздержные, все гневливые, все злоречивые, все гордые, все грешники? Итак, все они под анафемою; ибо, *еще кто не любит Господа Иисуса*, тот, по словам святого Павла, *проклят!* (1 Кор. 16, 22). И что же обещать таковым душам нераскаянным? Ужели рай и блаженство на небесах?

Скажет ли кто-либо, что *жестоко есть слово сие* (Ин. 6, 60)? Но для кого оно жестоко? Для тех, кои не хотят любить Того, Кто Сам есть весь любовь. Кто умер за грехи наши и воскрес для оправдания нашего. И что же остается таковым, как не суд и осуждение за грехи их? — Для кого жестоко сие слово? Для тех, кои до того прилепились к соблазнам мира, до того заглушили в себе глас совести и закона, что решились, как видно, навсегда продолжать жизнь нечистую и богопротивную.

Возблагодарим лучше Господа, что от нас не сокрыта ужасная участь, ожидающая грешников, и ясно показано, что́, в случае нераскаянности, постигнет нас за гробом. Если сама любовь небесная гремит над нами громом анафемы, то для того, чтобы возбудить нас от смертного сна греховного. Будем признательны к сей заботливости о нас и, возвратившись в дома наши, вместо того, чтобы предаваться праздным разговорам о том, как возглашалась во храме анафема, рассмотрим, не подлежит ли анафеме что-либо в наших нравах и нашей жизни. И если найдем что-либо таковое, поспешим удалить от себя, как бы то ни казалось нам любезным и драгоценным, дабы в противном случае не подпасть наконец той страшной анафеме, от коей уже не будет спасения в самом покаянии и заслугах Христовых. Аминь.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ ПРАВОСЛАВИЯ

Священнодействие, нам теперь предстоящее, так разительно само по себе, столько содержит в себе силы и назидания, что не имеет никакой нужды в помощи от нашего слова. Думать, что ему можно придать что-либо посредством витийства, значило бы то же, как если бы при наступлении тучи кто-либо вообразил, что силу небесных громов можно увеличить шумом своих уст. Но, может быть, бесполезно будет для некоторых, если мы объясним кратко и скажем, откуда возникла сия благотворная сама по себе,

но страшная и громоносная туча и почему она ежегодно появляется в настоящий день на ясной и мирной тверди Церкви Христовой.

Когда богопротивные ереси, восстававшие безумно против Божественности лица Сына Божия и Пресвятаго Духа, пали и принуждены были возвратиться в свое ничтожество, то враг Бога и человеков, не могши уязвить самых достопоклоняемых Лиц Божества, вздумал напасть на Их священные изображения в Церкви, и, во утешение себя, измыслил злочестивую ересь иконоборства. Для успеха в злом замысле он, по обыкновению своему, преобразился в Ангела света, принял личину святой ревности, якобы по чистоте веры христианской, внушая, что поклонение святым иконам поставляет христианина наряду с идолопоклонниками. Напрасно богомудрые пастыри Церкви учили и утверждали, что святые иконы отнюдь не то, что истуканы идольские, — что почесть, им воздаваемая, воздается не бездушному веществу, не дереву и краскам, а переходит на первообразное, то есть на святые лица, ими изображаемые. Ослепленные духом тьмы, иконоборцы не хотели видеть и слышать истины. Улучив в свои руки власть, они не замедлили от слабых и ничтожных возражений своих обратиться к насилиям и гонению на православных, кои лучше соглашались расстаться с жизнью, нежели со святыми иконами. Начались жестокости и казни, напоминавшие собою первые времена мученичеств за Христа. Одним из любимых варварств у гонителей святых икон было, — на-

чертывать их изображения, посредством раскаленного железа, на лице их почитателей — отсюда, в лике святых Феодора и Феофана, так называемые, Начертанные¹.

Может быть, насилие и обольщение взяли бы наконец верх над слабостью человеческою. Но Тот, Кто основал и утвердил Церковь Свою не чуждыми заслугами, а кровию Своею, и вверил судьбу ее не мудрости и произволу человеческому, а вседействующему промыслу Духа истины, Тот не попустил чадам ее искушиться паче, нежели могли понести, но *со искушением сотворил и избытие* (ср.: 1 Кор. 10, 13). После долговременной и упорной борьбы истины с заблуждением власть и могущество гражданские перешли наконец из рук еретиков: вместе с тем исчезла и вся сила ереси. Святые иконы, омытые кровию святых исповедников, явились в большей прежнего красоте. Чтобы увековечить победу Православия над его врагами, Святая Церковь постановила ежегодно воспоминать и праздновать восстановление святых икон в настоящий день, яко день первого по сему случаю торжества ее. А для того, чтобы посеченные мечом Слова Божия и прежние ереси не дерзнули со временем поднять снова мрачной главы своей, положено ежегодно же в настоящий день поражать каждую из них снова анафемою.

Таким образом, воздвигнутое духом злобы гонение на святые иконы обратилось к величайше-

¹ Церковь чтит память прп. Феодора Начертанного, исп. († ок. 840) 27 декабря / 9 января; а брата его, прп. Феофана исп., творца канонов, еп. Никейского († ок. 850) — 11/24 октября.

му его посрамлению и послужило на утверждение не только святых икон, но и всех истин веры христианской. Не без важной посему причины и не без благотворной цели гремит ныне анафема. Она гремит для того, дабы верные чада Церкви еще более утвердились в своей вере; дабы неверные и легкомысленные имели побуждение прийти в себя и возвратиться на путь правый.

Будем же, братие, присутствовать при сем священнодействии в том самом духе, с коим установила его Святая Церковь. Обратим внимание на свой образ мыслей о предметах веры: и если он в чем-либо не согласен с правилом веры, указуемым Церковию, поспешим оставить неправое. А те, у коих драгоценный залог веры обрящется цел и невредим, да пролиют вместе с Церковию теплые молитвы о возвращении на путь правый заблудших братьев своих. Ибо Церковь Христова, яко нежная мать, не хочет погибели никому из самых строптивых чад своих, но да вси приидут в покаяние и единство веры и любви. Аминь.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ ПРАВОСЛАВИЯ

Если бы кто из не почитающих святые иконы принял труд быть свидетелем настоящего нашего богослужения и видеть, что совершается ныне в храмах наших в честь святых икон, то, вероятно, не усомнился бы признать, что нельзя оказать им почтения более того, какое оказывается нами. Ибо мы не только воспеваем ныне

в честь святых икон множество песней хвалебных, не только износим их с торжеством на средину храма и совершаем пред ними благоговейное поклонение, но и возглашаем, наконец, грозную анафему против тех, кои дерзают, по неразумию, сравнивать святые иконы с истуканами языческими.

Но, братие мои, среди нашего торжества в честь святых икон мне слышится некая жалоба на нас от сих же святых икон. Возносится она, правда, не из храмов, а из домов, и притом не всех: но жалоба святых икон, откуда бы она ни происходила, стоит быть выслушанною, особенно в день настоящий.

В чем состоит она? — В том, отвечают святые иконы, что из некоторых христианских домов мы уже вовсе изгнаны; а в некоторых, хотя и остаемся до времени, но приведены в такое стесненное положение, что почти лучше нам не быть в них, дабы избавить и себя от уничижения, и владельца дома от тяжести, которую мы составляем для него.

Хотя жалоба от святых икон могла бы быть принятой и уваженной без особенного предварительного расследования, но, чтобы явить совершенное беспристрастие, пойдем в сии дома — войдем, например, в этот. Но тут, кажется, должно быть противное, ибо домовладыка любит изображения: ими увешаны все стены, даже мнимые победы над нами галлов нашли себе там, и не малое, место. Ужели не найдется его тут хотя для одной святой иконы? Увы, смотрю на все стороны и не нахожу ни единой! Что бы значило это? Не переменял ли хозяин

дома своей веры? Нет, он по-прежнему пишется православным христианином. Так, может быть, у него недостаток в иконах... Но кто приобрел десять Наполеонов, тот мог приобрести одного Спасителя или Матерь Его... Навожу справку: оказывается, что многими иконами снабдило хозяина дома еще благочестие предков его. Куда же они девались? Проданы или сокрыты. — Отчего и для чего? Потому, что недавно последовало строгое запрещение иметь, тем паче показывать в доме святые иконы. От кого? От новой повелительницы — моды... Ей, всевластной, не угодно видеть в домах икон, — и их нет!

Горе сему дому — моды! Недолго цвести и стоять ему твердо с ее преиспещренным ликом!..

Пойдем в другой двор, например, вот в этот. — Есть ли в сем доме святые иконы? — Есть, и немало. Укажите же, где они? — Вон там. — Но их не видно. — Подойдите ближе, присмотритесь, и увидите. Точно, это икона: но что значит такая ее малость? Скудость способов хозяина дома? Всего менее; его дом похож на чертоги владельческие. Недостаток места в помещении? Но его явно стало бы не на одну икону. Тайна в другом: хотят иметь иконы — чтобы не показаться во все отставшими от святого обычая предков — но иметь в таком виде, чтобы это, как говорят, не бросалось в глаза. Но что же худого, если святая икона будет заметна? О, вы не знаете, это значило бы подвергнуться крайней опасности. От кого? От той же всевластной повелительницы — моды. Малую, неприметную икону она еще может стерпеть и покрыть своим великодушием, а большой, заметной, уважаемой — этого престу-

пления она не простит никогда. Имеющего такую икону тотчас, без суда и справок, почтут и провозгласят человеком худого тона, не знающим вкуса, не умеющим жить в свете. — Что же после сего долго думать? Прочь прежние, большие, видимые иконы! Наделаем малых, невидимых! Мы — люди образованные!..

Судите после сего сами, братие мои, есть ли причина подозревать, что и у нас не без некоего гонения на святые иконы. Нетрудно видеть — и где источник его, и кого должно назвать у нас врагом святых икон. Это не человек какой-либо, как бывало прежде во времена иконоборства, а одно пустое и праздное имя, праздное, но ужасное по своему действию на тех, кои не имеют и столько, не говорим усердия к вере и Святой Церкви, а простой и обыкновенной твердости духа, чтобы не убояться стать против моды!..

Что же нам делать?

Поелику ныне день суда церковного, то, призвав на помощь здравый смысл, не усомнимся произнести хотя краткое суждение касательно сего предмета, — не с тем, чтобы осуждать и упрекать кого-либо, а чтобы предоставить случай некоторым, не до конца ослепленным модою, возвратиться из добровольного, и по тому самому еще более постыдного, плена ее.

Скажи нам, всевластная повелительница — мода, что сделали тебе святые иконы, что ты так враждуешь против них? Отнимали у тебя в жилищах православных христиан место, предназначенное тобою для чего-либо, тебе нужного? Но место, которое занималось иконами, при всей изобретательности твоей, доселе оста-

ется пусто, и ты ничем не можешь занять его с приличием. Значит, ты враждуешь против святых икон напрасно. — Или, может быть, присутствие на своем месте святых икон отняло бы часть совершенства у твоих украшений комнатных, придуманных по последнему вкусу? Но что препятствует сей же самый вкус приложить благоговейно к размещению и украшению святых икон? Тогда они, кроме назидания, послужили бы еще к полноте благолепия, о коем столько у тебя заботы. Или, может быть, ты, домовладыка, опасаясь, что какой-либо иноверец из икон в доме твоём заключит, что ты считаешь святые иконы и принадлежишь к Церкви Православной? А кто же из иноверцев и без того не знает о сем? Для избежания сей опасности (если она уже существует для тебя) надобно было оставить не иконы, а самую веру и Церковь. Или, наконец, не боишься ли, чтобы кто-либо среди увеселений, бывающих в чертогах твоих, не остановил своего взора на святой иконе и не опустил потом очей долу? А разве не бывает сего и от других причин? Как бы ни умножал ты трубы и тимпаны¹, не можешь удалить сих причин от души человеческой. Потерпи же наряду с другими и благое впечатление от святых икон, кои, может быть, твоего же сына или дочь в подобном случае оградят невидимо от падения душевного.

Как вам, братие, а мне, сколько я ни думаю, кажется, что причин к удалению и даже к умалению святых икон в домах наших нет; с другой

¹ Тимпан — музыкальный инструмент, подобный бубну.

стороны, сколько побуждений к восстановлению их в прежнем надлежащем виде! Ибо скажи нам еще, мода, давно ли ты появилась на свет и захватила в свои нечистые руки скипетр домашнего самодержавия? Вся твоя жизнь исчисляется немногими десятками лет, а святые иконы существуют у нас от начала христианства. Как же ты, малолетнее и малограмотное дитя, не усрамишься священных седин тысящелетнего старца? И не ты ли притворяешь в себе любовь к древности и всякой, тем паче отечественной, роешься с примерным терпением под землю, дабы достать, как сокровище, то, что за несколько веков брошено было, может быть, на землю как негодное к употреблению? Не следовало ли бы тебе уже по одному этому хранить благоговейно святые иконы, пред коими молились, и в часы счастья, и в годину искушений, отцы и праотцы наши? Далее, мода, скажи нам, кого когда спасла ты и от какой избавила опасности? Где царство, тобою утвержденное? Где дом, от тебя процветший? Многие, напротив, погибли и, вероятно, еще множайшие погибнут от твоих прихотей. Посмотри же, что сделали святые иконы? Икона Суда Страшного обратила великого князя Владимира, и с ним всю Россию, от идолов к Богу истинному; икона Спасителя доставила Андрею Боголюбскому победу над булгарами; икона Богоматери «Знамение» защитила беззащитный Новгород; «Владимирская» икона Богоматери обратила вспять Тамерлана с его воинством; икона Богоматери «Казанская» избавила царствующий град Москву от плена литовского и спасла Россию. Видишь ли, мода, что

сделали святые иконы? В них история, в них спасение нашего Отечества. Укажи же нам, что ты сделала? А мы тотчас можем указать тебе на дома, прежде цветущие, а теперь, по милости твоей, покрытые стыдом и бедностью; на семейства, прежде мирные и благословенные, а теперь, от рабства тебе, дошедшие до того, что сын восстает на отца, брат не может видеть сестры.

Но что спорить с бездушным словом и убеждать ветр? Обратимся к владыке дома.

Итак, ты, возлюбленный, стыдишься показать в твоём доме святую икону: а мать твоя не стыдилась, когда, рождая тебя, для облегчения мук смертных, взидала на святую икону и поручала тебя ей в охранение на всю жизнь. Ты стыдишься теперь показать в своём доме святую икону: а в ту самую минуту, когда все оставляло тебя, и ты казался погибающим, не ты ли становился пред нею на колена, со слезами просил Бога о помощи и давал обеты вести себя по-христиански? Стыдишься показать в своём доме святую икону: а не она ли, эта икона, теперь заброшенная во мрак, станет у главы твоей на страже, когда ты будешь лежать во гробе — мертв и бездыханен?

Не продолжим прения — дело ясно! Справка верна; свидетели с обеих сторон выслушаны; возражения рассмотрены: остается произнести суд. Куда клонится ваше мнение? На сторону моды или святых икон? Избирайте, что хотите. Не могущий выйти из плена моды пусть лобызает ее узы, а мы начнем сейчас же поклоняться с благоговением святым иконам и лобызать с любовью изображения Спасителя нашего и Его Пречистой Матери. Аминь.

СЛОВО В СРЕДУ 2-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Душе моя, душе моя, востани, что спиши?
Конец приближается, и имаши смутити-
ся: воспряни убо, да пощадит тя Христос
Бог, везде сый и вся исполняй!"*

Кто бы вы думали, братие мои, обращается к душе своей с сими словами умилительными? Какой-либо грешник кающийся? Нет, это новый святой и блаженный муж, из-под пера или, лучше сказать, из сердца коего истекало то сладко-умилительное песнопение, коим так сильно трогались мы на вечерних богослужениях прошедшей недели, то есть святой Андрей Критский². — Его ли чистая и святая душа не бодрствовала выну на страже своего спасения? К нему ли смело приблизиться нерадение о своей совести и забвение часа смертного? Но и он не доверяет ни своему уму, ни своей добродетели, а старается брать все меры, да не поникнет мыслями и желаниями долу.

Не тем ли паче нам, братие мои, должно как можно чаще обращаться к душе своей с подобным возбуждением ее от сна греховного, нам, кои так склонны к рассеянию мирскому, к забвению Бога и своего вечного предназначения?

¹ Кондак по 6-й песни Великого канона прп. Андрея Критского.

² Церковь чтит память прп. Андрея, архиепископа Критского (712–726), составителя множества канонов и стихир, 4/17 июля. Самые известные его творения — Великий покаянный канон, который читается во всех православных храмах в 1-ю и 5-ю седмицу Великого поста, и покаянный канон ко Господу нашему Иисусу Христу.

Увы, все мы спим тяжким и глубоким сном — иной гордости и честолюбия, другой роскоши и пресыщения, тот сном злобы и лукавства; сей сном сребролюбия и любостяжания, спим день и ночь, спим от колыбели до гроба! В самом деле, возлюбленный собрат, что мы делаем с тобою для своего спасения? Святые подвижники проводили для сего всю жизнь в посте и молитве, в трудах и произвольных лишениях; святые мученики претерпели для сего все роды страданий и мук; пророки и апостолы не имели где подклонить главы и *были яко отребие*¹ *мира*; (см.: Евр. 11, 36–38; 1 Кор. 4, 10–13); а мы? Мы не посвящаем делу спасения и столько времени, сколько тратим на самые ничтожные предметы наших прихотей и удовольствий. Не доказательство противного, что посетим иногда церковь, возьмем в руки какую-либо душеполезную книгу, побеседуем с кем-либо о вере и о добродетели, подадим нищему милостыню, сделаем другое какое-либо доброе дело; не доказательство, говорю, все это душевного бдения и попечения о нашем спасении. А спящие — разве не делают различных движений во сне, не подают иногда вида, что они как будто не спят? И они по временам и разглагольствуют, и рассуждают, и ходят с места на место, и даже совершают иногда некоторые дела, требующие ума и соображений. Подобное тому — и с нами: малая часть добрых дел, нами совершаемых, точно как движения человека во время сна. Ибо как совершаются они? Не из живой и постоянной любви к Богу и ближ-

¹ В Синод. пер.: *как сор для мира*.

нему, не во имя Спасителя и Господа нашего, не по твердой решимости жить и действовать, как заповедует Евангелие, а случайно, даже иногда невольно, всегда почти без мысли о своем спасении: то выходят из приличий светских, то из минутного увлечения чувства и сердца, то по холодному расчету самолюбия. Притом, совершая по временам несколько добрых дел и таким образом закрашивая свою внешность, мы остаемся внутри с прежними страстями, с тем же сердцем — злым и нечистым, с той же совестью спящей и немощной.

Признак человека бодрствующего есть полное сознание самого себя и предметов, его окружающих: где в нас это сознание? Нас всех окружает грех и смерть, нам предстоит Суд и вечность: а мы вовсе не думаем о сем, для нас все это как бы не существует.

Признак человека неспящего — ясное ощущение своих нужд и потребностей и постоянная забота об их удовлетворении: где в нас это ощущение и эта забота? Ум наш недугует явным неведением истин спасения; а мы, наполняя его всякого рода земными познаниями, небрежем озарить его нетленным светом Христовым. Совесть наша покрыта язвами греха; а мы паки врачуем тело при первой немощи его, несколько не заботимся о врачевании своего внутреннего судии. Сердце наше томится по небу и благам вечным, ищет воды живой и неиссякающей, а мы засыпаем его прахом земных забот, заставляем пить из сокрушенных кладенцев или лжеименной мудрости, или чувственных удовольствий.

Признак человека бодрствующего — надлежащее исправление дел своего звания; но из нас многие даже не знают, что самое первое и высшее звание наше есть звание христианина; что истинное, всеобщее наследие наше на небесах; что земля для нас — место странствия, тело — темница, смерть — освобождение. Что же все это, как не сон духовный? И долго ли спать нам таким образом? Долго ли блуждать нам, не ведая, куда идем и чего достигнем?

Душе моя, душе моя, ты, которая у меня одна, так что если потеряю тебя, то лишусь всего, — ты, которая, будучи создана по образу Божию, по тому самому уже превыше всего мира, и даже по падении твоим искуплена драгоценною кровию Сына Божия и предназначена к вечному блаженству с Богом на небе, — *душе моя, душе моя, что спиши?* Для чего забываешь свою природу и достоинство и так жалко отдаешь себя в рабство плоти и крови, — в плен миру и диаволу — врагам твоим? Почто, созданная служить Богу живу и истине, кланяешься до земли всякому кумиру страстей? Почто, предназначенная к вечности, расточаешь безумно и время и таланты, тебе вверенные, на суету, не помышляя об ожидающем тебя за все это отчете?

Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Тут ли спать, когда пред тобою небо и вечность с разверстыми воротами? Тут ли спать, когда под тобою геенна с духами отверженными? Тебе ли спать, когда вокруг и внутри тебя брань: когда за тебя сражается небо с адом; когда всезлбный враг назирает все пути твои, напрягает все

силы свои, чтобы настигнуть и поглотить тебя навеки?

Душе моя, душе моя, востани! Оттряси сон от веждей твоих, собери рассеянные по суетам мира мысли твои и обрати их на себя самую и на твое великое предназначение! *Востани!* — сбрось постыдные узы злых навыков, коими, как пленница, привязана ты к земле и тлению! Востани и посмотри, как все ожидает твоего пробуждения: ожидает Ангел хранитель, дабы не всуе¹ находиться при тебе и не плакать безутешно о твоём ожесточении во грехе; ожидает Церковь Божия, дабы начать врачевать тебя своими молитвами и Таинствами; ожидает совесть, дабы воспринять над тобою права свои и вести тебя по стезям правды; ожидает сама смерть, дая место покаянию, дабы не быть принужденною восхитить тебя, наконец, со грехами твоими пред Страшный Суд Божий.

Ты спишь, бедная душа моя, а время благодати и помилования течет и уходит невозвратно. Ты спишь, а бремя грехов твоих растет и множится без числа и меры. Ты спишь, а враг твой бдит и опутывает тебя с ног до головы новыми сетями. Ты спишь, а Ангел смерти грядет, и конец твой приближается. Приблизится, настанет, застигнет, поразит: и что будет тогда с тобою? — Помогут ли тебе блага земные, для собирания коих забывала ты Бога и жертвовала всем? — Защитят ли тебя от гнева Божия легкомысленные друзья и клеветы², с коими ты проводила

¹ Тщетно, напрасно (*церк.-слав.*).

² Соучастники (от *лат. collibertus*).

и губила время? В мудрости ли мирской и неверии будешь искать отрады и утешения на ложе смертном? Ах, тогда-то узнаешь во всей силе, как праведно говорили тебе, что *никая польза человеку, аще приобрящет весь мир, и погубит душу свою* (Мк. 8, 36)! Познаешь, но что выйдет из сего познания? Одна скорбь лютая, одно смущение и отчаяние: *и имашаи смутитися!* *Смутитися* и от прошедшего, которое предстанет тебе со всеми грехами и нечистою жизнью твоею; *смутитися* и от настоящего, которое будет исполнено ужаса, мук смертных и отчаяния; *смутитися*, наконец, и от грядущего, которое, так долго забываемое, отвергаемое, явится пред тебя во всем грозном и низлагающем величии своем.

Для чего же, бедная душа моя, ждать нам с тобою беспечно нашей гибели? Для чего, смежив умные очи, идти всю жизнь к пропасти адской? Что мешает нам остановиться, подумать и возвратиться вспять, когда еще есть время к тому? *Душе моя, душе моя, воспряни убо!* Раскрой глаза и поднимись с греховного ложа; стань на путь закона Господня и прости руки к добру; решишь служить Богу живу и истинну, как ты служила доселе идолам страстей; а все прочее уже готово к твоему спасению. Готово Евангелие для озарения твоих мыслей во всех случаях жизни; готова драгоценная одежда заслуг Христовых для прикрытия твоей духовной наготы; готово Тело и Кровь Сына Божия для насыщения твоего глада; готов елей и бальзам для уврачевания твоих ран; готова всемогущая благодать Духа Святаго для подкрепления твоих слабых сил; готов самый венец для увенчания твоих малых подви-

гов. *Воспрями убо, да пощадит тя Христос Бог!* Слышишь ли, как Он гласом Евангелия вещает с пренебесной вечери Своей: *и еще место есть* (Лк. 14, 22)? Это место для нас с тобою, душа моя. Поспешим же сделаться его достойными, доколе не наступила полночь, не затворились двери чертога, не угас елей во светильнике нашей жизни (см.: Мф. 25, 1–13)! Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 2-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона. На вербих посреде его обесихом органы наша. Яко тамо вопросиша ны плениши нас о словесех песней, и ведаши нас о пении: воспойте нам от песней Сионских! Како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима яко в начале веселия моего... Дици Вавилоня окаянная, блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам! Блажен, иже имет и разбьет младенцы твои о камень!

Пс. 136

После псалма: *Помилуй мя, Боже* (Пс. 50), нет другого во всей Псалтири Давидовой, который бы исполнен был такого умиления душевного, как этот псалом. Кажется, он написан не чернилами, а слезами; и должен быть не пет, а плакан. Посему-то возглашается он в церкви в те недели, кои служат приготовлением к Святому и Великому посту. Но нисколько не будет излиш-

не, если мы и теперь, во время поста, повторим кратко для себя содержание сего умирительно-го псалма. Приведши себе таким образом на память жалкую судьбу израильтян в плену вавилонском, мы в ней, как в зеркале, можем увидеть и наше бедственное положение на земле — в узах греха и страстей; а это пробудит в ином мысль о свободе духовной и расположит искать ее у великого Разрешителя всех уз, к чему настоящее время поста представляет столько средств для самых слабых верою и духом. — Итак, что же делают израильтяне в Вавилоне?

На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона.

Вот чем занимаются пленники иерусалимские! Вместо того чтобы строить для себя в Вавилоне дома, насаждать вертограды¹, заниматься куплею и продажею, на что дано через пророка разрешение от Самого Бога, они приседают на берегу рек вавилонских, как бы в ожидании, что волны речные с часу на час поднимут их и унесут в отечество; сидят и плачут, вспоминая о своем возлюбленном Сионе. Тело их в Вавилоне, а дух и сердце в Иерусалиме. На что ни посмотрят в стране чуждой, ничто не радует их, а все пробуждает мысль об отечестве: *На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона.*

При взгляде на органы, кои израильтяне принесли с собою в плен — не для забав, а чтобы бряцать на них хвалу и славу Иеговы, — у вави-

¹ Виноградники, фруктовые сады.

лонян рождается любопытство и желание послушать песней сионских. Пленнику ли отказать победителям в сей просьбе? Иные почли бы за счастье угодить таким образом своим гордым владыкам: но израильтянин теперь не таков! Он страшится и одной мысли — осквернить священную песнь Сиона слухом языческим. Вместо удовлетворения желаний вавилонян, пленники, в полном сознании величия и достоинства своей веры, отвечают: *Како воспоем песнь Господню на земли чуждей?* Отвечают так, нимало не заботясь, что их участь, и без того горькая, может через то отяготиться еще более.

Неблаговременный вызов со стороны победителей к веселию и игре, когда у пленников текут из очей слезы, пробуждает в израильтянах новый порыв любви к отечеству, — и они дают обет никогда не изменять ему: *Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя!*

По удалении вавилонян, оставшись одни, пленные израильтяне тем сильнее предаются против них негодованию, что видят, как они, лишив их отечества, хотели бы лишить и благородства духа: *Дщи Вавилоня окаянная, блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам! Блажен, иже имет и разбьет младенцы твои о камень!*

Так мыслили, так чувствовали, так вели себя израильтяне в плену вавилонском! — Кто не преклонится с уважением пред сими чувствами? Не скажет, что народ израильский в самом плену и унижении показал при сем случае, что он не напрасно был возлюблен Господом и из-

бран Им некогда в особенный удел Себе из всех народов?

Тяжел, братие мои, был плен вавилонский; сокрушительно иго, возложенное Навуходоносором¹ на бедных сынов Израиля! — Но что значат все плены вавилонские и египетские в сравнении с тем ужасным пленом, в коем находится весь род человеческий? Ибо где мы все? В стране чуждой, в стране мрака и хлада, проклятия и смерти. Было и у нас отечество — в раю сладости; но пришел враг и пленил нас; пленил и поверг в нерешимые узы греха и страстей. Что мы были и что теперь? Были почтены и украшены образом Божиим; теперь часто нет в нас и образа человеческого. Наслаждались всегдашним здравием души и тела, не знали смерти и тления; теперь все стонем из детства от болезней душевных и телесных и после многих скорбей и бед обращаемся в землю, от нее же взяты. Все твари вначале служили нам с радостью, и были, яко малые домочадцы в великом доме Божием; теперь все твари или убегают от человека, или восстают на него и терзают своего владыку. Самое рождение каждого из нас, как некоего изверга, омывается кровию и слезами; самые чистые и праведные труды сопровождаются потом лица и не приносят иногда ничего, кроме скорби и вздыханий. Тьма в уме, злость в воле, горечь в сердце, нечистота в чувстве, бренность в теле, мертвость во всем существе, удаление от Небесного

¹ Правитель Вавилонии в 605–562 гг. до Р. Х. (см.: 4 Цар., гл. 24–25).

Отечества — вот наша доля всех и каждого — от Адама и до сего дня!

Не должно ли после сего ожидать, что и мы, подобно израильтянам в Вавилоне, будем рыдать и плакать о своем потерянном Сионе? Что будем, по крайней мере, помнить всегда, где мы и что с нами; не будем прилепляться сердцем к стране чуждей и плену нашему, а ожидать с радостию того вожделенного часа, когда рукою Ангела смерти сложатся с нас все узы, и мы возвратимся туда, где нет ни печали, ни воздыхания? Но посмотрите на мир человеческий. — Что увидите? Увидите купующих и продающих, услышите лики и тимпаны, всюду встретите людей, кои о том только мыслят, чтобы ежедневно радоваться и веселиться, праздновать и торжествовать. У многих потеряна самая мысль о Сионе, о том блаженном состоянии, в коем был человек первозданный; другие, если и вспоминают о нем иногда, то как о предмете, до них не касающемся. Остаться, если бы возможно было, на земле вечно, то есть вечно жить в плену земных нужд и треволнений, в узах страстей и болезней, — это для многих составило бы верх наград и желаний!.. Ничто не может раскрыть нам очей и показать, что мы не на своей родине, что мы в плену и заточении. Напрасно смерть без всякого порядка восхищает нас, одного за другим, в вечность: мы спокойно становимся на убылое место и продолжаем то же заблуждение!..

Так унизились, огрубели, обесчувствовали мы в плену нашем! До того забыто нами, что мы были некогда и чем паки быть должны! Малая токмо

часть, как бы неким чудом спасаясь от всеобщего ослепления, видит истинное положение человека на земле; чувствует, какое тяжкое иго на всех сынех Адамлих; воздыхает и плачет о падшем состоянии всех и каждого. И что же? Сии избранные, сии ясновидящие кажутся для всех прочих — людьми мрачными, мечтателями легкомысленными, существами малоспособными к жизни общественной, такими лицами, о коих должно сожалеть и коих бесполезно избегать!..

Поистине, если где, то в сем жалком ослеплении человеческого обнаруживается вся сила и ужасное свойство греха: ибо явно, что он не только лишает человека богоподобия, не только унижает его до состояния неразумных тварей, делает похожим на духа отверженного; но, вдобавок к унижению и плену, исторгает у него самую память о его прежнем величии и будущем предназначении. После сего бедный грешник не смеет поднять очей на небо, яко ему чуждое; не видит перед собою ничего, кроме земли; в угождении бедному чреву поставляет все свое блаженство; за мимолетными благами и забавами гоняется, как дитя; на самую смерть свою смотрит, как на дань природе, тогда как она есть точию¹ оброк греха.

Душа падшая, душа пленная, душа погибающая, пробудись от своего нечувствия и познай, кто ты! Грех и страсти унизили, ослепили, подавили, умертвили тебя; но ты и теперь более заключаешь в себе, нежели сколько есть в видимом мире: ибо ты — одушевленный образ Божий.

¹ Только (церк.-слав.).

Сама по себе ты не можешь подумать о том, чтобы сразиться с жестоким врагом твоим и разорвать узы, на тебя возложенные; но у тебя есть всемогущий Заступник, Который может *связать крепкого* (Мф. 12, 29) противника твоего, разрушить все твердыни его и преподать тебе все средства к возврату в отечество, предай себя Ему, — и невозможное сделается возможным. Как бы ты ни была погружена в чувственность, как бы ни были тяжки и велики грехи твои, хотя бы чернотою своею ты походила на самого духа злобы: все исправится, все убелится, все просветлеет, и ты паки соделаешься таким существом, в коем будет почивать Сам Бог; достигнешь еще на земле того величия, пред коим не со страхом токмо, но и с любовью начнет преклоняться вся тварь.

Хочешь ли, возлюбленный слушатель, узнать, как нам нужно вести себя в плену нашем, чтобы возвратиться в первобытное состояние невинности и блаженства?

Возьмем для сего пример с израильтян и их поведение в Вавилоне. Несмотря на удаление от любезного отечества, они духом и мыслию своею непрестанно были в Сионе и Иерусалиме: да вивает, как можно чаще, и наша мысль и наш дух не в селениях подобных нам грешников, а в светлых обителях Отца Небесного. Да соделается, как у израильтян, и у нас всех началом и концом занятий и всякого веселия мысль о Иерусалиме Небесном, о том блаженном часе, когда мы, сбросив тяжелые узы плоти, должны будем возвратиться в свое отечество.

Помышляя о святых радостях Сиона, израильтяне не хотели принимать участия в нечи-

стых забавах и языческих увеселениях вавилонских: да удалятся, сколько возможно, и от нас тлетворные забавы и утехы плотские, кои, в самом очищенном виде их, вредят уже тем, что губят драгоценное время и земленят сердце. Будем говорить почаще душе своей словами израильтян: *Како воспоем песнь Господню на земли чуждей?* Как нам веселиться и радоваться безумно, когда мы в плену греха, под гневом Божиим, с лютыми язвами в совести? Нам ли предаваться суетам и губить время, когда нас ожидает смерть, Суд Страшный и вечность?

Израильтяне в порыве праведного негодования изъявляли желание, чтобы самые младенцы дщери Вавилонской, лишившей их отечества, были разбиты о камень: вооружимся и мы святою ревностью против всех исчадий нашей греховной природы.

Начнем не только огребаться плотских грубых грехов, но избивать о камень самоотвержения самые нечистые помыслы, самые тайные зловожделения души и сердца. Если мы, одушевившись верою и призвав на помощь благодать Божию, пребудем постоянны в сем святом подвиге; то узы плена греховного будут со дня на день слабеть на нас; и мы, находясь еще в Вавилоне мира сего, начнем ощущать блаженную свободу духа, возноситься над всем бранным; а по прошествии кратких дней земной жизни, — когда Ангел смерти снимет с нас последние узы плоти, — в мире и с радостью возвратимся в Иерусалим Небесный. Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 2-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

(Перед исповедью)

Благо есть исповедатися Господеву!

Пс. 91, 2

Такому лицу, каков был святой Давид, — царю, ущедренному от Господа и дарами природы, и дарами благодати, и однако же глубоко падавшему иногда с высоты своего сугубого, царепророческого достоинства, без сомнения, не легче нас, братие мои, было исповедовать свои грехи и признаваться в своих беззакониях. Между тем видите, как он смотрит на исповедь — как на великую милость, как на драгоценный дар, как на улажнение души и сердца: *Благо есть исповедатися Господеву!*

А из нас многие идут к духовному отцу на исповедь, как на некое истязание, стыдясь учинить признание во грехах своих. Откуда эта разность? Оттого, что святой Давид ясно видел, как вреден и пагубен для человека грех, а мы не видим сего. Ибо кто видит смертоносную ядовитость греха, тот естественно старается освободиться от него, и потому любит исповедь, яко вернейшее к тому средство. А кто не уверен в заключающейся во грехе пагубе, тот по тому самому не дорожит и исповедью, а напротив, тяготится ею; ибо она заставляет его раскрывать перед служителем алтаря всю срамоту своих греховных деяний. Посему перед исповедью крайне нужно каждому исповедующемуся приобрести уверенность в

том, что грех есть величайшее зло для человека, так что, если он не освободится от него посредством покаяния и исповеди, то, рано или поздно, погибнет навеки.

Трудно ли увериться в сем? Нет, для сего довольно обратить внимание даже на одну, так сказать, поверхность греха.

Ибо что есть грех? — Нарушение пресвятой воли Творца. Теперь судите: малое ли дело стать противником и врагом Существа всемогущего, — того Существа, в руках Коего мы и весь мир, наша жизнь и дыхание, наше время и наша вечность! Что есть грех? Уклонение на сторону врага Божия — диавола. Опять судите, малое ли дело стать заодно с сим человекоубийцей, сделаться похожим на него в измене истине, заразиться его ядом змииным!

Что есть грех? Ослепление ума, развращение воли, искажение совести, растление тела. Безделица ли — испортить таким образом все богоподобное существо свое, уклонить его от цели бытия в противную сторону и внести в него семя тли и смерти вечной!

Что ожидает грешника в будущем? Ожидает еще большая тьма, еще большее измождение сил, еще большее горе и пагуба, ожидает конечное лишение всех благ, душевных и телесных, конечное отвержение от лица Божия, осуждение на вечное мучение в аде, с дьяволом и аггелами его.

Довольно и сих самых простых понятий о грехе, чтобы затрепетать всем существом своим при одной мысли, что ты грешник!

А трепеща при мысли о своих грехах, как не поспешить к исповеди, когда в ней, силою Премудрости Божией, открыт способ к примирению нас с Богом и своею совестью? Когда в ней за одно чистосердечное признание своих беззаконий и раскаяние в них подается совершенное прощение? Поистине, мы должны были бы спешить к исповеди и тогда, если бы в ней требовалось что-либо самое тяжкое для нас и неудобоисполнимое: ибо лучше все претерпеть и всего лишиться, нежели оставаться врагом Богу и другом диаволу. Но от нас ничего подобного не требуется, а только самое необходимое — чтобы мы исповедали свои грехи, показали отвращение к ним, решились оставить их навсегда и вознаградить прошедшее, чем можем, в настоящем. И от этого удаляться? И это почитать трудным? И ради этого оставаться во грехах? — Что же значит после сего наше покаяние? Где ненависть ко греху? Где любовь к Богу, к самим себе?

Скажем же, братие, и мы со святым Давидом: *Благо есть исповедатися Господеву*; и поспешим к святому налою, как преступники спешат к тому месту, где объявляется прощение и милость царская. Аминь.

**СЛОВО
В СУББОТУ 2-й НЕДЕЛИ
ВЕЛИКОГО ПОСТА
(По причащении Святых Таин)**

С чем приветствовать вас, возлюбленные? С окончанием или с началом доброго подвига? Можно приветствовать и с окончанием; но, ка-

жется, лучше с началом. Ибо, — ссылаемся на вас самих, — можете ли вы сказать, что дело спасения вашего кончено? Нет, оно кончится не ныне, не завтра, а, если даст Господь, вместе с нашей жизнью!..

Что же кончилось теперь? Окончилось обыкновенное и видимое так называемое говение; окончилось урочное хождение в церковь на богослужение; окончилось приготовление к Таинству Исповеди и Святого Причастия; — а дело спасения, это великое и святое дело, ах, оно еще не кончено, не кончено!..

Если бы хотя началось теперь во всех, как должно! И начало спасения дело не малое, больше всех, так называемых, великих дел мира. Ибо, что им предполагается? Предполагается, что душа, спавшая доселе сном смертным, бывшая добычею врага Божия, воспрянула, пробудилась, пришла в чувство и начала жить и действовать по законам истины и правды; — предполагается, что узы греха разорваны, плен страстей кончился, идолы плоти сокрушены, знамя веры и любви чистой поднято, путь из Египта в Ханаан начат: о, есть с чем приветствовать того, в коем положено это начало!

Есть ли же оно в вас? Веруем, что есть; ибо, не вы ли исповедали вчера свои грехи, дали обет не возвращаться на прежние беззакония и вести отныне мужественную брань с пороком и соблазнами века? Откуда могли произойти эта исповедь и сии святые обеты, как не из отращения ко греху и беззаконию? Не вы ли, вследствие вашей исповеди, прияли вчера отпущение

ваших грехов, вступили в мир с Богом и своею совестью? Что это, как не возвращение вам первобытного состояния невинности, не дарование свободы духа и совести, не новое рождение для новой жизни в Боге, для нового образа мыслей, чувств и действий? Не вы ли, наконец, приобщились ныне самого Божественного Тела и Крови Спасителя? Но что может служить лучше сего и к укреплению в духовной жизни, и в борьбе со страстями, и залогом обетований вечных?

Итак, в вас есть теперь все, из чего складывается начало нашего спасения, — и желание быть добрыми, и силы на добро, и решимость сражаться с пороками, и свобода от них, и вождение жизни вечной, и самый залог и обручение ее. С сим-то благим началом приветствуем мы теперь вас; приветствуем и молим хранить и продолжать начатое, воспользоваться преимуществами нового благодатного состояния, устремиться по пути правды, к вам приближенному и для вас открытому, употребить в дело благодать помилования и освящения, а для сего — немедленно размыслить, как вам вести себя отселе, что оставить, что начать и что продолжать. Ибо отчего погибали плоды прежних говений, исповедей и причащений? Именно оттого, что не было взято необходимых мер для их охранения; оттого, что с окончанием говения, думали, кончилось самое дело спасения; оттого, что, вышед из храма по причащении, паки тотчас предавались прежнему образу мыслей и действий. Погибнут сии драгоценные плоды и теперь, если поступим так же, как поступали прежде; погибнут и теперь, если

не поспешим удалиться от всего, что соблазняло и губило нас; погибнут, если не будем бодрствовать над собою, хранить свое сердце и совесть, ограждать себя непрестанно страхом Божиим и тайною молитвою.

Стойте же, возлюбленные, трезвитесь, бодрствуйте, мужайтесь, укрепляйтесь, возрастайте, усовершеншайтесь! Преподав вам вчера отпущение грехов, а ныне — Тело и Кровь Господа, мы уже ничего более не можем сделать для вас, как только продолжить наши молитвы о спасении вашем и быть готовыми руководить вас на пути к небу. А вам надобно изыти на дело и на делание свое до вечера вашей жизни. Господь Всещедрый, подавший вам духа покаяния и молитв, да дарует вам и духа постоянства и терпения *в деле блазе* (2 Фес. 2, 16–17) и да предохранит от пагубного возвращения вспять! Аминь.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ 2-ю ВЕЛИКОГО ПОСТА

Известно ли вам, братие мои, что в продолжение Великого поста каждый день недельный посвящен Церкви воспоминанию какого-либо великого события? Так, в воскресенье, непосредственно перед постом, воспоминается в церкви падение Адамово, дабы мы, приведши себе на память, как род человеческий изгнан из рая сладости за невоздержание, тем усерднее обლობызали Святой пост, яко дверь в рай потерянный. В первую Неделю самого поста совершается Торжество Православия, показующее, чего

стоило некогда сохранение сокровища веры во всей его неприкосновенности и сим самым научающее нас дорожить им по-надлежащему. На середине поприща постного предложится для поклонения Всечестной Крест, в ободрение нас к дальнейшим подвигам и для услаждения им горьких вод покаяния. Пятая седмица огласится именем святого Иоанна Лествичника¹, яко величайшего из подвижников благочестия, который не токмо сам, как орел, воспарил над всем дольным, но в творениях своих начертал и для других лествицу к небу. Последняя неделя Четыредесятницы начнется убожением памяти преподобной Марии Египетской, яко трогательнейшего образца покаяния: ибо первую половиною жизни своей она, как известно, превзошла едва не всех грешников; а в продолжение последней — удивила чистотою своею самих Ангелов. В нынешний день недельный, по уставу Святой Церкви, прославляются подвиги святого Григория Паламы, архиепископа Фессалонитского².

При таком распорядке в уставе Церковном, в каждую седмицу нынешнего поста первый источник для душевного назидания нашего есть воспоминание, вместе с Церковию, того лица или события, коему посвящена неделя. Мы тем с большею охотою воспользуемся ныне сим ис-

¹ Церковь чтит память прп. Иоанна Лествичника († 649), Синайского игумена, 30 марта / 12 апреля и в 4-е воскресенье Великого поста.

² Святителя Григория († 1357) за его борьбу с ересями Церковь называет защитником Православия и еще вспоминает о нем 14/27 ноября.

точником — и для вас, и для себя, что он, как ни близко протекает от каждого, но, к сожалению, весьма мало употребляется в дело, так что для многих почти вовсе неизвестен. Таким образом, слова и беседы наши с вами, если не будут иметь другого какого действия, то, по крайней мере, приведут сколько-нибудь в известность сей святой источник.

Итак, ныне, как мы сказали, совершается хвалебная память иже во святых отца нашего Григория Паламы (†1357). Чем заслужил он почесть столь великую? Не тем ли, что был пастырь знаменитой, особенно в древности, паствы Фессалонитской? Но мы имеем пространный список пастырей сей Церкви, и ни один из них не разделяет сей чести со святым Григорием. Или, может быть, он прославляется за то, что был просвещеннейший святитель своего времени и оставил нам много своих поучительных творений? Но и за это отличие надлежало бы прославлять не его одного, а и многих других, чего, однако же, не делает Святая Церковь. Можно еще подумать, что святой Григорий ублажается так за свою особенную святость. Это гораздо ближе к делу; ибо без святости жизни он никоим образом не соделался бы предметом похвалы для Церкви; но и сия причина не изъясняет всего, так как и святостию жизни отличался не он один, а многие. Если целая седмица Святого поста украшается именем святого Григория, то должно быть в самых деяниях его нечто такое, почему он особенно приходит на память во время поста, и вследствие чего воспоминание о нем

служит к особенному назиданию для постящихся. Что бы это было такое? — То, как видно из жития его, что он, во-первых, был один из величайших подвижников в монашеском и, следовательно, постническом и труженическом образе жизни на Святой Горе Афонской. Там провел он большую часть своих дней в посте, молитве и безмолвии, и там возрос он до той чистоты сердца и высоты духа, что соделался видимым и ощутительным для всех сосудом благодати Божией. — То, во-вторых, что святой Григорий был ревностнейший поборник жития пустынного и, следовательно, постного, против тех, кои хотели очернить и унижить его разными клеветами. Последнее обстоятельство сие требует пояснения: посему мы войдем в некоторые подробности, кои, впрочем, таковы, что могут послужить к назиданию и в наше время.

Пустынножители Горы Афонской, ведя образ жизни подвижнической, до того очищали себя от всего плотского и до того утончались и возвышались в духе, что многие из них сподобляемы были откровений и видений духовных, особенно — осияния светом небесным, подобным тому, который виден был окрест Спасителя на Фаворе. В событии сем не только не было ничего противного духу Евангелия, но, можно сказать, оно было доказательством и залогом того, что обещается в нем праведникам: то есть что они сами просветятся, яко солнце в Царствии Небесном. Ибо удивительно ли, что те, кои предназначены быть некогда, яко солнце, и ныне уже, на земле еще, озаряются, яко луна светом

от духовного Солнца, еже есть Христос Господь? Но иначе смотрели на сей духовный опыт враги Православия. Вместо того чтобы признать с благоговением в нем успех подвижников в духовной жизни, они смотрели на него, как на плод воображения. Мало сего: начали разглашать всюду, что афонские пустынники впали не только в самообольщение, но и в ересь; что они, усвояя сему пренебесному свету Божественность, вводят якобы в Божество два начала — сотворенное и несотворенное, — что подобным учением нарушается даже вера правая.

Можете представить, братие, как горька была клевета сия для обитателей Святой Горы и как тяжела для всей Церкви Православной! Среди тогдашних треволнений еретических Афон всегда был, яко духовный Арарат, на коем находил себе пристанище и спасался ковчег Православия; — и вот, на сем самом Арарате, как утверждали зломыслящие, является ересь, является под видом самым благочестивым, и, следовательно, наиболее опасным! Такая мысль могла привести в смущение и тех, коих *чувствия* обучены, по выражению апостола, *долгим учением* на различение добра и зла (Евр. 5, 14); тем паче не могли оставаться в покое души простые и малоопытные в жизни духовной: вся Церковь Греческая пришла в сильное волнение!..

В сие-то опасное для Церкви время пастырь Фессалонитский является, яко Ангел тишины для укрощения бури. — Обладая обширным и глубоким познанием Священного Писания, он показывает всем и каждому, что учение о све-

те фаворском, коего видения сподобляются подвижники афонские, совершенно согласно с духом Евангелия, что те, кои сомневаются в бытии сего света и в озарении им избранных Божиих еще на земле, обнаруживают сим только недостаток своей чистоты и своих духовных подвигов. — Как ученик и воспитанник Афона, коему не по слухам только, а на опыте известен был образ жизни тамошних подвижников, святой Григорий входит во все подробности спорного предмета, преследует каждую клевету зломыслящих от первого ее начала и до последнего конца, и, рассеяв таким образом тьму, наведенную на Святую Гору, показывает ее во всем, доколе еще не так известном, величии духовном. Самый плен у сарацин не связывает уст святого Григория: он и в узах продолжает разить врагов Православия и утверждать в истине колеблющихся чад Церкви.

В благодарность за сии-то апостольские подвиги, доставившие мир Церкви Православной и приобретшие Григорию наименование — «сын света Божественного», вскоре по святой кончине его единодушно положено пастырями Церкви, чтобы память о нем украшала собою настоящий день недельный. И праведно! Поелику им ограждена и защищена честь не жителей токмо Афона, а всей жизни подвижнической; спасена честь Святого поста, яко первейшего из средств, коим святые подвижники афонские достигали озарения светом Божественным: то воспоминание подвигов святого Григория всего более потому приличествовало не другому какому-либо времени, а именно дням Великого поста.

Мы, благодарение Господу, свободны от еретических треволнений, смущавших Церковь во время святого Григория, но память о нем весьма поучительна и для нас. Чем? — Тем, чтобы мы, содержа в уме древний пример, не позволяли себе увлекаться теми легкомысленными суждениями о жизни подвижнической. И в частности о Святом посте, кои, к сожалению, можно слышать по временам и из уст людей, не чуждых уважения к Церкви. Тем паче, чтобы заграждали слух свой от безумного глумления в сем роде тех, кои берутся судить о всем и отвергать все, сами не ведая, как должно, ничего. Не удивительно, если духовные опыты святых подвижников всего чаще подвергаются нареканию у таковых лжеумников; ибо они слишком удалены от их скудного и слабого понятия о предметах духовных и совершенно противоположны их оплотянялому взгляду на все и на самый дух человеческий.

Если встретите подобных людей, если услышите подобные речи, — то вспомните о святом Григории и его подвиге; вспомните, как он рассеял и низложил клеветы на святую жизнь подвижников. Такое воспоминание послужит для вас всегда готовым щитом против соблазна. — Не в первый и не в последний раз жизнь по духу подвергается нареканиям от людей плотских. Апостол давно сказал, что *плотский человек не приемлет, яже Духа Божия, и не может разумети; юродство бо ему есть* (ср.: 1 Кор. 2, 14). Приметьте выражение апостола: *и не может разумети*; как же судить о том, чего не разуме-

ем? Чтобы судить о духовных предметах, тем паче о духовных опытах, надобно самому судящему сподобиться Духа, чего да достигнем все мы благодатию Господнею и молитвами святого Григория! Аминь.

СЛОВО НА ПАМЯТЬ ЧЕТЫРЕДЕСЯТИ МУЧЕНИКОВ

Жалуются иногда на недостаток в церкви проповедников; а мне кажется, что у нас меньше слушателей, нежели проповедников. Ибо, верно, немало таких церквей, в коих не найдется и по десяти слушателей, а проповедников ныне в каждой церкви по четырехдесяти. Так называю я празднуемых ныне святых мучеников¹; и, верно, никто не лишит их сего священного титла. Ибо если, по слову Писания, не мал уже и тот, кто *возвещает истину* словом и *устами* (ср.: Пс. 88, 2), еще более тот, кто проповедует своими делами и жизнью, то на какую высоту должно поставить того, кто за истину проповеди евангельской пролил свою кровь и претерпел смерть мученическую? Пред такую проповедия все наши слова и все наше витийство суть яко слабое лепетание младенца пред величественною речью мужа и старца. Не такая ли проповедь сокрушила идолов и привлекла ко Христу Вселенную? У первобытных христиан, гонимых кесарями и философами, не было не только кафедр пропо-

¹ Память сорока мучеников Севастийских († ок. 320) Церковь совершает 9/22 марта.

веднических, ниже¹ храмов; самое богослужение и Таинства совершались изредка, тайно, под землю, среди безмолвия полунощного.

Но глас евангельской проповеди гремел немолкну во все концы земли: не давал покоя ни кесарям, ни философам, влеча всех и каждого ко Христу. Откуда исходил он? Из мрачных темниц, наполненных христианами, — из раскаленных печей и конобов², в кои повергали их, — с пылающих костров и крестов, облитых кровию свидетелей истины. Является на позор среди града или веси исповедник Христов, — и начинается проповедь! Ему предлагают прощение и свободу, богатства и почести, иногда цветущую красотою невесту, да поклонится идолам; но он возводит очи горе — и вместо ответа знаменует себя крестом!.. Его подвергают мукам, бичуют, жгут различными огнями, рвут тело клещами, лишают очей и уст: он терпит без ропота и молится о самых мучителях! Его предают на растерзание лютым зверям, или пригвозждают ко кресту, или повергают с камнем на вые в море: он сретает смерть с таким светлым лицом, с каким редкие идут под венец брачный. Удивительно ли после сего, что самые грубые толпы народа, пораженные величием души страдальца, пришед сами в умиление и некоего рода святой восторг, восклицали: «Велик Бог христианский! Свята вера, дающая такое мужество и презрение жизни!» Сею-то проповедию, братие мои, побежден мир; не оружием, не красноречием, не

¹ Даже (церк.-слав.).

² Котлов (церк.-слав.).

мудростию землею! И вот подобных проповедников является ныне пред нас не один, не два, не десять, а четырёхдесят, как бы по числу дней Святого и Великого поста.

Что же они нам проповедуют? Проповедуют любить Христа до смерти, не бояться на земле ничего, кроме Бога, — пренебрегать всеми благами мира, как брением¹, веровать в жизнь будущую так, как бы она была пред очами нашими. Ибо, что могло расположить их отвергнуть все ласки и обещания судьи, презреть все угрозы и лютость мучителя, как не живая вера во Христа и упование жизни вечной? Что заставило претерпеть мраз всеобщего пребывания в озере² зимнем, сокрушение ног и голеней млатом, как не все терпящая и николиже отпадающая любовь ко Христу? — «Не точию честь воинскую, но и самые тела наши возьми от нас: ничтоже бо нам есть дражае, ничтоже честнее, паче Христа Бога нашего», — так отвечали мученики на угрозы игемона³. Что же мучитель? Кипя гневом и пользуясь временем года, он повелевает их, связанных и обнаженных, повергнуть в озеро, да погибнут от мраза; и в то же время, злохитрый, велит устроить на берегу баню, да желающий избежать смерти обретет себе в ней жизнь. Таким образом и мраз и теплота равно служат злобе мучителя и во искушение подвижников. Но кто и что может разлучить истинно верующих от любви Христовой? Павел давно за всех

¹ Грязью, греховным (*церк.-слав.*).

² Мороз, стужу; в озере (*церк.-слав.*).

³ Правитель, римский начальник завоеванной области (*греч.*).

их дал ответ, что сего не могут сделать *ни живот, ни смерть, ни настоящая, ни грядущая* (ср.: Рим. 8, 38).

Как бы вы мнили, братие мои, проведут святые подвижники ночь в озере? Будут воздыхать, плакать, желать, по крайней мере, скорее смерти и призывать ее? Нет, они совершат там всенощное богослужение. Слышите ли, как начинают раздаваться по воздуху псалмы Давидовы? Слышите ли целый хор гласов, призывающих небо и землю, мраз, снег и дух бурен хвалить имя Господне? Это гласы святых страдалцев. Тело их покрывается льдом, а сердце разгорается любовью Христовою; уста от мраза цепенеют, а дух парит, как пламень, горé, к Богу крепкому и живому. О озеро, не водами, а молитвами наполненное! Не ветром, а Духом Божиим колеблемое! Не бессловесных жителей, а как бы Ангелов бесплотных вмещающее!

Если где, то над сим святым местом и среди сего всенощного бдения можно было ожидать особенного знамения небесного; и оно последовало! Среди мрака полунощного внезапно разверзаются небеса, являются венцы небесные и сходят на главы страстотерпцев. Но что значит, что сих венцов тридесять девять? Где же четвердесятый? Увы, его нет на небе, потому что не стало на земле! — Един из страждущих, не стерпев мук, обратился к бане, устроенной мучителем; но где мнил, несчастный, обрести спасение, там внезапно испустил дух. Но место не устоявшего в брани не останется праздным; не нарушится святое число страстотерпцев. Званный обратился вспять, — явится не званный, но из-

бранный. В самом деле, кто это без судей и мучителей течет к езеру, свергает с себя одежду и со гласом: «Я христианин» — становится о страну святых мучеников? Это один из их же стражей, который не предался сну, подобно собратиям своим; бдел, яко добрый воин, на страже; видел все терпение и всю веру слуг Христовых; зрел венцы, на них сходящие с неба; и, уразумев недостающее число их, по причине малодушия единого, спешит восполнить собою недостаток и принять тот венец, от коего уклонился маловерный собрат их. Опять полный лик, опять всецелое торжество, опять совершенная победа над диаволом! Четыредесять вошло в езеро, четыредесять и выйдет, да не будет ни малейшей радости врагу Божию!¹

Видите ли, как справедливо сказано нами, что каждый мученик есть проповедник? Чем привлечен сей новый подвижник? Не проповедию с кафедры церковной, а венцом святых исповедников, стоявших за Христа всю ночь в хладном езере. Может быть, он сто раз слышал проповеди учителей христианских, но оставался во тьме идолопоклонства; когда же увидел страдание и мужество исповедников, когда без слова и проповеди уразумел истину и тронулся душою — вознебрег своим званием, самою жизнью, и в одну минуту из язычника взошел на высоту мученика.

Так действовал некогда пример святых мучеников! Над нами, кажется, и он потерял всю силу. Святые подвиги их, торжествуемые Церковию,

¹ См.: Четьи-Минеи, 9 марта.

соделались для нас похожи на те сонмы звезд, кои за отдалением сливаются для нашего глаза в туманно-светлые пятна. Когда наводится на эти пятна зрительная труба, они разделяются в яркие звезды, и мы дивимся их величию; а во все прочее время не обращаем на них никакого внимания, даже не знаем о их существовании. Так, когда проповедник ли, или какая книга расскажет нам о подвигах мученических — мы изумляемся величию души их, не думая, однако же, нисколько о том, чтобы взять с них пример для своих действий, засветить от их небесного огня в своем сердце веру, устремиться по следам их любви к Богу. А без книг и проповедника деяния мучеников для нас, по невниманию нашему к ним, как бы не существуют. Даже те из нас, кои носят имена святых мучеников, часто вовсе не знают, кто был тот, коего именем они отличаются со дня своего рождения.

Но обратимся к нашим проповедникам. Итак, озеро не потопило их; мраз зимний не погасил в них пламени веры и любви: вошли в озеро простыми воинами Христовыми, а вышли с венцами победными; все воинство диавола низложили, а сами не потеряли ни единого ратника, ибо на место взятого в плен тотчас явился новый. Что же делает мучитель? Осуждает их на перебиение голеней и сим, не ведая сам, уготовляет им новый венец на небе и даже новую отраду в самом мучении на земле. Ибо сим родом мучений и смерти они, подобно апостолу Павлу, восполняли в себе *лишение скорбей Христовых* (Кол. 1, 24).

Мог ли после сего оставить их без подкрепления на сей подвиг Тот, Кто Сам в вертограде Гефсиманском благоволил быть укрепляем от Ангела (см.: Лк. 22, 39–44)? — И се, — в час полунощи, которую святые мученики проводили в молитве и песнопении, ожидая наутро смерти, темница их исполняется светом небесным, и они слышат глас, глаголющий: «Веруй в Мя, аще и умрет, оживет! Дерзайте, мужайтесь, стойте: побеждающий примет венец жизни!» — Ободренные сим гласом, страстотерпцы наутрие шли на смерть, как мы возвращаемся после долговременного отсутствия в дом отеческий.

Итак, душа их уже воспарила на небо; но святые тела оставались еще во власти мучителей. Что же делают слуги сатаны (ибо он один был истинным врагом Христа и гонителем христиан — судии и мучители языческие были только его слепыми орудиями, ревнуя по чести мнимых богов своих)? Зная, что христиане дорожат останками святых мучеников и чтут с благоговением их яко святыню, они умышляют лишить их сего сокровища: для сего предают тела пламени, и потом самые останки после сожжения высыпают в реку, да не останется на земле и следа от свидетелей истины. Но что могут все усилия врат адовых против Царства Христова? — Не напрасно написано: *Хранит Господь вся кости их, и ни едина от них сокрушится* (Пс. 33, 21). В постыждение злобы и лукавства сатаны, мученики являются в сновидении епископу града и повелевают ему именем Божиим взять из реки то, что осталось от телес их. Повеление радостное,

но как исполнить его? Как приступить к реке перед глазами мучителей? И, приступив, как найти то, что поглощено водою и смешалось с струями речными? Но для веры и упования нет неисполнимого. Святитель с малым числом верующих идет к реке ноцию, без всяких светильников, не ведая сам, как обретется сокровище. И се, кости мучеников сами собою являются тотчас, как звезды, на дне потока, блистая сиянием небесным; и верующие без всякого усилия собирают их, яко драгоценное сокровище, яко ободрение для самих себя на подвиг мученический.

Да, братие мои, на подобный же подвиг мученический. Тогда было не то, что ныне: нельзя было, подобно нам, быть христианами по одному имени. Исповедовать Христа значило в то время быть готовым на все: ныне лишиться имущества, завтра подвергнуться ссылке, послезавтра идти на костер или на борьбу со львами и тиграми. И некоторые сомневаются еще, находя в жизни мучеников чрезвычайные знамения и откровения небесные, коими Господь утешал иногда и ободрял их! Но могло ли быть иначе? Когда верные рабы Господни непрестанно жертвовали для славы имени Его всем, самую жизнь, то могла ли любовь Его оставаться холодной к тем, кои умирали за Него, и не обнаруживать себя пред возлюбленными Своими особенными знамениями; когда и нам, кои для Господа не переносим никаких трудностей, не роняем со главы нашей, можно сказать, ни одного волоса; когда, говорю, и для нас Господь Великодаровитый делает так много — оставляет столько Святых

Таинств, хранит нерушимо Церковь, не отъемлет Евангелия и Креста Своего, ни благодати Святаго Духа? Всемогуций не мог не являть чудес, когда слабый человек при всей немощи своей, являл с своей стороны, можно сказать, чудеса веры и терпения. Посему я в большее прихожу удивление, когда встречаю жизнь мученика и не вижу чудес, нежели когда нахожу их в избытке.

Взглянем еще раз на светоносный лик наших нынешних проповедников: наших, говорю, — ибо в самой вещи весьма возможно, что они в сем храме теперь не только духом, но и нетленными телесами своими. В каждом храме, как небезызвестно, вероятно, и вам, есть мощи святых мучеников; но каких именно, того не ведают самые служители храма. Ибо мощи сии преемственно переходят из храма в храм, начав с первобытных времен Церкви. Поелику же нынешний лик мучеников один из самых многочисленных, то не удивительно, если и в нашем храме есть хотя одна из тех святых костей, кои, как видели мы, яко звезды блистали среди потока во тьме ночной.

Что же вещают нам святые мученики, присутствуя с нами и святыми телесами своими, или точию духом? Все вещают, как мы заметили в начале слова, единое и тожде, то есть любить Господа Иисуса до смерти, не менять заповедей Его ни на что в мире, все терпеть и переносить для сохранения драгоценного залога веры и любви, не почитать ничего страшным, кроме Суда и гнева Божия, жить на земли для неба и вечности и презирать, совершенно презирать и

ни во что вменять, где нужно, не только землю и все земное, но самое тело, самую жизнь свою. Аминь.

СЛОВО В СРЕДУ 3-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Ныне Силы Небесныя с нами невидимо служат: се бо входит Царь славы; се Жертва тайная совершена допринесется. Верую и любовью приступим, да причастницы жизни вечныя будем!¹

О каком земном торжестве, как бы велико и славно ни было оно, можно сказать таким образом? В земных торжествах если есть что-либо важное и великое, то оно бывает обыкновенно снаружи, перед глазами всех и каждого; а то, чего не видно, бывает нередко мало, даже низко. А в Таинствах Церкви напротив: видимое часто мало и как будто слишком просто и обыкновенно, а незримое и понимаемое всегда высоко, свято, божественно. Так и при настоящем богослужении, по видимости, происходит немного: после пения сего священного гимна во многих храмах исходит из алтаря один смиренный священнослужитель с святым сосудом в руке и с диском на главе. Но сила совершаемого Таинства всегда одна и та же: первый в мире святитель ничего не прибавил бы к важности происходящего, равно как и последний из служителей алтаря ничего

¹ См.: Молитва священника и диакона в алтаре и песнопение хора перед Великим входом, из последования Литургии Преждеосвященных Даров.

не может убавить из его величия. Каждый раз, в каждом храме, вместе с человеками самые Силы Небесные служат, довершают, то есть, своим невидимым содействием то, чего не достаёт в видимых служителях Тайны. Кто мог бы поверить сему, представляя себе величие существ премирных? Ибо сказать — Силы Небесные служат, значит более, нежели как если бы кто сказал: все цари и владыки земные служат. Но с другой стороны, когда слышишь, что во время сего священнодействия входит Сам Царь славы, то всякое недоумение исчезает тотчас. Ибо где Царь неба, там должны быть и небесные слуги Его, как бы высоки и важны они ни были. Как в человеческом быту, царь, где ни явится, — хотя бы в самой последней хижине, хотя бы в темнице, — самый первый вельможа почтёт себе за особенную честь сопровождать его, и показывает ещё большее внимание и усердие, нежели в самом дворце царском. Так и здесь. С радостью и благоговением чины ангельские предстоят Престолу Божию на небе; но ещё с большею (если возможна для них большая) радостью и благоговением являются они на служение Господу своему на земле, в храмах наших: ибо здесь видят они в Нем то, чего не видят на небе; то есть не только крайнюю Его любовь к нам, бедным тварям, но и Его все превосходящее смирение, по коему Он, будучи Царь славы, является на алтарях наших яко жертва, приносимая за грехи человеческие. В виду такого смирения Самого Царя можно ли думать о своем величии Его слугам? И ныне они и с нами, недостойными, служат, и без

сомнения, с стократ большею чистотою, благоговением и любовью, нежели мы, нечистые и грешные.

Судите после сего, братие мои, как необходимо и справедливо то, чего требует от нас Святая Церковь; то есть, чтобы мы приступали с верою и любовью к тому, что предлагается ныне на Святой Трапезе. Надобно приступать с верою, ибо если приступить без веры, то, можно сказать, не к чему и приступать. Ибо, что в это время на Святой Трапезе для человека без веры? Малый по виду, преждеосвященный хлеб, или, точнее сказать, часть хлеба, которая приготовлена руками человеческими и, по видимости, мало чем отличается от хлеба обыкновенного. Только для веры этот малый хлеб важнее всего в мире; только она созерцает в нем животворящее Тело и Кровь Христову, в коих заключена для нас жизнь вечная. Посему-то и должно приступать с верою, и притом живою, пред коею невидимое, как видимое. Ибо есть и вера слабая, колеблющаяся, которая мало чем отлична от сомнения, потому и мало приносит плода для человека. Такою слабою верою веровал некогда Петр, и утонул. Ибо не сказано ему: неверный, а *малове́ре* (см.: Мф. 8, 26)! Вера была у него, только слабая; потому и не могла спасти от потопления. При такой вере обыкновенно раздаются множество вопросов: что, как, почему, для чего? Между тем как вера полная и живая не знает никаких недоумений: она, по замечанию апостола, *всему веру емлет* (1 Кор. 13, 7). Нет нужды, что апостол сказал это о любви, а мы прилагаем это к вере; ибо истинная вера и любовь неразлучны

друг от друга, посему-то и в настоящем случае требуется с верою и любовью: *верою и любовью приступим!*

И мне кажется, что если делить неразделимое, то без веры еще приступить можно, — ибо для веры в настоящем случае потребно со стороны души нашей даже некое усилие, так как надобно признавать за истину то, что незримо для очей телесных, — а без любви, коль скоро есть вера, кажется, нельзя и приступить, то есть нельзя подойти к сему Таинству и тотчас не исполниться любовью к Спасителю, подобно как нельзя приблизиться к великому огню и тотчас не почувствовать теплоты и жара. В самом деле, если подобное производит подобное же, то где более места для любви, как не при Таинстве Евхаристии? Что она есть иное, как не выражение величайшей любви к нам нашего Спасителя? Кто, кроме Его, питает тебя Телом и Кровию Своею? Не говори, что это для Него не стоит теперь труда: ибо, если теперь нетрудно Ему делать это чудо, то подумай, чего стоило сделать его вначале? Для сего надлежало взойти на Крест, умереть в муках, быть вместе с злодеями, лечь во гроб. Кто сделает для тебя это? Как же после сего приступить к такой любви без любви? *Верою убо и любовью приступим*, как внушает Церковь: приступим верою, прозревая в то, что сокрыто от очей телесных; приступим любовью, предавая себя всецело Тому, Кто предал Себя за нас до смерти крестныя.

Но, Боже мой, как противны расположение и действия некоторых людей тому, что в настоя-

щем случае быть должно! Не замечаете ли вы, братие мои, как в то самое время, когда Церковь возглашает: *Ныне Силы Небесныя с нами невидимо служат; се бо входит Царь славы!* И когда истинно верующие или, что в сем случае одно и то же, все истинно разумные повергаются с благоговением долу, не смея возвесть очей на Святые Тайны, несомые священником, как, говорю, в это самое время иные не только видимо продолжают вращать мирские помыслы в душе своей, но не стыдятся выставлять своего бесчувствия и рассеяния даже наружу — перед вами, так что, когда другие лежат в смирении долу, они стоят бесчинно, заводят разговоры, показывают на лице смех, в движениях — неблагопристойность? Вот до чего может простираться, не скажу, безверие, — ибо его часто у таковых людей нет, — а неразумие, безрассудство и бесстрашие! Зачем в таком разе уже и ходить в церковь? Лучше сидеть дома и заниматься каким-либо делом; ибо такое поведение в церкви сопряжено с ужасным грехом для души. В таких людях — на этот, по крайней мере, раз — не только нет никакой любви к своему Спасителю, а напротив, какая-то как бы ненависть и вражда. Ибо как же не вражда, когда ты не только сам не оказываешь уважения к Таинству Господню, а еще возмущаешь собою чувства тех, кои стоят во храме, и не даешь им помолиться с благоговением? Не так ли точно поступают с своими врагами, стараясь отнимать у них уважение, им оказываемое? Вероятно, таковые люди не представляют себе этого; но поступок их оттого не лучше, — и если Церковь

о верных чадах своих говорит, что с ними находятся в храме Силы Небесные, то о сих несчастных должно сказать противное, что с ними и в храме — силы преисподние, научая их глумиться, когда должно плакать, — заводить разговоры, когда от благоговения надлежало бы в молчании пасть на землю. Не возмущайтесь, братие мои, таковым бесчинством: оно попускается Господом для нашего испытания! Ибо Он мог бы тотчас послать на таковых гром и молнию. Самые Силы Небесные, в храме находящиеся, не замедлили бы стать за честь своего Владыки и обратили бы в прах безумных презрителей дома Божия: но милосердие Божие терпит их, давая время на покаяние, а с другой стороны — испытывая сим нашу веру и терпение в молитве, посему, говорю, не смущайтесь много сим несчастным примером; но тем паче не увлекайтесь им к подражанию. Ибо чему тут подражать? Кто бы ни были такие люди, чем бы ни отличались в мире, поступая таким образом, они глупее малолетних детей. Ибо дитя, когда видит, что перед ним происходит что-либо важное и священное, стоит внимательно, устремив взоры на происходящее, посему тут место не подражанию, а сожалению, ибо как не пожалеть о таком бесчувствии и забвении не только святости места, но и всякого приличия? Чтобы, однако же, подобный пример не оказал какого-либо вредного действия на малолетних, кои еще не могут судить о лицах и вещах правильно, то не оставляйте внушать детям вашим, как худо поступают те, кои ведут себя в церкви таким образом, как это глупо, бесчестно и богопротивно, как все этим недовольны, дабы заранее поселить

таким образом в них уважение ко храму Божию. Ибо и сии несчастные своевольцы поступают бесчинно во храмах, по всей вероятности, потому, что с молодых лет не было кому наставить их и внушить, что значит храм, и что здесь, во время совершения Таинств, сами Силы Небесные с нами невидимо служат. Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 3-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Свет Христов просвещает всех!*¹

Одно из самых знаменательных священнодействий в Великопостной Литургии то, когда среди чтения из Ветхого Завета паремий вдруг разверзаются Царские врата, является среди их священнодействующий с свещою и кадильницею в руке и, знаменуя ими предстоящих во образ Креста, возглашает: *Свет Христов просвещает всех!* Неудивительно, если при этом всяк из предстоящих преклоняет главу свою до земли: ибо разверстие Царских врат образует собою отверстие самих небес; светильник и кадильница знаменуют полноту даров Духа Святаго; а появление священнодействующего есть яко явление Ангела с неба. Кто будет столько надменен, чтобы не преклониться пред сими знаменами благодати Божией?

Но не одного простого преклонения глав или повержения себя пред светом Христовым долгу

¹ Возглас священника во время входа с кадилом, из последования вечерни перед Литургией Преждеосвященных Даров.

ищет при сем от нас Святая Церковь. Нет, в духовном смысле она хочет противного — восклонения наших глав пред сим светом, открытия пред ним всего существа нашего, дабы таким образом мы от ног до главы озарились сим Божественным светом, наполнились им всецело и чрез то сами сделались светоносными, каковыми и были первенствующие христиане, о коих апостол Павел пишет, что они *яко светила в мире* (Флп. 2, 15).

Чтобы войти лучше в намерение при сем Святой Церкви, рассмотрим силу и значение слов, произносимых священнодействующим.

Свет Христов просвещает всех!

Сими словами предполагается, во-первых, недостаток во всех нас света истинного. Ибо если бы мы были светлы сами по себе, то не было бы нужды просвещать нас. И действительно, человек, не озаренный Евангелием, есть тьма, и тьма глубокая, как учит святой Павел (Еф. 5, 8). Не вдруг согласятся с сим те, кои озарены светом наук и называются людьми просвещенными. Но это потому, что сии люди, занявшись науками, по надежде на мерцание, ими проливаемое, редко и мало обращают внимание на внутренность своего духа и сердца и не видят, что там, в каком мраке находится их душа и совесть. Если, впрочем, кто из них же вникает хорошо в свойство своих познаний, а с другой стороны — углубляется со вниманием в истинные потребности души своей, то скоро начинает видеть, что света, заимствованного от наук, как бы он велик ни был, далеко недостаточно для их удовлетворения, — что

в отношении к некоторым самым важным предметам, без познания коих человек, можно сказать, есть не человек, они столь же не сведущи, как и последний простолудин, а потому наряду с ним имеют нужду в озарении свыше.

Свет Христов просвещает всех!

Сими словами, во-вторых, предполагается полнота и преизбыток для всех света Христова. И действительно, в нем нет недостатка ни для кого. Он просвещает и самых мудрых — открывая им тайны Царствия Божия, коих никакой ум сам собою открыть не мог, — и самых буиих, отвержая им, вместо стихийного ума, очеса сердца, коими они видят утаенное от премудрых и разумных века сего. Просвещает и самых богатых, научая не превозноситься ради тленных благ, богатеть не в себя, а в Бога, и сокровывать сокровище там, *идеже ни тля тлит, ни татие¹ подкопывают и крадут* (ср.: Мф. 6, 20), — и самых бедных, показуя им внутри их самих богатство, коего не стоит весь мир, уча быть нищими не одним телом, но и духом, да стяжут Царствие. Просвещает и самого первого властелина, приводя на память, что над ним есть Владыка, Который потребует строгого отчета в каждой слезе, от него пролитой, — и самого последнего раба, утешая его тем, что внутренней свободы духа и совести никто у него отнять не может, что человек добродетельный в самых узах выше всех счастливых мира и ближе к Спасителю, Который, будучи Сыном Божиим, нас ради принял зрак не царя, а раба и слугителя всем; просвещает старцев, откры-

¹ Воры (церк.-слав.).

вая пред ними жизнь нестареющую, призывая от земного странствия туда, где успокоение от всех трудов. Просвещает юношей, располагая к борьбе со страстями и похотьми, — просвещает самых младенцев, отвержая им уста на хваление Господа.

Свет Христов просвещает всех!

Произнося слова сии устами служителя своего, Святая Церковь как бы говорит: может быть, некоторые жребием ли рождения или обстоятельствами жизни будучи удалены от света наук и мудрости земной, окаявают свое мнимо-несчастное положение и думают, что они, находясь с одним природным смыслом, не могут, подобно людям просвещенным, достигнуть цели бытия своего и должны навсегда оставаться позади их не только во времени, но и в вечности. Да не унывают таковые напрасно и да не теряют мужества! Тот, Кто в мире чувственном повесил на небе солнце и луну, — да освещают равно всех, — Тот не забыл и в мире духовном разлить свет для озарения всех и каждого без исключения. Посещай церковь, слушай Евангелие — пророков и апостолов; и кто бы ты ни был, земледелец или воин, дитя или старец, слуга или поденщик, узнаешь все, что нужно человеку знать для своего спасения, для того, то есть, чтобы явиться в вечности, куда мы все должны идти, способным к своему великому предназначению.

Свет Христов просвещает всех!

Может быть, некоторые, — как бы так еще говорит Церковь, — наполнившись сиянием от светильника наук и мудрости земной, вообра-

жают, что им уже не нужно никакого просвещения, что они знают все, что нужно, и могут спокойно оставаться с своим запасом познаний. Да выйдут таковые из своего опасного предубеждения! Доколе они не изучили Евангелия и Креста Христова, не уразумели, как должно, что вещают о человеке пророки и апостолы — дотоле они не знают самого необходимого. Только во свете Христовом можно видеть Бога, себя и мир в истинном их виде; только по указанию откровения небесного можно найти стезю, ведущую в живот вечный.

Свет Христов просвещает всех!

Посему, как бы так говорила Церковь, всем и каждому должно ходить во свете и творить дела света. Бедный язычник может сказать еще, что он не знал, как ему вести себя в сем мире, ибо не имел в руках Евангелия; христианин — безответен! Свет Христов озарял для него все, показывал ему и его собственную бедность, и богатство к нему милости Божией, и прошедшее наше состояние в раю, и будущее состояние в Царствии Небесном, и путь узкий, ведущий в живот вечный, и путь широкий, вводящий в пагубу, и силу Креста Христова, и необходимость крестоношения собственного. Все освещено, раскрыто, указано всем и навсегда! Посему и должно всем ходить во свете, избегать дел тьмы, не предаваться сну и беспечности.

Таков, братие мои, смысл священных слов: *Свет Христов просвещает всех!* Церковь повторяет их и в научение, и в предостережение наше.

Наше дело — после сего осмотреться и узнать, каким светом водимся мы в жизни — Христовым или каким-либо другим? Какой бы ни был свет сей, но если он не Христов, — то в отношении к вечному спасению нашему все равно, что тьма, и даже еще иногда хуже тьмы. Ибо застигнутый тьмою человек, по крайней мере, или останавливается, или идет тихо и ошупью и старается, если можно, выйти на свет. А при сиянии ложного света человек бывает спокоен, идет не останавливаясь, позволяет себе всякого рода движения, смело переменяет пути и направления; и поелику водится ложным светом, как пловец на море, то или подвергается неминуемым опасностям, или заходит туда, откуда нет возврата. Не сие ли самое случается со многими умниками, кои, по надежде на мудрость мирскую, пренебрегают светом Христовым? — Куда обыкновенно приходят они наконец и приводят идущих за ними? Приходят и приводят в такую бездну нечестия и разврата, на которую один взгляд исполняет трепетом сердце, не потерявшее чувств человеческих.

Блюдитесь, братие мои, сего ложного света, который в наши времена особенно начал ослеплять собою очи у многих. Памятуйте твердо, что един Христос есть истинный свет наш, просвещающий всякого человека, грядущего в мир и исходящего из мира: и если сретите какого-либо наставника, то первее всего старайтесь узнать, какого он света есть. Если не Христова, то кто бы он ни был, заграждайте от него слух и сердце ваше. Ибо как в мире чувственном солнце одно

и нет другого света, кроме его, так и в мире духовном едино истинное и животворное светило — Господь и Спаситель наш, Иисус Христос, Ему же слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ КРЕСТОПОКЛОННУЮ

И призвав народы со ученики Своими, рече им: иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю. Кая бо польза человеку, аще приобретает мир весь, и отщепит душу свою?

Мк. 8, 34–36

Возвещая вам, братие мои, слово Божие, мы всегда находили в вас благоговейное внимание к нему, так что, к утешению нашему, и нам можно сказать со апостолом, что вы принимали возвещаемое вам не *аки слово человеческое, но, якоже есть воистину, слово Божие* (1 Сол. 2, 13). При всем том мы почитаем за долг нынешнее собеседование наше начать приглашением усугубить ваше внимание, очистить и воскрылить мысль, отверсть и расширить уста сердца. Так поступаем мы не потому, чтобы предполагали сказать вам от себя самих что-либо особенно важное и дорожили собственными словами нашими, а потому, что в нынешнем Евангелии, которое мы будем излагать, содержится поучение чрезвычайно нужное и важное для каждого.

В самом деле, братие, хотя слова Господа и Спасителя нашего все *дух и живот суть* (Ин. 6,

63), *все суть ей и аминь* (ср.: 2 Кор. 1, 20); но и Он Сам не о всем говорил одинаково: когда хотел внушить что-либо особенно важное, то возвышал голос, говоря: *Аминь, аминь, глаголю вам* (Ин. 10, 1), или присовокуплял в заключение сказанного: *имеяй уши слышати да слышит* (Мф. 13, 9)!

Нынешняя беседа Господа такова, что ее надобно слышать, если бы то было возможно, и не имеющим ушей. Посему и предложена она особенным образом: *призвав*, как говорит евангелист, *народы со ученики Своими*. Иное, то есть, говорил по временам Спаситель ученикам Своим, сообразно их особому предназначению, а иное — народу, соответственно его нуждам; всегда почти притом говорил Он, вызванный желанием слушателей: а ныне Он говорит ко всем, говорит Сам, говорит, призвав к слышанию *народы со ученики*. Так поступлено, без сомнения, не по чему другому, а потому что беседа имела быть особенною, чрезвычайно нужною и важною для всех.

Итак, придите все, малые и великие, просвещенные и простые, знатные и худородные, придите выслушать то, что речет нам Господь и Спаситель наш.

Призвав народы со ученики, рече им: иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет.

Видите ли важность проповеди Христовой? Дело идет не о малом чем-либо, а обо всем. Кто из нас не захочет идти за своим Спасителем и Господом? В этом состоит самая вера наша, что

мы все идем за Ним, как за источником истины и самую истинною; в этом состоит вся нравственность наша, что мы идем за Ним, как за наставником в добродетели, как за образцом в святости и самую святостию; в этом состоит все упование наше, что мы идем за Ним, как за Избавителем от всех зол, как за Виновником жизни вечной и самую жизнь. От веры во Христа, от последования за Ним, мы ожидаем всего. Посему для каждого из нас крайне нужно знать, что требует это самое последование и в чем состоит оно; кто действительно идет за Христом, и, следовательно, дойдет до цели, и кто не идет за Ним, хотя и думает, и, следовательно, никогда не достигнет преднамеренного конца? И се, Спаситель Сам хочет сказать нам о всем этом, хочет указать каждому, что значит идти за Ним. Можно ли после сего быть равнодушным к такой проповеди?

Итак, еще повторим, для кого дорого спасение своей души, кто хочет на самом деле быть христианином, тот обрати все внимание на слова Спасителя. Если условие спасения, Им Самим предложенное, выполняется в тебе, то ты на добром пути: ты безопасен, блажен, хотя бы был последним отребием мира. А если ты не подходишь под сие правило, если небесная мера не по тебе, — то, кто бы ты ни был, и что бы ни значил в мире, между людьми, ты в крайней опасности; и если останешься тем, что теперь, то непременно погибнешь навеки.

Дабы облегчить для каждого занятие сим столь важным делом, рассмотрим, братие мои, со всем прилежанием каждое слово Спасителя,

как бы от него зависели (как и действительно зависят) наша жизнь и наше спасение.

Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет.

В словах сих предлагаются три условия, кои надобно выполнить тому, кто хочет быть не своим, а Господним. Надобно, во-первых, отвергнуться себя; надобно, во-вторых, взять крест свой; надобно, наконец, последовать за Господом. Вот лестница к небесам; другой нет и быть не может. Вот и главные ступени сей лестницы; других нет и быть не может! Рассмотрим каждую ступень порознь.

Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе! Самоотвержение есть условие крайне неприятное для нашего самолюбия, но, как показывает опыт, необходимое во всех делах важных. В самом деле, начинают ли учиться чему-либо — отвергаются своего ума, слушают и верят, что скажет учитель. Идут ли на сражение с неприятелем — отвергаются своей воли и подчиняют себя распоряжениям военачальника. Хотят ли вылечиться от какой-либо тяжкой и опасной болезни — во всем полагаются на искусство врача и отдают себя на его руки. Так поступают обыкновенно и в земных делах. Удивительно ли после сего, что с самоотвержения начинается и дело нашего спасения, или, что то же, последование за Христом.

Но в чем должно состоять оно и до чего простираться? — И в обыкновенных делах самоотвержение простирается очень далеко. Воин, например, простирает и должен простирать его до

того, что он по одному слову не только общего и главного вождя, но и ближайшего своего малого начальника, готов идти на явную смерть. Будем ли после сего удивляться, если самоотвержение христианское прострется до смерти?

И оно простирается досюда. Да, братие, мы не сказали бы вам правды, если бы сказали, что отвержение себя, которого требует Господь наш от последователей Своих, ограничивается отвержением некоторых токмо худых мыслей, желаний или поступков; нет, оно состоит в отвержении всего ума плотского, всей воли невозрожденной, и это не в известных только случаях, не на известное только время, а везде и всегда, на всю жизнь. Притом, это всецелое и всегдашнее отвержение себя должно в христианине простираться до возненавидения себя, как прямо и ясно написано о том в Евангелии: *аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит... душу свою, не может быти Мой ученик* (Лк. 14, 26). Как, по-видимому, ни строго требование сие, но оно столь же естественно, как и необходимо в настоящем состоянии нашем. Ибо в грешнике, каковы все мы, не много такого, что можно любить, и крайне много, за что должно ему себя ненавидеть. С другой стороны, что ненавидим, того легко и самоотвергаться; трудно оставлять и презирать только то, что любишь, посему последователь Христов для успеха в отвержении себя сам должен стараться возненавидеть себя: ибо, возненавидев, он уже не может не отвергаться себя.

Но как возненавидеть себя, когда каждый по природе любит себя? Как возненавидеть? —

А как ненавидит себя преступник, в коем пробудилась совесть, и сам себе желает казни? — Как ненавидит себя больной, страждущий какою-либо ужасной болезнью, и призывает смерть? — Как ненавидит себя человек, просто соскучивший жизнь, и не желает смотреть на свет Божий? — Во всех сих случаях наша ненависть простирается далее всех пределов; а когда нужно отвергнуться самих себя, дабы идти за Господом к вечной жизни, тут мы будем недоумевать и спрашивать, как возненавидеть себя? — Познанием самих себя. Когда бы ты увидел, что на плечах твоих грязное, разодранное, смрадное рубище, тотчас сбросил бы его с себя и никогда бы не воротился за ним, чтобы надеть его. Узнай же, через внимание к себе, что твоя настоящая чувственная жизнь есть такое именно рубище, и ты возненавидишь свою чувственность и отвергнешь себя. Равно, если бы ты увидел, что у тебя в самой любимой комнате твоей, где ты почиваешь, завелись змеи, то немедленно убежал бы из этой комнаты и предпочел ей чистую хижину; познай же, что в душе твоей живут и непрестанно плодятся злые пожелания, и ты возненавидишь свое сердце и не захочешь иметь его. Равным образом, когда бы ты узнал, что ты заразился смертельною болезнью: то, в таком случае, ты рад бы бросить себя и навсегда уйти от себя, если б то было можно, на край света; познай же, что ты заражен смертоносным ядом греха, что сей яд непременно причиняет смерть вечную, — и ты готов будешь не только разлюбить, но и возненавидеть себя и, таким образом, исполнить во всей точности тре-

бование Небесного Врача, чтобы всецело отвергнуться себя ради последования за Ним.

Но как бы то ни было, возлюбленный собрат, только без отвержения себя нельзя сделать в последовании за Господом ни единого верного шага. Ибо, рассуди сам, как бы ты решился оставить свой путь и следовать за Господом, если бы ты не разлюбил своего пути, не убедился, что ты сам не можешь быть своим руководителем, другими словами: не отвергнулся самого себя? Следуют за другими тогда, когда не полагаются на самих себя; не полагаются на самих себя тогда, когда убедились в своих недостатках, в своей худости. Другое дело, если бы Господь повел тебя за Собою тем же путем, каким следовал ты сам; но Он будет вести тебя путем новым, нередко совершенно противным твоему прежнему пути, потребует от тебя именно того, что не по твоему прежнему образу мыслей и чувств, не по твоему греховному нраву и жизни. Как же ты будешь выполнять требуемое, не оставив прежнего образа мыслей, чувств и желаний? Как, не отвергнувшись своего ума, ты будешь принимать тайны веры, кои превыше ума и противны его мудрованиям? Как, не отвергнувшись своего самолюбия, ты будешь почитать себя первым из грешников и любить своих врагов? Как, не отвергнувшись своей плоти и крови, ты будешь распинать свою плоть с ее страстями и похотями? Как, не возненавидев своей души, ты будешь стараться погубить ее? — Явная несовместность! Оттого, что и бывает с теми, кои, не отвергнувшись себя, думают идти за Господом?

Они только думают идти за Ним, а в самом деле идут не за Ним, а за самими собою: кто за своим умом и познаниями, кто за своим сердцем и даже страстями, кто за обычаями века сего и примерами других. Иначе и быть не может; потому что, иже хочет идти за Господом, тот, по слову Его, прежде всего *да отвержется себе* — это первое необходимое условие, первая ступень в лестнице к небесам!

Второе требование и вторая ступень: *да возмет крест свой!* Крест есть орудие казни; он необходим, когда есть преступник, коего казнить должно: кто же этот преступник? Мы сами: наш плотский человек, наша злая воля, наше преступное самолюбие, все ветхое падшее существо наше. Отвергаясь его, мы много делаем, но далеко не все. Отвергнутый ветхий человек наш не будет лежать в бездействии, как лежит ветхое, сброшенное с плеч рубище: нет, это лютый зверь, который, отвергнутый и даже пораженный, возобновляет нападения и становится тем разъяреннее и опаснее, чем более его поражают. Тут одно из двух: надобно умертвить отвергнутого или самому пасть под его ударами. Чем же будем умерщвлять врага нашего, то есть нашу плоть и кровь, наше самолюбие и страсти, наше плотоугодие и гордость? — Собственным разумом? Он сам, доколе не возродится свыше, *кичит* (1 Кор. 8, 1), возьмется на разум Божий и потому имеет нужду в умерщвлении. Собственную волею? — Но она так слаба на добро, что *хотети*, как выражается апостол, *прилежит* ей, *а еже содеяти доброе, не обретает* (ср.: Рим. 7, 18). И как она

возложит руки на свое собственное самолюбие? Нужно орудие самоумерщвления внешнее, твердое, могущественное; посему-то и повелевается, отвергнувшись себя, взять крест. То есть что сделать? То есть — полюбить, избрать, усвоить себе все, что умерщвляет в нас наше самолюбие и злую волю, нашу чувственность и страсти, посему крест, например, есть бедность и недостатки; крест — бесчестие и клевета; крест — болезни и слабости; крест — худая женитьба и худое соседство; крест — бездетство и многосемейность; крест — потеря сродственников и друзей; крест — все несчастные случаи. Сей-то крест, эту совокупность огорчений, досад, лишений, искушений, бедствий надобно взять, то есть избрать и усвоить себе тому, кто хочет быть истинным последователем Христовым. Надобно взять не так, как преступник берет орудие казни: с отвращением, досадою, по необходимости; нет, надобно взять добровольно, с усердием, в повиновении благой воле Божией, по любви к своему спасению, в твердом убеждении в его пользе и необходимости; надобно взять сей крест, как больной берет самое горькое и противное лекарство, ожидая от него возвращения себе здоровья и силы. Только когда крест берется таким образом, он составляет врачевство, есть признак последователя Христова, есть символ и знамение христианства. Без такого взятия добровольного, разумного, в духе веры и любви, крест есть тягость подавляющая, умерщвляющая, но не воскрешающая. Ибо надобно знать, братие, что

крест, как совокупность лишений, неизбежен человеку на земле; от него нельзя уйти никому; его надобно несть всякому и не следуя за Христом, подобно, как его нес вместе со Христом разбойник, его хуливший. Но такой крест, не взятый, а возложенный необходимостью, не спасает, а только убивает и мучит бесплодно.

Заметим еще и то, что Спаситель велит последователю Своему взять крест *свой* — тот, который принадлежит именно ему, назначен свыше для него. Это нужно заметить для того, что злая воля наша своенравна во всем, даже в выборе креста, на коем ей должно быть распятою. Не хотят взять тот, который дан Богом, а хотят иметь самодельный, в таком, а не другом виде, состоящий из таких, а не других скорбей и лишений. Так, например, такому-то человеку видимо суждено страдать и очищаться подвигами жизни семейной и общественной; а он ищет для себя крестов жизни отшельнической. До каких затруднений, опасностей не доводит людей такой произвол и самонравие, по-видимому, не предосудительные, а в самом деле вредоносные! А главная опасность та, что таким образом дают место своему произволу, когда он-то первый и должен подлежать отвержению и смерти на кресте. Нет, возлюбленная о Христе душа, если ты действительно отверглась, как должно, самой себя и решила идти за Господом своим на Голгофу, то ты уже не будешь разбирать крестов, престанешь вымышлять их по-своему, а возьмешь тот, который давно готов для тебя.

Да, он давно готов! Ибо так как крест есть необходимость для каждого, то Промысл Божий располагает нашей жизнью так, что для каждого есть свой крест, своя доля скорбей, искушений, болезней. Сей-то крест есть самый действительный и животворящий; ибо он устроен не человеком, а Самим Богом. Посему, кто решился идти за Господом и для того взять крест, должен найти именно свой крест, а не брать чуждого, себе не принадлежащего, дабы за свое своеволие не пасть под его тяжестью.

Но ужели в сем случае нет никакого места произволу, свободным самолишениям и жертвам? Есть, весьма есть! Только первее всего надобно решиться переносить лишения и скорби, посылаемые от Бога, те, кои неизбежны по самому нашему положению в мире и обществе; а потом уже, если достанет усердия и откроется случай и нужда, решаться на жертвы произвольные. Но и в сем случае необходимо правило — брать крест опять не чуждый, а свой, то есть сообразный со своим состоянием, своими силами, с христианским смирением и самоотвержением. И особенно с самоотвержением, чтобы, думая иметь второй и сугубый плод, так сказать, в лучшем виде, не потерять первого, и, взяв крест, не взять в нем тайно и неприметно самого себя.

Таков, братие мои, смысл второго требования от последователя Христова, и се свойство второй ступени в лестнице к небесам!

Третье требование и третья ступень есть шествие с крестом за Господом: *да возмет крест свой и по Мне грядет!*

Грядет. Жизнь наша есть путь непрерывный: можно остановиться на нем своею деятельностью; но нельзя остановить течения вещей, развития или упадка собственных сил и жизни. Все это, не останавливаясь, идет неудержимо. Тем паче жизнь духовная, христианская, есть путь непрестанный, всегдашнее хождение во свете заповедей Божиих, где нельзя остановиться без того, чтобы в то же время не остаться назади.

Посему-то Спаситель повелевает последователю Своему, взяв крест, не стоять в раздумье, не смотреть по сторонам, а идти не останавливаясь: то есть что делать? Во-первых, всегда помнить, откуда, из какой тьмы и пагубы он изведен благодатию Божиею, — куда, к какому свету, чистоте и совершенству ему должно стремиться, что у него и для чего за плечами, то есть не свирели и тимпаны, не розы и лилии, а крест: а помня все это, непрестанно устремляться в передняя, переходя путем узким от веры в веру, от добродетели к добродетели, от одного опыта самоумерщвления к другому, не удовлетворяясь никакой внешней благовидностью своего поведения, а простираясь до истинной чистоты намерений, до совершенной богоугодности действий, до полного умерщвления в себе греха и самолюбия. Так поступал апостол Павел, который и после того, как был уже на третьем небе, почитал себя еще *не у достигшим* (Флп. 3, 13) и, нося *язвы Господа на теле* (Гал. 6, 17) своим, будучи распят миру, все еще продолжал по вся дни умерщвлять тело свое, *да не како*, говорит, *про-*

*поведуя иным, сам неключим буду*¹ (1 Кор. 9, 27). Противно сему поступают те, кои по надежде на окружающие их лишения и горести думают, что они через то совершенно безопасны от искушений и соблазнов: потому оставляют духовное бодрствование и предаются бездействию. Оттого-то именно бывает, что иные, как выражается сей же апостол, *наченные духом, скончают плотию* (Гал. 3, 3). Блюдись сего, последователь Христов!

Чрезвычайно важно еще притом, чтобы, взяв крест, идти не за кем-либо другим, а именно за своим Спасителем: *грядет вслед Мене*. Увы, братие мои, можно нести крест и идти не вослед Спасителя, а вслед того же мнимо отвергнутого греховного своего человека! Можно страдать и терпеть, и в то же время погублять мзду² и страданий, и терпения! Это бывает, когда мы среди нашего крестоношения руководствуемся не верою в Господа и Его примером, не правилами Евангелия, а своим воображением и чувствами или худо понятыми примерами других. В таком случае обыкновенно впадают в крайности; устремляются к тому, что хотя само в себе хорошо, но нам не свойственно; и не исполняют того, что кажется не так высоко, но для нас необходимо. Чтобы избегнуть сего, крестоносцу надобно непрестанно иметь пред очами жизнь Господа своего и по возможности подражать ей. Кто будет поступать таким образом, тот не увле-

¹ В Синод. пер.: *дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным*.

² Награду (церк.-слав.).

чется, например, тою неправильною мыслию, якобы для самоотвержения христианского нужно человеку бросить все житейские связи и бежать в пустыню. Спаситель, напротив, для великого крестоношения Своего изшел из пустыни; около четырех лет провел между людьми всякого рода, странствуя по градам и весям. Памятуя сие, каждый может спокойно оставаться в своем звании и при своих обыкновенных делах; только пребывая и живя как член общества, не должен забывать, что он есть крестоносец Христов, и что вследствие сего и ему предлежит своя доля скорбей и напастей, — если не отвне, то от собственного сердца и страстей, доколе они не будут умерщвлены на кресте. Кто будет идти со своим крестом вослед Спасителя своего, тот избегнет и той искусительной мысли, что для крестоносца Христова вовсе непозволительно участвовать в невинных радостях жизни, в удовольствиях семейных, пользоваться дружбою, уважением сограждан и прочим. Нет, Господь Сам не отвергал знаков любви к Себе, разделял общую радость на браке в Кане Галилейской, похвалил жену, помазавшую ноги Его миром; был даже на Фаворе и блистал славою небесною: только и на самом Фаворе не забывал Креста Своего, беседуя с Моисеем и Илиею о исходе Своем, *егоже хотяше скончати в Иерусалиме* (Лк. 9, 31), то есть о Своей Крестной смерти. Наконец, Он ли не имел мужества нести Свой Крест до конца? И однако же не пререк, когда распинатели возложили Крест Его на Симона Киринейского. Тем паче нам, слабым и непостоянным, кто бы мы ни

были, не подобает уклоняться, когда Промысл посылает кого-либо для облегчения нашего креста, дабы в противном случае не попасть за свое самонадеяние в плен последнему врагу — гордости духовной.

Кратко: взяв крест, должно идти путем веры и добродетели, — идти непрестанно, — идти за своим Спасителем, руководясь Его примером и повелениями, — идти, не озираясь вспять к прежним греховным навыкам, не рассеивая взоров по сторонам, ограждаясь непрестанно смирением и молитвою.

Но куда же приводит путь сей? Где цель его и что там?

Спаситель не открыл сего в настоящем случае прямо, потому что, когда предлагалась настоящая беседа, Его собственный путь еще продолжался. Но можно ли много недоумевать и вопрошать о том, где конец пути крестного? — Когда велят идти с крестом за плечами — то явно не на брак и пиршество. Когда надобно идти с сим крестом за Господом — то нельзя не прийти наконец на Голгофу. — Для чего носили преступники свои кресты? Для того, чтобы быть распятыми на них. Для того же должен нести свой крест и ты, христианин! Смерть, смерть крестная, вот цель твоего крестоношения, твоего последования за Христом! *Иже Христовы суть*, говорит апостол, *плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24); и представляет в пример сего распятия себя самого: *имже мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14).

Но если где, то при сей истине все падшее существо наше возмущается, вся кости плотского человека нашего вопиют: *не хотим сему, да царствует над нами* (Лк. 19, 14). Что за царь, у коего вместо скипетра — крест? Что за предводитель к победе, который ведет последователей своих на смерть неизбежную? В самом деле, братие мои, почему так мало истинных последователей Христовых? — Именно потому, что следуя за Христом, надобно идти на смерть своей чувственности. Отвергаться самих себя отчасти соглашаются; ибо не могут не видеть, что в них есть много даже такого, чего вовсе нельзя терпеть. Соглашаются даже и взять крест, то есть переносить скорби, подвергаться лишениям, находя это, с одной стороны, неизбежным, а с другой — полезным; но быть распяту со Христом, погребену, дабы потом не иметь своего ума, своей воли, своей жизни — на это решаются только немногие, избранные; об этом вовсе не думают, сего не почитает нужным большая часть даже из так называемых добрых христиан.

Да будет же известно, братие мои, всем и каждому, что без сораспятия нашего Господу и Спасителю нашему невозможно, решительно невозможно, участвовать нам и в воскресении с Ним, ибо естественная жизнь наша во грехе и страстях так противоположна истинной жизни нашей в Боге, как ночь противоположна дню. Чтобы настал день и взошло солнце, непременно надобно пройти прежде ночи: подобно сему, чтобы явилась в нас жизнь Христова, а с нею радость и блаженство вечные, необходи-

мо прежде истребиться в нас жизни греховной. Посему думающие достигнуть спасения иным каким образом, а не через умерщвление своей плоти и страстей, подобны тем людям, кои желали бы получить здоровье, не исцелившись от лютой болезни. Сего не может сделать для нас Спаситель наш: ибо это значило бы представить Царствие Небесное греху и страстям. Посему, кто хочет последовать Ему, тот заранее должен решиться на умерщвление в себе всего, противного воле Божией, и следовательно, первое всего — на умерщвление своего самолюбия, которое составляет корень всех наших нечистот и преступлений.

Дело столь великое, хотя может начаться в нас каждое мгновение, очевидно — не может совершиться в краткое время; ему должна быть посвящена вся наша жизнь, посему тот в жалком заблуждении, кто думает, что для вечного спасения души своей достаточно, например, провести в покаянии и молитве один какой-либо Великий пост. Нет, этот Великий и воистину душеспасительный пост должен состоять из всей нашей жизни. Пасха и Воскресение после таковой Четыредесятницы празднуются уже не на земле, а там — в невечернем дни Царствия Христова.

Очевидно также, что умерщвление в нас ветхого человека сопряжено со многим принуждением себя, с лишениями и скорбями. Но что же делать? Это болезни нового рождения от духа. Как по плоти нельзя родиться без крови и слез, так нельзя возродиться и по духу без скорби и печали по Бозе. Спаситель никого не принужда-

ет к сему: *иже аще кто хочет* (Мк. 8, 34)! Но мы сами, поняв надлежащим образом дело спасения нашего, мы сами должны отвергнуть широкий путь, вводящий неминуемо в пагубу, и возлюбить путь узкий, который один вводит в живот. Ибо что пользы, если мы, уклонившись от ига Христова, и избегнем скорбей временных, а подвергнемся через то, подобно богачу евангельскому, мучению вечному (см.: Лк. 16, 19–31)? Но избегнем ли, уклонившись от последования Христу, даже временных скорбей? Увы, мир, нас обольщающий, имеет не одни розы, а и множество вместе с ними тернов: первые цветут кратко, а последние — всегда на древе. Какая неизмеримая толпа миролюбцев! Но много ли довольных своей участью? Все стонут и вздыхают. Посему, если уже неизбежно страдание, то лучше терпеть и страдать для Христа и со Христом, нежели для мира и с миром. В первом случае временными страданиями искупается вечное блаженство; а в последнем — временные страдания послужат залогом и предначатием вечных мук.

Уразумеем же тайну Креста Христова и нашего. Познаем необходимость обоих крестов; познав, возлюбим тот и другой любовью неразрывную; возлюбив, будем нести свой крест по следам Спасителя нашего, *распиная* на нем *ветхого человека* нашего (ср.: Рим. 6, 6), *тлеющего в похотех прелестных*¹ (Еф. 4, 22). Сделаем все сие, братие мои; ибо, се есть живот вечный! Другого пути к животу и Царствию для нас нет и быть не может! Аминь.

¹ Обольстительных (церк.-слав.).

СЛОВО НА ПАМЯТЬ АЛЕКСИЯ, ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ¹

Святой апостол Павел, беседуя с Коринфянами о будущем воскресении мертвых, заметил, что как *звезда от звезд разнствует во славе* (1 Кор. 15, 41), так будет в день Воскресения и с телесами праведников: все, то есть, они заблистают светом небесным; но свет сей будет не одинаков — в одних сильнее, в других слабее. Таковое разнообразие в блаженном просветлении праведных на небе произойдет, без сомнения, не от чего другого, как от внутреннего разнообразия их душевных качеств и степени богоподобия, достигнутой ими на земле.

Как бы в некое предварение и залог сего служит теперь разнообразие тех особенных проименований, коими Святая Церковь отличает многих из угодников Божиих. Так, иной на языке Церкви называется великомучеником и многострадальным; другой — прозорливым, третий постником, тот милостивым, сей молчаливым, иной столпником, другой начертанным, иной вселенским учителем. Все сии и подобные проименования, очевидно, не праздные имена, а выражают собою отличительный характер святых угодников и служат предвестием и залогом той особенной славы и того величия, коим каждый из них украсится во Царствии Отца Небесного.

Празднуемый нами угодник Божий Алексей также отличается особым названием — *чело-*

¹ День памяти преподобного Алексея, человека Божия († 411), 17/30 марта.

века Божия. И все праведники суть человеки Божии; подобно как грешники — человеки не Божии, а сыны, как называет их Сам Спаситель, диавола; но святой Алексий именуется человеком Божиим в особенном некоем значении: как бы это название принадлежало ему преимущественно пред всеми другими.

От кого наречен святой Алексий сим высоким именем? — Если бы его нарек так и глас человеческий, подобно как святой Иоанн еще при жизни его наречен был Златоустом за сладость бесед своих, то и тогда это название составило бы для него великую похвалу, ибо это значило бы, что все, видевшие его, признавали в нем человека Божия в высшей степени. Но Алексий наречен так не от человек и человеком, а свыше, от Самого Бога: ибо в то время, когда праведник скончивал течение свое и приближался к исходу из сей жизни, неведомый глас в церкви во время богослужения возгласил: «Грядите зреть человека Божия!»

Поелику же на небе нет имен праздных или преувеличенных, и что нарекается с неба, то нарекается по строгому соответствию названия с тем, что называется, то в имени человека Божия, данном таким образом святому Алексию, содержится, братие мои, и величайшая похвала для него, и обильное назидание для нас.

Итак, вникнем в жизнь человека Божия и посмотрим, чем заслужил он наименование столь великое и поучительное. Обозревая жизнь святого угодника, тотчас видишь, что она вся исполнена пламенной любви к Богу, соединенной с самоотвержением самым высоким и всецелым.

Нет почти ни одной возможной для человека жертвы, которой бы он не принес в дар Богу. Алексей был единственным наследником великих и разнообразных стяжаний своих родителей; и, отвергнув все сии богатства, соделался на всю жизнь нищим Христа ради. Алексею, по самому происхождению его от славного и высокого рода, предлежал путь честей и отличий, благоволение монарха и близость ко двору его; он, презрев всякую славу и честь, смирил себя, подобно Спасителю, *до рабиего зрака*¹ (ср.: Флп. 2, 7). Алексей цвел красотой и избытком сил телесных; но в самой юности еще увядил постом и трудами плоть свою до того, что самые родители не могли узнать его и до самой кончины содержали его в доме своем как чуждого странника. С ним сочетана была браком благороднейшая и лучшая из невест римских; и, дева до брака, осталась девою до конца своей жизни, не зрев супруга своего на ложе брачном; ибо, уязвленный другою, высшею любовью, Алексей в самую ночь брачную сокрылся навсегда из-под крова родительского. Казалось, окончен весь ряд жертв — все отдано Богу, — и отдаленная пустыня, в которую уклонился юный подвижник, сохранит навсегда в себе сию ветвь райскую. Нет, она только возрастит и укрепит ее для новых плодов, то есть для новых жертв и подвигов.

Но что же можно сделать более? Разве претерпеть мученическую смерть за Христа? Но время гонений за веру уже прошло: венца мученического уже нет. Нет рукотворенного, крова-

¹ В Синод. пер.: *приняв образ раба*.

вого; но есть нерукотворенный, бескровный, — и он должен украсить главу подвижника. Каким образом? Внемлите и возблагодарите!

Пустыня, ограждавшая Алексия от всего мира, начинает терять безмолвие от славы его подвигов: он видит вокруг себя непрестанно людей, ищущих его молитв и благословения; видит — и спешит бежать от похвал и чести, его преследующих, в другое отдаленное место, где бы никто не знал его, кроме Бога и Ангела хранителя. И что же? Море, коему он для сего вверяет себя, внезапно воздымается бурей, и, — так устроившу Промыслу, — износит корабль его пред врата града отеческого!..

Другой, со взором менее очищенным и не так способным проникать во глубину путей Божиих, увидел бы в сем простой случай и снова начал бы искать удаления от того места, где сосредоточены все искушения для сердца. Но для человека Божия нет случая: он познает в сем событии волю Божию о себе, и что же предпринимает? Искомую пустыню умышляет найти для себя в самом доме отеческом: является пред него в виде странника, испрашивает себе у родителей, во имя давно потерянного сына их, малого угла в дому, — и, самозаключенный, проводит в нем 17 лет в подвигах поста и молитвы! Собственные слуги его, по наущению духа злобы, обливают его иногда нечистотами; он терпит! — Ежедневно видит мать и отца, скорбящих о потере сына, и терпит! Слышит вопли супруги, оплакивающей свое вдовство безвременное, и терпит! — Когда все беседуют о нем, он за всех беседует с единым Богом. Судите, чего стоили

для сердца человеческого сии семнадцать лет, проведенных таким образом! И вот тот бескровный венец мученический, коим суждено было свыше украситься человеку Божию!..¹

Перестанем же, братие мои, ссылаться на невозможность с нашею брэнною плотию побеждать приверженность к вещам земным. Ибо вот с сею самою плотию оставлены ради Христа все блага мира, прерваны все узы плоти, побеждена природа со всеми ее не только нечистыми, но и самыми невинными требованиями!

Предложить ли однако же сей пример для подражания всем и каждому? Нет, это было бы не по духу самого Евангелия. Не все могут быть Авраамами, чтобы принести в жертву Исаака (см.: Быт., гл. 22); не все — Алексиями, чтоб изпод венца брачного устремиться прямо за венцом мученическим. *Могий вместити, да вместит* (Мф. 19, 12)! Но, не имея способности подражать некоторым подвигам святых человек Божиих во всей их полноте и, можно сказать, беспредельности, мы должны приближаться к ним — поколику для нас возможно — в их любви к Богу и презрении благ мирских. Хочешь ли в настоящем случае видеть, в чем можно и нам подражать человеку Божию? Внемли: тебя Бог благословил богатством и стяжаниями, от предков ли доставшимися, или тобою самим приобретенными, пользуйся ими, но не употребляй во зло — свое и других; содейлай блага земные средствами к приобретению благ небесных; яви собою в малом виде то, что Бог делает в великом,

¹ См.: Четьи-Минеи, 17 марта.

то есть сделайся благодетелем неимущих и нуждающихся: тогда и при богатстве, или, лучше сказать, за само богатство твое ты будешь человеком Божиим; ибо все облагодетельствованные тобою будут прославлять ради тебя Отца, Иже на Небесех.

Пред тобою открыт путь достоинств и почестей, — иди по нем, но иди прямою и чистою стезею, не употребляя никаких недостойных средств к твоему возвышению, не жертвуя для сего совестью; и чем более будешь возвышаться над собратиями твоими, тем более смирайся в духе твоём, пользуясь высотой своею для покрова и поддержания слабых и угнетенных. Яко облеченный доверием власти предержащей, говори истину, которую другой не в состоянии сказать, — стой за правду и тогда, когда все ее оставляют, — являй всегда и везде собою пример бескорыстия и самоотвержения для блага общественного, с терпением переноси клевету и зависть: тогда ты и при высоте твоей и достоинствах, или, лучше сказать, за сию самую высоту и достоинства, честно достигнутые, праведно поддерживаемые, на добро обращаемые, будешь человеком Божиим; ибо все будут ради тебя прославлять имя Божие.

Ты вступил в брак, обязался узами супружества, — вкушай чистые радости семейной жизни но не забывай, что ты в союзе не с одною твоею супругою, что ты в крещении сочетался Христу и что душа твоя уневещена Ему, яко Жениху, и тебя ожидает брачная вечеря во Царствии Его. Памятуя сие, веди себя как прилично тому, ко-

торый должен быть некогда един дух с Господем. Если чада твои рождены будут не в похоти плоти, а по духу веры и воспитаны в страхе Божиим; если домочадцы твои сохранены от пороков и разврата; если дом твой есть подобие Церкви: все в нем боится Бога, делает правду, наблюдает мир и чистоту — то ты и в супружестве, и за супружество, человек Божий! Аминь.

СЛОВО В СРЕДУ 4-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!

ср.: Лк. 23, 42

Святая Церковь поступает с нами, как матери поступают с младенцами, когда учат их говорить. Матери заставляют для сего младенцев повторять за собою имена лиц и название предметов, кои всего нужнее для разговора: так делает и Церковь. Поелику для нас, грешников, всего нужнее покаяние, то чтобы научить каяться во грехах наших, она заставляет нас в настоящие дни повторять вслед за нею то покаянный псалом Давидов: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей* (Пс. 50); то умильную песнь израильтян: *На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом* (Пс. 136); то сокрушенную молитву святого Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего»; то настоящее трогательное воззвание к Спасителю покаявшегося на кресте разбойника: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!*

Поелику за сии последние слова тому, кто произнес их, сказано от Самого Спасителя: *днесь со Мною будеши в рай* (Лк. 23, 43), то неудивительно, что они сделались особенно драгоценными для всех грешников, и всякий раз, когда возглашаются в церкви, производят всеобщее видимое впечатление, выражающееся осенением себя крестом и преклонением главы. Каждый чувствует, что в сем воззвании кающегося разбойника содержится как бы некий ключ ко вратам рая. И подлинно, это ключ к Царствию; только для того, дабы отверзть им, что хотят, надобно не иметь только его в своих руках, а уметь действовать им, как должно. Иначе мы сами что подумали бы о Царствии Небесном, если бы для входа в него стоило только произнести несколько слов? Если они отверзли рай разбойнику, то потому, что с сими малыми словами в устах у него крайне много соединено было в сердце. Без сего и разбойник сколько бы ни повторял их на кресте своем, не услышал бы того вожделенного ответа, коим благоволил удостоить его Спаситель мира.

Кому же, спросите, могут они отверзть рай? — Тому, во-первых, кто имеет такую же живую и твердую веру в Господа Иисуса, какую имел разбойник на кресте, посмотрите, как он верует! Верует так, как не веровали в час смерти Господа многие из ближайших учеников Его. Ибо сам Петр отвергся Его в это время трижды, и притом с клятвою (см.: Мф. 26, 69–75). Петр отвергается, а разбойник Сего отверженного всеми, Сего умученного, распятого вместе с злодеями, оставленного по-видимому Самим Отцом Его,

признает не сотворшим ни единого зла, имену-ет Господом своим и Владыкою и приносит Ему смиренную молитву о том, чтобы не быть забытым от Него в Его будущем Царствии!.. Что можно представить себе выше и сильнее такой веры? — Суди же после сего сам, в состоянии ли ты усвоить себе исповедание разбойника? Если чувствуешь в себе присутствие его веры; если вопреки всех мудрований лжеименного разума, который и доныне, ослепленный, продолжает видеть в Иисусе Сына не Божия, а только Марии, — ты постоянно видишь в Нем Христа, Божию силу и Божию премудрость; если ты готов остаться с Ним и тогда, когда бы все оставили Его; если ни Его Крест, за тебя несомый, ни твой, для Него подъемлемый, нисколько не соблазняют тебя, а еще более привязывают к Нему твою душу и сердце, — то смело отвержай уста и произноси: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!* Глас твой будет услышан, и двери рая не затворятся для твоей веры!

Кто может достойно произнести слова разбойника? Тот, кто, подобно ему, не только искренно сознает свои грехи, но и благодушно переносит их несчастные последствия. Разбойник, несмотря на свое покаяние, подвергся на земле всему, что преступник закона может потерпеть от правосудия человеческого: он умирает теперь на кресте в ужасных муках. Но смотри, как терпит эти муки! Когда злополучный клевет¹ его предается бесполезному ропоту, он смиренно проповедует, яко *по делом*

¹ Сотоварищ.

наю восприемлева (Лк. 23, 41)¹. Как бы так говорил: что ты ропщешь? С нами происходит именно то, что должно: подобные нам грешники по необходимости должны мучиться и страдать. — Это показывает, что в нем произошла решительная перемена мыслей, что он почувствовал всю худость своих поступков, получил сердечное омерзение ко греху и смотрит на него, как на такого врага человеку, от которого не много значит освободиться даже муками крестными. Не потому ли, может быть, он не просит у Спасителя даже облегчения своих страданий, даже мужества для перенесения их; хочет, то есть, испить чашу мучений до дна, дабы горечью ее очистить от всех прежних тлетворных сладостей греха? Взор его весь устремлен в одно будущее, к жизни вечной за гробом. Там хочет он начать новое бытие и новую деятельность, чистую и святую; и молит Иисуса о том, дабы грехи его не воспрепятствовали ему в сем благом намерении: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!* — То есть покрой грехи мои пред судом правды Божией, дополни от заслуг Твоих, чего неостанет в казни, мной претерпенной: да буду и в Царствии Твоем не отринут от лица Твоего так же, как теперь удостоен приблизиться к Тебе крестом моим! Таковы смирение, преданность и упование кающегося разбойника!

Хочешь ли убо, грешник, и ты улучшить благую часть его? Улучи же прежде его чувства. — Не ограничивайся слабым признанием, что ты грешник — кто из грешников не имеет его? — Но

¹ В Синод. пер.: *по делам нашим приняли.*

покажи, что ты чувствуешь всю мерзость грехов твоих. Чем показать? Во-первых, тем, чтобы навсегда бросить грех; а во-вторых, благодушным терпением тех бедствий, кои, как тень за телом, всегда следуют за грехом. Подвергло ли тебя правосудие человеческое заслуженному наказанию? — Неси его без ропота, говоря, подобно разбойнику: *по делом наю восприемлева*. Произошел ли от греховной жизни твоей сам собою вред и зло, например, болезнь, лишение имущества, бесчестие? — Терпи благодушно, говоря: *по делом наю восприемлева*. Истинно кающийся, почувствовав мерзость греха, не только не старается избегать наказания за него, а ищет и нередко просит его, как милости; не находя у других, сам изобретает для себя наказание. Когда и ты поставишь себя в такое расположение духа, то отверзай уста с верою и говори: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!* Глас твой услышится, и ты не будешь забыт Владыкою рая.

Кто может достойно произносить слова разбойника?

Тот, кто, подобно сему разбойнику, не только сам чувствует отвращение от греха, престаает грешить; но и старается привести к покаянию подобных себе грешников, особенно тех, с коими участвовал в беззакониях. Это — святая обязанность кающегося грешника: он должен употребить все, чтобы не самому только возвратиться на путь правый, но и возвратить на него тех, кои совращены им с него его страстями. Как трогательно исполняет сию обязанность кающийся на кресте разбойник в отношении к распятому

собрату своему! Может быть, не он соблазнял его на грех, а сам был соблазнен им: но поелику злодеяния были общие, то он хочет разделить с ним и свое покаяние. *Ни ли ты боишися Бога?* — говорит он, услышав хулу его на Иисуса; *мы убо по делом наю восприемлева: Сей же ни единого зла сотвори* (Лк. 23, 40–41). Не много слов, но какого самоотвержения стоило произнести их тому, кто сам раздираем был муками от креста? Посему-то кающийся разбойник не оканчивает даже своей проповеди собрату своему, а, прервав ее, слабеющими устами обращается к Спасителю с молитвою: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!* — желая уже не словами одними, а и примером своим досказать бедному собрату, что и ему надобно сделать.

Итак, кающийся грешник, если хочешь усвоить себе сию молитву, то не останавливайся на своем обращении. Ты грешил не один, и каяться должен не один. Не скрывай убо обращения своего, как делают некоторые, пред друзьями и клеветами твоего беззакония: все видели, что ты грешник, пусть все увидят, что ты грешник кающийся. Как бы кто из прежних клевет твоих, подобно распятому клевету кающегося разбойника, безумно ни издевался над делом спасения, ты не должен сим огорчаться, а делать свое дело. Советуй, проси, умоляй, заклинай, — но старайся возвратить на путь правый соучастников твоих! Ибо таким токмо образом ты будешь подобен брагоразумному разбойнику и можешь непостыдно говорить с ним ко Спасителю твоему: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!*

Вообще, братие мои, не должно думать, что когда мы произнесем несколько слов со вздохом — Давидовых ли, мытаря ли, разбойника ли кающегося, то уже имеем право на помилование и можем продолжать грешить беспечно, по-прежнему. Нет, это было бы заблуждение самое грубое. В таком случае сии же самые слова послужат нам в осуждение. Ты знал и ведал, скажут нам некогда, как должно каяться; ибо твои же уста произносили слова покаяния Давидова или разбойника на кресте. Зачем же, употребляя их слова, не подражал их действиям? Для чего принимал их образ и не стяжал их духа и сердца? — Итак, умоляя вместе с разбойником Господа, чтобы Он воспомянул нас *во Царствии Своем*, позаботимся о том, чтобы было что воспомянуть о нас Господу, дабы нам, и воспомянутым, не сделалось хуже от самого воспоминания о нас, то есть от наших неправд и нашего нераскаяния во грехе. Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 4-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Помяни мя, Господи, егда приидеши во
Царствии Твоем!*

Лк. 23, 42

Нет, братие мои, ни одного самого сильного и действительного врачевства, которое от злоупотребления не могло бы обратиться во вред. Даже чем сильнее и лучше лекарство, тем бывает вреднее, когда употребляют его не как должно. Трогательный пример разбойника, покаявшегося-

ся на кресте и за свое покаяние удостоившегося слышать из уст Самого Спасителя: *днесь со Мною будеши в раи!* (Лк. 23, 43) — есть одно из действительнейших врачевств духовных для кающихся грешников, к поддержанию в них надежды на милость Божию, к ограждению их от уныния и отчаяния. Но и сие врачевство, вместо пользы, иногда ожесточает болезнь душевную и обращается в пагубу: когда по надежде на пример покаявшегося и спасшегося на кресте разбойника, отлагают свое покаяние до последних минут жизни. Известно, как судят в таком случае: разбойник, говорят, за несколько минут до смерти успел принести покаяние и войти в рай; тем паче нам, кои не разбойники, возможно будет раскаяться во грехах пред самую смерть и удостоиться, подобно ему, помилования. Против сего ложного умствования можно бы сказать многое, а паче всего то, что со смертью и адом, как заметил еще древний святой мудрец, нет договора и условий, что они не дадут нам пред кончиною нашею, может быть, и нескольких минут на покаяние: ибо многие, как показывает опыт, умирают внезапно; но мы, оставив все прочее, хотим теперь показать наипаче то, что самый пример разбойника нисколько не может служить поводом к отлаганию нашего покаяния до смерти и что те ошибаются самым жестоким образом, кои думают видеть в сем разбойнике образец покаяния самого удобного и легкого. Да дарует Господь, чтобы слово наше о сем послужило кому-либо на пользу и воздвигло от ложной надежды хотя единого из грешников.

Итак, возлюбленный собрат, ты ищешь для себя покаяния легкого, хочешь для сего всю жизнь отдать греху и страстям, в надежде последними минутами купить, так сказать, за бесценок рай Божий. Ищи же примера для сего покаяния где угодно, только не в лице разбойника на кресте. — Как? Легкое покаяние, когда руки и ноги прободены гвоздями? Легкое покаяние, когда в списке самых варварских мучений нет большего, как быть распяту? Легкое покаяние, когда от мук крестных Сам Великий Подвигположник вопиет: *Боже Мой, Боже Мой, вскую¹ Мя еси оставил?* (Мф. 27, 46). Поставь себя на месте истязающего в муках разбойника, почувствуй, если можешь, то, что он, распятый, терпит и чувствует, — и тогда воображай, если угодно, что его покаяние легко и удобно.

«Но все же, — подумает кто-либо, — рай стоил разбойнику только нескольких часов мучения и нескольких слов». И что же бы, скажи, можно было сделать ему теперь более в его положении? Если бы он сошел со креста, тогда мы вправе были бы требовать от него дальнейших плодов покаяния, новых различных подвигов добродетели; и он, без сомнения, удивил бы нас чистотою своей жизни и самоотвержением: но теперь остаются у него свободны одни мысли и уста; и смотри, как он употребляет ими! Правда, что из его уст исходит только несколько слов: но прислушайтесь к сим словам, — в них вся полнота веры, любви и надежды, — все, что можно требовать при смерти не только от грешника, но и от

¹ Для чего, почему.

самого праведника. Чего стоило одно то, чтобы назвать в эту минуту Господом и Владыкою рая Того, Кто висел на Кресте? — Если бы разбойник видел Иисуса вызывающим Лазаря из гроба, то нетрудно было бы воскликнуть подобно Фоме: *Господь мой и Бог мой* (Ин. 20, 28)! Если бы он зрел Его на Фаворе во славе между Моисеем и Илиею, то легко было бы с Петром сказать: *добро zde быти* (Мф. 17, 4)! *Ты еси Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16, 16)! Если бы он слышал, по крайней мере, Его беседующим во храме, то на благодать, льющуюся из уст Его, может быть, невольно бы отвечал: *к кому идем? глаголы живота вечнаго имаша* (Ин. 6, 68). Теперь же что пред очами разбойника? Един Крест Иисусов и Его муки! Что слышит он? Отовсюду хулу и насмешки над Страждущим. Обетованный Мессия отличается от него только одним венцом терновым!.. И в сем-то отверженном по-видимому не только людьми, но и Самим Богом, Человеке, разбойник узнает Искупителя всех человеков, Сына Божия!.. Какой веры требовалось, чтобы не ослепнуть среди всеобщей тьмы, не увлечься бурным потоком общего мнения, вознестись над всеми соблазнами? Но разбойник возносится!.. Иисус и на Кресте для него то же, как если бы он видел Его на Престоле славы. Подлинно, если о сотнике капернаумском сказано, что вере его подобной не было в целом Израиле (см.: Мф. 8, 10), то о разбойнике в настоящую минуту должно сказать, что его веры нельзя было обрести тогда в целом мире.

И сей-то пример мы берем в возглавие нашей лености в деле спасения? И на сем-то кресте раз-

бойника, на сих-то гвоздях мы думаем спокойно опочить во грехах до самой смерти? Увы, нам ли, при нашем маловерии, при нашем расслаблении духовном, нам ли, говорю, надеяться, что мы в час смерти возымеем ту силу веры, коей не было в час смерти Господа в некоторых из самих апостолов?

Но в разбойнике, как мы видели в прошедшем собеседовании, открылась на кресте не одна вера чрезвычайная: открылась во всей силе и любовь к ближним, которая заставила его, забыв собственные муки, пещись о спасении своего несчастного собрата. Многие ли способны к такому высокому самоотвержению? И если бы кто был к сему способен, то мы, кои хотим продолжать греховную жизнь до смерти, мы именно потому самому всего менее будем способны. Ибо думаешь ли, нераскаянный грешник, что окаменевшее во грехе сердце твое вдруг в состоянии будет источить сию святую воду любви? Увы, если бы пред сим камнем стал сам Моисей с жезлом своим, то и он сказал бы: *еда из камене сего изведем вам воду* (Чис. 20, 10). В самом деле, сколько духовные отцы ни употребляют увещаний над умирающими грешниками, но что большею частию видят и слышат? Видят одну сухость сердца и отчаяние; слышат один вопль болезни или даже ропот, нисколько не похожий на глас кающегося разбойника. Престанем же обольщать себя примером голгофского разбойника, который, если правильно понять его, скорее должен утратить нас, нежели расположить кого-либо к беспечности в деле спасения. Если, — так

надлежит рассуждать в сем случае, — если и из двух грешников, кои были распяты и умирали вместе со Спасителем, один соделался добычею ада, то кто может в безопасности ожидать своего спасения? Правда, другой спасся и улучил рай; но сколько самых редких совершенств обнаружилось в душе его! Если токмо такое покаяние приемлется, как сего разбойника, то хотя бы всем пред смертию был отверст рай, в него войдут весьма немногие. Чем ожидать в себе таких чудес благодати, — кои, может быть, еще прежде были заслужены разбойником, — стократ благоразумнее и лучше — заранее вступить на путь покаяния и приготовить свою душу к вечности.

К чему же, наконец, спросит кто-либо, должен служить нам пример спасшегося на кресте разбойника? К тому, во-первых, чтобы не соблазняться ничем в лице и учении Спасителя нашего, Который и доселе, как на Голгофе, для сынов погибели служит предметом хулы и недоумений преступных. Когда ты услышишь где-либо подобные безумные насмешки не только над лицом Спасителя, но и над чем-либо священным, касающимся веры и Церкви Его, — вспомни разбойника и скажи: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!*

К тому, во-вторых, дабы не думать, что если ты за твои грехи потерпел наказание на земле, то уже совершенно чист и прав пред Богом и можешь смело ожидать смерти, дабы идти прямо в рай. Когда придет к тебе сия обманчивая мысль, то вспомни разбойника, который претерпел на земле самую ужасную казнь и, однако же, не думал

через то быть правым, а ожидал помилования от милосердия Господня, и скажи с ним же: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!*

К тому, в-третьих, чтобы не отчаиваться от множества своих грехов в милосердии Божием и, призвав на помощь Спасителя, бодрственно вести брань с злыми навыками — в надежде, что Тот, Который не отверг кающегося на кресте разбойника, не отвергнет и твоих слез и твоего смиренного гласа, когда ты возопиешь к Нему с верою и любовью. Посему, когда враг-искуситель будет располагать тебя к унынию и отчаянию, говоря, что тебе невозможно быть помиловану, представь разбойника на кресте и молись его словами: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!*

К тому, наконец, что если прилучится тебе быть застигнутым смертью совершенно внезапно, и ты не имеешь возможности уже ничего сделать на пользу бедной души твоей, то, по крайней мере, старайся предать Господу дух твой с сими словами: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!* Аминь.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ 4-ю ВЕЛИКОГО ПОСТА

Из предшествующих собеседований наших вам уже известно, братие мои, что настоящей день недельный посвящен Церкви хвалебному воспоминанию памяти святого Иоанна Лествичника († 649). Небезызвестно также и то, что великая честь сия воздана ему Церкви

преимущественно за то руководство в духовной жизни, каким пользовались от него многие во время жития его на земле, и которое он, можно сказать, увековечил для всех нас в душеспасительном творении своем, известном под именем «Лествицы».

Итак, нам остается, сообразно намерению Церкви, познакомить вас с сею «Лествицею», которая, к сожалению, мало известна даже для тех, коим не противно было бы начать не умозрительный токмо, а и деятельный восход по священным ступеням ее. — Причиной такой неизвестности сей превосходной книги, может быть, отчасти и язык ее — славянский, и потому не для всех понятный. Ибо мы, учась многим языкам иностранным, кои большею частию не находят у нас для себя почти никакого употребления, небрежем, к стыду нашему, об изучении языка славянского, несмотря на то, что он есть язык Священного Писания, язык Церкви и корень нашего языка отечественного. Но если б была охота, то «Лествица» Иоаннова могла б к желающим явиться и на том самом языке, который для них сделался одною из первых потребностей в жизни. Ибо творение сие, за его достоинство, давно усвоено всеми образованными народами. Но мы, жертвуя языку галлов так многим, не умеем и не хотим извлекать из него той пользы, которую он мог бы доставить нам духовными творениями, на нем находящимися; а только подобно неразумным детям сосем из него яд сладкий посредством чтения душетленных повестей и высокоумных мечтаний.

Но обратимся к «Лествице» Иоанновой. Так названо им самим собрание душеполезных размышлений о главных добродетелях христианских, преимущественно тех, коими подавляется и умерщвляется в нас ветхий наш человек, то есть грехолюбивая плоть с ее страстями и похотями, и оживает вместо его, растет и укрепляется в нас человек новый, духовный, живущий по Бозе верою, любовью и упованием жизни вечной. Составлено сие творение для посвятивших себя жизни иноческой; но поелику сущность дела спасения для всех одна и та же, и состоит в очищении природы нашей от зла, в ней гнездящегося, и в наполнении ее благодатию Божиею, а с нею и всеми добродетелями, то «Лествица» Иоаннова весьма полезна и душеспасительна для всякого, кто желает быть христианином не на словах токмо и по имени, а на самом деле.

Число ступеней или духовных размышлений в «Лествице» — тридесять, по числу лет земной жизни Господа нашего до Его крещения; ибо Господь крестился и изшел на дело нашего спасения не прежде тридесяти лет, и притом потому, как должно полагать, что в это время естество человеческое достигает своего полного возраста; а мы все, по наставлению апостола, должны приходить в меру возраста исполнения Христова, — к чему ведет и способствует «Лествица» Иоаннова. Посему и добродетели следуют в ней одна за другою, в естественном их порядке и преемстве, начиная от приуготовительных и низших! Вот краткое, внешнее очертание творения Иоаннова! Хотите ли озна-

комиться с его внутренним духом? Для сего, сообразно ныне чтенному Евангелию (Мк. 9, 29), где в одном из событий изображена чудотворная сила молитвы, прочитаем из его «Лествицы» размышление о молитве.

«Молитва, — так начинает святой Лествичник, — в рассуждении своего качества, есть сообщество и соединение человека с Богом: а в рассуждении действия есть ходатайство о благосостоянии мира, Божие примирение, мать и дочь слез, очищение грехов, надежный мост для прехождения волн искушений, средостение, защищающее от всяких злосключений, пресечение внутренних браней, ангельское упражнение, всех бестелесных существ пища, будущее веселие, непрерывное действие, источник добродетелей, ходатаица благодатных дарований, невидимое преспеяние, душевное брашно, просвещение мысли, секира отчаянию, утверждение надежды, разрушение печали, монашеское богатство, безмолвническое сокровище, утоление гнева, зеркало духовного успеваания, учительница умеренности, живое представление человеческого состояния, будущих вещей вестница, предзнаменование грядущия славы. Молитва для молящегося истинно есть суд и истязание Господне, прежде будущего оного Страшного Судища»¹.

Скажите, кто бы из нас мог лучше и полнее изобразить свойство и силу молитвы? Сколько тут, не говорю мыслей и чувств молитвенных, а

¹ Здесь и далее в этом разделе книги свт. Иннокентий цитирует из «Лествицы» Слово 28: О матери добродетелей, священной и блаженной молитве, и о предстоянии в ней уму и телом.

тайн и чудес молитвы! И как ощутительно, что все это изображение молитвы составлено не по воображению, как нередко бывает у нас, а по действительному опыту! Оттого как полно жизни каждое слово и выражение!

Вот что повествует потом святой Лествичник о различных видах молитвы.

«Предстояние на молитве едино: но многи и различны виды. Ибо иные с Богом, яко с другом своим и Владыкою беседуют, и не столько для своего, сколько для других заступления, песнь и молитву Ему воссылают. Другие просят духовного богатства, славы и священного к Богу дерзновения. Иные молят избавиться вовсе от своего супостата. Другие молятся о получении какого-нибудь достояния; иные — дабы совершенно освободиться от беспокойства о долге греховном; другие — чтоб изведенным быть из скучныя жития сего темницы; иные, наконец, — чтоб разрешены были их преступления».

Как и здесь видно не умозрительное какое-либо соображение, а духовная опытность! И мы могли бы говорить о родах молитвы: но как? Гадая и предполагая, собирая, подобно нищим, лепты чуждых сказаний и опытов, не смея утвердить, что дело происходит так, а не иначе. Иной язык у Иоанна; он говорит твердо и решительно; ибо прошел то делом, о чем говорит словом.

Один из важнейших вопросов о молитве состоит в том, как предстоять на ней?

«Ежели случилось тебе, — отвечает Лествичник, — когда ни есть, быть обвиненным

пред земным судиею: то не для чего искати тебе другого образа предстояния на молитве. Если же ты ни сам ни пред каким не предстоял судиею, ниже других истязуемых не видывал: то по крайней мере научися сему от примера тех прошений, коими больные врачей умоляют, когда врачи хотят у них резати или жеци какие-нибудь члены».

Ответ краткий, но вполне обнимающий все дело.

Нужны ли в молитве многие слова и красноречие?

«Не мудрствуй, — вразумляет Лествичник, — при молитве своими словами: ибо часто простая и нехитростная детская немота Небесному Отцу приятна бывает. Не пецыся такожде при ней быть многословным, дабы приискиванием речей не рассеати своей мысли. Едино мытарево слово умилиствовало Бога, и едино с верою произнесенное речение спасло разбойника. Многоглаголанье бо при молитве часто разные в ум наш мечтания приводит и расхищает оный: а краткое и едино слово нередко рассеянную мысль нашу воедино собирает. Не зело буди при молитве дерзновенен, хотя бы ты и чистоту некоторую стяжал: но паче приступай к Богу с великим смиренномудрием; то более получишь у Него дерзновения. Хотя бы ты взошел на всю добродетелей лествицу, однако всегда молися о оставлении своих прегрешений, слушая апостола Павла, о грешниках глаголющего: *от нихже первый есмь аз* (1 Тим. 1, 15)».

Как ни полезны и верны сии советы касательно образа моления, но их все еще можно найти и у других наставников, писавших о молитве. Но вот драгоценный совет, который преподан, касательно сего предмета, одним Лествичником, и, без сомнения, взят из опыта. «Когда при каком ни есть молитвы своя изречении почувствуешь внутреннее услаждение, либо умиление; то остановись на оном: ибо тогда Ангел хранитель вкупе с нами молится».

Есть ли степени в молитве? Есть, отвечает Лествичник.

«Начатие молитвы состоит в том, чтобы приходящие к нам посторонние мысли, при первой их встрече, единым своим умом отражати. Средине оная есть, когда мысль наша в том единственно углубляется, что мы читаем и о чем рассуждаем. Совершенство же ее заключается в восхищении души нашей к Богу».

О, если бы сподобил нас Господь и сей последней высоты!

Что делать тем, кои не стяжали еще умения молиться?

«Доколе мы достодолжным образом молиться еще не можем, дотолé походим на тех, кои малых детей учат ходити. Старайся всегда мысль свою горе возносить, или, лучше сказать, в разумение молитвенных слов углубляти; и хотя б она по младенчеству своему утомилась, паки восставляй ее. Ибо непостоянство есть свойственно нашей мысли: но Могуций вся утвердити, конечно, и оную может восставить. Ежели

ты неупустительно в подвиге сем пребудешь, то, конечно, и к тебе приидет Тот, Иже положит пределы морю твоея мысли и речет к оному: во время твоея молитвы доселе гряди и не преходи далее! Невозможно духа никакими узами связати: но идеже присутствует Творец духов, тамо вся Ему повинуются».

Премудро успокаивает святой Иоанн тех, кои думают, что молитва их бесплодна, и тем смущаются.

«Моляся чрез долгое время, и прошения своего не получая, не говори, что будто ничего не стяжал ты своею молитвою: ибо уже получил ты и так много. Какое бо добро может быть величественнее, как прилепиться Господу и в непрерывном с Ним союзе пребывать?»

Премудро также отвечает святой подвижник на вопрос: можно ли дерзать молиться за других, не имея еще дара молитвы?

«Когда тебя просят, чтобы ты помолился о спасении другого, то ты не отрицайся, хотя и не стяжал еще дара молитвы. Ибо часто вера того, который просит, и молящегося в сокрушении сердца спасает. Моляся же о других и быв от Бога услышан, не возносися: потому что вера их в том тебе содействовала и помогала».

Долго ли надобно стоять на молитве?

«Не отходи от молитвы дотолы, дондеже, по Божию мановению, огонь усердия твоего несколько угасити и вода слез твоих истощатися будет. Ибо, может статься, такового другого времени, к прощению грехов твоих толь способного, во всю жизнь не получиши».

Выслушаем еще некоторые особенно примечательные советы святого Иоанна касательно молитвы.

«Не определяй на молитву того времени, которое ты на отправление дел нужнейших и духовных употребити должен».

Совет весьма нужный для некоторых. Ибо как есть люди, кои небрегут вовсе о молитве и готовы променять ее на занятие предметами самыми маловажными и ненужными: так есть и такие, кои, по некоему пристрастию к молитве устной, бросают для ней дела самые важные, и таким образом производят расстройство в исполнении своих обязанностей и кладут нареkanie на молитву. Апостол заповедует непрестанно молиться: но как? Не учетами, а сердцем, — не во храме токмо или пред образом, а и занимаясь делами своего звания, — везде и во всякое время.

«Не исчисляй подробно, — продолжает Лествичник, — при молитве своей всех телесных пороков, каковы они сами в себе суть, дабы тебе самому себе наветником не соделаться».

Опять важный совет! Коль скоро душа, по милосердию Господа, очистится покаянием от грехов и просветлеет благодатию Святаго Духа, то одно воображение грехов и беззаконий, особенно плотских, отъемлет уже у ней часть чистоты умственной: посему и должно быть избегаемо. Всегда памятуй, что ты был великим грешником, дабы сохранить смирение и избежать мечтаний о своем достоинстве: но подробности грехов старайся забыть, дабы мысль о них, как искра, не

произвела паки в грехолюбивой природе твоей пожара.

Можно ли по чему-либо узнать о действиях своей молитвы?

Можно, отвечает святой Иоанн. «При всякой молитве бывает некоторое знамение о услышании Богом нашего прошения: знамение сие состоит в разрешении нашего сомнения и в твердом объявлении нам неизвестного».

Значит, надобно только уметь наблюдать сие знамение, и для сего иметь тонкость слуха внутреннего.

Какие действия молитвы в тех, кои умеют молиться?

«Некоторые, восстав от молитвы, как бы из некоторой распаленной печи исходят, чувствуя себя от греховной нечистоты очищенными; а другие, как бы неким светом озарены будучи и в одежду смирения и веселия облечены, от молитвенного подвига возвращаются».

Довольно на сей раз и сих кратких приводов.

Не правда ли, братие мои, что творение, в коем содержатся такие редкие духовные опыты и такие превосходные душеспасительные советы, стоит того, чтобы обратить на него внимание и прочесть его, хотя из любопытства, в сии дни поста и покаяния? Кто может сделать это и не сделает, тот накажет сам себя, ибо лишит душу свою пищи самой здоровой и сладкой. А тем, кои не могут иметь «Лествицы» Иоанновой сами, постараемся пособить мы, показуя ее по временам и предлагая для общего употребления с сего священного места. Аминь.

СЛОВО В СРЕДУ 5-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Заутра услыши глас мой, заутра предста-
ну Ти, и узриши мя.*

Пс. 5, 4

Кто это так рано хочет подняться на молитву? Какой-либо пустынный, коему нечего более и делать, как воспевать в уединении своем хвалу Богу? Нет, не пустынный. Так служитель алтаря, который самым званием своим призывается ежедневно во храм утро, полудне и вечер? Нет, не служитель алтаря. Стало быть, хотя мирской человек, но свободный от житейских дел и общественных обязанностей, у которого все дни и часы в полной власти, так что он делает, что и когда захочет? Нет, и не такой человек. Кто же это такой ранний и неусыпающий молитвенник? — Это человек, у коего тьма дел всякого рода, на коем лежит столько обязанностей, что их трудно перечесть, для коего нет ни одного часа совершенно свободного, словом — это царь многочисленного народа, святой Давид! Он-то говорит: *Заутра услыши глас мой, Царю мой и Боже мой! заутра предстану Ти, и узриши мя!* (ср.: Пс. 5, 3–4). И не подумайте, что так случилось с ним один раз, по какому-либо особенно-му случаю, когда и не привыкшие и самые ленивые делают себе понуждение и являются, и не пред лице Божие, а и пред лица человеческие, от коих чают милости, *утру глубокоу*¹: нет, в псалмах

¹ См.: Стихиры Святой Пасхи «Миронѡсицы жены, утру глубокоу...», глас 5-й.

Давидовых есть и другие места, свидетельствующие о его святом обычае утренивать к месту селения Бога Иаковля. *На утренних*, говорит он в другом псалме (62) к Господу, *на утренних поучахся в Тя*. Самая ночь не мешала ему заниматься богомыслием и молитвою: *поминах Тя*, говорит он, *на постели моей* (ст. 7). И не только поминал, но и что делал? Вставал с постели, повергался на землю и молился: в *полунощи востях исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея* (Пс. 118, 62). Когда вся природа безмолвствует и когда в самой скинии свидения тишина и покой: ложный¹ царя Израилева оглашается — исповеданием имени Божия! Так-то достигалось высокое звание пророка! Так-то низводилась благодать Божия на царство! Так-то заслужено то несравнимое преимущество, что о доме Давидове глаголаемо *вдалеко* (2 Цар. 7, 19) и от плода чрева его обещано воздвигнуть обетованного Избавителя не Израилю токмо, а всему миру.

Но, может быть, такая близость к небу куплена была с ущербом в чем-либо для земли; может быть, когда царь Израилев утренивал таким образом *ко храму святому* (Пс. 5, 8), страдали от сего другие его обязанности: останавливалось или замедлялось течение дел царственных; приходили в слабость воинства; не соблюдалась правда и нелицеприятие в судах; опускалось из виду благосостояние градов и весей; не делалось улучшений, не вводилось того, что требовалось новыми нуждами народа и обстоятельствами? Нет, напротив! Царство Израилево никогда, ни

¹ Спальная комната.

прежде, ни после, не было в такой силе, не цвело так и не возвышалось, как при том царе, который не только дни, но и ночи посвящал на прославление имени Божия. Преемник Давида, Соломон, пошел, как известно, противными путями: забыв заветы отца, перестал *ходить в оправданиях Господних непорочно* (ср.: Пс. 118, 1); вместо святой арфы Давидовой, на коей утро и вечер бряцалась слава Иеговы, завел поющих и играющих на пирах его во удовольствие плоти; и — что же? — под конец царствования, несмотря на всю его прежнюю мудрость, богатство и славу, престол Израилев начал поникать долу, — доколе при преемниках его, превосходивших один другого нечестием, не сравнился с землею.

Что мы должны заключить из всего этого в назидание себе? То, во-первых, что *благочестие*, как говорит святой Павел, *на все полезно есть, имущи обетование живота* (1 Тим. 4, 8) не грядущего токмо, а и настоящего, и что те ошибаются самым жестоким образом, кои на время, проведенное в богомыслии и в делах благочестия, смотрят как на потерянное для успеха в делах мирских. Почему ошибаются? Потому что и успех в этих последних делах, как и во всех других, наиболее всего зависит от благословения Божия: кому же наиболее может принадлежать это благословение, как не тем, кои сами благословляют Господа и мыслями, и делами своими? Если и земные владыки особенно любят и отличают тех, в коих замечают особенное к себе усердие, то Владыка ли земли и неба забудет верных рабов Своих? *Аз любящая Мя люблю*, глаголет

Он, и прославляющая Мя прослаблю (Притч. 8, 17; 1 Цар. 2, 30). Кроме сего, благочестивое настроение мыслей и страх Божий, делая человека степенным, рассудительным, скромным и ко всем благорасположенным, сим самым уже спасают его от множества искушений и несчастий, кои постигают миролюбцев за их гордость, самонадеянность и презорство¹.

В частности, пример святого Давида научает нас быть прилежными к молитве и посещению храмов Божиих и употреблять на это, когда можно, самые ночи, тем паче утро. В самом деле, день, начинающийся усердною молитвою, всегда будет гораздо счастливее того дня, коего начало не освящено ею. В такой день и сделается, что нужно, лучше, и избегнется, что нужно, вернее. Православная Церковь наша, зная это, представляет нам все удобства к тому. Нет дня, в который бы она не сопровождала восхода солнца слышным для всех зовом на молитву утреннюю. Но многие ли внимают сему зову?! Он большею частию праздно раздается в воздухе; и грады, самые обильные жителями, бывают похожи в это время на кладбище, где сколько ни возглашай и ни звучи, никого не поднимешь из утробы земной.

Будем ли винить без разбору в сем случае всех за неусердие? Нет, многие не только утром, но и весь день, можно сказать, прикованы к местам своим. За таковых Святая Церковь сама молится, яко за «труждающихся и благословною виною отшедших». Но сколько таких, коим вовсе

¹ Пренебрежение, непослушание (от греч. υπερόραδης).

нечего делать дома, кои могут из своего времени делать все, что захотят, и кои однако же в самый большой праздник, то есть небольшое число раз в году, почли бы за невыносимый подвиг для себя встать рано утром и явиться в церковь вместе с другими на молитву! Препятствия к сему со стороны их другого нет, кроме того, что в таком разе надобно сделать некоторое принуждение себе и оставить ложе не в урочный час; а они издавна привыкли отдавать все утро сну; ибо большую часть ночи проводят в бдении. Но спросите: над чем проводят? Над делами важными, не терпящими отсрочки? Нет, над тем, что называется — на их же языке — проводить и убить время. Подлинно — убить; ибо нет ничего вредоноснее сих ночных занятий: ими убивается не одно время, а вместе с ним нередко совесть и душа. Хотя бы, бедные, пожалели при сем своего здоровья, коим так дорожат во всех других случаях: ибо и оно ни от чего так не гибнет, как от этого неестественного превращения ночи в день, а дня в ночь. Ибо думаете ли, что напрасно велено в известный час восходить и заходить солнцу? Нет, в этом начертан закон нашей жизни и наших занятий. Нарушать его можно сколько угодно: но это нарушение никогда не останется без вредных последствий для нарушителей.

Может быть, иным кажется, что уже поздно возвращаться в сем отношении к порядку природы (а мне кажется, к порядку возвращаться никогда не поздно): не отвращайте насильно по крайней мере от него детей своих. Не стыдитесь признаваться перед ними в своем недостатке и

говорите прямо, что вы имели несчастье увлечься худыми примерами, что теперь видите зло и готовы были бы возвратиться назад, но трудно. Таким образом, ваша исповедь послужит во благо вам и чадам вашим.

Что же, скажет кто-либо, ужели ты хочешь, чтобы все каждый день ходили к утрене? Нет, возлюбленный, мы не требуем сего; ибо многие, хотя бы и хотели, не могут того сделать по разным причинам. Но нет человека, который бы, во-первых, не мог вставать рано, тем паче не спать до полудня; нет, далее, человека, который бы не мог и не должен был освящать свое утро и начинать свой день молитвою, хотя краткою. И сие-то непременно должно делать всем и каждому; сего-то требуем мы от христианина. Великое ли требование? А между тем выполнение его крайне полезно не только для нашего спасения и для нашей души и совести, а и для самого успеха в делах земных и житейских. Ибо не напрасно сказано, что благочестие на все полезно, что оно созидает грады и дома; как, напротив, неверие и вольнодумство, ведя за собою роскошь и разврат, разоряют не только дома, целые царства. Доказательств на все это так много вокруг нас, что надобно быть слепым, чтобы не видеть их. Отчего, например, пал и разорился такой-то дом, коему еще не так давно не было равного по богатству, миру внутреннему и радостям семейным? Оттого, что вместе с благочестивыми родителями, коих трудами приобретено все, похоронены в землю и их благие обычаи и усердие к вере и церкви, и страх Божий, и любовь к бед-

ным. Иностранные языки и мода не могли заменить сих добродетелей; так называемое умение жить в свете не сумело не только нажить что-либо вновь, но и не потерять готового; и те, кои величались на великолепных колесницах, должны ходить теперь, как еще предсказал древний мудрец, пешком и едва не простирать руки за милостынею. Не в упрек кому-либо говорим это (наш долг и самых виновных не столько упрекать, сколько плакать о них и с ними), а в предостережение всех. Трудно быть счастливым без веры, и если бывают, то на краткое время, и то более по видимому, нежели на самом деле. А не погибнуть без веры нельзя, — что бы, впрочем, ни защищало от гибели: ибо, как нет другого Бога, кроме Всемогущего, Правосудного и Всесвятого, так нет и другого способа быть блаженным, как хождение во святых заповедях Его и верность преблагой воле Его. Аминь.

СЛОВО В ЧЕТВЕРТОК 5-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый; Того, Благой, не отыми от нас, но обнови нас молящих Ти ся.¹

Но не слишком ли уже много просим мы себе в этой молитве у Господа? Апостолам предстояла борьба с целым миром, с князьями и владыками, с самыми миродержителями тьмы века сего; им надлежало идти против тысячи заблуж-

¹ См.: Тропарь третьего часа, глас 6-й // Часослов.

дений и предрассудков, на тьму опасностей, мук и смертей: посему им нужно было облещися силою свыше; для них требовались не только огненные языки, но еще более пламенные души и сердца. А нам — что предстоит? Борьба преимущественно с собственным сердцем, сражение с своими страстями и похотями, необходимость стоять против некоторых токмо мнений и ложных правил света. Не довольно ли посему ограничиться нам собственными нашими силами и не тревожить, так сказать, напрасно благодати Духа Святаго, тем паче, что на апостолов, по чистоте собственного их духа, легко и приятно было нисходить Духу Святому, а в нас, нечистых и плотских, как вселиться пречистой благодати Его?

Признаем, братие, со смирением собственное наше недостойнство: в сравнении с такими избранными сосудами благодати, каковы апостолы Христовы, мы все — яко малые ночные светильники перед звездами, сияющими на тверди небесной. Но отречься от молитвы о благодати Духа нам невозможно уже по самой слабости нашей. Напротив, если для слабейших необходима и помощь сильнейшая, то мы не только вправе, но и в необходимости просить о ней.

Впрочем, и подвиг, нам предлежащий, хотя по наружности своей мал и незначителен в сравнении с подвигом апостолов, но в существе своем также невозможен для нас к прохождению его с успехом без помощи свыше. Правда, апостолам предстояла борьба с целым миром, а нам с одним нашим сердцем: но загляните пристальнее в

это единое сердце — здесь целый мир не только со всеми его соблазнами, но и со всею злобою, со всем упорством. Чего нет в этом нашем грехолюбивом сердце? — Идолов и кумиров? — Стократ более, нежели в каком-либо капище языческом. Есть здесь и кумир гордости житейской, и кумир похоти плотской; есть здесь и истукан брани и вражды, и истукан сребролюбия. Различие разве токмо в том, что в капище идольском эти кумиры и истуканы стоят бездушны и неподвижны, очи имут и не узрят, руки — и не осяжут, а в сердце нашем все сии истуканы исполнены силы и движения. Доколе мы падаем пред ними и курум фимиам им, они молчат: но прикоснись им, обнаружь намерение сокрушить их, даже сдвинуть только с места: и от каждого полетят громы и молнии, так что, неукрепленный благодатию, ты падешь во прах.

Как же после сего тому, кто хочет сражаться с своим сердцем и с его кумирами, не призвать на помощь Духа Божия, того Духа, Который един может создать сердце чисто и обновить дух правый во утробе нашей?

Апостолы должны были среди своей проповеди давать ответы пред князьями и владыками. Тебя, когда ты начнешь дело покаяния и спасения твоего, может быть, не спросят князья и владыки, но зато сколько придется тебе дать ответов не князьям и не владыкам! На всех, какие есть у так называемого большого или малого света судилища или собрания, ты должен стать — в лице или заочно, — но стать, яко подсудимый и виновный. В одном собрании донесут,

что ты соделался лицемером и ханжою и имеешь различные тайные виды; в другом — что ты впал в меланхолию и близок к помешательству ума; в самом снисходительном объявят за тайну, что с тобою начинает происходить что-то странное и достойное сожаления. Так будут судить чужие: от самых ближних и домашних ты не раз услышишь: что с тобою? Здоров ли ты? Не тревожит ли тебя что? Не оскорблен ли ты чем? И думаешь ли ты, что удовлетворишь, успокоишь всех и каждого, когда скажешь, что ты занят делом своего спасения, что у тебя печаль по Бозе? Увы, этот язык не ведом хорошо никому! За сии-то самые слова еще более возьмут против тебя подозрений; и ты не раз, или, лучше сказать, всякий раз сам не зная что сказать и как образумить на твой счет других, невольно будешь обращаться к Тому, Кто научил апостолов, да вразумит тебя, что подобает творить и глаголати.

Апостолам за их проповедь повсюду предстояли опасности, угрожали гонения и мучители. Тебя, начинающий дело спасения, не будут мучить видимо: но взамен того, что мучимые страдали несколько дней, иные — несколько часов, твои страдания продолжатся всю жизнь. Мир, тобою оставленный, никогда не оставит тебя в покое, поелику ты пойдешь не тем путем, коим идут почти все, а противным, то всякий, встречающийся на пути, почтет тебя заблудшим и будет покивать главою. Самые благие действия твои будут казаться обидою для многих, потому что будут мешать их действиям. И сколько готовится тебе отсюда огорчений, явных и тайных!

Сколько клевет, больших и малых! Самое смирение и терпение твое послужат поводом для некоторых презирать и оскорблять тебя. А если ты, яко человек, погресишь в чем-либо — то и малый грех твой поставится в преступление непростительное. Все это, порознь взятое, не так велико и важно, но в сложности своей из сего составитя такой крест, что ты не раз будешь падать под ним и искать Симона Киринейского¹ на помощь; и горе тебе, если не предстанет с помощью благодать Духа Утешителя, которая одна только может подкрепить тебя и усладить горесть твоего положения.

И все это, однако же, еще не последняя борьба и не последний крест. Сущность дела в том, чтобы изменить сердце свое, из сердца плотского сделать духовным, изгнать из него дух самолюбия, умертвить в нем похоть, возратить ему ту чистоту, с какою оно вышло из рук Божиих и без коей нельзя явиться нам пред лице Божие. Но кто может сделать это? Мы сами — решительно не можем. Ибо здесь надобно быть выше самих себя, сделаться чуждым себе, быть вместе и жрецом и жертвою. Для сего необходима сила высшая, Божественная сила Пресвятаго Духа, Который, яко начало жизни, един может проникнуть во все глубины нашего духа, во все изгибы сердца, дабы все очистить, исправить и освятить.

Воззовем же, возлюбленный, воззовем вместе с Церковию: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего*

¹ Симон Киринейский сподобился нести за Иисуса Христа Крест Его в части пути на Голгофу (см.: Мф. 27, 32).

Духа в третий час апостолом Твоим низпославый; Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящих Ти ся! Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 5-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Иже в шестый день же и час, на Кресте пригвождей в рай дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас!*¹

Не в шестый ли посему день, по сотворении человека, и не в шестый ли час дня последовало и грехопадение прародителей наших? — Не можем утвердить сего заподлинно; но не можем и не признать сего вероятным. Не утверждаем заподлинно: ибо день и час смерти Господа, хотя не вполне, определен у евангелистов; а о дне и часе падения Адамова ничего не сказано в бытописании Моисеевом, как бы для того, чтобы сие мрачное событие вместе с грехом навсегда изгладилось из свитка времен. Между тем весьма вероятно, как заметили мы, что день и час падения Адамова суть те самые, в кои последовало распятие на Кресте Господа нашего, то есть день и час шестый. И во-первых, что касается часа, к сей последней мысли препровождает нас, хотя не прямо, самое сказание Моисеево: ибо в нем, между прочим, говорится, что для обличения прародителей наших во грехе Господь явился пополудни (см.: Быт. 3, 8); следовательно, са-

¹ Тропарь шестого часа, глас 2-й // Часослов.

мое грехопадение последовало до полудня. В какой час? Очевидно, не в раннее утро: ибо в таком случае дерево не показалось бы так добрым в снедь; это бывает в то время, когда, по закону естества, ощущается потребность в пище, то есть около полудня, и следовательно, в то самое время, когда последовало распятие Господа: ибо час шестой, в который последовало оно, по нашему счислению часов равен полудню. Можно убедиться в том же и другим путем тому, кто способен взирать на страдания Господа оком веры возвышенным, а именно, из Евангелий видно, что день и час смерти Господа не были предоставлены случаю, а предопределены и избраны: посему и говорится, например, *не у прииде час Его* (ср.: Ин. 7, 30). Если же сей день и сей час избраны, то нет сомнения, что избраны, между прочим, в соответствие дню и часу падения Адамова. Ибо Господь, как второй Адам, пришедший загладить грех Адама первого, по тому самому и действовал, где можно, применительно к деяниям Адамовым. Так Он прошел победоносно искушение от диавола в тех же видах обольщения, каким уловлен был Адам. Самый род смерти избран в соответствие грехопадению эдемскому: от древа мы пострадали и потеряли рай; на древе, а не иначе, пострадал Господь и возвратил нам рай. Не должно ли ожидать после сего, что Икупитель мира, так расположивши обстоятельствами Промыслу Божию, прострет на Кресте руке Свои в ту самую минуту, когда несчастная праматерь наша простерла свою руку

к плоду запрещенному? Если мы не можем сказать, что такое соответствие, по времени, было необходимо в деле спасения нашего, то, с другой стороны, нельзя не признать, что оно в сем случае так прилично, так трогательно и так поучительно, что ему веришь невольно, не ища на то других доказательств.

Видите, однако ж, с какой редкой осторожностью поступает Святая Церковь! В молитве, нами рассматриваемой, она наводит на сию мысль, но не утверждает ее. Почему не утверждает? Потому, как мы заметили, что на сие нет явного указания в слове Божиим. Так поступает Святая Церковь и во всех других случаях: она никогда и ничего не выдает за истину, кроме того, что содержится в слове Божиим. Потому мы можем быть совершенно покойны, следуя учению Церкви; ибо следуем не человеческому мнению, которое, как бы оно ни было осмотрено, всегда может подлежать ошибке, а гласу Самого Бога, Который верен и неложен во всех словах Своих.

Но что же молитва? Что в ней содержится и что испрашивается? Испрашивается величайшая милость, а именно, чтобы распятым на Кресте Господом раздрано было и уничтожено рукописание и наших грехов так же, как пригвождено ко Кресту и уничтожено преступление в раю нашего прародителя. *Иже в шестый день же и час, на Кресте пригвождей в рай дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас!*

Раздери рукописание согрешений наших — выражение сие взято из Послания апостола Павла к Колоссянам, где он, рассуждая о благодетии, доставленном роду человеческому страданиями Господа, говорит, что Он истребил *еже на нас рукописание, взяв е от среды и пригвоздив на Кресте* (Кол. 2, 14). У апостола же употреблено сие выражение сравнительно, то есть в том значении, что каждый грех наш пред Богом подобен долгу, на который есть долговая собственноручная запись должника. Доколе существует такая запись, дотоле должник, как известно, безответен по закону, и долг подлежит к непременному взысканию: а когда запись уничтожается, то и ответственность престаёт. И вот сего-то уничтожения испрашиваем мы в молитве, нами рассматриваемой! *Раздери рукописание согрешений наших, Христе Боже, и спаси нас!* То есть, говоря без сравнения, прости и оставь нам грехи наши, да будем свободны от всякого ответа за них пред судом правды Твоея!

Видите теперь, как велико прощение наше! Ибо если для нас важно, когда кто простит нам долг и денежный, особенно когда мы не можем уплатить за него, то кольми паче важно, чтобы отпущены были нам все грехи наши, из коих ни за один и ничем не в состоянии мы уплатить правде Божией.

И Господь Премилосердый всегда готов оказать нам эту величайшую милость. Для сего самого Он и возшел на Крест, и претерпел за нас смерть, чтобы изгладить все наши грехи и из-

бавить нас от всякого ответа за них. Почему Он еще в Ветхом Завете устами пророка не только позволил обращаться к Себе с прошением о сем, но, можно сказать, призывал к сему всех и каждого, даже требовал сего настоятельно. *Приидите*, говорил Он, *и истяжимся*, то есть сочтемся в долгах, *и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю: и аще будут яко червлениое, яко волну убелю* (Ис. 1, 18).

После сего нет причины сомневаться: смело приступай ко Кресту Христову; с дерзновением приноси все рукописания грехов твоих. Как бы они ни были велики и разнообразны, все будет уплачено, прощено, все заглажено и уничтожено. Ибо кровь Сына Божия, за нас умершего, имеет пред очами Божиими цену беспредельную. В ней такая сила, что она может очистить от всякого греха, посему прочь уныние и отчаяние! Хотя бы ты грехами своими превзошел всех грешников: хотя бы сравнился нечистотою и беззакониями с самым духом отверженным: коль скоро станешь под Крест Христов, оросишься в духе веры кровию Спасителя, то ты безопасен и помилован, и не только помилован, но и будешь награжден, яко невинный и злопострадавший.

Но, братие мои, такая милость преподается со Креста Христова не безусловно; иначе злоупотреблению ее не было бы конца; иначе грешник мог бы то и делать, что ежедневно грешить и ежедневно получать прощение. Таким образом, самое милосердие Спасителя служило бы не во спасение ему, а в пагубу, располагая его к бесчув-

ствию в грехах и к продолжению жизни беззаконной, посему Спаситель наш готов принять грешников, готов всякому даровать не только мир и прощение, но и новую жизнь, и освящение благодатию Святаго Духа: только от всех и каждого из прощаемых Он требует исполнения некоторых условий. Какие это условия? Самые необходимые и нужные не столько для Него, а для нас же самих; потому что без исполнения их, самое прощение, нам даруемое, не поможет. А именно, Он требует, чтобы, сложив у Креста Его бремя грехов наших, мы не возвращались более за ними, не впадали в те же или новые грехи, а старались провождать жизнь свою уже в чистоте и правде. Без сего нет ни прощения, ни помилования. Ибо к чему бы послужило то и другое, если бы прощенные намерены были паки предаваться греху? К чему лечить рану, которую ты нанес себе безумно, если ты же на другой день по исцелении намерен нанести себе ту же рану?

Теперь понятно, кто может вместе с Церковию достойно произносить молитву, нами рассматриваемую. Ее может произносить каждый грешник, ибо она сложена, очевидно, не для праведников, а для грешников, — но какой грешник? Верующий в Господа Иисуса и в силу Креста Его воистину; раскаивающийся во грехах своих воистину; имеющий твердое намерение, получив прощение, вести себя далее не так, как жил прежде, во грехах и нечистоте, а в страхе Божиим, в повиновении своей совести и закону Господню, стараясь не только не повторять прежних беззаконий и неправд, но и заглаживать их, сколько

возможно, делами веры и любви христианской. Такому просителю не будет отказано: к такому Сам Господь простирает со Креста руце; ибо Он взошел на него не за праведных, а за грешных.

А кто молится и просит, не подумав хорошо, о чем молится и просит, кто не имеет расположения оставить грех и душевредные навыки свои, тот не столько молится, сколько оскорбляет своего Спасителя и подобен тем, кои, когда Он страдал на Кресте, говорили: *спаси Себе и наю*¹ (Лк. 23, 39)! И эти люди, по-видимому, молились, ибо говорили: *спаси наю*! Но что значили эти слова? Одну злобную насмешку. — В твоей молитве, нераскаянный грешник, нет, положим, такой злобы, но есть такое же безумие. Ибо скажи сам, как спасти тебя, доколе ты не отстанешь от греха? Это значило бы спасти тебя со грехом, спасти не тебя только, но и грех твой, то есть самое беззаконие твое признать за добродетель. Возможно ли это?

Есть и еще одно частное условие, без исполнения коего также нельзя просить у Господа уничтожения рукописания грехов наших. Это прощение с нашей стороны наших ближних. Ибо не напрасно сказано: *Аще принесеши дар твой к алтарю и ту помянешь, яко брат твой имать нечто на тя, остави ту дар твой и шед прежде смирился с братом твоим* (Мф. 5, 23–24). Если пред алтарем и с даром Господь не принимает тех, кои ведут распри и неправедные тяжбы с ближними своими, то кольми паче не примет нас, ког-

¹ Нас (церк.-слав.).

да мы явимся в виде грешников — не с дарами, а с мольбою о прощении *нам долгов наших!*¹

Что же мне делать? — скажешь, — если я прощу всем должникам моим, то сам останусь ни с чем и сделаюсь нищим. Этого не требуют от тебя (хотя бы и этого можно потребовать: и лучше нищему войти в рай, нежели оставаясь богатым, попасть потом в одно место с богачом евангельским (см.: Лк. 16, 19–28)): по крайней мере, не будь жесток и притеснителен; не требуй лишнего; отпусти, сколько можешь и из следующего тебе; дай время управиться с обстоятельствами, помоги выйти из затруднения; вообще, пожалей о должнике, как о собрате, и вместе смотри на долг твой, как на средство к собственному твоему спасению, к тому, чтобы и тебе получить милость от Господа. Когда будешь так смотреть, то есть представлять, что ты сам величайший должник пред Богом, то ты не сделаешь ничего с отягощением судьбы ближнего, а скорее окажешь ему всякое снисхождение, дабы и самому заслужить милость. А в этом именно и состоит цель условия и заповеди.

После сего к вам особенно надобно обратиться, богачи века сего! Верно, у вас лежит не одно рукописание на ближних ваших и, верно, между должниками вашими есть, кои не имеют чем воздать вам. Смотрите же, не опускайте драгоценного случая к изглаждению грехов ваших. Возьмите и повергните сии рукописания у подножия Креста Христова: Господь воздаст вам сторицею! Аминь.

¹ См. Молитву Господню «Отче наш...»

СЛОВО В ПЯТОК 5-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

(Перед исповедью)

Святой мудрец Израилев заметил некогда и изрек, что *смерть и живот в руце языка*¹ (Притч. 18, 21–22). Если когда замечание сие исполняется во всей силе, то в настоящие дни поста и исповеди. Тут подлинно *жизнь и смерть* человека в *руце языка*, то есть зависят от его уст. Жизнь, и жизнь вечная, когда ты от *сердца сокрушенна и смиренна* (см.: Пс. 50, 19) исповедуешь пред Богом свои грехи и примешь с верою прощение в них из уст служителя Церкви! Смерть, и смерть вечная, когда, по стыду ли ложному, или по гордости, или по чему другому умолчишь пред духовником о каком-либо твоём студодеянии² и отыдешь потому не прощен и не разрешен! *Жизнь и смерть в руце языка* — то и другое на твоих устах: избирай любое, но одно из двух непременно избрать должен: или исповедь, то есть смирение, преданность, веру и вместе с тем жизнь, или — сомнение, непослушание, скрытность и вместе с тем смерть.

После сего надлежало бы ожидать, что смерть не найдет себе между нами ни одной жертвы, что все и каждый улечат благодать и жизнь: ибо у кого нет языка, что легче сказать — и пред кем? Не пред человеком, а пред Богом — что, говорю, легче сказать, как: согрешил, прости? Но, к со-

¹ В Синод. пер.: *Смерть и жизнь* (человека) — во власти языка.

² Постыдным деянии (от греч. ἁσελγεία).

жалению, есть немало таких, даже между исповедниками, кои не пользуются благом исповеди, как должно, кои с собственного языка и уст берут не жизнь, а смерть; берут смерть потому, что не хотят подвигнуть своего языка, отверсть своих уст, можно сказать, на произнесение своего собственного спасения. Такие люди знают свой грех, понимают даже, что он есть мерзость пред Господом и составляет лютую язву на душе их; но не могут собрать столько сил, чтобы решиться на исповедь его пред служителем алтаря Христова. Иные из таковых даже идут к святому наложу с намерением не скрывать более своего беззакония; и однако же возвращаются, не открыв его, как должно.

Кто бы ты ни была, бедная душа, страждущая сим ужасным чревоношением греха, доселе еще не исповеданного, позволь обратить и к тебе слова пророка: *совлецы узу выи твоя, плененная дщи Сионя!*¹ (Ис. 52, 2). Ноги и руки твои освободились уже от уз и сетей вражиих; ибо ты *не ходишь* более на совет нечестивых, *не стоишь на пути грешников* (ср.: Пс. 1, 1) и не творишь прежних дел беззакония, но выя твоя не свободна; враг-искуситель держит еще ее в руках своих и не дает тебе отверзть уст на исповедание греха твоего пред священником; ибо знает, что с исповедью и разрешением потеряет все права свои над тобою. Итак, собери последние силы твои и *совлецы узу с выи твоей*; совлецы и воздвигни главу твою; отверзи уста и произнеси слово по

¹ В Синод. пер.: *сними цепи с шеи твоей, пленная дочь Сиона!*

видимому самоосуждения, а в самом деле — слово собственного спасения твоего. Ибо в то время как ты будешь говорить: я согрешил, сделал то и то беззаконие, — Ангел хранитель твой будет изглаждать это самое беззаконие из книги деяний твоих.

Ах, возлюбленный собрат, если бы нам для освобождения себя от проклятия и вечной казни за грехи наши предложено было и что-либо самое трудное, например, всю жизнь просидеть в темнице или быть осужденными на труды самые тяжкие, не должны ли бы мы с благодарностью принять сие предложение как милость, дабы временным злостраданием стяжать свободу от мучений вечных? Но вот здесь, при исповеди, требуют от нас не подвигов великих, не жертв тяжких, а единого смиренного признания своих грехов: и мы еще будем при сем медлить и отрицаться! — Не явный ли это знак, что мы или не верим Самому Господу, Который пастырям Церкви говорит в Евангелии: *вся елика разрешите на земли, будут разрешена на небеси* (Мф. 16, 19), или так упорны во грехах, что не хотим променять их даже на собственное спасение?

Но как, скажешь, исповедать мне свой грех, когда он ужасен и отвратителен? А как же, возлюбленный, носить его неисповеданным так долго в душе и совести своей, когда он ужасен и отвратителен? — Как ни отвратительна рана на теле, однако же, когда начинают лечиться, то непременно показывают ее врачу, и он старается узнать всю глубину ее. А душу твою ты думаешь излечить не показывая, а сокрывая ее раны! —

Но мое сердце, скажешь еще, так чувствительно, что я не могу разверсть уст на признание в тяжком грехе моем. Ах, если оно, это чувствительное сердце, не спасло тебя от сего греха — то это знак, что в нем нет той крайней чувствительности, для которой действительно несносна и одна мысль об известных грехах. Кто мог учинить какое-либо беззаконие, тот, будь уверен, уже может признаться в нем и исповедать его пред служителем алтаря, как требует Святая Церковь. Но допустим, что эта исповедь с твоей стороны будет стоить тебе усилий и принуждения себе, что это жертва, и притом не малая. Что же? — Принеси эту жертву и докажи тем, с одной стороны, благодарность за милость, тебе оказываемую, а с другой — искренность твоего покаяния, и что ты действительно возненавидел грех. Исповедию греха, доселе таимого в сердце, ты несказанно облегчишь собственную душу. Это все равно, как бы ты извергнул устами то, что тяготило, возмущало и портило твою внутренность. А вместе с тем исповедь греха, доселе утаиваемого, послужит для тебя в ограду от него на будущее. Ибо стыд, который ты почувствуешь от признания, будет удерживать тебя от повторения сего греха, дабы снова не иметь нужды в нем исповедоваться.

Впрочем, как хочешь, возлюбленный, но мы должны решительно сказать тебе в заключение, что если ты явишься на исповедь с намерением утаить некоторые грехи, то лучше не приступай к святому налою. Ибо ты приступаешь не к человеку токмо, а и к Богу. Духовник твой, не

видя, что в твоей душе, даст тебе разрешение; но Господь сердцеведец не даст; и ты отыдешь еще более связанный, нежели как пришел, от чего да спасет тебя Господь Своею всемошною благодатию! Аминь.

СЛОВО В СУББОТУ 5-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА¹

*Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшися от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице...*²

По избавлении от зол и бедствий радоваться и приносить благодарения всего естественнее и приятнее. — Но знаете ли, братие, над кем и в чью пользу совершена победа, за которую мы Взбранной Воеводе восписуем ныне благодарственная? Она совершена, как повествует история, в пользу греков и престольного града их — Константинополя, страдавшего от жестокой осады, — совершена над каганом, вождем скифов, в числе коих, по всей вероятности, были и наши предки³. Таким образом мы благодарим за чуждое для нас благодеяние, — торжествуем собственное наше поражение!

¹ Эта суббота посвящена Пресвятой Богородице; в богослужбной литературе она называется «Похвала Пресвятой Богородице» (Суббота Акафиста).

² См.: Кондак 1-й, акафист Пресвятой Богородице, и из молитв на сон грядущим.

³ Имеются в виду события VII в. по Р. Х., происходившие в Византийской империи, когда г. Константинополь заступлением Пресвятой Богородицы не раз был избавляем от нашествия иноплемеников.

Что это значит? — То, что христианская вера и в сем отношении, как во многих других, переменила порядок вещей и научила смотреть на события иначе: мудрость мира почитать буйством, а буйство Креста единственною мудростию, — слезы покаяния вменять в источник блаженства духовного, а радости и смехи мирские — в зло и пагубу, лишениями дорожить паче богатства, страданиями — хвалиться, в унижении — торжествовать. Если бы мы доселе оставались во тьме язычества, то воспоминание о чудесном поражении предков наших под стенами Константинополя составило бы предмет печали общественной и сетования; но поелику мы благодатию Божиею изведены из сея тьмы в чудный свет христианства, то воспоминаем его с нашими победителями, благодарим — за собственное поражение! И поступая таким образом, поступаем совершенно справедливо; ибо в лице помраченных тьмою язычества предков наших по плоти неверие устремлялось противу веры, дикая свирепость — против гражданского устройства, алчность добычи — против мирной собственности: напротив, в лице жителей Константинополя, кои суть также предки наши по вере, чрез ниспослание им чудесной помощи свыше награждено упование на Бога и молитва, — такие добродетели, коими и мы живем и дышим, от коих ожидаем спасения временного и вечного. Торжество веры, где бы оно ни открылось, есть торжество всех верующих; награда пламенной молитвы, на кого бы она ни низошла, есть награда всем истинно молящимся; победа христианства, в ка-

ком бы то ни было виде, есть общая всем христианам победа, посему нисколько не удивительно, что мы празднуем ныне, некоторым образом, собственное наше поражение. Это совершенно в духе нашей святой веры; ибо *дух истинного христианства в том и состоит, чтобы всегда торжествовать победу над самими собою*. Раскроем сию мысль в честь Взыбранной Воеводы нашей, Которая и в сей внутренней брани есть лучший вождь и помощник.

Святая вера наша, братие, происходя от Бога любви и мира, вся исполнена благодати и щедрот; но вместе с тем она приводит с собою жестокую брань. Христианин должен *не воздавать злом на зло* (Рим. 12, 17), *любить самых врагов* (ср.: Мф. 5, 44), молиться за самых распинателей (см.: Лк. 23, 34): но вместе с тем он должен быть всегда воином и победителем. *Мните ли*, вопрошал Сам Господь и Спаситель наш, *мните ли, яко приидох во вресщ¹ на землю мир?* — ни, *не приидох во вресщи мир, но меч* (ср.: Мф. 10, 34). И в другом месте, приглашая к мужеству и борьбе на брани духовной, Он же Сам говорит: *дерзайте*, то есть стойте и сражайтесь мужественно, *яко Аз победих мир* (Ин. 16, 33)! Апостолы Христовы также весьма часто призывают к духовной брани, предлагают для того всякого рода оружия, дают советы, ободряют мужество, указывают на венцы, уготованные победителям; христианин у них есть воин, от колыбели до гроба.

Что же это за брань, которую приводит с собою наша вера святая? Что это за победа, к ко-

¹ Принести (церк.-слав.).

торой должен стремиться каждый христианин? Это — брань человека с самим собою; это — победа над страстями и плотию, над всем, что в нас есть враждебного Богу и нам самим. Христианин должен, во-первых, победить мир с его прелестями, соблазнами, могуществом, лукавством и заразной нечистотой. Он должен победить духов злобы поднебесных, с их невидимыми и видимыми нападениями. Но главное поле брани для христианина есть — собственное его сердце. Внешние враги немного значат для него, если внутри нет мятежа; нападения совне пагубны только тогда, когда в самом человеке есть предатели. И против сего-то домашнего зла должны быть устремлены все силы и все мужество христианина. Идти против своих любимых привычек, против требований своей плоти, против желаний собственного сердца часто труднее, нежели идти против тьмы врагов: но — надобно идти! Кто не ведет сей внутренней брани, тот христианин по одному имени. Только победа над самими собою делает нас истинными христианами. Без сего христианство и человек остаются чуждыми друг другу. Без сего нет и не может быть спасения!

Для совершенного убеждения в сей важной истине стоит только вспомнить, в каком состоянии теперь человек и для чего нам дана святая вера наша. — Она дана для нашего спасения, для того, чтобы избавить каждого из нас от тех ужасных зол, кои обременяют всех и каждого. Но в чем состоит сущность сих зол и бедствий, от коих христианство должно освободить нас? — Главным образом в том, что мы не свои, что мы

в рабстве, в плену, в крайнем утеснении и нищете. Кто враг и притеснитель наш? Грех, чувства и страсти. Они господствуют в нас, все прочее покорствуется им и страдает. Страдает ум, наполняясь ложью, обманами, истощаясь в служении пороку; страдает воля, двигаясь непрестанно по ветру чувственных пожеланий и страстей; страдает свобода, не имея силы обратиться к закону и следуя слепо за чувствами; страдает самое тело от неестественных наслаждений, хотя живущий в нас грех всего более греет и питает оное. После сего как спасти нас, если не бранию с самими собою, — с тем, что в нас есть враждебного нам самим? — И что другое остается делать святой вере нашей, как не доставлять нам средства к тому, чтобы выходить из сей брани победителями? — Так действительно и есть! — Вникните в существо и состав христианства; и вы тотчас увидите, что в нем все направлено к сей необходимой цели, — к тому, чтобы освободить человека от плена страстей, от рабства чувств, от унижения духа под владычеством плоти; а поелику источник и седалище сего зла в нем самом, — чтобы соделать его победителем над собою.

По сему самому христианин, как мы сказали, на многое смотрит совершенно иначе, нежели естественный человек. Что для последнего кажется величайшим злом, например, страдания, бедность, унижение, ибо все это уязвляет его самолюбие, то самое для первого кажется и должно казаться благом; ибо освобождает его от внутреннего рабства и возвращает к свободе духа.

По сему то святому закону совершаем мы и настоящее торжество наше, несмотря на то, что событие, нами воспоминаемое, не совместно с народным самолюбием. С самолюбием оно, подлинно, не совместно; но совершенно совместно с любовью к Богу, с любовью к ближнему и с чистою любовью к самим себе. Ибо в лице греков, избавленных предстательством Богоматери от осады скифской, награждена вера, упование и молитва: а это те самые добродетели, в коих заключено и наше спасение. Слух о чудесном поражении воинов под стенами Константинополя, распространившийся между древними предками нашими, без сомнения, содействовал произведению в них уважения к вере христианской и предрасположил их к оставлению язычества, что потом и последовало, — сначала частно, в некоторых лицах, а потом и во всем народе, при святом Владимире. Посему самая вера наша есть, некоторым образом, плод того поражения, которое предки наши потерпели от Взбранной Воеводы.

Не тем ли, братие, с большим усердием должны мы притекать ныне к пречистому образу сея Воеводы, Которая, избавив греков *от злых*, и на наших предков навела *злая* для того, чтобы привести на них со временем *благая* (Рим. 3, 8), коими пользуемся мы ныне? — Но, благодаря Богоматерь за победу над нами внешнюю, не забудем просить о победе над нами внутренней, будучи твердо уверены, что в сей последней победе — над самими собою — состоит и все торжество нашей веры, что от нее зависит самое наше спасение. Аминь.

СЛОВО В СУББОТУ 5-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Последуя примеру Святой Церкви, ублажающей Пресвятую Деву всеми возможными ублажениями, и мы, братие мои, желали бы ныне отверзть пред вами уста свои на похвалу Ее всесвятого имени, отверзть с тем, чтобы через сие, подобно песнопевцу церковному, исполниться духа и, если возможно, наполнить и вас сим же духом. Но слово Церкви, вчера нами слышанное, удерживает нас: то слово, которое говорит: *Вития многовещанныя, яко рыбы безгласныя, видим о Тебе, Богородице!*¹ — Если многовещанные оказались безгласными, то что будет с нами — маловещанными? Для нас посему, в подобном случае, *удобее*, по выражению другой песни церковной, *любите молчание*...²

С другой стороны, что же и делать в день похвалы Пресвятой Богородицы, как не разделять, по возможности нашей, сию похвалу вместе с Церковию? Остается посему поступить так, как делают те, кои, живя у моря, не имеют кораблей великих для плаванья на них по всем краям морским. Таковые на малых ладиях совершают небольшие плаванья у берегов, удовлетворяя таким образом своим нуждам и отдавая должную честь неприступности моря. Подобно сему, говорю, поступим и мы; то есть укажем вам на главнейшие добродетели и совершенства, кои-

¹ См.: Икос 9-й, акафист Пресвятой Богородице.

² См.: Задостойник, глас 1-й, в праздник Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

ми украшалась на земле Пресвятая Дева, не дерзая входить в самую глубину благодати, на Ней почивавшей.

Первая добродетель и вместе основание всех добродетелей человеческих есть преданность в волю Божию с забвением собственной воли и пожеланий. Необходимая для человека добродетель сия постоянно преисполняла собою всю душу и всю жизнь Марии. *Се, Раба Господня; буди Ми по глаголу твоему* (Лк. 1, 38)! — сказала Она Архангелу, благовествовавшему Ей зачатие Сына Божия. По-видимому, нетрудно было изъяснить таковую преданность в то время, когда следовало решиться не на что-либо прискорбное и уничиженное, а на честь и славу — быть Материю Сына Божия: но на самом деле это был верх преданности и самоотвержения человеческого. Ибо, во-первых, к сану и званию Матери Божией принадлежало, как мы увидим, множество скорбей и искушений, таких притом, кои не посещают самых великих подвижников благочестия. Посему сказать: *се, Раба Господня*, значило сказать: *се, Я готова на все лишения, скорби и страдания, — готова на то, чтобы оружие прошло самую Мою душу* (ср.: Лк. 2, 35)! Самое достоинство Матери Божией, хотя есть высшее всех достоинств, но для души истинно смиренной, какова была душа Марии, решиться на приятие его еще труднее, нежели решиться на скорби: ибо последние человек смиренный почитает естественною своею долею и принадлежностью за свою нечистоту; а стать выше Херувимов и Серафимов — как подобало Матери Божией, — на это душу воистину смиренную могла прекло-

нить одна беспредельная преданность в волю Божию. И сия-то преданность во всей силе выразилась в словах Приснодевы: *се, Раба Господня; буди Ми по глаголу твоему!* Сказано так один раз — Архангелу; а исполняемо было всегда, не только пред Ангелами, но и пред упорными врагами истины и правды. Ничто не могло поколебать сей преданности в Марии, — ни самый Крест Сына Ее, поколебавший собою всю землю.

Вторая добродетель души праведной есть чистота тела и духа: ею украшаются все рабы Божии; но никто не украшался в такой полноте, как Пресвятая Дева. По сей-то добродетели Она, принадлежа еще к Ветхому Завету, где безбрачное состояние было как бы даже противно закону, обещавшему в награду за исполнение его многочисленное потомство, — избрала для Себя на всю жизнь девство, и таким образом показала в Себе пример совершенства, принадлежащего Завету Новому. По сей-то добродетели Преподобная не прежде согласилась на благовестие Архангела, как узнав, что исполнением его над Нею не нарушится ни сколько святой обет девства. Ибо что Она говорит ему? *Како будет сие, идеже мужа не знаю?* (Лк. 1, 34). Как бы, то есть, так рекла Она: дело, о котором ты поведаешь, все и во всем зависит от того, могу ли Я при нем остаться в безбрачном состоянии, Мною для Себя избранном: если могу, то Я готова послужить тайне; если нет, то да прейдет благовестие твое на голову иную! — Вот до чего, как видите, простиралась любовь к чистоте духа и тела в Пречистой!

Третья добродетель душ святых есть мужественное перенесение скорбей и искушений. Мария, после Сына Своего и Бога, есть первый и высочайший пример сей добродетели. Какого искушения не перенесла Она, какой скорби не вытерпела? *Слово плоть бысть* (Ин. 1, 14), то есть зачалось от Духа во чреве Приснодевы: для последней из матерей есть в подобном положении ослаба и снисхождение; для Матери Сына Божия — нет его! Святой Обручник, не ведая тайны, подозревает Ее в бракооукрадовании!.. Что может быть тягчае сего искушения? Но Святая Дева переносит его безмолвно. — Одно слово Ее могло бы успокоить старца, а с ним и Ее Самую, и рассеять подозрения; но Она не смеет сказать сего слова, потому что это тайна Промысла; — страдает и безмолвствует! Приближается потом время рождения — тут еще более нужен покой; а Матери Сына Божия надлежало в это самое время идти в Вифлеем с Иосифом, чтобы подвергнуться переписи народной. В самую минуту рождения не достаёт места в обители; и Мария идет для сего в вертеп¹, полагает Рожденного во яслях!.. Едва радость о Родившемся заставляет забыть стесненность Своего положения, как меч Ирода простирается уже над вертепом: и Матерь с Отрочатом принуждена бежать во Египет тем путем, коим и среди дня доныне с трудом проходят люди самые крепкие и вооруженные. Подражая евангелисту, преходим в молчании годы последующие. Се, Мария уже на Голгофе. Какое мучение для сердца Матери видеть на

¹ В пещеру.

Кресте в муках Сына, Того Сына, Который зачат от Духа Святаго, Который, по проречению Архангела, имел воцариться *в дому Иаковли во веки...* (Лк. 1, 33)! Чужие не могли выносить сего зрелища и возвращались с Голгофы, *биюще в перси своя* (Лк. 23, 48); а Мать Иисуса стоит у Креста в безмолвии, — погруженная мыслию в бездну путей Божиих. Что может сравниться с сим святым мужеством духа и сердца?

Не продолжим нашего немотствования о величии Честнейшей Херувим; — и так мы уже далеко от берега, а ладия наша мала и слаба. Вместо прославления Пречистой, поспешим обратиться к Ней же с молитвою. О чем? Паче всего о том, чтобы Ее благодатным содействием и в нашей нечистой душе отразился хотя малый и слабый образ тех добродетелей и совершенств, кои украшали Ее на земле, чтобы мы в действиях своих водились и управлялись не своими суетными желаниями, а пресвятою волею Божиею, — чтобы сохраняли, сколько возможно, душу и тело свое от скверн мирских и чтобы умели благодушно переносить те бедствия и печали, кои сретают нас на пути нашего земного странствия. Аминь.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ 5-Ю ВЕЛИКОГО ПОСТА

Шестую уже седмицу поста начинаем, братие мои! Так течет время! — Пост столь же мало может удержать быстроту его, как и празднества самые светлые. А иные из нас еще скучают продолжительностью времени и не знают, на что

употребить его: до того может простираться в человеке забвение цели бытия своего! Кто помнит, для чего дана ему жизнь и что потребуется от него за гробом, тот никогда не будет тяготиться продолжительностью времени: тому каждый час дорог; ибо он знает, что должен действовать и трудиться для вечности. Узнает это и каждый; но когда? На ложе смертном; тут самый рассеянный чувствует наконец цену времени; видит, как кратка земная жизнь; желал бы продолжить ее; готов отдать за то все прочее: но час смерти неотвратим — и несчастный миролюбец восхищается навсегда с того поприща, которое дается только единожды, и, погубленное, никогда не возвратится. Можете представить, братие мои, что ожидает таковых людей в вечности! Для предупреждения сего-то несчастья Святая Церковь непрестанно оглашает слух наш всеми гласами пророков и апостолов, дабы пробудить нас от усыпления и бесчувствия душевного. Для сей-то цели и мы, братие мои, возвышаем нередко пред вами слабый голос свой. Может быть, — думаем мы, исходя пред вас с словом жизни и спасения, — может быть, в нынешнем собрании есть душа, которая услышит его в первый раз, и не только услышит, но и обратит его в дело своего спасения: может быть какой-либо грешник, вняв из уст наших гласу милосердия Божия, придет в чувство, остановится на пути к аду, и Господь отпустит нам за сие хотя некую часть собственных наших прегрешений. Ибо не напрасно сказано: *обративый грешника от заблуждения его спасет душу от смерти и покры-*

ет множество грехов (Иак. 5, 20). Имея в виду сие, и вы, братие мои, не оставляйте содействовать нам не только вашим вниманием, но и вашими молитвами о нас: ибо если мы при нашей слабости духовной можем чем-либо быть полезны для вас, то единственно верностию благодати Господней, избравшей нас в служение вашему спасению.

Настоящий день воскресный, как заметили мы в одном из прежних собеседований наших, посвящен Церкви, между прочим, ублажению памяти преподобной Марии Египетской. И подлинно, если когда воспоминание о сей дивной жене благовременно, то в настоящие дни поста и покаяния: ибо ничто так не может послужить и в поучение, и в утешение для грешников, как ее жизнь и подвиги. Известно, что наиболее смущает грешника в то время, когда он начинает приходить в раскаяние. Смущает, во-первых, мысль о тяжести своих грехопадений; во-вторых, чувство пагубной привычки ко греху и трудности сражаться с нею. — Но вот грешница, каких самый грехолюбивый мир видит у себя немного и всегда сопровождает презрением, вдруг разрывает все узы греха, на ней лежавшие, начинает жизнь святую и подвижническую, удостаивается чрезвычайных даров благодати Божией и восходит путем покаяния на такую высоту духа, что становится подобною Ангелам бесплотным. Кто после сего может отчаиваться в своем спасении?

Чтобы образ покаяния Мариина живее напечатлелся в нашей душе, для сего повторим, бра-

тие мои, кратко всю жизнь преподобной, как она изложена для нас святым Софронием, патриархом Иерусалимским († 644).

Рожденная в Египте, Мария с юных лет имела несчастье впасть в бездну плотской нечистоты. Поводом к сему была ее особенная красота телесная — этот дар Божий, останок райского благолепия природы нашей, но который теперь редко не обращается в первый повод к греху. Разврат начался с того, с чего наиболее начинается он в летах юных, — с неповиновения своим родителям, дошедшего до того, что скоро оставлен навсегда дом родительский. После сего нечего было уже ожидать от пятнадцатилетней девицы, кроме греха и соблазнов. И Мария, падая ниже и ниже по лестнице разврата, скоро явилась на самой последней ступени. Все, что страсти и диавол могут сделать из человека, все то было сделано из несчастной. И в таком ужасном состоянии проведено около семнадцати лет. — Казалось, не было уже никакой надежды на исправление.

Но Тот, Кто оставляет девяносто девять овец и ищет одну заблудшую (ср.: Мф. 18, 11–13), Тот не оставил и теперь несчастную грешницу, и премудростию Своею обратил ко спасению ее то самое, что казалось верхом погибели. Ловя все возможные случаи на удовлетворение своей страсти, Мария заметила, что один корабль, наполненный юными людьми, отправляется в Иерусалим для поклонения Кресту Христову. Диавол тотчас вложил в сердце мысль употребить сей случай для своей страсти; — и вот злополучная плывет

в Иерусалим, скверня море своими делами, как прежде сквернила землю. Ни взор на Святой Град, ни вид Голгофы и гроба Господня не могли остановить навыка ко греху; Мария и в Иерусалиме продолжает губить себя и других. Но это было уже последней жертвой аду.

Когда наступил день торжественного поклонения Кресту Христову, Мария вместе с другими пожелала войти в храм: но сколько ни приближалась к воротам его, каждый раз уносилась волнением толпы народной. Сначала это казалось делом случая и возбуждало только новые усилия протесниться вместе с другими в церковь: но когда с одной стороны все усилия остались тщетными, а с другой заметно стало, что этот неуспех преследует из всех только ее одну, то в Марии пробудилась наконец совесть: как молния проникла все существо ее мысль, что не люди, а перст Божий и грехи ее отрывают¹ ее от Святыни. — В сокрушении сердца Мария подымлет очи горé и видит пред собою на стене церковной святую икону Богоматери. Это было для нее как бы явление с неба. «Мати Божия, — восклицает со слезами грешница, — я знаю всю мою нечистоту; ведаю, что за тяжкие грехи мои мне место не в храме, а в аде: но призри, Всеблагая, на мое покаяние, и буди моею Ходатаицею и Споручницею пред Богом Сыном Твоим: отселе вся жизнь моя будет принадлежать Ему и Тебе!»

После сей молитвы Мария опять стремится ко воротам церковным; и несмотря на прежние, еще большие толпы народа, входит невоз-

¹ Отталкивают (церк.-слав.).

бранно во храм и совершает поклонение Кресту Христову. Видимая милость сия преисполняет душу ее новым умилением и благодарностию к Богу. Возвратившись ко вратам церковным, она паки повергается пред иконою Богоматери; снова произносит обет чистоты и покаяния; вторично избирает Ее Споручницею спасения: и, прияв свыше вразумление идти за Иордан в пустыню, — оставляет навсегда мир и все человеческое.

Я говорю: *и все человеческое*; ибо Мария, заключившись в пустыне Иорданской, не только попрапа всю прежнюю роскошь и изнеженность, не только отвергла удовлетворение самым необходимым потребностям плоти и крови; но вознеслась, можно сказать, над самою природою человеческою. Во все время ее пребывания в пустыне у нее не было ни крова, ни одежды, ни пищи. Трех малых хлебов, взятых ею из Иерусалима, стало ей — на сколько бы вы думали? — на шестнадцать лет! Потом пищею для ней служило не столько зелие пустынное, сколько молитва и благодать Божия. И среди таких подвигов проведено сорок семь лет! Можете представить себе, братие, чего стоила такая жизнь телу, привыкшему к неге и чувственности!

Послушаем, как сама преподобная повествовала о сем святому старцу Зосиме. «Рече же Зосима к преподобней: “Колико есть лет, о госпоже моя, отнележе водворилася еси в пустыни сей?” Она же отвеща: “Мню яко сорок семь лет, отнележе изыдох от Святаго Града”.

Зосима же рече к ней: “Что обретаеши в пищу себе, госпоже моя?” Она же рече: “Полтретья убо хлеба принесох, прешедши Иордан, иже по мале изсохше окаменеша, их же по малу вкушаючи, многа лета пребых”. Зосима же рече: “Како же ли без воды пребыла еси толика лета; никоея же ли беды приемлющи от внезапного ослабления?” Отвеща же она: “Речи мя ныне воспросил еси, авво Зосимо, о ней же трепещу глаголати: аще бо воспомяну вся тыя напасти, яже пострадах, и помышления лютая, колико сотвориша ми беды: боюся да не теми же паки оскорблена буду. Веру ми ими, авво, шестнадесят лет сотворих в пустыни сей, яко со зверьми лютыми, с моими безумными похотьми борющиеся: егда бо начинах пищи вкушати, абие хотяшеся ми мяс и рыб, яже бяху во Египте, хотяшеся же ми и вина, любимаго мною: много бо вина пиях, егда бех в мире; zde же не имуща ни воды вкусити, люте жаждою палима бех и бедне терпях. Бываше же ми и желание любострастных песней, зело возмущающее мя, и нудящее пети песни бесовския, ихже в мире навывкла бех. Абие же слезящи и с верою перси своя биючи, воспоминах обеты, яже бех сотворила, входящи в пустыню сию. Мыслию же идях ко иконе Пречистыя Богородицы, Испоручницы моя, и у тоя плакахся, просящи отгнати помышления от мене, терзающия окаянную мою душу. Егда же довольно плакахся и в перси усердно биях: тогда свет видех, всюду осиявающ мя и тишина велика в бури место бываше ми. Како же тебе, авво, исповем помышления моя, поревавшия мя на

грех? Яко огонь во окаяннем сердце моем разгарашеся и всю отвсюду мя опаляше, ко греху понуждая. Егда же таковое помышление прихождаше ми, повергах мя на землю, и слезы многи проливах, мнящи яко Сама Испоручница стоит и истязует мя, яко преступившу, и муку за преступление показующи. Не востаях же от земнаго повержения ночь и день, дондеже сладкий оный свет осияваше мя и помыслы смущающи мя отгоняше. Очи же мои к Испоручнице моей непрестанно возводях, просящи от Нея помощи; яко же и воистину Спомощницу ту имех и к покаянию Споспешницу. И тако скончах семнадесят лет, беды тьмами приемлющи: оттоле же до днешняго дне помощница моя Богородица во всем и на вся руководствует мя". Рече же Зосима к ней: "Не потребовала ли еси уже прочее пищи и одеяния?" Она же отвеща: "Хлебы убо оны скончавши, якоже рекох ти в седминадесяти летех, питахся былием, сущим в пустыни сей. Риза же, юже имех, прешедши Иордан, от ветхости истле. Многу же беду от зимы и от зноя пострадах, солнцем горящи и мразом омерзающи и трясущися. Тем же и многажды падши на земли, лежах аки бездушна и недвижима. Многажды же с различными напастями и бедами боряхся. Оттоле убо и до днесь, сила Божия многообразная, грешную мою душу и тело унылое соблюде: помышляющи бо точию, от коликаго зла избави мя Господь, пищу неиздеваемую стяжах — упование спасения моего. Питаюся бо и покрываюся глаголом Божиим, содержащим всяческая. Ибо не о хлебе единым жив будет человек

(Мф. 4, 4). *И елицы не имеяху покрова, в камене облекошася, елико их совлечеся греховнаго одеяния*” (ср.: Иов. 24, 7–8; Евр. 11, 37–38). Слышав же Зосима, яко и словеса от Писания воспоминаемы, от Моисея же и пророк и от книг псаломских, рече к ней: “Псалмом же и иным книгам, о госпоже, училася ли еси?” Она же слышавши сие осклабися¹, и рече к нему: “Веруй, человече, не видех инаго человека, отнеле же Иордан преидох, кроме твоего лица днесь, и ниже зверя, не инаго животного видех: книгам же никогда же учихся, ни инаго чтущаго или поющаго слышах, но Слово Божие живо и действенно то учит разуму человека. Ныне убо заклинаю тя воплощением Слова Божия, молитися за мя блудницу”».

После таких и столь долговременных подвигов не могло не последовать совершенного очищения души и тела, совершенного мира с Богом и совестью, совершенной победы над немощами природы человеческой, совершенного приближения к первобытному совершенству человека в состоянии невинности и содружеству с миром духовным и Божественным. И действительно, святой Зосима, коему предоставлена была Промыслом Божиим честь открыть преподобную подвижницу в пустыне и послужить ее погребению, застал ее уже не человеком, а ангелом. Мария облечена была еще плотию, но сия плоть походила более на дух, нежели на наше тело: она преходила немокрено Иордан; во время молитвы возносилась от земли на воздух; не могла вкушать почти ничего, кроме Тела

¹ Улыбнулась (церк.-слав.).

и Крови Христовой. Для преподобной открыты были самые тайные движения сердца в Зосиме: она беседовала с ним из Священного Писания, из Псалмов и Пророчеств, никогда не читав Писания и вовсе не умея читать; знала все, что совершается в его монастыре; предрекла, что имеет совершиться в будущем. Самые звери пустынные благоговели пред лицом преподобной: в продолжение жизни ее не смели приближаться к ней; а по кончине вырыли для нее могилу и помогли немощному старцу предать ее святые мощи земле.

Судите теперь сами, братие мои, не благоприлично ли такая жизнь, как преподобной Марии, указывается Церковию всем грешникам среди настоящих дней поста и покаяния? Где яснее, как не в сей жизни, можно увидеть, что нет греха, побеждающего человеколюбие Божие, что нет бездны разврата, из коей, при помощи благодати Божией, нельзя было бы выйти путем веры и покаяния, что можно, и начав поздно, не только сравняться, но и упредить в совершенстве даже тех, кои работали в вертограде Господнем от первого часа (см.: Мф. 20, 1–16)?

Если бы, помыслит кто-либо из грешников, и мне было такое звание свыше, как Марии! А Марии, возлюбленный, какое было вначале особенное звание? Что она за теснотою от народа вместе с другими не могла войти в храм Иерусалимский? Ах, сколь многие из нас не обратили бы на это ни малейшего внимания и спокойно, даже может быть с радостью, пошли бы домой! Совесть Марии сделала важным и решительным для нее это, если угодно так назвать,

знамение. Будем внимательны к самим себе: и мы в своей жизни найдем немало подобного, может быть еще более знаменательного: ибо можно сказать утвердительно, что нет ни единого из грешников, который не имел бы в своей жизни таких случаев, где благодать Божия видимо призывала его к покаянию; но наше непрестанное рассеяние и ожесточение во грехе делают для нас все это бесплодным. Что бы ни среталось с нами подобного, у нас один суд: это *случай!* Как будто все самые так называемые случаи были не в деснице Господней! И как будто со стороны Спасителя нашего мог быть опущен без внимания какой-либо случай к спасению бедного грешника! Посему, когда бы и где бы ни пришла тебе мысль отстать от греха, бросить развратную жизнь: будь твердо уверен, что сия душеспасительная мысль прямо от Бога; ибо как бы иначе она и посетила твою мрачную душу, если бы не была послана свыше? Прими таковую мысль; последуй, куда она зовет тебя; оставь гибельный путь греха, — и благодать Божия, являющаяся и ищущая ее, тем паче не замедлит явиться тебе, когда увидит, что ты начал искать своего спасения; озарит душу твою светом Лица Своего; укажет путь, коим должно тебе следовать; подкрепит тебя в немощи, утешит в скорби, вознаградит за все земные лишения и рассеет для тебя на узком и тернистом пути к Царствию столько залогов Своей любви, что ты и страдая будешь радоваться и не променяешь нового ужасного для миролюбцев состояния своего ни на какие блага в мире.

Что же мне делать, вняв призыванию свыше, — спросит иная душа грешная, — неужели, подобно Марии, оставить все и идти в пустыню? Сделать и это, если бы оказалось необходимым: ибо ты, конечно, отдал бы все для своего спасения, если бы у тебя разбойники отнимали жизнь телесную. А страсти, сии враги, злейшие всех разбойников, отнимают у тебя жизнь духовную, вечную, — и ты будешь рассчитывать, чем пожертвовать для ее спасения и что оставить? Так ли пекутся о своем спасении? Так ли ценишь ты свою душу, ее же не достоин весь мир? Но для большей части кающихся грешников нет необходимости оставлять совершенно мирское свое состояние. Вступив вдруг на столь высокую, крутую и скользкую лестницу, мы по слабости стоп своих не могли бы идти по ней безбедно. Посему, душа кающаяся, довольно будет для тебя на первый раз и той пустыни, которая откроется в самой тебе, коль скоро ты внесешь во внутренность твою свет слова Божия; довольно той пустыни, которую составит для тебя тот же мир, тебя окружающий и тебя ласкавший, коль скоро ты отвергаешься его внутренно. Путь Марии есть путь необыкновенный, почему она и достигла совершенства равноангельского: для нас, грешная душа, довольно будет, если мы перестанем походить ожесточением и нераскаянностью на злых духов, возвратим себе чистый образ человеческий, погубленный во грехах, и соделаемся достойными войти со временем, хотя последними, в то же блаженное Царствие Божие, где живут и блаженствуют души покаявшихся грешников. Аминь.

СЛОВО В СРЕДУ 6-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Иже в девятый час нас ради плотию
смерть вкусивый, умертви плоти нашей
мудрование, Христе Боже, и спаси нас.¹*

Итак, у плоти нашей есть не только тяжесть и дебелость, нас гнетущие, не только слабость и бренность, непрестанно запинаящие стопы наши, не только болезни и смертность, обращающие в ничто все наши замыслы и предприятия; но есть, наконец, и свое мудрование, такое опасное мудрование, что от него нельзя иначе избавиться, как умертвив его, чего, однако же, мы, при всей нужде в том, сами по себе сделать не можем, а должны молить о сем Того, Кто един имеет силу и власть как оживить и укрепить в нас то, что для нас необходимо, так низложить в нас и умертвить то, от чего мы гибнем. — Что это за мудрование и откуда оно у плоти, которая как плоть, то есть сложность вещества, хотя движущегося и одушевленного, но неразумного, по тому самому должна быть неспособна ни к какому мудрованию? Для уразумения сего надобно войти в рассмотрение нашего состава и взаимного отношения духа и плоти.

Понятие, рассуждение, умствование принадлежат собственно в нас одной душе; подобно как одной плоти в нас принадлежит очертание, цвет, тяжесть и движение; и доколе в человеке происходит все, как должно, и каждая часть его состава, так сказать, на своем месте, в сво-

¹ Тропарь девятого часа, глас 8-й // Часослов.

ем чине и действии, дотоле в духе нашем нет дебелости, тяжести и бессмыслия плотского; а в плоти нет замыслов и умствований, принадлежащих душе. Дух, как владыка и руководитель, соображает, определяет и управляет; плоть, как орудие, повинуется и служит, сколько может. Но когда человек, уклонившись от воли своего Творца и, что то же, от порядка и закона своей природы, повергается в грех и предается страстям и похотям, тогда сие прекрасное согласие частей, его составляющих, нарушается; чин и послушание прекращаются: что должно оставаться внизу, является вверху, а верхнее падает и унижается; плоть-раба делается владыкою, а дух владычественный обращается в орудие плоти. Вследствие сего злополучного превращения отношений духа и плоти, они как бы меняются своими качествами: дух становится грубым и плотянеет; а плоть, не делаясь нисколько тонее и духовнее, восхищает некоторые качества духа, является как бы смыслящею и мудрствующею, предприимчивою и мечтательною; только все это не на добро, а на зло. То есть, говоря точнее, не плоть сама по себе, как вещество, получает мысль и ум, — что невозможно, — а дух, смешавшись, так сказать, с плотию, и став с нею на одном месте, начинает мыслить, судить и действовать по ее требованиям и внушениям. Такое состояние духа и плоти, очевидно, есть состояние неестественное человеку, и потому не только предосудительное для его достоинства, но и крайне вредное по его последствиям. Низшая сторона человека — плоть — приобретает, по-

видимому, в таком случае высшее совершенство, начиная действовать наподобие духа — стороны высшей: но это мнимое совершенство, как ей несвойственное, по сему самому не составляет никакого достоинства, подобно тому как в самозванце не составляет достоинства, что он ложно именуется царем. Притом такое возвышение плоти сопряжено с крайним унижением духа, с лишением его своего места, своей чистоты и власти. Тут бывает то же, как если бы подданный, и притом недостойный, стал повелителем, а природный владыка его сделался его слугою.

Судя по тому, откуда и как является у плоти способность к мудрованию, уже легко предвидеть, в чем будет оно состоять. Это мудрование крамольника и бунтовщика, который, захватив в свои руки власть, не иначе может удерживать ее, как средствами самыми незаконными и насильственными; это мудрование татя¹, который о том только и думает, как бы сокрыть следы своего хищничества и умножить несправедное стяжание новыми хищениями; это мудрование человека, погубившего ум, который, вообразив себя не тем, что он есть, и сам внушает это всем, и от других требует, чтобы говорили то же самое. В самом деле, посмотрите на мудрование, то есть на понятия, суждения и замыслы людей плотских — из чего состоят они? Прямо или непрямо, явно или тайно, все они проникнуты ядом греха, все дышат самолюбием, устремлены к удовлетворению не истинных и существенных потребностей человека, а различных прихотей и

¹ Вора (церк.-слав.).

требования страстей; потому все, рано или поздно, ведут человека к гибели. В отношении к Богу и вере — мудрование плоти, в самом лучшем виде его, выражается холодностью и невниманием к предметам веры, как бы вовсе несуществующим или маловажным; в обыкновенном же состоянии своем соединено с отвержением всего непостижимого в вере и с превращением, по своему вкусу, всего, что в ней постижимо; а в худшем виде его нередко доходит до той гордости и самозабвения, что, подобно древним нечестивцам, готово бывает сказать Самому Богу: *отступи от нас; путей Твоих вести не хотим* (Иов. 21, 14); или с фараоном вопрошать: *кто есть, егоже послушаю гласа?* (Исх. 5, 2). В отношении к ближним мудрование плоти состоит в превозношении себя выше всех, в присвоении себе, если бы то было возможно, всего, что видят очи и чего жаждет необузданное сердце, в обращении всех людей в слепое орудие своих прихотей. Даже в отношении к самому человеку мудрование плоти хотя все дышит самолюбием, раздражается постоянно похотями вреждающими и душетленными, замыслами несбыточными и пагубными, делами пустыми и мертвящими. Ибо, с одной стороны, мудрование плоти вредит человеку тем, что позволяет ему все, уничтожая различие между пороком и добродетелью, с другой — тем, что отъемлет у него все, уничтожая надежду жизни вечной и не веля ничего видеть далее могилы и тления. Прорываясь, наконец, из частной жизни на поприще общественного действия, мудрование плоти, не остановленное

вовремя властью предержащею, не уврачеванное, или по крайней мере, не умеренное благотворным влиянием веры и Церкви, сопровождается потрясением всего, чем держится сила царств и благоденствие народов. Где воцарилось это пагубное мудрование, там все хотят властвовать и никто не хочет повиноваться, разум человеческий приветствуют именем Божества, а следуют все явному безумию; провозглашают всеобщее блаженство и златой век, а плавают в крови собратий; стремятся к невозможному совершенству, и теряют, одно за другим, все возможные блага.

Иначе и быть не может: ибо *мудрование плотское*, как замечает апостол, *закону Божию не покоряется, ниже может* покоряться (Рим. 8, 7). Поелику же только в законе Божиим жизнь, свобода и блаженство человека, то сколько ни выдумывай иных законов, сколько ни изобретай иных средств к благоденствию человека и общества, все они должны оказаться наконец пустыми, несбыточными и гибельными.

Что же после сего делать с таким неисправимым мудрованием, как не стараться лишить его всех сил, искоренить его до конца? Ибо доколе оно будет живо, дотоле не будет истинной жизни в человеке. Какая та жизнь, когда брeнная и греховная плоть мудрует и распоряжает, а дух вечный слепо выполняет эти безумные распоряжения? Но как и отнять силу и жизнь у плотского мудрования, когда оно соделалось в человеке грешном началом всеуправляющим, единственным источником его деятельности? Сама плоть

не откажется от своего владычества, как оно ни противозаконно; дух, хотя бы и захотел, не может возвратить себе права свои: ибо оплотянетъ ему не трудно; а оплотянев, очиститься, освободиться, просветлеть, стать на свое место, взять в руки власть, — крайне трудно: для сего нужна помощь свыше, необходима сила, которая сняла бы с него узы, подняла бы его из праха, наполнила бы силою и жизнью, и таким образом дала бы ему возможность быть тем, чем должно.

И вот, сего-то самого испрашивается в молитве, нами рассматриваемой!

Иже в девятый час на Кресте нас ради плотию смерть вкусивый, умертви плоти нашея мудрование, Христе Боже, и спаси нас!

Ты, — как бы так говорилось в ней за всех нас, — Ты, Который для того и вкусил смерть плотию, да мы все оживем и поживем духом, призри на бедственное состояние духа нашего, гнетомого узами плоти, и умертви ее мудрование! Свяжи сего необузданного зверя: порази его в самое сердце, да престанет грехолюбивая плоть наша влачить нас по дебрям страстей и пороков, да обратится в то, чем ей быть должно, — в послушное орудие духа!

Само собою разумеется, что произносящий сию молитву должен решиться на все действия, кои Умерший ради нас плотию Сам сочтет нужными для умерщвления в нас мудрований нашей плоти — и поелику никакое умерщвление не может быть произведено без боли и страданий, то должен решиться на перенесение сих страданий. Ибо, без таковой решимости, что значила бы и

наша молитва? Она была бы или обманом, или самообольщением.

Но вот наша странность или, лучше сказать, наше безумие! Когда мы призываем врача для отнятия какого-либо неисцельного члена, то уже не противимся его действиям, как они ни болезненны; а еще помогаем ему всем, чем можем: стонем, кричим, но повинемся и благодарим за самые страдания наши. А с Врачом Небесным поступаем большею частию напротив. Несмотря на то, что сами умоляем Его умертвить мудрование нашей плоти, — когда Он начинает Свое дело, то есть начинает смирять, поражать нашего плотского человека — болезнями ли, бесчестием ли, другими ли какими ударами: то мы тотчас обращаемся вспять, жалуемся и ропщем, ставим преграду за преградою, и таким образом, вместо умерщвления мудрований плотских часто впадаем еще в большее рабство плоти.

Все это оттого, что мы большей частью не убеждены в зловредности для нас плотского мудрования и вообще жизни плотской и греховной: если молимся об избавлении от них, то единственно потому, что так велит молиться Церковь; а сами по себе, в душе своей, нисколько не чувствуем нужды в сем.

Посему, чтобы нам не произносить столь святой молитвы напрасно, надобно прилежно размыслить о том, как вредно для нас мудрование плоти; надобно убедиться вместе с апостолом, что это мудрование есть вражда на Бога, что оно есть смерть для нас. Как убедиться в сем? Во-первых, размышлением о том, откуда происхо-

дит в нас мудрование плоти, — к чему указан нами путь для каждого, — и какою пагубою оно обнаруживается в нас, — для чего может служить опыт и наш собственный, и других людей. Ибо если будем внимательны, то увидим, что всякий раз, когда мы слушались мудрования плотского, никогда не выходило из действий наших для нас ничего, кроме худого и зловредного. Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 6-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Вкусите и видите, яко благ Господь.
Пс. 33, 9

Драгоценные слова сии никогда так часто не возглашаются, как в течение Святого и Великого поста. Мы слышим их по дважды в седмицу, то есть на каждой Преждеосвященной Литургии. И действительно, если когда прилично им часто повторяться, то в настоящие недели; ибо под конец каждой из них устроится обильная трапеза для всех желающих причаститься Тела и Крови Господней. Где же можно более видеть всю благодать Господа, как не на сей Божественной Трапезе? Большого и очевиднейшего доказательства Своей благодати, мне кажется, нельзя было дать людям Самому Богу. Ибо, скажи пожалуй, что же бы еще можно было сделать? Нет большей любви, изрек Сам Спаситель, *да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13); *за други* только, а мы что были Богу, когда Единородный Сын Его полагал за нас душу Свою на Кресте? Были грешниками,

следовательно, врагами Божиими, и притом такими, кои вовсе не думали о примирении. И вот, за сих-то врагов непримиримых, не за друзей и присных, — положил Единородный Сын Божий душу Свою. Уже это верх любви, какой нельзя найти в целом мире. Но Он, как Бог, возшел любовью Своею к нам еще выше: ибо изобрел в премудрости Своей средство полагать за нас душу Свою, можно сказать, не раз, а многожды. Ибо что делается в каждой Литургии? Повторяется священнотайне то, что было на Голгофе; повторяется до того, что в Пречистых Тайнах Он снова приносится за нас в жертву, не образно только и припоминательно, а с полною силою и действием. Потому и принесенное не остается простым символом Тела и Крови Его, а обращается в сие самое Тело и в сию самую Кровь; так что Божественное Тело Спасителя, Которое висело некогда на Кресте и было погребено Иосифом, Которое теперь сидит на Престоле одесную Отца, является и на наших престолах и жертвенниках. Одно такое присутствие и явление Тела Христова пред нами уже показывает величайший избыток Его любви к нам. Но Он сим не удовольствовался, а что делает? То, чего мы сами по себе не могли и вообразить, — предает Себя под видом хлеба и вина на вкушение всем желающим! Не знаем, провидел ли сие святой Давид, когда возглашал: *Вкусите и видите, яко благ Господь!* Но мы, кои видим, мы, кои вкушаем, что должны мыслить и чувствовать при сем? Не должны ли мы вострепетать всем существом от любви, удивления и благодарности?

Подлинно, если от радости умирают, то не было бы ничего удивительного, если бы кто, по причащении Таин Господних, вдруг разрешился от уз телесных и перешел от веры к блаженному видению. Подумай еще при сем и о том, кому предлагается сей Божественный дар, кому говорится *вкусите и видите!* Не одним избранным, не пророкам и апостолам, не мученикам и подвижникам, не постникам и девственникам, а всем, самым последним грешникам. Господь и ныне, так же, как на последней Вечери, знает, что *не все чисты* суть (Ин. 13, 10) из приступающих к Его Тайнам; ведает, что уже не один, а многие предадут Его, и только малая часть останется верною: и несмотря на сию нечистоту почти всех, на сию неверность многих приступающих, никого не отвергает от Своей вечери; всем подает равно то же самое Тело и ту же — свою собственную Кровь. Если бы такое чудо любви сделано было и единожды; если бы, то есть, каждому из нас только раз в жизни дано было причаститься Тела и Крови Господней: и тогда мы не имели бы, чем возблагодарить Господа. Но нам всем предоставлено это благо на всю жизнь: приступай когда хочешь, вкушай сколько угодно, во храме и дома, в жилище и на пути, на суше и воде, днем и ночью, в какой угодно час. Скажите, — можно ли бы было даже поверить сему, если бы не ручались за то ясные слова Самого Господа? — Здесь-то познаем, что каждому из совершенств Божиих нет меры и предела: всемогущество — оно рассыпает без счету мириады солнцев и звезд; премудрость — она творит числом, ве-

сом и мерою каждую былинку полевую; правосудие — оно не оставляет ни одного покаянного вздоха без награды и ни одного нечистого взора без наказания; благость — она не удовлетворяется тем, что кладет печать щедроты на всех делах своих, дает пищу всякой плоти, но наконец сама воплощается, дабы дать себя в снедь верным. И после сего еще некоторые могут доходить до отчаяния в милосердии Божиим и думать, что у Отца Небесного может недоставать любви, когда они прибегнут к Нему с верою и покаянием? — Такие мысли если приходят к кому, то приходят большею частию от врага нашего спасения, который обыкновенно поступает так, что когда мы живем в беззаконии, то представляет грех вещью маловажною, до которой Царю неба и земли, по самому величию Его, нет будто никакого дела; а когда увидит, что мы начинаем каяться во грехах и решаемся разорвать узы страстей, то изображает Бога немилосердым судиею, а грехи наши совершенно неотпустительными. Когда придут к тебе, кающийся грешник, подобные мысли отчаяния, то, оградив себя крестным знаменiem, тотчас вспомни Таинство Святого Причащения и скажи: возможно ли, чтобы Тот, Кто дает мне вкушать Тело и Кровь Свою, отверг мое покаяние? Для чего же Он и питает меня, недостойного, Самим Собою, как не для того, чтобы исцелить, помиловать и оправдать? Скажи так и продолжай в мире дело своего покаяния. Господь благ ко всем, но первое и более всего — ко грешникам кающимся. Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 6-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Душеполезную совершивше Четыредесятницу, и святую седмицу Страсти Твоея, просим видети, Человеколюбче, еже прославити в ней величия Твоя и неизреченное нас ради смотрение Твое, единомудренно воспевающе: Господи, слава Тебе.¹

День за днем, седмица за седмицею, и вот прешла уже вся Святая Четыредесятница, — хотя иным, по непривычке к воздержанию и посту, она казалась, может быть, бесконечною. Пост еще продолжится одну седмицу: но дни сии не принадлежат уже Четыредесятнице, а имеют особенное назначение, будучи посвящены на воспоминание Страстей Господних. Это как глава и крест на храме, посему сама Святая Церковь останавливает в настоящий день наше внимание, неоднократно возглашая: *Душеполезную совершивше Четыредесятницу!* Так поступает она для того, чтобы мы, достигнув конца Четыредесятницы, собрались с мыслями и рассмотрели, достигнута ли в нас цель Святого поста? Ибо можно, и много сеяв, ничего не пожать; можно употребить разные лекарства, иждить даже, как говорит Евангелие о жене кровоточивой, все имение врачам (см.: Лк. 8, 43), и не получить исцеления.

Итак, что теперь с нами, то есть с душой и совестью нашей? Чувствуем ли в себе какую-либо перемену благотворную? Можем ли сказать с

¹ См.: Стихира в пятницу 6-й седмицы, на вечерне // Триодь постная.

описанною в Песни песней невестою: *се, зима прейде, дождь отыде, цветы явишася на земли нашей* (Песн. 2, 11–12)? Ах, мы привыкли называть природу, нас окружающую, неразумною: но посмотрите, как всеразумно исполняет она свой долг и делает свое дело! Едва только обратилось к ней лицо летнего солнца, она тотчас начала со-влекаться, и теперь совершенно со-влеклась своей тяжелой зимней одежды; освещенная, согр-етая лучами весенними, она немедля омылась от нечистот зимних; отдала сполна всю дань вод морю; и теперь, что ни день, то более и более из-носит из недр своих все, что прошедшею осе-нью вверила полям и нивам рука земледельца. К Светлому Празднику всюду явится у земли новая праздничная одежда из зелени и цветов; горы и холмы препояшутся радостью, и новый хор пернатых возгласит новую песнь радости и благодарения Творцу природы. И к нам, братие мои, с самого начала Святого поста, можно ска-зать, приблизилось духовное Солнце, Господь и Спаситель наш: ибо не напрасно возглашала тогда Церковь слова апостола: *ныне ближайшее нам спасение* (Рим. 13, 11)! Что же произвело в нас это приближение к нам и это умножение вокруг нас света и теплоты духовной? Растаял ли внутри нас лед бесчувствия сердечного? Омылись ли мы от нечистот греховных слезами веры и покаяния? Готова ли душа наша, подобно земле, к изнесению плодов любви и правды? — Сретая день Воскресения Господня, возможем ли сказать, что и мы уже не мертвы духом, что в нас, по благодати Божией, есть хотя малый на-

чаток жизни вечной? — Пост настоящий для сего именно был и предназначен. Ибо чего хотела Святая Церковь, налагая его на нас? Конечно не того, чтобы сберечь от употребления несколько снедей или лишить нас известных удовольствий. Нет, пост должен был обуздать нашу чувственность; укротить, а потом и умертвить наши страсти; очистить наши мысли и желания; дать большую свободу духу и совести; пробудить в нас печаль по Бозе и святую тоску по Небесном Отечестве; приблизить нас к небу; очистить, просветлить и освятить все существо наше.

По этому самому Четыредесятница и провозглашается душеполезною. — Таковою ли она была для нас? Что приобрели мы от толикого числа чтений, молитв, коленопреклонений, тем паче от нашей исповеди и причастия Святых Таин Христовых? Не с видом суровых приставников истязуем¹ мы, братие мои, от вас плодов поста, а, подобаясь врачам, для вашей же пользы хотим обратить внимание ваше на состояние души и сердца вашего. Ибо легко может быть, что некоторые, и желая спасения душе своей, не умели воспользоваться поприщем великопостным. Это бывает, например, когда во время поста ограничиваются одним воздержанием от пищи и питья, одним более или менее частым хождением в церковь, одним поверхностным исповеданием своих грехов пред священником, исправлением каких-либо маловажных недостатков в своем поведении и жизни: тогда как для спасения нашего требуется гораздо большего, —

¹ Истязати — взять, получить, *здесь*: ожидаем.

необходима совершенная перемена наших плотских мыслей и чувств, всецелое обновление нашего духа и сердца, или, как выражается слово Божие, целое новое *рождение свыше* (ср.: Ин. 3, 6, 7). Если кто имел неблагоприятное отношение к указанным нами малоплодной поверхности благочестия, тот да ведает, что он, и много по видимому делая, еще ничего не сделал как должно; ему надобно трудиться снова и начать, так сказать, с начала. То есть что сделать? — Углубиться в свое сердце и совесть, убедиться, что без освящения свыше корень всех его действий, даже благих, есть самолюбие, а не святая и истинная любовь к Богу и ближнему, — что все произрастающее от сего корня есть нечисто пред очами Божиими и недостойно Царствия Небесного; должно познать сие и молить Господа, да Сам изведет его из плена страстей и злых навыков, да Сам *созиждет* в нем *сердце чистое* и дарует ему *дух сокрушен* (ср.: Пс. 50, 12, 19), — то сердце, из коего сами собою явятся воистину благие мысли и деяния; тот дух, который один может быть приятелем даров благодатных и обителю в нас Духа Божия.

Но как же сделать все это, спросит кто-либо, когда уже миновала Святая Четыредесятница и пропущено время, самое удобное к тому? — Точно, время поста есть весьма удобное к сему важному делу; но наступающие дни страданий Господних, можно сказать, еще удобнее. Как на середине земного шара под равноденственной линией, или так называемым экватором, солнце действует так сильно, что в один день вырастет более, нежели у нас в неделю, так то же самое

можно сказать и о наступающих днях Страстей Христовых. Это наш духовный экватор: тут сосредоточены все лучи духовного Солнца. Не было бы только недостатка с нашей стороны в слезах истинного покаяния, а то в час и минуту может произойти с душою и сердцем нашим то, чего в другое время трудно ожидать от целых седмиц и месяцев.

Итак, да не теряет надежды никто! Да соберутся под знамя веры и Креста все отсталые! Да возвратятся к своему месту самые беглецы! На Голгофе всем верующим доступ; всем кающимся — прощение; всем любящим воистину — жизнь вечная! Аминь.

СЛОВО В СУББОТУ ЛАЗАРЕВУ

Настоящий праздник можно назвать праздником дружества. Иисус говорит: *Лазарь, друг наш, успе* (Ин. 11, 11), и спешит в Вифанию, несмотря на опасность там для Своей жизни от иудеев. Ученики говорят также: *идем и мы, да умрем с Ним* (Ин. 11, 16), то есть говорят то, что могла внушать токмо самая пламенная дружба к Лазарю. О Марфе и Марии, сестрах его, невозможно и сомневаться: их душа и сердце как бы погребены вместе с братом и другом. Самые фарисеи, забыв свои лицемерные виды и расчеты, пришли в Вифанию не для чего другого, как да утешать сестер о смерти брата. А при гробе Лазаря — тут Иисус даже прослезился, — и, конечно, не от уныния и печали, ибо сейчас скажет: *Лазаре, гряди вон* (Ин. 11, 43), а от любви и

дружбы, для коих тяжело видеть и на одну минуту возлюбленного своего в гробе, среди праха и тления. — Посему-то самые иудеи заговорят: *виждь, како любящие его* (Ин. 11, 36)! — Итак, говорю, праздник настоящий можно по всей справедливости назвать праздником дружбы.

Если когда потому, то ныне самый удобный случай для нас наблюсти, как Господь поступает с Своими друзьями и возлюбленными. — Много ли Он любит их? Так любит, что проливает слезы на их гробе. Иисус не плакал на Своем Кресте, а над Лазарем плачет; и сделал для него то, чего не делал ни для кого: ибо воскресил его из мертвых уже четьыредневно и смердяща.

Но любовь сия делает ли друзей Господа во-все неприкосновенными ни для какой скорби и искушений? Напротив. Из примера Лазаря и сестер его особенно видно, как справедливо замечено апостолом Павлом, что *егоже любит Господь, того наказует* и испытует (ср.: Евр. 12, 6). Ибо смотрите, вот семейство, которое Господь постоянно отличал Своим вниманием; среди ко-его во время пребывания Своего в Иерусалиме всегда находил для Себя дружеский приют и успокоение, которому явил столько знаков Своей благорасположенности, так что оно само уже нисколько не сомневалось в любви Его, а возлагало на Него полную надежду во всяком случае; как и теперь, едва только Лазарь сделался болен, дали Ему знать о том, в уверенности, что Он немедля явится и возвратит здоровье Своему болящему другу, — вот, говорю, семейство свя-тое, чистое, самое близкое к Господу: и однако же какому великому искушению и какой скор-

би подвергается оно теперь со смертию Лазаря! Господь, без сомнения, мог отвратить болезнь от Своего друга, но не отвратил; мог сделать ее, по крайней мере, не смертельною, но не сделал; мог поспешить чудом и прийти в Вифанию на другой или третий день по смерти, но явился на пятый. Почему так и для чего? Потому и для того, чтобы сделать и Лазаря, и сестер его вполне орудием славы Божией, дабы дать им — и печалию Своею, и болезнию брата, и самую смертию его послужить великому делу спасения человеческого: *да прославится Сын Божий ея ради* (Ин. 11, 4)! Так поступает Господь с друзьями и присными Своими! Он блюдет их яко зеницу ока; без Его воли *не падает с главы их ни одного волоса* (ср.: Лк. 21, 18): но это не значит того, чтобы Он непрестанно ущедрял их только благодеяниями, чтобы увеселял и питал их сладостями, подобно как поступают с детьми своими сердобольные, но неразумные матери, портя таким образом их нрав, приучая их к изнеженности и роскоши, — нет, Господь премудр и не может поступать таким образом; Он взирает не на удовольствие, а на истинную пользу любящих Его и любимых им; и для усовершенния их в вере, любви, смирении и преданности, нередко посылает на них такие искушения, каких не видят над собою грешники. У кого, например, из грешников требовал когда Господь в жертву Себе сына? А у Авраама требовал. Кто любезнее Ему был двадцати учеников Его? И все они скончались за имя Его среди мучений — иной от меча, иной от креста, иной от камней. Все это не только по любви их к Господу, но и по любви к ним Господа.

Ибо для Него, яко Всемогущего, ничего не стоило отворотить от них все искушения, окружить их даже всеми видами счастья земного; но Он не сделал сего, а, напротив, попустил обрушиться на них всем бедствиям, да пренесением их взойдут на большую высоту и достигнут светлейших венцов: потому что ничто так не делает человека чистым, ничто так не возвышает его в духе и не приближает к Богу, как мужественное перенесение скорбей и напастей.

Перестанем же, братие мои, соблазняться и недоумевать, если видим, что кто-либо и из верных рабов Божиих не благопоспешается¹ в земных делах своих, терпит нападение или клевету, страдает от болезни и других зол. Ужаснемся, напротив, и пожалеем, когда сретим счастливого во всем нечестивца, высыщегося, яко кедр ливанский. Ибо это значит, что он, яко неисправимый, предоставлен уже самому себе и, по выражению Писания, восприимлет, подобно богачу евангельскому, благая в животе своем, дабы по смерти идти прямо во огонь геенский (см.: Лк. 16, 19–28).

Престанем унывать и отчаиваться, когда и нас, несмотря на чистоту рук и правоту путей наших, посетит какая-либо горесть и потеря. Напротив, если мы хотим быть воистину рабами Господними, то должны в сем случае не падать, а возвышаться в духе, утешаясь тою мыслию, что Господь взирает на нас уже не как на малых детей, неспособных ни к какому трудному опыту и подвигу, а как на возросших, от коих

¹ Не преуспевает (церк.-слав.).

с благонадежностью можно ожидать и требовать жертв и усилий. А для сего утвердим навсегда в душе нашей мысль, что все горести и напасти земные, в чем бы они ни состояли и как бы велики ни были, коль скоро переносятся надлежащим образом, то есть со смирением, верою и преданностью в волю Божию, то никогда и ни в чем не могут повредить нам, а всегда доставляют, напротив, великую пользу душевную. Хотите знать — какую? Ту, что ослабляют в нас плотского человека, этого опаснейшего врага нашему спасению; ту, что подавляют в нас приверженность к благам мира и его нечестивым утехам и обращают мысли наши к небу и вечности; ту, что приближают нас к Богу, заставляя в Нем едином, яко неизменном и вечном, искать для себя опоры и утешения; ту, наконец, что видимо уподобляют нас Господу и Спасителю нашему, Который во время бытия Своего на земле не царствовал и не блаженствовал, хотя имел на то все право, а ежедневно лишался, терпел и страдал ради спасения нашего. Аминь.

СЛОВО
В ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК¹
(На утрени)

Пришла наконец и Великая седмица! Открылось Божественное поприще Страстей Христовых! Тут столько света для ума самого косного, столько огня для сердца самого холодного, что нам, служителям слова, можно бы уже

¹ Печатано с рукописи. — *Примеч. изд. 1873 г.*

умолкнуть и вместе с сим соделаться зрителями происходящего, слушателями глаголемого. Но поелику сама Церковь не прекращает слова, то и нам нельзя оставить его. Будем отверзать уста, чтобы указывать вам, на что особенно каждый день обращать внимание. Это тем нужнее, особенно в первые дни, что хотя Церковь и Евангелием дневным и песнопениями сама напоминает каждый день о некоторых предметах, но они, не знаю почему, не пришли доселе в общую народную известность.

Многие ли, например, знают, что ныне творится память праведного Иосифа (см.: Быт., гл. 30–50) и смоковницы, пораженной проклятием (см.: Мф. 21, 18–22)? — А воспоминание о сих предметах потому именно и усвоено настоящему дню, что в них содержится для нас премного поучительного. Итак, обратим теперь внимание на святого Иосифа; а среди Литургии рассмотрим судьбу проклятой смоковницы.

Почему является в нынешний день святой Иосиф? — Потому, что он был прообразом Спасителя нашего. Ибо надобно знать, братие мои, что Спаситель наш кроме того, что был предсказан пророками, был и прообразован и лицами, и вещами. Так, например, жертвоприношение Исаака Авраамом (см.: Быт. 22, 1–19) прообразовало жертвоприношение Голгофское. Пребывание три дня пророка Ионы во чреве китове прообразовало тридневное пребывание Спасителя во гробе (см.: Иона, гл. 1–2; Мф. 12, 39–40). Вознесение Моисеем змия в пустыне на крест для исцеления (см.: Чис. 21, 4–9) образо-

вало вознесение на Крест Иисуса во спасение всех. Повелением — печь на огне агнца пасхального целым, не сокрушая кости от него, — прообразовано, что на Кресте не будут пребиты голени у распятого Спасителя. Но из всех ветхозаветных прообразований Божественных Страстей Христовых нет полнее, как — в Иосифе. Праведник сей прообразовал собою не одно какое-либо обстоятельство в страданиях Господа, и не одну какую-либо сторону Креста Его, а многие. Вообще в жизни его видимо отличаются два состояния: уничижения и прославления, и последнее вышло из первого так, что если бы не было уничижения, то не было бы и славы. Так и в жизни Господа: сначала уничижение, страдания, смерть и погребение, а потом воскресение, вознесение и посаждение на Престоле Отца, и все сие за то, что Он был послушлив даже до смерти Крестныя. В частности, что ни черта в жизни Иосифа, то сходство с жизнью Господа, и особенно с Его страданиями. Так, Иосиф был любимейшим сыном отца — Спаситель есть возлюбленный Сын Отца Небесного. Иосиф послан был навестить братьев своих, бывших вне дома отеческого; но вместо любви сречен ненавистию, заключен в ров и продан чужестранцам (см.: Быт., гл. 37), — Спаситель послан также с неба посетить нас в земле странствия; пришел к своим, к братьям, к народу иудейскому. И свои Его не прияша (Ин. 1, 11), связали яко злодея и предали язычникам — римлянам. Иосиф пострадал в Египте невинно, и однако же думали, что он виновен: Иисус греха не сотвори, и однако же

предавшие Его говорили: *аще не бы был Сей злодей, не быхом предали Его...* (Ин. 18, 30). Из темницы, от крайнего унижения, Иосиф взошел на верх почестей, сделался спасителем Египта и посажен одесную царя: со Креста и из гроба Иисус восшел на высоту, доставил спасение всему роду человеческому и посажен одесную Отца.

До такой подробности простирается сходство в судьбе праведного Иосифа с судьбою Спасителя человеков. Посему-то он ныне и воспоминается, дабы мы в самом начале поприща крестного привели себе на память, что все обстоятельства страданий Христовых не только были предсказаны словами у пророков, но и предызображены в жизни и деяниях праведников ветхозаветных.

«Что же из сего?» — спросит кто-либо. То, чтобы ты не смотрел на страдания Христовы, как на нечто случайное, так чтобы в них то зависело совершенно от чуда, то от Пилата. Нет, хотя действовали и люди, но все главным образом зависело от Бога. Люди самые злобные в сем случае — только то, чему судила — для блага всего мира — быть премудрость Божия. Посему-то Сам Спаситель скажет Пилату: *не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше* (Ин. 19, 11).

Во-вторых, подивись и возблагодарей пред величием тайны, которая за тысячи лет была предсказуема и прообразуема. Так и должно быть по самому ее величию, что к ней явно и тайно все направлено было в Ветхом Завете — и весь закон нравственный, заставлявший неу-

молимою строгостию искать и ожидать Ходатая и Искупителя, и закон обрядовый, дававший во всех жертвоприношениях своих видеть то, что произойдет на Голгофе. А мне кажется, что не много будет, если скажем, что и все в мире, самая неодушевленная природа своими законами и явлениями прознаменовала то же. Потому-то на Голгофе, в час смерти Господа, покажет участие свое вся тварь (см.: Мф. 27, 45–54).

Самая жизнь и судьба Иосифа для нас весьма поучительны. Это — образец чистоты, невинности, терпения, потом смирения в счастии и великодушия к своим гонителям. Будучи продану от братьев, отведена в страну чуждую, находясь в рабстве, как бы не потерять духа? Но Иосиф не терял. Почему? Потому что твердо веровал в Бога отцов своих. Рабская доля не унизила ни его мыслей, ни его чувств, а, можно сказать, еще возвысила, по крайней мере, показала и обнаружила во всей лепоте. Какое искушение для юноши — красота женщины! Эта женщина была притом госпожою Иосифа, от нее зависело усладить участь и преогорчить до последней крайности: Иосиф-раб не посмотрел ни на то, ни на другое. У него одно было — что и над господами так же, как и над рабами, равно есть верховный Владыка, Коего, где дело идет о совести, одного должно слушать. *Како сотворю глагол сей злый и согрешу пред Богом?* (Быт. 39, 9). Мысль о Боге, значит, всегда окружала его и охраняла от всего злого. Вот пример для вас, кои жребием рождения поставлены в состояние рабства! — Возноситесь мыслию к Тому, Кто живет на небесах, будьте верны своей совести. Он, как

Иосифу, не даст вам искуситься паче, неже можете понести.

Вот Иосиф в темнице (см.: Быт. 39, 20–23)! — Чистота и невинность его скоро заблестали и в этой тьме. Будучи сам узником, он делается за свою беспорочность начальником и как бы смотрителем прочих узников. Чудесное толкование снов двум несчастным царедворцам, сопровождавшееся верным исполнением, приводит его в известность правителю Египта, а изъяснение его собственных снов — не только выводит из темницы, но до того вводит в доверие и любовь фараона, что прежде бывший бедный узник становится первым по царе, приемлет власть над всею страню. Какой благоприятный случай отмстить своим гонителям, легковерному Пентефрию, безстыдной¹ жене его, — но Иосиф и не думает о сем. Их как будто не существует для него, подобное и с братьями, кои так безжалостно поступили с ним, продав его измаильтянам! Не только ни единого наказания, даже ни единого упрека. Иосиф, напротив, утешает и ободряет их, говоря: *вы совещае на мя злая, Бог же совеща о мне во благая* (Быт. 50, 20). Так поступают рабы Божии! В несчастии они терпят и благодушествуют — в счастии смиряются и благотворят. Почему? Потому, что уверены в Промысле Божиим, убеждены, что счастье и несчастье, хотя зависят и от людей, но посылаются и допускаются по распоряжению свыше. Это их утешает в несчастии, располагая и на него смотреть, как на дар Божий.

¹ Бесстыдной.

Но меня особенно трогают слова Иосифа, кои он говорит братьям, яко причину, почему они не должны его бояться: *не бойтесь, Божий бо есмь аз* (ср.: Быт. 50, 19). То есть как бы так говорил он: «Вам нет нужды опасаться меня, ибо я не свой, а Божий; у меня нет воли, кроме Божией; моя личность, посему, и моя обида для меня ничто». И точно, человека Божия нет причины бояться: страшны и опасны те, кои не Божии, кои водятся самолюбием. О, таковые, — как бы они ни казались мягки и человеколюбивы, — страшны! У них всегда могут вспыхнуть страсти, как огонь, и попалить вас.

Еще также особенно трогательны слова, коими Иосиф признается к своим братьям, не узнававшим его: *аз есмь Иосиф, брат ваш* (Быт. 45, 4)! — Так некогда скажет и Господь Своим гонителям, и голгофским и всем, кои после распинали Его: иные своим вольнодумством, иные своими грехами; скажет, говорю, и Он всем не признававшим Его Божества: *аз есмь Иосиф, брат ваш!*

Но, увы, сии слова, хотя они и скажутся с кротостию, произведут не то, что произвели слова Иосифовы в братьях его. Все таковые, подобно им, признают в Иисусе своего Спасителя; но спасение уже будет чуждо для них: ибо время милосердия прешло. *Воззрят они на Нь (на Него), Егоже прободоша* (Зах. 12, 10; Ин. 19, 37); но взор сей послужит только к стыду и муке. Тогда возопиют горах: *падите на ны, и холмам: покрыйте ны от лица Сидящего на Престоле* (ср.: Лк. 23, 30; Апок. 6, 16). И горы не падут, и холмы не покроют.

Братие мои, если кто имел доселе несчастье предавать Иисуса, не узнавать Его Божественного лица, тот да кается в сем теперь, доколе на земле. Теперь все примется, все забудется, все простится; но после, исшед отсюда, прешед туда, напрасно будет самое обращение. Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Утру же возвращая во град, взалка. И узрев смоковницу едину при пути, прииде к ней, и ничтоже обрете на ней, токмо листвие едино, и глагола ей: да николиже от тебе плода будет во веки. И абие изsie смоковница.

Мф. 21, 18–19

Такова, братие, сила Божественного глагола! Как всемогущее: «Да будет!» самому ничтожеству дает бытие и жизнь, так всемогущее: «Да не будет!» все мертвит и уничтожает.

Но что за перемена с Господом и Спасителем нашим? Во все время служения Своего Он только учил, прощал, питал, исцелял и воскрешал; а теперь, под конец служения, — изрекает проклятие! Почему и для чего так наказана смоковница? — Потому что она не удовлетворила гладу, как можно подумать, слыша слова: *взалка, и прииде к ней, и ничтоже обрете на ней?* — Но, Кто провел сорок дней в посте и, несмотря на глад, с негодованием отверг предложение искушителя — обратить камни в хлебы, Тот мог теперь потерпеть голод еще несколько часов, пока достигнет города; и всего менее мог обратить чу-

додейственную силу Свою на отмщение невинному дереву. И не Он ли Сам говорил ученикам, когда они на источнике Сихемском приглашали Его подкрепить Себя пищею: *аз брашно имам ясти, егоже вы не весте. Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Ин. 4, 32, 34)? Ужели не достало сего Божественного брашна теперь, когда предлежало довершить на Голгофе самую трудную часть определений сей всесвятой воли? И как бы наконец, преподавая ученикам наставление о вере и молитве по случаю проклятия этой смоковницы, Спаситель мог сказать им: *егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого* (Мк. 11, 25), если бы Им Самим смоковница проклята была во гневе и по личному неудовольствию на нее? Все сие, не говоря уже о других обстоятельствах, ясно показывает, братие, что проклятие смоковницы последовало не в отмщение или наказание дереву (такой поступок был бы несообразен не только с Божественным достоинством лица Иисусова, но и с природою дерева), а для цели высшей. Это было одно из тех действий символических, коими Спаситель вместо слов выражал иногда высокие истины Своего учения. Смоковница тем удобнее могла быть употреблена теперь символом, что она уже служила им некогда в одной из притчей Спасителя. Памятуете ли сию притчу? Вот она! *Смоковницу имяше некий, — так говорил некогда Господь народу, — в винограде своем всажену, и прииде ища плода на ней, и не обрете. Рече же к винареви¹: се, третье лето, отне-*

¹ Виноградарю.

лиже прихожду ища плода на смоковнице сей, и не обретаю: посецы ю убо, вскую и землю упражняет¹? Он же отвещав рече ему: господи, остави ю и се лето, дондеже окопаю окрест ея и осыплю гноем: и аще убо сотворит плод; аще ли же ни, во грядущее посечеши ю (Лк. 13, 6–9). У сей притчи, как видите, нет окончательного заключения. Не видно, что последовало по истечении грядущего лета с смоковницею: исправилась ли она и начала приносить плоды? Или осталась бесплодною? Если осталась бесплодною, то посечена ли действительно? — Не видно, говорю, этого. А видеть это, то есть, что угрозы Божественные не суть праздные слова, весьма нужно для нас. Ибо плоть и кровь наша любят обманывать и усыплять дух наш между прочим и ложным упованием, что Господь милостив, и потому не исполнит над нами угроз Своих. Настоящее проклятие смоковницы ниспровергает это обольщение чувственности, показывая решительно, что как есть время милости и долготерпения, так есть время суда и осуждения; что самая полнота любви, с коею Божество явилось на земле в лице Богочеловека, служа прибежищем для покаяния, не есть защита для нераскаянности, и что та же любовь умеет не только восходить на крест для искупления кающихся, но изрекать осуждение на нераскаянных. Вот смысл символа смоковницы! Вот цель ее проклятия!

Участь, постигшая бесплодную смоковницу, पहले всего выражала судьбу народа иу-

¹ Занимает.

дейского. Вчера был день для него самый решительный: ожидаемый Мессия явился пред ним в виде кроткого Царя, предсказанного пророками; надлежало узнать и признать Его в сем качестве; от сего зависело все. Почему Сам Спаситель при входе в Иерусалим со слезами изрек: *О, если бы ты хотя в сей день твой уразумел то, что служит к благосостоянию твоему!* (ср.: Лк. 19, 42) — Иерусалим не уразумел сего; кроме восклицания невинных детей: *осанна Сыну Давидову!* (Мф. 21, 15) — все прочее и великое и малое, и старое и юное осталось равнодушным и неподвижным, — смежило глаза, чтобы не видеть, заткнуло слух, чтобы не слышать. Посему завтра, в заключение последней окончательной речи к народу в храме, Господь скажет: *се, оставляется дом ваш пуст* (Лк. 13, 35)! То есть скажет целому народу подобное тому, что сказано сейчас смоковнице: *отселе да не будет на тебе плода* (Мф. 21, 19)!

Но, изображая собою участь народа иудейского, проклятая смоковница выражает судьбу и каждой души грешной и нераскаянной. Все мы, братие, подобны деревьям, кои для того насаждаются Небесным Вертоградарем, для того поливаются, очищаются, окапываются, чтобы во время свое цвести и приносить плоды. Души добродетельные соответствуют сему святому предназначению; почему само слово Божие уподобляет их деревьям, стоящим при истокищах вод, кои всегда почти зеленеют и бывают весьма плодоносны (см.: Иер. 17, 8); а души

грешные и нераскаянные суть древа бесплодные, кои множеством листьев только показывают вид жизни, а на самом деле ничем не награждают трудов, над ними положенных. Что делать Небесному Вертоградарю с такими древами? — И Он, подобно земному вертоградарю, употребляет разные средства к их поправлению. Но когда сии средства, заботы и труды остаются без действия над нераскаянным грешником, правосудие небесное изрекает, наконец, грозное определение — посечь бесплодное дерево и бросить в огонь! — Ангел смерти исполняет определение сие над бедным грешником иногда с такою внезапностию и рвением, что и не хотящий воспоминает при сем слова Давида: *мимо идох, и се, не бе, взысках и не обретеса место его*¹ (ср.: Пс. 36, 36)! А иногда ознаменованный небесным отвержением грешник остается еще на некоторое время в живых (подобно как проклятая и иссохшая смоковница, без сомнения, еще занимала несколько времени свое место); но сия жизнь страшнее самой смерти. Для имеющих очи видеть нет ничего жалче вида сих живых мертвецов. Несмотря на роскошь и великолепие, их нередко окружающее, на них видимо лежит печать суда и отвержения; вокруг них хлад и мертвенность; близ них уныние и тайный страх.

Иссохшая убо смоковницы за неплодие прещения² убоявшеся, братие, плод достоин покаяния принесем Христу, подающему нам велию милость. Аминь.

¹ В Синод. пер.: *он прошел, и вот нет его; ищу его и не нахожу.*

² Наказания (церк.-слав.).

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК¹

Между церковными особенностями первых трех дней недели настоящей главная та, что каждый день на часах читается по целым Евангелиям. Нетрудно угадать, для чего установлено это чтение: очевидно, для того, чтобы, приближаясь ко дню смерти Господней, мы, вслед за читающим Евангелия, повторили и обозрели в уме своем всю жизнь Его, дабы когда Он возгласит на Кресте Своем: *совершишася* (Ин. 19, 30), нам можно было яснее и раздельнее представить себе, что сделано Им в продолжение земной жизни для нашего спасения.

Уже по одному этому, а вместе с сим и потому, что слушание Евангелия составляет великую сладость для души, надлежало ожидать, что если когда, то в сии три дня храмы наши будут наполнены слушателями. Но на деле выходит другое, почти противное. Этому чтению Евангелий в значительном числе внимают разве токмо Ангелы, выну пребывающие в храмах наших: а людей в большей части храмов бывает при сем не много, очень не много. Даже из постоянно ходящих в церковь некоторые стараются прийти ныне позднее, дабы явиться к одной Литургии, когда часы со чтением Евангелий уже кончились.

Чего боятся при сем? — Очевидно, утомления от долгого стояния. Но Господь разве не утомлялся для нас? Послезавтра вы услышите от свя-

¹ Печатано с рукописи. — *Примеч. изд. 1873 г.*

того Иоанна, как Он, *утруждается от пути, сидяще при источнике Иаковле* (ср.: Ин. 4, 6). Однако же это утомление не мешало Ему делать Свое дело, беседовать с женою-самарянкою и привести ее к сознанию своих грехов. И когда ученики говорят Ему: *Равви, яждь*, — Он не оставляет Своего дела, не обращается к пище, а говорит: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя и совершу дело Его* (Ин. 4, 34). Вот как поступал для нас Господь наш! А мы боимся просто-таки для Него лишний час!.. Ибо долго ли продолжается чтение Евангелий? Много, если два часа. — Итак, всего на все требуется пожертвовать в целом году только шестью часами, дабы выслушать из уст священнослужителя сказания всех четырех евангелистов о земной жизни Спасителя! — И такой жертвы, то есть столь малой и ничего не стоящей, мы не можем принести!.. А посмотрите, как поступают с собою при других случаях те же самые люди, кои жалуются на усталость в церкви! Сколько ночей от начала до конца проводится за игрою, которая удручает и тело, и душу! Сколько часов гибнет на балах в кружении, которое если бы не сделалось обыкновенным от частого употребления, то могло бы быть налагаемо в виде наказания! — Тут нет ни долготы времени, ни утомления; сами говорят, что остались без ног, и спешат снова туда же, где отнимают, к сожалению, не ноги токмо, а нередко душу и совесть. — Подобное же долготерпенье оказывают многие и в других случаях, где идет дело об угождении плоти и миру! Для одной церкви и богослужения нет у нас этой тер-

пеливости; для одного Спасителя нет у нас лишних шести часов в году! И в какое время? Когда Он идет за нас на Крест!

Престанем же обнаруживать так безрассудно нашу неблагодарность и бесчувствие. Поймем душеспасительное намерение Церкви и начнем пользоваться попечением ее о спасении нашем. Ибо устав — читать в настоящие дни Евангелия, — весьма благодетелен уже тем, что не умеющие читать сами, каковых весьма много, могут в это время выслушать все Евангелия от начала до конца, и таким образом возыметь некоторое понятие о всей жизни Господа в ее Божественной полноте и совокупности, что весьма душеспасительно. Для сего стоило бы каждому простоять не только час или два, а и целый день.

«Но по этому самому, — скажет кто-либо, — для меня не нужно присутствовать в сие время в церкви; ибо я умею читать сам, и Евангелие могу прочесть дома гораздо с большим удобством». Знаешь ли, что мы скажем тебе на сие в ответ, возлюбленный? То, что если ты не хочешь прослушать всего Евангелия в церкви, то мы не вдруг поверим, чтобы ты занялся прилежным чтением его дома, — почему так? Потому, что если бы ты действительно любил читать со вниманием Евангелие дома, то оно привлекло бы тебя на слушание его и в церкви. — Да, Евангелие не такая книга, которую, раз прочитав, потом не хочется читать, как бы она хороша ни была; Евангелие, напротив, на первый раз может читаться со скукою, но чем более бу-

дешь читать и узнавать его, тем сильнее оно начнет привлекать тебя, так что ты каждый день будешь в нем находить что-либо новое в пищу души и сердца. И это так и должно быть по двум причинам: во-первых, потому, что предметом Евангелия есть земная жизнь Богочеловека, Господа и Спасителя нашего; а это такой предмет, в коем тайна на тайне, коего всю глубину не понять не только нам, а и Ангелам. Ибо не напрасно сказано Павлом: *велия благочестия тайна; Бог явился во плоти* (1 Тим. 3, 16)! Не напрасно и евангелистом Иоанном замечено в конце Евангелия, что если бы из деяний Господа вся *по единому писана быша*, то *ни самому всему миру вместити бы пишемых книг* (ср.: Ин. 21, 25). Каждый раз, раскрывая Евангелие, можно видеть только одну часть неизмеримой картины, и то малую; а всей никогда нельзя объять, хотя бы всю жизнь читать и размышлять о читаемом. Во-вторых, Евангелие неисчерпаемо и всегда ново, в назидании, потому что его начертала не рука человеческая, а Дух Святой, Который водил и управлял этою рукою. Поелику сей *Дух* знает все, *испытует* самые *глубины Божия* (ср.: 1 Кор. 2, 10), то, несмотря на крайнюю простоту и безыскусственность речи евангельской, она устроена так премудро, что никогда не теряет силы и сладости для читающего и слушающего, сколько бы раз ни читать и слушать, а напротив, становится тем питательнее, чем более знакомится и, так сказать, роднится с нею наше сердце. Посему-то, говорю, трудно поверить, чтобы тот

не захотел простоять лишний час для слышания Евангелия в церкви, кто привык находить удовольствие от чтения его дома. Напротив, оттого-то, по всей вероятности, не хотят слышать его и в церкви, что никогда не читали его по-надлежащему дома и не снискали в нем для себя вкуса. Может быть, и брали иногда в руки Новый Завет и читали по несколько часов, но читали с принуждением и скукою, как это бывает со многими, испортившими вкус свой от чтения худых и душетленных книг. В таком случае, чтение Евангелия, как лекарство, может показаться даже весьма неприятным. Но когда, несмотря на это, продолжают читать, то неприятность постепенно исчезает, пробуждается духовная алчба¹ к читаемому; оно со дня на день становится слаще для души, а наконец обращается в ежедневную необходимость. Кто достиг сего, тот готов слышать Евангелие где бы то ни было снова, тем паче в церкви. Ибо слышимое в церкви с амвона, из уст священнослужителя, Евангелие оказывает нередко особенную силу и действие в сравнении с чтением его домашним. — Откуда это особенное действие? Может быть, и от священной торжественности чтения. Ибо что делается дома, нами самими, запросто, то по тому самому не так сильно действует на душу. С другой стороны, душа наша в церкви бывает гораздо восприимчивее для действий слова Божия, будучи преднастроена к тому и святостию места, и зрением священнодействий, и слышанием умиленных песнопений. Но более всего причиною

¹ Жажда, голод (церк.-слав.).

особенного действия в церкви Евангелия — благодать Божия, которая и везде сопровождает это чтение, но наипаче¹ в церкви, яко естественном и постоянном жилище благодати, посему, кто думает заменить слушание Евангелия в церкви чтением его дома, тот тяжко ошибается и много теряет. В случае необходимости, когда нельзя поступать иначе, такая замена терпима и хороша; в противном случае не только непохвальна, но и составляет грех.

Таким образом, братие мои, Великая неделя началась у нас ныне невольным обличением, что делать? — Давно замечено Премудрым, что лучше *язва друга, нежели лобзание врага* (ср.: Притч. 27, 6); лучше, скажем и мы, обличение, даже наказание от Церкви, нежели похвалы и величания от мира. Когда же и нам выговорить и вам услышать что-либо не так приятное, но душеполезное, как не в нынешние дни? Это по преимуществу в целом году дни покаяния и самоисправления во всем, в продолжение коих надобно осматривать все, что в нас есть худого и противного делу нашего спасения, осматривать и исправлять. Иначе дома наши выйдут к празднику лучше душ и сердец наших. Ибо среди их у самых бедных людей происходит в настоящие дни полное преобразование: все примечается, чистится и упорядочивается. Ужели же среди предпразднственного обновления одной душе остаться у нас с прежним беспорядком и недугами? — Да не будет! Аминь.

¹ Особенно же (*церк.-слав.*).

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

*Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный! и одежды не имам, да вниду в онъ; просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя!*¹

В одной из притчей евангельских будущее Царствие Небесное изображено, братие мои, под видом вечери брачной, которую один могущественный царь устроил по случаю бракосочетания сына своего.

Сообразно важности случая, на эту вечерю приглашено все, что только было ближайшего к царю по своему месту и званию; но, к крайнему удивлению всех, сии званые, эти близкие, имели безрассудство отказаться от вечери: один, как говорит Евангелие, пошел в это время *на село*² *свое*, другой — *на купли*³ *своя* (Мф. 22, 1–14). И презрители дома и чести царевой были немедленно наказаны со всей строгостью. Между тем, чтобы приготовленная вечеря не осталась без гостей, царь велел слугам своим выйти на распутия и пригласить всех, кто только явится навстречу. Таким образом дом царев немедленно наполнился гостями; и все они начали веселиться светло. Среди пира сам царь, по обычаю домовладык, вошел *видети возлежащих* (ст. 11). Всеми остался он доволен, как и все им; один только гость принудил его собою, среди всеоб-

¹ Ексапостиларий на утрени в Великий Понедельник, Вторник и Среду Страстной седмицы.

² На поле.

³ На торговлю.

щего довольства и веселия, обнаружить свой праведный гнев и даже показать пример строгости. Ибо — вообразите — вместо сколько-нибудь приличной и дню и месту одежды, этот безрассудный явился на вечерю в своем ежедневном платье, которое видимо отзывалось нечистотою его образа жизни. Царь обратился однако же к нему с кротким вопросом: *друзе, како вшел еси семо, не имый одеяния брачна?* (ст. 12). Но когда виновный не мог сказать в ответ ни одного слова, обнаруживая сим, что, идя к царю, он нисколько не подумал о том, куда и зачем идет, то царь, в праведном гневном своем, повелел не только изгнать его вон из чертога, но и предать на заключение во тьму кромешную (ст. 13).

Этою царскою вечерю, как мы сказали, изображено в Евангелии Царствие Небесное. Званные на вечерю, но вознебредшие зовом и не явившиеся, суть неразумные иудеи, кои за незаконное отвержение Иисуса Христа и апостолов Его лишились отечества и преданы с тех пор всемирному рассеянию. Призванные потом на вечерю с распутий и халуг¹ (см.: Лк. 14, 21–23) — это все мы, бедные грешники, кои призваны в Церковь Христову с распутий идолопоклонства. Новая одежда брачная, в коей надлежало явиться на вечерю, — это одежда оправдания, снискиваемая раскаянием во грехах своих и верою в заслуги Христовы. Гость, оказавшийся не имущим одеяния брачна и однако же дерзнувший явиться вместе с другими на вечери, — это христианин лжеименный, который вместе с дру-

¹ С улиц и переулков, с захолустья.

гимии говорит: *Верую и исповедую*¹; чаю жизни *будущаго века*², а живет и действует как неверный, и весь предан суетам века настоящего.

Таков, братие мои, разум притчи евангельской о вечери и чертоге брачном, и таково отношение ее к делу нашего спасения! Сия же самая притча служит основанием и того умилительного песнопения, коим Святая Церковь оглашает слух наш в продолжение настоящих дней. Христианин представляется здесь видящим пред собою тот пренебесный чертог, в коем учреждена Божественная вечеря для всех уневестивших себя Жениху душ и сердец: *Чертог Твой вижду, Спасе мой!* Вид неизреченного блаженства привлекает его, и он хотел бы войти на вечерю и присоединиться к священному лику празднующих, но взор на себя самого останавливает его. Он помнит злополучную участь того, кто имел безрассудство явиться на вечери царской, *не имый одеяния брачна*; чувствует в то же время, что у него нет сего драгоценнаго одеяния, что одежда его, то есть дела и жизнь, мрачна, ветха и отвратительна: *и одежды не имам, да вниду в онь*. После сего надлежало бы оставить желание быть на вечери; но как оставить, когда туда стремится все существо его? — И вот, скудный одеянием, но не верою и любовию, он обращается с прошением к Тому, Кто силен восполнить все недостающее, Кто светом Своим может просветить всякую тьму, и молит Его оказать ему сию

¹ Эти слова молитвы повторяют за священником верующие у Святой Чаши перед Причастием.

² См.: Символ веры.

великую милость: *просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя!*

Бывали ль мы с тобою, возлюбленный слушатель, в подобном состоянии души и сердца? Если не бывали, то святая песнь Церкви не по нас, и нам нужно размышлять еще не о чертоге царском и вечери брачной, а о плене вавилонском и тьме египетской, в коих находимся мы с тобою. Но есть люди, пред умственными очами коих выну чертог Жениха Небесного, которые куда ни пойдут, что ни начнут делать, утром и вечером, днем и ночью, созерцают его пред собою: *Чертог Твой вижду, Спасе мой!* Такие люди употребляют все свои силы и средства к тому, чтобы очистить душу и сердце свое от всех скверн мирских и стяжать одеяние брачное; не упускают ни одного случая убелить душевные ризы свои, — то в крови Агнчей — в заслугах дражайшего Икупителя, то в собственных слезах, текущих от *сердца сокрушенного и духа смиренного* (ср.: Пс. 50, 19), то в купели любви и милосердия к своим ближним; но никогда не почитают себя достигшими желанного совершенства. Ибо та же благодать Духа, которая открывает им красоту и величие благ небесных, уготованных любящим Господа, дает видеть им и всю нечистоту нашей падшей природы, все несовершенство самых благих дел наших; постоянно указывает им в сердце их новые и новые остатки зла и нечистоты греховной, посему, как бы высоко ни стояли они, всегда бывают проникнуты чувством глубокого смирения; не стыдятся, подобно апостолу Павлу, называть себя первыми из грешников

и, не видя в себе самих возможности очистить себя, *якоже Он чист есть* (1 Ин. 3, 3), наряду с последними грешниками взывают из глубины души: *просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя!*

Очевидно, братие мои, что большая часть из нас не имеет счастья принадлежать к сему, как Сам Спаситель называет его, малому числу избранных. Но, с другой стороны, ужели кто-либо из нас решился принадлежать явно к ужасной толпе людей отверженных? Нет, такого духовного бесчувствия и омертвения, такой ненависти к самим себе, такой любви и, так сказать, пристрастия к аду, нет в самых ожесточенных грешниках. И в их душе слышится по временам голос совести; и их сердце посещается омерзением ко греху; и над ними действует иногда сила благодати, не оставляющей человека до самых последних минут бытия его на земли: нет только решимости разорвать узы греха; недостает только спасительного принуждения своей злой воли и усилия возникнуть от сети диавольской.

Станем же, возлюбленный слушатель, станем со всеми узами и язвами нашими пред светоносным лицом Всемилосердного Спасителя нашего; станем и воззовем к Нему из глубины души: буди милосерд, Владыко, и ко мне, бедному созданию Твоему! Как ни далеко заблудил я от прага дому Твоего, как мир и страсти ни заслепили очей сердца моего, как ни оземленел я всем существом моим, как ни глубока пропасть греха, в коей держит меня враг мой: но и я, недостойный, подъемлемый силою благодати Твоей, не остав-

ляющей самого последнего из грешников, озаряемый светом Евангелия, вразумляемый примером избранных рабов Твоих, возношусь иногда мыслию до той святой высоты, с коей все долнее и земное кажется малым и ничтожным, а все небесное, святое, вечное видимо приближается ко мне и как бы зовет к себе: *Чертог Твой вижду, Спасе мой!* О, как в нем все чисто и свято, как все светло и радостно! Лучше, воистину лучше, приметаться у прага сего чертога, нежели восседать и царствовать в селениях грешнических: *чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный!* Вижду и то, что, несмотря на всю мою нечистоту и недостойнство, и для меня есть место в сем чертоге, что и мое бедное имя не забыто Тобою, а вписано в число искупленных и предназначенных к блаженству во Царствии Твоем. Все давно зовет меня к Тебе; и я готов идти на Божественную вечерю Твою: но как явиться пред светлое лицо Твое с моею тьмою и наготою, с моими рубищами и язвами греховными? Была у меня одежда невинности в Эдеме, украшал меня там самый драгоценный образ Твой: но явился лукавый змий, похитил у меня сию одежду: и оттоле *лежу наг и стыждуся*. Было у меня потом и другое царское облачение от Тебя — бесценная одежда заслуг Сына Твоего, в которую облекла меня при Крещении Святая Церковь: но пришли с летами нечистые помыслы, злые пожелания и страсти; совлекли с меня нешвенный хитон оправдания благодатного; — оттоле *лежу наг и стыждуся*¹.

¹ См.: Тропарь 3-й, песнь 2-я, глас 6-й, Великий канон прп. Андрея Критского (среда первой седмицы Великого поста).

Омывался и после я не раз в таинственной купели Покаяния; *убелялся паче снега* (ср.: Пс. 50, 9) причащением Святых и Животворящих Таин: но вскоре паки, безумный, возвращался к благу¹ мирских забав и утех; погружался еще глубже в тину невоздержания и сладострастия. Что мне теперь делать? Куда обратиться? Кто снимет мрак и язвы с моей совести? Кто покроет наготу души моей? Напрасно обратился бы я за сим к тварям², меня окружающим: они сами воздыхают от ужасной работы истлению, коей покорило их преступление Адамово; сами ожидают от меня освобождения из плена. Вотще³ молил бы я о сем самых небожителей и Ангелов: у них много света и любви; но их одежда не по мне: ибо я землян и смертен. Куда ни посмотрю, явно вижу, что не к кому прибегнуть мне, кроме Тебя же, о Всемилосердый Владыко и Судие мой, Тебя, Который умер за нас, еще грешников сущих, Который доселе долготерпеливо ожидаешь обращения моего. Твой, Господи, чертог: Твоя да будет и одежда! — Просвети, Светодавче, одеяние души моей! Просвети!.. Я не молю Тебя о свете Фаворском: пусть остается он уделом и наградой присных и друзей Твоих! Озари меня хотя светом Синайским, да вижду ясно путь заповедей Твоих, и, проникнутый страхом Твоего всемогущества, начну ходить непреткновенно в оправданиях Твоих! — Не скрой от меня света Голгофского, да узрю силу и необходимость для спасения людей Животворящего Креста Твоего

¹ Болоту, тине (*церк.-слав.*).

² То есть ко всему живому, сотворенному Богом (*церк.-слав.*).

³ Напрасно (*церк.-слав.*).

и займу от него мужество и святую решимость умерщвлять плоть мою с ее страстями и похотями! Осени меня сиянием света Сионского, да, облеченный силою свыше, благодатию Духа-Утешителя, не усташусь борьбы с соблазнами мира и с злыми моими навыками! Да посетит, наконец, о Всеблагий, мрачную душу мою хотя единый луч света с Елеона, да не опущу из вида той блаженной стези, по которой вошел Ты ко Отцу Твоему на небо, и коею должно востекать к Тебе всем, желающим обрестись на Божественной вечери в богосветлом чертоге Твоем! Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК

Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, Егоже обрящет бдяща; недостойн же паки, егоже обрящет унывающа. Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти преданъ будеши, и Царствия вне затворишися; но воспряни, зовущи: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас!¹

Кто Сей таинственный Жених, грядущий в полуночи? К кому грядет Он, и что означает сия полночь? И опять, кто сей раб, выну бдящий и потому блаженный, и кого разуместь под рабом унывающим, а потому недостойным сретить Жениха?

Быть не может, братие мои, чтобы сии вопросы не были уже многими из вас предложены са-

¹ Тропарь, глас 8-й, поемый на утрени в Великий Понедельник, Вторник и Среду Страстной седмицы и на повседневной полунощнице.

мим себе и решены, по указанию Евангелия и сообразно потребностям их души и сердца, так что когда Святая Церковь возглашает: *Се Жених грядет!* — они знают уже, Кого при сем ожидать и что требуется от каждого из нас для Его сретения. *Но не во всех*, как говорит апостол, *разум* (1 Кор. 8, 7). Есть люди, кои и среди полудня имеют нужду в вожатае, одни по слабости зрения, другие по незнанию пути, хотя он и не далек от них, а иные и по нежеланию идти, посему не будет излишне, если и мы, по приличию настоящего дня, размыслим в слух всех о пришествии Жениха, дабы и не размышлявший о сем доселе мог ясно увидеть, кто он — раб бдящий и посему блаженный, или унывающий и недостойный, и потому отвергаемый?

Итак, скажем, что Жених дивный, грядущий в полуночи, есть дражайший Спаситель наш, Господь Иисус Христос. Между многими знаменательными названиями, кои усвоятся Ему в слове Божием, Он носит имя и нашего Жениха; потому что душа наша обручена Ему, как невеста жениху, на всегдашнее и совершенное соединение с Ним верою, любовью и блаженством. *Обручих вас*, пишет апостол Павел Коринфянам, *обручих вас единому мужу деви чисту представити Христови* (2 Кор. 11, 2). Это святое обручение — со стороны Божественного Жениха нашего — произошло на Кресте, где Он из любви к нам, для искупления душ наших от грехов и проклятия и для усвоения нас Себе на всю вечность, — претерпел смерть и пролил всю Кровь Свою. А с нашей стороны это драгоценное обру-

чение, по Его же непосредственному распоряжению, совершается в Таинстве Крещения, где, отрекшись мира, плоти и диавола, мы, яко невеста жениху, сочетаваемся Христу и Богу нашему. Со времени сего обручения мы уже, как выражается апостол Павел, *не свои*, а принадлежим — душою и телом — Искупителю и Господу нашему (ср.: 1 Кор 6, 19).

Как между нами, людьми, бывает, что за обручением не вдруг следует брак, и обрученные разлучаются друг от друга на некоторое время до брака, так то же самое произошло и в нашем обручении со Христом. Брак по многим и важным причинам отложен, и Самый Жених, для нашего же блага, должен был удалиться от нас. Это последовало, как известно, в четырехдесятый день по воскресении Его, когда Он вознесся с Елеона на небо. Много знаков любви оставлено Им при нас в залог нашего союза с Ним: с нами Святое слово Его, с нами Животворящий Крест Его, с нами Пречистое Тело и Кровь Его, с нами Церковь, наперсница советов Его и наша невестоводительница, с нами Таинства Церкви и сама благодать Духа Пресвятаго; но Сам Он, Жених душ наших, с тех пор невидим и пребудет таковым до конца нашей разлуки с Ним, то есть до последнего дня мира, когда Он паки явится во славе для совершения всемирного торжества брачного.

Долго ли продлится эта разлука, сие замедление таинственного брака Агнча? О сем ведает только Сам Жених душ и сердец. — Когда придет Он, в какой год и день, в какую пору и час?

Опять тайна для всех. *О дни и часе том*, сказал Сам Он, *никтоже весть, ни Ангели небеснии* (Мф. 24, 36). И вот, сия-то глубокая неизвестность составляет ту таинственную полночь, в которую, как говорится в рассматриваемом нами песнопении, Жених придет: ибо полночь у нас есть такое время, когда прекращаются не только все дела, но и все ожидания, и люди, ничего больше не ожидая, предаются сну.

Поелику, таким образом, время пришествия небесного Жениха неизвестно; а, с другой стороны, нигде не сказано, чтобы это пришествие последовало не иначе, как спустя весьма долгое время, то явно, что оно может последовать всегда, во всякий день и час; а посему тем, кои обручены Небесному Жениху, то есть всем нам, должно быть всегда готовыми к сретению Жениха, ожидать Его выну, не отлучаться, так сказать, никуда вдаль, не заниматься ничем таким, что бы могло помешать явиться вовремя к Его приходу. Так именно заповедал нам Сам Жених пред Своею разлукою с нами: *Бдите убо*, говорил Он, *яко не весть дне, ни часа, в ъньже Сын Человеческий придет* (Мф. 25, 13).

Те, кои верны своему обручению и обету, кои истинно возлюбили Жениха душ, те так всегда и поступали, и ныне поступают. Они выну на страже; первое и последнее ожидание их в жизни есть чаяние пришествия Жениха. Услышать глас: *Се Жених грядет!* — было бы верхом их земного блаженства. Чтобы сделать себя способнее к ожиданию и сретению Его, многие из них

вовсе оставляли для сего мир и все, что в мире; отрекались навсегда от самых невинных удовольствий и связей земных, дабы, по слабости природы занявшись слишком чем-либо житейским, не охладить любви в душе к Жениху, не раздвоить внимания и усердия, не отяжелеть духом и не предаться сну чувственности. Другие, не оставляя мира, участвуя во всех его движениях и делах, и живут, однако же, так, как бы они были не в мире; не прилепляют ни к чему сердца своего; все житейские дела и отношения свои подчиняют одному началу — любви к Иисусу: и где бы ни были, чем бы ни занимались, всегда готовы оставить с радостью все дела и все приобретения земные по первому гласу о Пришествии Жениха. Все таковые, и вне мира, и в мире живущие, очевидно, суть рабы бдящие: Жених видит их усердие, уготовляет для каждого из них венец славы; и они блаженны воистину, как бы ни была низка и горька участь их на земле: ибо все здешние лишения и страдания, коим они могут подвергаться, временны и скоропреходящи, а в будущем их ожидает за сие такое блаженство, коего *око не виде, ухо не слыша* и которое *не восходило на самое сердце человеческое* (ср.: 1 Кор. 2, 9).

Но есть из обрученных Небесному Жениху и такие, кои совершенно забыли о своих обетах, не помнят даже того, что у них есть Жених, что прихода Его надобно ожидать выну и что худо, крайне худо, будет тому, кто во время пришествия Его обрящется спящим. Много ли тако-

вых людей между христианами? Так много, что слово Божие называет их потому — всеми: *косящую же Жениху*, говорится, *воздремашася вся и спаху* (Мф. 25, 5).

И подлинно, братие мои, много ли можете вы указать таких христиан, о коих с уверенностью можно бы сказать: се раб бдящий в самой полунощи! Будущее Пришествие Господа и Спасителя нашего соделалось таким предметом, о коем никто и не говорит; а если бы кто и заговорил где-либо, то показался бы человеком странным, занимающимся такими вещами, кои не заслуживают внимания людей так называемых деловых и образованных. Между тем, будущее пришествие Господа есть событие, чрезвычайно важное для каждого, от коего вполне зависит вечная судьба наша, с коим должны прийти к нам или все блага, или все бедствия: и все это не может возбудить в нас внимания, и все это — как дело нам вовсе чужое! Напрасно Евангелие говорит с силою: *Бдите, яко не весте дне, ни часа, в оньже Сын Человеческий придет!* Напрасно Святая Церковь восклицает: *Се Жених грядет в полунощи!* Мы слышим и не внемлем; слышим и вместо того чтобы готовиться к сретению Жениха, беспечно предаемся суетам мирским, как бы нам оставаться на земле вечно. Сколько найдется христиан, оканчивающих уже жизнь свою, кои даже не ведают, что у души их есть Жених, и что они могут даже дожить до Его Пришествия!.. Что виною такой непростительной холодности к Небесному Жениху душ и сер-

дец? Виною наше безмерное пристрастие к благам земным, наше погружение в чувственность. Сердце наше разделено на столько предметов, что в нем нет уже места для Возлюбленного. Все отдано миру и плоти! Все в плену у похотей и страстей!

Напрасно, совершенно напрасно в извинение беспечности нашей стали бы мы ссылаться на медленность в пришествии Жениха: ибо эта медленность только с одной стороны, а с другой — необыкновенная скорость. Все равно — Он ли к нам приидет, или мы к Нему пойдем. Он медлит приходом, и, может быть, еще отложит его на тысячи лет, а мы эти тысячи лет разве будем оставаться здесь и ждать Его? Нет, ныне, завтра, явится Ангел смерти и воззовет нас к Жениху. Как же после сего спать беспечно и не ожидать зова и исхода, нам предстоящего? Тем паче когда он, видимо, недалек от каждого, и в то же время совершенно неизвестен? Ибо о дне и часе, в который мы окончим жизнь свою, также никтоже не весть: это — наша собственная полночь! — Но, увы, и о ней должно сказать то же, что сказано о полунощи, в нюже Жених приидет: *воздремашася вся и спаху!* Приготовление к смерти, — это дело столь важное, что ему надлежало бы занимать нас во всю нашу жизнь, — не почитается даже делом. Занимающиеся им как должно составляют исключение, и притом весьма редкое. Все прочие живут так, как бы им жить здесь вечно. Самые болезни, нас посещающие, эти видимые предтечи и вестники смерти, не в

силах заставить нас подумать о ней. Увы, сколько ни видели мы умирающих, никогда почти не видали таких, кои предварительно были бы уверены, что им должно наконец расстаться с жизнью. Многие, напротив, за несколько часов и минут до смерти все еще предавались мыслям о земном, думали жить, не оставляли помыслов о таких делах и о предприятиях, для коих потребна крепость сил и жизнь продолжительная. Так умирают юные; так нередко умирают самые старцы: можете судить по сему, в каком виде сии несчастные души являются пред своего Небесного Жениха и что постигает их на вечери брачной!..

При таком ужасном примере беспечности среди сего жестокого вихря суеты и страстей заслепляющего прахом глаза у самых лучших, по-видимому, людей, не должно ли, братие мои, каждому, кто только хотя мало дорожит собственным спасением, прийти в страх, обратиться к самому себе и сказать словами священной песни: *Блюда убо, душе моя, и ты, не сном отяготися, да не смерти предана будеши!* Блюда, — не увлекайся никаким примером, не следуй никакой стези, которая кажется покрытою цветами, а ведет в пропасть адскую. Блюда, — стой на страже, доколе не сменят; храни веру и упование, доколе не явится само упование. Жених невидим; но Он всегда близ тебя, видит все твои мысли и желания, и считает все труды и жертвы, и готовит венец за все. Еще несколько лет, может быть, недель, дней терпения: и завеса падет, мир и все, что в нем, исчезнет из глаз; явится чертог

небесный, и ты введена будешь на брак Агнчий!
Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК¹

Нынешний день можно назвать днем прощания для Господа с храмом Иерусалимским и с народом иудейским. Ныне же посему произнесена Им и последняя проповедь во храме. Вы могли слышать ее на утрени (см.: Мф. 22, 15–23, 39), и если она не тронула вас и не привела в спасительный страх за собственную свою вечную участь, то это знак — или крайнего невнимания, или подобного же бесчувствия. Ибо проповедь сия состоит не столько из слов, сколько из слез и воздыханий. Спаситель жалуется в ней на ожесточение народа иудейского, на слепоту и лукавство его вождей и наставников и предсказывает те ужасные бедствия, кои неминуемо имели последовать из сего для руководителей и для руководимых. — Но особенно нельзя без чувства слышать последние слова, коими заключена проповедь Спасителя. *Иерусалиме, Иерусалиме, воскликнул Он, кончив обличение книжников, избивый пророки и камением побиваяй посланная к тебе, колькраты² восхотех обрати чада твоя, якоже кокош³ собирает птенцы своя под криле, и не восхотесте! Се, оставляется вам дом ваш пуст* (Мф. 23, 37–38).

(Не окончено.)

¹ Печатано с рукописи. — Примеч. изд. 1873 г.

² Сколько раз (церк.-слав.).

³ Птица (церк.-слав.).

СЛОВО В ВЕЛИКУЮ СРЕДУ

Ныне день предания Господа, день мрачный и печальный, почему Святая Церковь и ознаменовала его, наравне с днем смерти Господа, печатию поста в продолжение всего года. — Кто любит Спасителя своего, тот не будет нарушать сей печати: тот со всею верностью хранит знамение скорби и сетования по Возлюбленном. Ибо, хотя предание, равно как и смерть Господа, послужило — своими последствиями — ко спасению всего мира, но тем не менее это действие — самое черное и отвратительное. Мне даже представляется оно преступнее самого распятия. Ибо распинатели Господа не знали Его, как должно; *аще бо быша разумели, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). А здесь кто предает? Собственный ученик, един от дванадесяти, то есть ближайший, — предает тот, кто слышал все беседы Господа, был свидетелем Его жизни и чудес, разделял с Ним в продолжение более трех лет и радости, и печали.

После всего этого предание так неожиданно в предателе, что сама Церковь в недоумении будет завтра вопрошать: *Кий ты образ, Иудо, предателя Спасу содела? Еда от лика апостольскаго ты отлучи? Еда дарования исцелений лиши? Еда иных ноги умыв, твои же презре? Еда от трапезы ты отрину? О, коликих благ непамятлив был еси!*¹

Все было сделано для Иуды, и все им презрено! Что он не имел никакой причины сетовать

¹ Седален, глас 7-й, на утрени в Великую Пятницу.

и жаловаться на Учителя, показывают собственные слова и ужасный конец его: *согреших*, говорит он самим убийцам Учителя, *согреших, предав кровь неповинную* (Мф. 27, 4)!

Что же ввело тебя, несчастный, в сей ужасный грех? — Сребролюбие и диавол, — отвечают евангелисты. Нося ковчежец с деньгами, Искарriot пристрастился к носимому и оказался татем. После сего святое общество Иисусово, в коем господствовал дух произвольной нищеты и самоотвержения, сделалось для него чуждым, тяжелым, противным душе, зараженной страстью. Иуде везде и во всем мечталась корысть и сребреники. Диавол не замедлил воспользоваться сею несчастною расположенностию сердца и, основав в душе Иуды жилище себе, заставил его смотреть на все происходившее не очами веры и любви, как смотрели прочие апостолы, а своекорыстным глазом мытаря и фарисея. Так смотрел Иуда на миро, которое Мария возливала на ноги Иисусовы, и, притворившись другом нищих, жалел, что оно не продано и деньги не отданы в распоряжение его лукавству (см.: Ин. 12, 3–6). Так, без сомнения, смотрел Иуда и на все прочее. «Что, — думал он, — мы ходим из края в край Иудеи как нищие? Почему бы не воспользоваться усердием народа, не взять в свои руки власть, которая видимо дается сама собою? Ведь Мессия должен наконец же господствовать над всеми и всем. Ужели ждать, чтобы нас всех захватили как преступников и подвергли казни? Пожалуй, за этим не станет. Но пусть дождутся сего другие. Искарriot не так прост и не-

дальновиден. Он возьмет свои меры заранее». — «Что же ты медлишь?» — шептал во уши диавол (см.: Лк. 22, 3). Теперь самый благоприятный случай отстать от общества Иисусова. Видишь, как синедрион ищет случая взять Учителя тайно (ст. 2). Ты сам можешь сделать это неявно, так что Учитель даже не сочтет тебя предателем. Ибо что требуется для сего? Только указать место пребывания Учителя ночью. Кроме того, что тебе заплатят за эту важную услугу, ты войдешь через это в связь с первыми лицами синедриона. И Ему будет не большая беда от сего: ты сам видел, как Он не раз спасался чудесно от всех козней и сетей своих врагов; спасется и теперь, а ты сделаешь свое дело и составишь себе счастье: пользуйся случаем и спеши!

И несчастный ученик точно спешит — на свою гибель. Под предлогом покупок, нужных к празднику, он находит случай тайно побывать у первосвященников и сговориться с ними о предательстве (ст. 4). Желание не представлять из себя низкого продавца, торгующегося за кровь, и показать мнимое усердие к пользам синедриона, заставляет его согласиться на самую невеликую цену, в надежде, со временем, большей и лучшей награды. Для сего же он явится в самом вертограде Гефсиманском с видом не предателя, а человека, возвращающегося из посылки, который потому позволяет себе дружелюбно приветствовать Учителя и даже облобызать Его; между тем как это именно лобзание было знаком для явившейся затем, как бы без всякого согласия с

Иудею, сперы¹ иудейской. Посему-то до самого конца никто из учеников не мог знать, кто предатель (см.: Лк. 22, 47–48).

Один Учитель видел и ведал все; ведал и употреблял все меры спасти — не Себя, а ученика несчастного. Сколько трогательных вразумлений на одной последней вечери! Омовение ног, преподание Тела и Крови могли тронуть духа отверженного, но не тронули Иуду! Страсть сребролюбия заглушила все (ст. 14–23)!

Но заглушила на время. Когда замысел совершился, когда Учитель, вместо того чтобы чудесно спастись от врагов, предал Себя им, яко овча на заклание, — Иуда пробудился, вспомнил о всем, что видел доброго, святого, Божественного в Иисусе, и обратился к раскаянию. Сребреники повержены; невинность Учителя исповедана всенародно; оставалось только, подобно Петру, омыть грех слезами и обратиться к Тому же Учителю и Господу с верою. Но диавол внушил теперь другое: как прежде соблазнял бесстрашием, так теперь представлял неотпускаемость вины и греха. И вот, Иуда на древе погибельном! Тогда-то, не прежде, во всей силе постигли его грозные слова: *добрее было бы ему, аще не бы родился человек той* (Мк. 14, 21)!

Видите, до чего довела страсть сребролюбия человека самого нехудого! Ибо если бы Иуда не обещал из себя много доброго, то не был бы избран в апостолы.

Будем же, братие, блюстись сего недуга, равно как и прочих страстей: ибо все они равно

¹ Вооруженный отряд людей.

опасны, и — рано или поздно — оканчиваются и душевною, и телесною гибелью для человека. Но падший да не унывает и да не приходит к отчаянию! У Небесного Врача нет неисцельно больных. Доколе живем, дотолем можем спастись, как бы ни были велики грехи наши. Если бы сам Иуда, вместо погибельного древа, поспешил к Древу Креста Христова с верою и покаянием, то вместе с кающимся разбойником вошел бы в рай без всяких сребреников. Так рассуждают о сем и учат все богомудрые отцы Церкви. Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКУЮ СРЕДУ¹

Святая Церковь указывает нам ныне в своих песнопениях окрест Спасителя преимущественно на два лица: на одного апостола и на одну жену-блудницу. Противоположность разительная. Апостол по самому званию своему был недалек от третьего неба; блудница, яко великая грешница, близка была к самой пропасти адской. И что же? На деле вышло совершенно противное. Через два дня бывший апостол соделался жертвою ада, а блудница вошла в лик жен-мироносиц. Пришла страсть сребролюбия, овладела сердцем апостола и обратила его в сосуд погибели, в сына отвержения. Пришло святое покаяние, овладело сердцем блудницы, повергло ее к ногам Спасителя мира и приобщило ее к святому лику мироносиц. Что убо заключим

¹ Печатано с рукописи. — *Примеч. изд. 1873 г.*

из сих двух примеров? То, что доколе мы на земле, из нас может быть все, мы можем преходить, так сказать, от неба к аду, и от ада к небу.

Близость ко Христу Иуды не спасла его от греха и отчаяния. Почему? Потому что он вознебрег о самом себе и допустил к себе в сердце страсть, за коей уже сам собою вошел и диавол. Отдаленность от Христа блудницы не помешала ей улучшить спасение. Почему? Потому что она пришла в себя, бросила навсегда грех, исповедала свою нечистоту и переменила жизнь.

Нет, следовательно, такой высокой добродетели, коей не угрожало бы падение самое тяжкое; и нет такого тяжкого падения, от коего нельзя было бы восстать и взойти на самую высоту добродетели. Посему, как бы кто ни высоко стоял в совершенстве, не должен предаваться гордости и беспечности. *Мняйся стояти блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12). Равно, как бы кто ни упал низко, в какой бы бездне греховной ни находился, да не отчаивается, подобно Иуде. У Господа нашего есть покаяние для всех грешников. Оставь грех, обратись ко Господу, принеси покаяние и исповедь: и ты, подобно жене-блуднице, будешь прощен и принят в милосердие Господне.

В частности, да познают из примера Иуды сребролюбцы, как опасна страсть сребролюбия. Если из апостола она сделала предателя, то что может сделать из тебя? Если апостол доведен ею до отчаяния и смерти, то ты ли уцелеешь от ее злости? «Но мы, скажет кто-либо из недугующих сребролюбием, не предаем Христа, мы го-

товы служить Ему от имений своих и действительно служим по возможности». Конечно, ты не предаешь Христа как Иуда, ибо и не можешь предать Его таким образом. Но вспомни, — не продавал ли ты своей веры и совести? А это то же, как бы ты продал Христа. Вспомни не продавал ли ты по любви к серебру ближнего твоего? А в лице его ты предал Христа. И — что много говорить? — кого более любит сребролюбец: Христа — или деньги? Очевидно, деньги; ибо если бы любил Христа, то не любил бы злата и серебра, кои Он запрещает любить. «Но моя любовь к богатству, еще помыслит кто-либо, не доводит меня до самых худых дел». Положим, но разве мало, что она мешает тебе творить дела добрые? Без сребролюбия твоя душа была бы похожа на рай Божий, в ней росли бы и цвели разные добродетели: а теперь, поелику сребролюбие не дает им расти, она похожа на голый песок: великое ли утешение, что на этом песке не растет и терния, — то есть худых дел? — Сребролюбие действительно удаляет человека от некоторых худых дел, например, от роскоши, игр и плотугодия; но зато оно постепенно сокращает круг добра, им делаемого. Сребролюбец со дня на день становится нечувствительнее ко всему, кроме прибытка; он бывает бесчеловечен даже к себе самому. У него сокращаются его собственные потребности; он желал бы освободиться от всех их, чтобы не подвергнуться тратам; желал бы сделаться для сего бестелесным, обратиться в духа. И этот бесплотный дух, уже вознесшийся над большею частью потребностей собственной природы, прилеплен к глыбе металла!

Лют есть зверь сребролюбия! А между тем этот лютый зверь угрожает, братие мои, каждому из нас. Возраст старческий особенно подлежит сему недугу душевному; и кто заранее не берет мер против него, тот неминуемо подвергнется сей заразе душевной. Это тем бывает жалче, что таковые старцы нередко имеют немало совершенств душевных. Но сребролюбие и скупость все мрачат и портят.

Пример помилованной блудницы, как мы сказали, должен служить в ободрение грешников к покаянию, а не к продолжению греха, не отлаганию покаяния до смерти. Ибо если праведник, как показывает пример апостола, не безопасен, то грешник на чем утвердит свою надежду?

(Не окончено.)

СЛОВО В ВЕЛИКУЮ СРЕДУ¹

Чем занимаются теперь в мире? Приготовлением к светлым дням Воскресения Христова. И богатый, и бедный равно движутся, суетятся о том, как бы сделать для себя праздник посветлее.

Будем ли винить за хлопоты праздничные? — Нет, это в порядке вещей. Доколе мы на земле, во плоти — дотоле нельзя забыть ни земли, ни плоти. Самые Павлы забывали их только тогда, как *восхищаемы были до третьего неба* (ср.: 2 Кор. 12, 2–4). А в другое время и они вопияли: *окаянен аз человек, кто мя избавит от тела смерти сея* (Рим. 7, 24).

¹ Печатано с рукописи. — *Примеч. изд. 1873 г.*

Итак, не будем осуждать, если каждый в нынешние дни проведет лишний час на торжище. Но не можем не предложить совета, как сделать праздник каждому для себя действительно светлым.

Есть ли сему средство? Есть, и притом равно у всех. Это средство состоит в очищении себя молитвою и покаянием. Таким образом, и только таким сделается у тебя на душе легко, чисто и светло; а когда на душе будет так, то и праздник будет светел и радостен. А без сего ничто не поможет. Плоть, пользуясь уготованным на праздник, возвеселится, а дух останется во тьме и хладе, в прежних узах и под тою же тяжестью.

(Не окончено.)

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРТОК¹

Странствия Владычня, и безсмертныя трапезы на горнем месте, высокими умы, вернии приидите насладимся...²

Наконец и у Святой Церкви трапеза и пир духовный! Долго продолжалось и говение, и пост: зато и брашно, и питье необыкновенные. Ибо трапезы и вечера мирские насыщают и услаждают на время; а потом нередко тяготят собою и всегда уступают место новому гладу: здесь, кто вкусит достойне, не взалчет вовеки: *безсмертныя трапезы*. Человеколюбив бо наш Владыка! Не потерпел зреть рабов Своих гладных; знает, что дух бодр, а плоть немощна: и вот,

¹ Печатано с рукописи. — *Примеч. изд. 1873 г.*

² См.: Ирмос 9-й песни канона утрени в Великий Четверг.

под конец поприща постного Сам уготовляет трапезу. *Странствия Владычня и безсмертныя трапезы.* Кроме успокоения и ободрения для алчущих, вечера сия послужит прощанием для ее Устроителя. Ибо Ему надобно оставить всех и идти в долгий путь, надобно разлучиться не на краткое время. Как не разделить последних минут с друзьями и присными¹? Как не оставить им в память о Себе чего-либо? — Тем паче как нам не поспешить на такую трапезу? *Приидите убо насладимся!* Войдем все на сию вечерю; ибо хотя сказано: *высокими умы*, но это сказано по необходимости, потому что предлагаемое на вечерах высоко по самому существу своему, так что кто лежит долу, тот не может достать устами предлагаемого. А впрочем, нет никаких особенных условий. Сказано только: *вернии*. Но без веры что же и ходить туда, где без веры нельзя сделать ни шага? И трудно ли иметь веру там, где распоряжает всем Сам Владыка и Господь всяческих и где потому действует всемогущество? Оставив убо всякий страх и недоумение, взойдем на горнее место и, кто может, *насладимся*, кто еще неспособен к тому, по крайней мере, посмотрим, что там предлагается, кто и как приемлет, и что следует из предлагаемого и принятого?

Вечеру же бывшу, возлежаще со обеманадесяте² ученикома (Мф. 26, 20).

Так святой Матфей начинает описание трапезы Господней. Известно, по какому случаю была

¹ Ближними (церк.-слав.).

² С двенадцатью (церк.-слав.).

она: надлежало, по закону, в нынешний день вкушать агнца пасхального, в память исшествия израильтян из Египта. Таким образом, трапезу эту приготовил, можно сказать, еще Моисей своим законом о пасхе: но Господь даст ей другое и значение, и назначение, из смертной соделает бессмертною. Каким образом? Увидим.

А теперь обратим внимание на то, кто сидит на вечери. *Возлежаше со обеманадесяте*. Значит, тут сидел — за всех нас — и наш апостол святой Андрей Первозванный, коему страна наша одолжена первую проповедь о Христе¹. В лице его и мы все как бы возлежали на бессмертной трапезе Господней.

Но если *возлежаше со обеманадесяте*, значит был и Иуда. Как он мог быть допущен до трапезы? Так же, как и доселе допускаются к ней все нераскаянные грешники, в показание преизбытка милосердия и великодушия Домовладыки и в доказательство, что доколе мы на земли, всякому возможен доступ ко всему. На Вечери Небесной — там уже будут впущены одни *мудрые девы*; а здесь — *не затворяют* (см.: Мф. 25, 1–13) *двери* ни от кого из самых *юродивых*.

Предатель примет то же, что и прочие апостолы, но принятое произведет в нем противное действие; подобно тому, как один и тот же свет солнечный для здорового зрения — свет и отрада, для больного — еще больший мрак и мучение.

Что же не начинается вечеря? — Оттого, что после долгого пути надобно омыть ноги при-

¹ Церковь чтит память апостола Андрея Первозванного 30 ноября / 13 декабря и 30 июня / 13 июля — в день Собора славных и всехвалных 12-ти апостолов.

шедшим на вечерю. Что же мешает сделать это? То, что нет прислужника. Оставалось самим сделать это — но кому? Меньшему: а кто меньший? Будущие орлы богословия еще были птенцами; вместо смирения, которое они явят потом пред лицом всего мира, теперь началась пря: кто больший?.. — За этим спором, пожалуй, остановится все дело. Нет, не остановится. Домовладыка восполнит Сам, чего недостает домочадцам.

Востав от вечера, положи ризы, и прием лентион¹, препоясая. Потом вляя воду во умывальницу и начат умывати ноги учеником и отирати лентием, имже бе препоясан (Ин. 13, 4–5). Все повинуются: один Петр прекословит: *не умыеши ногу мою во веки!* (ст. 8). Напрасно! Прежде взяться бы за лентион и омыть ноги Учителю и соученикам. Тогда услышал бы паки: *блажен еси, Симоне, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец, Иже на небесех* (Мф. 16, 17). А теперь хотя похвальное чувство выражается в словах твоих, но от той же плоти и крови, возвышенных, но все еще не могущих наследовать Царствия Божия. Посему и скажется не прежнее, а другое: *еще не умью тебе, не имаши части со Мною!* (13, 8).

Теперь нет более преград. Да начнется пир, да явится веселие!

И оно началось. Агнец снесен, горькое зелие вкушено, опресноки потреблены, чаша благодарения испита: Ветхий Завет исполнен.

Но все это смертное, тысячу раз вкушаемое и ни разу не насыщавшее духа. Где же бессмертная трапеза? — Где страннолюбие Владычне?

¹ От греч. λέντιον — полотенце.

Не скучайте и не опасайтесь! Кто наплатил пять тысяч пятью хлебами (см.: Мф. 14, 15–21), Тот наплатит и нас. Если и неприглашенных приемлет, кольми паче¹ не отпустятся тщи² приглашенные. *Вернии, приидите насладимся!*

Ядущим же им (ученикам), прием Иисус хлеб, благословив, преломи, и даяше учеником, и рече: примите и ядите! сие есть Тело Мое! И прием чашу и хвалу воздав, даде им, глаголя: пийте от нея вси: сия бо есть Кровь Моя, Нового Завета, яже за многия изливаема во оставление грехов (Мф. 26, 26–28).

Итак, вот чем будут угощать нас: не хлебом, а телом, — не вином, а кровию! — *сие есть Тело; сие есть Кровь!* — И чьим Телом и Кровию? — Спасителя нашего: *Тело Мое, Кровь Моя!*

Кто бы мог приложить веру сему, если бы не вещал о сем Он же Сам, если бы не повторили того же, от лица Его, апостолы?

Но как же нам употребить эту снедь?

Так любит нас Владыка! Видя, что все трапезы оканчиваются во истление и не делают нас бессмертными, Он уставляет брашно и питие нетленные. Их можно было составить только из Плоти и Крови, кои одни во всем мире не подлежали разрушению, а напротив имели силу оживать, и Он не пожалел ни Своего Тела, ни Своей Крови, — а предложил их на вечери, предложил не ученикам токмо Своим, а в лице их всем народам.

¹ Тем более.

² Ни с чем (церк.-слав.).

За нас первый принял святой Андрей, но принял с тем, чтобы передать верно каждому из нас. И кому он не передает верно? Приступай всяк; на каждой трапезе церковной — то же Тело и та же Кровь, коих причащались ныне апостолы.

Но как приступить к сей трапезе? — Как вкушать Тело? Как пить Кровь? — Это — не по природе нашей. Ведал сие все Учредитель и позаботился о нашей слабости.

Вкушаемое есть Тело, но вид у него тот же, — хлеба; пиемое — Кровь, но образ и вкус его тот же, — вина. Таким образом снисходится к нашей природе, что вместо единого чуда каждый раз делается два: и хлеб и вино обращаются в Тело и Кровь и, обращенные, удерживают свой прежний вид, дабы таким образом было с нашей стороны место и вере.

Подлинно, не низкий ум надобно иметь, дабы насладиться сей трапезы. Надобно сим умом возлететь на высоту любви Спасителя к нам, полагающего за нас душу Свою.

Но этот высокий ум — на сей случай — дает не ученость, а вера: *аще не веруете, не имате разумети* (ср.: Ис. 7, 9).

Итак, будем веровать, приступая к трапезе Тела и Крови, не будем поникать умом долу, вопрошая: *како может дати плоть Свою ясти?* (Ин. 6, 52) или, подобно еретикам, недоумевая, как под видом хлеба и вина может сокрываться Тело и Кровь?

От человек это невозможно, а от нашего Спасителя, Который есть Бог и человек, вся возможна. Напротив, недостойно Его было препод-

дать один хлеб и одно вино: ибо это может сто раз сделать каждый из людей. Ему, яко Богу, предлежало сделать большее; и Он соделал самое большее; ибо *никтоже больше любви имать, да аще кто душу положит за други своя* (ср.: Ин. 15, 13). Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРТОК¹

По окончании предстоящего священнодействия вы будете слышать, братие, такое поучение, пред коим все наши вещания ничто, ибо вы будете слышать поучение от Самого Господа и Спасителя нашего, сказанное по омовении ног апостолам, а в лице их и всем нам. При таком слове Самого Слова животного² всякое поучение со стороны нашей было бы неуместно и даже дерзновенно. Для чего же я изшел теперь пред вас? — Для того именно, чтобы обратить внимание ваше на сие слово Господа нашего, которое по краткости своей не обращает на себя внимания многих; между тем в нем вся сила, и все наши вещания не могут заменить в нем одной йоты. Итак, не опустите дорогого случая собрать драгоценный бисер словес Христовых и положить их в самой лучшей и самой крепкой сокровищнице сердца своего. Вообще, братие, просим и молим вас, не останавливайтесь на том, что видят взоры, а переноситесь мыслию к Тому, Коего лице мы изображаем пред вами, представляйте

¹ Печатано с рукописи. — *Примеч. изд. 1873 г.*

² Живого (*церк.-слав.*).

себе не слабого и ничтожного человека, преклоняющегося пред подобными себе и, может быть, гораздо лучшими человеками, а как Господь славы послужил вместо раба Своим тварям, как делая все нашего ради спасения, ради сего же спасения умыл ныне и ноги ученикам, омывая сим священнотайне скверну деяний наших и подавая нам пример глубочайшего смирения. Если вы будете созерцать настоящее священнодействие в сем духе: то, мы уверены, что оно не останется без плода для душ ваших, и вы, возвратившись в дома, не будете разглагольствовать праздно о том, как совершалась церемония, кто и как говорил или действовал, а в тишине духа и сердца, со слезами умиления на очах размыслите сами с собою прилежно, как должно действовать вам, как смирять свою гордость, обуздывать гнев, искоренять превозношения плоти, как, водясь любовию, переносить уничижение, терпеть обиды и побеждать благим злое. О сем-то мы почли за долг напомнить вам кратко для приготовления вас к послушанию вместе с нами проповеди Господней. Аминь.

**СЛОВО
В ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРТОК
(На Страсти Христовы)**

И одного простого слышания повести Евангельской о страданиях Христовых достаточно, братие мои, дабы видеть, что сии страдания были ужасны. Когда представишь при сем, что их терпела плоть пречистая, душа пресвятая, для

коих, по самой чистоте их, всякое мучение должно было быть гораздо чувствительнее, нежели для нашего грубого тела, для нашего оплотняемого духа; то страдания Господа становятся еще ужаснее. А когда вслед за сим помыслишь, что таким образом страдал не только Пресвятой, но и Всемогущий, что на Кресте висел в муках не простой человек или Ангел, а Сам едиnorodный Сын Божий, то, поражаясь ужасом и недоумением, вопрошаешь: что могло быть причиною столь беспримерного события, или, паче сказать, таинства и чуда?

Явно, что не воины римские вознесли Сына Божия на Крест; явно, что Он терпит муки и смерть не потому, что коварный ученик предал Его, что ослепленные страстью фарисеи и книжники испросили Его на смерть, что человекоугодливый судия осудил Его и отдал на пропятие. Когда Божественный Страдалец восхотел показать Свое могущество, то единое Его слово: *Аз есмь!* (Ин. 18, 6) повергло на землю всю спиду иудейскую. И теперь, когда Он на Кресте истает в муках и вопиет: *жажду!* (см.: Ин. 19, 28–30), и теперь помрачающееся солнце, трепещущая земля являют, что вся тварь готова восстать на защиту своего Владыки (см.: Мф. 27, 45–54).

Кто же связал льва от Иуды (Быт. 49, 9; Апок. 5, 5)? Кто отдал Сына Божия на пропятие и смерть? — Правосудие Божие. — За что? — За грехи людей. — Чем Он виновен в грехах наших? — Тем, что принял их на Себя за нас. — Для чего принял? — Дабы освободить нас от казни за грех и примирить с Богом. — Как примирить? — Удовлетворив за грехи правосудию Своею смер-

тию. — Вот лествица, по коей взошел на Крест Сын Божий! Вот гвоздие, коим пригвожден Он ко Кресту! Вот терны, из коих соплетен венец на главу Его!

Нужны ли на все сие свидетельства слова Божия? Они бесчисленны. Вопросите пророков, и они скажут вам, что *Сей* висящий на Кресте Страдалец *грехи наши носит и о нас болезнует*, что *Он язвен бысть за грехи наши и мучен за беззакония наши*, что *наказание мира нашего на Нем*, и *язвою Его мы все исцелехом* (ср.: Ис. 53, 4, 5). Вопросите апостолов, и они скажут вам, что *Бог бе во Христе мир примиряя Себе* Крестом Его (2 Кор. 5, 19), что милосердие Божие *Не ведевшего греха по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем* (2 Кор. 5, 21), что Сын Божий *дал есть Себе за ны, да избавит ны от всякаго беззакония* (Тит. 2, 14). Приложите слух ко гласу Самого Божественного Страдальца, и вы услышите, что пречистая Плоть Его отдана на мучение и смерть *за живот мира* (Ин. 6, 51), что пречистая Кровь Его изливается на Кресте *во оставление грехов* (Мф. 26, 28) всего рода человеческого.

Итак, этот Крест, стоящий на Голгофе, есть жертвенник всемирный! Этот висящий на нем Страдалец есть очистительная жертва за грехи всех падших сынов Адамовых! Кто требовал сей жертвы? — Закон и правда небесная, неизменная святость существа Божия и непреложный порядок мира нравственного.

И, во-первых, святость существа Божия. Что Бог столько же свят, сколько благ и милосерд —

это истина непререкаемая. Бога не святого мы не можем себе и представить. В чем же состоит сия святость? — В том, что Бог вечно любит одно благое и святое и вечно отвращается всего злого и беззаконного; в том, что как от Бога исходит одно совершенное и правое, так и к Нему не может приблизиться никакая нечистота и скверна; в том, что Он, как вездесущий и всеисполняющий, нигде и ни в ком не терпит греха, употребляет все на его истребление. Тако свят Господь Бог наш!

Смотрите же теперь, что пред сею святостию? Пред нею род человеческий, падший, безобразный и нечистый; пред нею целый бесчисленный сонм существ, именуемых людьми, из коих каждое уклонилось от цели бытия своего, расторгло блаженный союз свой с Творцом, приняло характер и правила действий врага Божия; пред нею, сею святостию, целая бездна грехов, преступлений, неправд и беззаконий!..

Может ли чистейшее око Божие сносить сие отвратительное зрелище? Может ли гром Всемогущества не двинуться против сего темного полчища пороков? Может ли святейшее лоно Творца спокойно носить в себе сие море зла?

Не может! — *Проклят всяк, иже не пребудет в словесех закона и правды* (ср.: Втор. 27, 26)! Вот единожды и навсегда изреченное определение правды Божией!

Вследствие сего, грешник долженствовал неминуемо погибнуть, ибо у него нет средства не только вознаградить за грех пред судом правды

вечной, но и освободить себя самого от пагубной склонности впадать в новые грехи. И погиб бы таким образом весь грешный род человеческий, если бы не явился Ходатай, Искупитель и Споручник — Единородный Сын Божий!

В то время, как непреложная правда Божия готова была изречь суд и осуждение на погибавший во грехах род человеческий, сей Единородный Сын Любве Отчей оставляет Престол славы, приемлет лице ходатая, является пред Отцом и вещает: человек, созданный по образу Нашему, погиб во грехе; беззакония его навсегда разлучили его с Нами; святость существа Нашего не может терпеть преступника; но и любовь Наша не может не пещись о восстановлении падшего. Для сего нужна жертва за грехи его: да буду Я Сам сею жертвою! Да прейдут на Меня все беззакония сынов человеческих! Да понесу всю тяжесть наказаний, подобающих грешнику. *Се иду сотворити волю Твою, Боже* (Пс. 39, 8, 9)!

Любвеобильное ходатайство принято, и Сын Божий соделывается Сыном Человеческим, да понесет на Себе неправды всех сынов человеческих. Все, что Он, явившись потом на земле, совершает и терпит, все сие направлено к изглаждению грехов наших: для сего Он полагается в яслях, для сего приемлет обрезание, для сего бежит в Египет, для сего погружается в водах Иорданских, для сего терпит поношения от книжников, для сего не имеет где подклонить главы, для сего плачет на гробе Лазаря, для сего потеет кровавым потом в Гефсимании, для сего приемлет лобзание от предателя. Довольно бы,

казалось, подвигов для правды человеческой; но не довлеет¹ для правды Божественной: она требует большего — смерти преступника! И се, в довершение всех жертв, приносится и сия последняя: Сын Божий — на Кресте! Большого удовлетворения за грех не могло требовать само небесное правосудие: принесена жертва все-совершенная; ибо принесена в жертву самая жизнь, — жизнь не простого человека, а Того, Кто есть человек и Бог.

Что после сего видите вы на Кресте? Видите, что Бог Всесвятый, не терпящий беззакония нигде, поражает проклятием и смертью грех в лице Самого едиnorodного Сына Своего. Что видите в Кресте? Видите, что Бог Всеблагий, Который не оставляет без помощи создания Своего, любит самых строптивых чад Своих, и для спасения их Сам восходит на Крест. Что видите в Кресте? Видите таинственное, чудесное сочетание правды и милости, суда и прощения, святости и благоутробия, страха для грешников нераскаянных и упования для грешников кающихся. Это — верх премудрости Божественной, которая изобрела средство и поразить грех со всею строгостию, и не погубить человека со всею его нечистотою.

В самом деле, вообразим на время, что благодать Божия, разлучившись от правды Божественной, провозгласила бы прощение грешному роду человеческому без той жертвы за грехи, которая принесена теперь на Голгофе. — Что подумали бы мы тогда о Боге и Его святости? Не воз-

¹ Достаточно (церк.-слав.).

мнили ль бы (и праведно), что Он, если и свят, то более милосерд, нежели праведен? Что если Он и дает закон, и требует исполнения, и угрожает наказанием; то все сие делает не по внутреннему, непреложному требованию существа Своего, а по одному изменяющемуся произволу? — Что можно нарушать закон и не быть отвергнутым от Законодателя? Такая мысль, — а она в сем случае неизбежна, — могла бы соблазнить и не человека, склонного ко греху; такой образ действий со стороны верховного Законодателя и Судии мог бы дать случай к беспорядку и не в одном нашем мире. А что было бы тогда с грешниками? Что вселило бы в них святой ужас и отвращение к греху, когда они не исполняются страхом и тогда, как видят пред собою Крест Сына Божия? Тогда Закон Божий потерял бы уважение, ему подобающее, добродетель — свое достоинство, грех — весь ужас...

И был ли бы успокоен самый кающийся грешник, не видя пред очами правды Божией жертвы за грехи свои? Если мы легко смотрим иногда на свои беззакония и почитаем их делом не важным, если готовы бываем принять прощение во грехах, не думая, чтобы за них нужна была жертва, то это потому, что в нас нет чувства истинного покаяния, что совесть наша не раскрылась, как должно. Но посмотрите на тех, кои поняли, что значит грех, и прониклись живым чувством раскаяния, в коих совесть начала действовать со всею силою! Ах, они становятся судиями и врагами самим себе; не убегают, а ищут наказания: не удовлетворяются ничем, готовы бывают лишить

себя всего, самой жизни, которою злоупотребили против воли Создателя. И что представили бы им в успокоение, если бы не имели Креста Христова, не могли указать на язвы Господа, на Тело и Кровь Сына Божия, принесенные в жертву за грехи наши?

Да умолкнут же те, кои в ослеплении ума держат говорить, что дело спасения нашего могло бы совершиться без Креста Христова. Отымите Крест — и нет христианства; отымите Крест — и нет спасения миру; отымите Крест — и грешники все паки пред судом правды и гнева; отымите Крест — и нет успокоения кающемуся; отымите Крест — и грех неудержимо воцарится над всем!

Но кто может поколебать тебя, святое и блаженное Древо? Рукою всемогущей любви водружено ты посреди всея земли для спасения нашего, и будешь стоять несокрушимо, доколе останется на земле хотя один грешник, взывающий своего спасения! Будешь стоять, как знамение правды и любви Божией к грешникам кающимся, как залог гнева и мук вечных для нераскаянных. Много приражалось к тебе волн и нападений, и все сокрушились: сокрушатся и те, кои будут паки приражаться к тебе. Стой, Божественное Древо, и распространяй райские ветви твои по всей земли! Да соберутся под сень твою все падшие сыны Адама и да оживут вкушением от плодов твоих! Но что произрастишь ты нам, размышляющим теперь и беседующим о тебе? Укроемся ли мы под сению твоею в день Суда и воздания?..

Укроемся, возлюбленные братие, если теперь не будем, подобно злополучному прародителю нашему, сокрываться от лица Бога, взыскающего нас на покаяние; укроемся, если, преклоняясь до земли во храмах пред Крестом Христовым, не будем убегать от него, когда Он сретает нас, среди жизни нашей, в скорбях и искушениях, посылаемых для нашего вразумления; укроемся, если, освящая себя верою в заслуги нашего Божественного Ходатая и приемля во имя Его оставление грехов, не будем снова распинать Его нашими беззакониями.

Падем же в духе пред сим Животворящим Древом и скажем Распятому на нем: видим, Господи, видим, сколь нестерпим грех для правды и святости существа Божия; видим, чего стоило Тебе, Человеколюбцу, искупление нас от проклятия закона и казни вечной; видим, что угрожает нам, если не воспользуемся бесприкладною жертвою Твоею, за нас принесенною; видим, и даем обет жить все остальное время не похотям и страстям, не миру и диаволу, а Тебе, Владыке и Икупителю нашему! Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ПЯТОК

Господи, кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?

Ис. 53, 1

Так, за шесть веков до Крестной смерти Спасителя нашего, предначинал о ней проповедь свою один из великих пророков народа Божия! Действием Духа Святаго пред ним под-

нята была завеса будущего, и он ясно узрел уничиженное состояние на Кресте Сына Божия, дабы предвозвестить потом о Нем своим современникам, а в лице их и всему роду человеческому. Пораженный страшным зрелищем Голгофским, пророк вместо проповеди к людям обращает речь к Богу и с недоумением вопрошает: можно ли говорить о таких предметах в слух человеческий? И не сокрыть ли всего виденного в глубине собственной души? *Господи, кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?* Я готов, как бы так говорил он, провозвестить о том, что явлено мне во свете лица Твоего, но где те, кои способны принять возвещаемое? Пред Крестом Сына Твоего нужна вера величайшая: как обрести ее между человеками? *Господи, кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?*

Спустя более двух тысячелетий после сего пророчества и более осьмнадцати веков¹ после события его на Голгофе, — теперь, когда Крест Христов, будучи водружен посреди всея земли, соделался во спасение всех и каждого, — теперь можно бы, казалось, ожидать, что слово крестное не найдет уже себе противоречия в умах и сердцах человеческих, что при первом благовестии о тайне искупления, совершившейся на Голгофе, все преклонят слух и отверзнут души свои к принятию жизни вечной.

Но, братие мои, что если бы древний пророк воскрес и стал теперь пред нами, думаете ли, что-

¹ Написано в первой половине XIX века.

бы он оставил или изменил для нас начало своей проповеди крестной? Уверены ли, чтобы он, взирая на всех нас — и стоящих здесь, и отсутствующих, — не воскликнул бы паки: *Господи, кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?*

Ах, если б была вера в нас, то стал ли бы богач в нынешний же день затворять немилосердно утробу свою при виде собрата своего, требующего помощи? Стал ли бы сто раз взвешивать каждую лепту, подаемую нищему, и как подаемую? Во имя Христа, умершего для нас и воскресшего, когда притом за все поданное сей же Умерший и Воскресший обещал воздать — там — сторицею?

Если бы была вера в нас, то стал ли бы наперсник¹ мудрости искать разрешения тайн бытия человеческого, недоумений своей души и совести где-либо в другом месте, кроме Евангелия, когда оно для того и дано, чтобы мы знали, кто мы, откуда и для чего?

Если бы была вера в нас, то предавались ли бы мы так безумно соблазнам мира и преступным обаяниям плоти, поставляли ль бы многие из нас всю цель жизни своей в удовлетворении чувств и страстей, падали ль бы так низко пред каждым кумиром гордости житейской и похоти очес?

Если бы была вера в нас, то могла ли бы приводить в такую безотрадную печаль смерть, когда Спаситель наш для того и сошел Сам во гроб,

¹ Любитель (церк.-слав.).

дабы воссиять для всех нас из него жизнь и нетление?

Ах, когда была вера в сердцах, тогда христиане были яко светила среди тьмы иудейства и язычества; тогда слово, сказанное христианином, было сильнее всех обязательств, пример последователя Иисусова был лучше всех правил мудрости человеческой; тогда без сожаления расставались, когда нужно, со всеми благами мира, без ропота переносили величайшие скорби и лишения, на самые муки и смерть шли с радостью.

И ныне, в ком есть истинная вера, тот не похож на других, и в каком бы звании ни находился, являет из себя человека, видимо принадлежащего не земле токмо, но и небу. В ком есть вера, тот и ныне — богат ли — богат не столько для себя, сколько для других, не златом точию и серебром, а смирением и любовью; беден ли и страждущ, — и бедствует, и страдает без ропота, с упованием, якоже подобает наследнику жизни вечной; мудр ли, — не превозносится своими познаниями, повергает их в жертву у подножия Креста Христова; прост ли и не книжен, — самую простотою дорожит, яко сокровищем. В ком есть вера, тот и ныне целомудр, благочестив и праведен, кроток и любовен, воздержен, смирен и прост. В ком есть вера, тот и ныне взирает на жизнь, как на странствие; на мир видимый, как на временную гостиницу; на плоть свою, как на темницу бессмертного духа; на гроб, как на место своего успокоения.

Но много ли таковых? Покажите мне христианина, о коем можно бы тотчас, ничтоже сум-

няся, рещи: се раб Божий! Се последователь Христов! Сколько, напротив, христиан, о коих трудно сказать: имеют ли какую-либо веру! Сколько христиан, коим если бы досталось переходить в язычество, то не следовало бы делать никакой перемены ни в образе мыслей, ни в образе жизни, кроме что взять себе другое имя! — И что много говорить? Осмотритесь вокруг себя: ныне день смерти Господа и Спасителя нашего; ныне Он взошел на Крест за грехи наши, да доставит всем нам оправдание и живот вечный; ныне ли посему не собраться всем последователям Иисусовым у гроба Его? Но сколько людей, кои остались теперь дома, сидят в праздности, не знают даже, что делать и как провести время, и между тем не спешат в храм, к подножию Креста Христова!..

Кого винить в нашей хладности и бесчувствии? Уже не Тебя ли, Господи! Ты, может быть, мало сделал для того, чтобы просветить и вразумить, тронуть и возбудить, согреть и привлечь нас к Себе!.. Но что же бы можно было сделать более? Явись, грешник, кто бы ты ни был, у гроба сего и скажи сам, что нужно для тебя сделать и чего не сделано. Тебя надлежало вывести из тьмы естественного неведения на свет Божий: и над тобою возжжено столько светил богопознания, что младенцы ныне более знают о Боге и жизни вечной, нежели сколько знали великие мудрецы мира древнего. Для тебя необходим был пример жизни благой и праведной, пример чистой любви, смирения и терпения: пред то-

бою жизнь и деяния Спасителя твоего, в коих не на словах, а на деле весь закон и все заповеди. Тебе нужно было и врачевство от расслабления духовного: и ты окружен благодатию Духа Святаго, молитвами и Таинствами Церкви. Тебе нужно всеоружие для сражения с врагами твоего спасения: и оно всегда готово в сокровищнице Церкви. Итак, явись, грешник, у сего гроба и скажи сам Спасителю твоему, что нужно было для тебя сделать и чего не сделано. Он столько любит тебя, что если действительно что нужно для тебя, Он восстанет из гроба и паки взойдет на Крест...

Между тем, возлюбленный о Христе собрат, рассмотрим беспристрастно, делали ль и делаем ли мы с тобою, что можно и должно было делать нам, дабы вера и Евангелие Иисусовы не оставались в нас бесплодными. У нас есть ум: употребляем ли мы его на познания наших обязанностей, нашей души и совести, — на уразумение Божественного лица Спасителя нашего, Его учения, жизни и смерти, для нас подъятой? — У нас есть воля и свобода, способные следовать или закону Божию и гласу Евангелия, или внушению чувств и страстей: действовали ль мы сею волею и свободою так, как повелевает Евангелие, стояли ль в истине и правде, сражались ли с собственными страстями и похотями? Нам преподано множество и естественных, и сверхъестественных средств к искоренению в нас злых навыков, к очищению нашей природы, к укреплению в нас доброго расположения,

к ограждению нас от соблазнов и искушений, к препобеждению мира, плоти и диавола: многие ли из сих средств употреблены нами в дело, и не остаются ли доселе даже неизвестными нам, по нашему небрежению о них?

Кого же винить после сего, как не самих себя, если мы доселе остаемся во тьме и хладе, во грехах и нечистоте, в бесчувствии и смерти духовной? Если бы ты, человек, был камень, тебя можно бы взять и обделать, как угодно строителю. Если бы ты был древо, тебя можно было бы садить и пересаживать, как вздумал бы садовник. Если бы ты, грешник, был существо, хотя живое, но неразумное и лишенное свободы, с тобою можно было бы поступить, как поступают с бессловесными. Но ты — человек, тебе даны ум и произвол, даны на всю вечность. Раз давши тебе дары сии и преимущества, Творец Премудрый никогда уже не возьмет их назад. Что же после сего остается делать с тобою самому всемогуществу Божию, как токмо наставлять и вразумлять тебя, убеждать и трогать, просить и молить тебя — о собственном твоём спасении?

И смотри — чем это всемогущество не вразумляет, не убеждает, не просит и не молит тебя — самым Крестом и гробом Единородного Сына Своего, за тебя распятого и погребенного! — Виждь, глаголет оно, виждь, чего стоит грех твой, какой жертвы потребовал он для спасения твоего, виждь и уразумей, что будет наконец с тобою, если ты не воспользуешься жертвою, за тебя принесенною! Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ПЯТОК

Чий образ сей и написание?

Мф. 22, 20

Так спросил некогда Господь книжников иерусалимских о златом пѣнязе¹, Ему представленном, дабы из того, что изображено на нем, взять ответ на недоумение их *достой ли дати кинсѡн² кесареви, или ни?* (ср.: Мф. 22, 15–19). А мы спросим ныне таким образом вас, братие мои, о подлежащем здесь изображению, спросим для того, дабы показать, какую дань любви и благодарности подобает приять Божественному Страдалцу сему от нас, кои искуплены от греха и смерти не златом и пенязями, а драгоценною Кровию Его, на Кресте за нас излиянную.

Чий убо образ сей и написание?

Се образ величайшего Наставника в мудрости, Который на то родился и на то пришел в мир, дабы свидетельствовать истину; и свидетельствовал ее всюду и пред всеми, возвещал пути живота во храме и на торжищах, среди городов и весей, на суши и на водах, на горах и в юдолях³, равно свидетельствовал пред прокуратором римским и женою самарянскойю, пред синедрионом и слепцом иерихонским, пред мудрыми и буими⁴ мира, пред старцами и отроками, пред иудеями и язычниками. Какая истина не вышла из уст Его во всем свете? Какая заповедь не пре-

¹ Монета.

² Подать.

³ Долинах.

⁴ Неразумными.

подана Им во всей силе? Какое обетование жизни вечной не открыто и не утверждено Им непоколебимо? Алтарь и престол, колыбель и гроб, меч и мрежи¹, плуг и весы, — все озарено светом Его Божественного учения. Глас истины во устах Его был так силен, что самые враги должны были умолкать пред Ним и исповедать, *яко николѣже тако глаголач человек, яко Сей Человек* (Ин. 7, 46).

Но бедные грешники возлюбили паче тьму, нежели свет; страсти и предрассудки их, не терпя обличения, восстали на Проповедника истины; — и се, Он, яко льстец и противник Моисея и пророков, поруган, умучен и взят от среды живых!..

Итак, это ваш образ и написание, любители и любимцы святой истины! Окружите с благоговением гроб величайшего Свидетеля ее и восприимите от Него дух веры и мужества для борьбы с заблуждениями и упорством человеческим. Если хотите почтить память Его страданий и смерти, то дайте обет никогда не скрывать истины в неправде человеческих мнений, а возглашать ее на кровах и стогах², не изменять ей и тогда, когда против нее весь мир, когда за нею стоит для вас крест. Се жертва, коей ожидает от вас этот Божественный Страдалец за истину!

Чий образ сей и написание?

Се образ величайшего Друга и Благодетеля человечества, проходя из града в град, из веси в весь, всюду оставлял Он следы Своей благо-

¹ Сеть для ловли рыбы.

² На улицах и площадях.

сти: слепым подавал зрение, глухим слух, хромым хождение, мертвым жизнь; и благотворя телу, в то же время еще более благодетельствовал душе. По гласу любви Его, взыскующей всех погибших, — сребролюбивые Закхеи раздавали пол-имения нищим, всеми презираемые мытари обращались в апостолов, блудницы целомудрствовали, разбойники со креста переходили в рай.

Но злоба человеческая не усрамилась сих чудес любви; и друг человечества представлен Пилату, яко враг общественного спокойствия; и *утеха Израиля* (ср.: Лк. 2, 25) предана на поругание язычникам и низведена во гроб!..

Итак, друзья человечества, это ваш образ и написание! Не ищите другого вождя и другого примера в ваших человеколюбивых подвигах и трудах на пользу бедствующих братий ваших, кроме Иисуса распятого. Не ищите и других средств к уменьшению бедствий на земле, кроме тех, кои указаны Им в Его Евангелии, или сами собою выходят из духа Его заповедей. Научитесь, подобно Ему, благотворить не одному телу несчастных, но и их душе, — благотворить, не ожидая за свои подвиги на земле ничего, кроме утешений совести; научитесь даже терпеть за ваши благотворения и полагать из любви к ближнему не только стяжания¹ и труды, но самую душу свою. Се любовь к ближним по чину Иисусову!

Чий образ сей и написание?

¹ Имущество.

Это образ величайшего Праведника и Подвижника в добродетели. *Кто от вас обличает Мя о грехе* (Ин. 8, 46), вопрошал Он врагов Своих; и никто из врагов не мог обличить Его ни в едином грехе. Напрасно синедрион искал лжесвидетелей: они клеветали токмо на самих себя. Сам Пилат принужден был совестью своею умыть руки и сказать: *я не повинен в крови Праведника Сего* (Мф. 27, 24)! Сам Иуда исповедал пред смертью, что он *согрешил — предав кровь неповинную* (см.: Мф. 27, 3–4).

Но клевета человеческая не усомнилась и Сего Праведника вменить с злодеями. Тот, для Коего было брашном¹, да творит волю Отца Своего (см.: Ин. 4, 32–34), поставлен ниже Вараввы, и вознесен на Крест!..

Итак, подвижники добродетели и благочестия, это ваш образ и написание! — Посмотрите пристальнее на этот венец терновый, на эти руки и ноги, прободенные гвоздями, на это сердце, отверстое копием; посмотрите и поверьте сими язвами вашу любовь к Богу и ближнему, вашу чистоту и правду, ваше терпение и мужество. Здесь показано, что значит жить для Бога и вечности, как должно хранить закон и правду, как сражаться с пороком и нечестием, где искать помощи среди скорбей и напастей века и чем укреплять себя в грозный час смерти. Если хотите служить Господу воистину, то примите и вы на рамена свои Крест Христов. Без распятия плоти и страстей — нет спасения человеку падшему!

¹ Пищей; далее Иисус Христос будет говорить о духовной пище — о Причастии (см.: Ин. 6, 55).

Чий образ сей и написание?

Это образ Икупителя человеков, Второго Адама, Иже есть *Господь с небесе* (1 Кор. 15, 47). Заступив для нас место Адама первого, приняв на Себя грехи всего рода человеческого, Он, яко Икупитель и Жертва, вознесен для изглаждения их на Крест, и, смертью Своею удовлетворив вечной правде, примирив нас с Богом, возвратил нам чистоту и невинность, отверз для нас рай, нами потерянный. После сего нет греха, побеждающего человеколюбие Божие; после сего *ни едино осуждение сущим о Христе Иисусе и ходящим не по плоти, а по духу* (ср.: Рим. 8, 1); после сего и для разбойников отверзт Крестом рай, коль скоро они оставляют навсегда грех и с верою от сердца вопиют: *помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!* (ср.: Лк. 23, 42).

Итак, воздыхающие под тяжестью страстей грешники, это ваш образ и написание! Что надлежало бы претерпеть за грехи ваши вам, то самое претерпел за вас Сей Божественный Ходатай. Спешите же к живоносному гробу Его; слагайте у пречистых ног Его все ваши греховные тяжести; взимайте правду и чистоту, для вас приобретенные; почерпайте благодать и милость, текущую из язв Его. Но примирившись с Богом и совестью, не возвращайтесь к прежним кумирам греха, да не явитесь виновными в Божественной крови, за вас пролиянной и вами злоупотребленной.

Чий образ сей и написание?

Это образ великого Царя и всемогущего Владыки, Который за то, что будучи во образе

Божием, уничижил Себя нас ради до смерти крестныя, превознесен теперь над всем, и получил *имя... паче всякаго имене* (Флп. 2, 9), Коему Отец Небесный, яко возлюбленному Сыну, предал всякую власть на земли и на небеси, в руках Коего ключи не только всех дарований и всех благ земных и небесных, но самого ада и смерти; но Который, несмотря на высоту и славу Свою, не стыдится прежнего уничижения, не сокрывает язв и венца тернового, благоволит являться распятым и погребенным, дабы тем удобнее был доступ к Нему, дабы никто не мог усумниться в прежней любви Его ко всем бедным грешникам.

Итак, труждающиеся и обремененнии, это ваш образ и написание! Страдалец Голгофский для того и воцарился над всем миром, дабы верующим в Него все споспешествовало¹ во благое. Теперь нет бедствия, коего бы Он не мог отвратить от вас; нет блага, коего Он не мог бы подать вам. *Просите убо, и приимите* (Ин. 16, 24). Нужны ли познания, — у Него все сокровища премудрости и разума. Нужна ли защита от врагов сильных, — у Него вся сила и могущество. Нужно ли здравие, — Он воскресение и жизнь. Нужно ли благорастворение стихий, плодоносие земли, — Ему служат источники, Ему работают бездны. Только просите с верою, ничто же сумняся; просите с решимостью употребить во благо просимое, просите, предавая судьбу свою и самое прошение Его премудрости и всесвятией воле.

Чий образ сей и написание?

¹ Содействовало (церк.-слав.).

Это образ будущего нашего Судии и Господа. По бесприкладной благодати Своей к нам, в надежде нашего обращения, Он продолжает являться с Крестом и Плащаницею, страгомый стражами римскими, погребаемый Иосифом и Никодимом, печатаемый печатью Каиафы. Но время долготерпения не без конца; настанет день, когда Он явится на облаках небесных, с силою и славою многою, окруженный Архангелами и Ангелами; явится для того, чтобы возбудить от сна смертного и воззвать пред Свой праведный Суд всех сынов Адамовых и произнести над каждым из нас решительный приговор на всю вечность. Тогда потребуются уже не поклонения и лобзания, а одни дела веры живой и любви чистой. Тогда возвратимся от лица Его уже не в дома, как теперь, для занятия суетою мира, для уготовления того, что требует плоть и кровь, а — или в рай и Царствие, для празднования вечной Пасхи, или во ад, для нескончаемого плача и скрежета зубов.

Итак, все чающие *воскресения мертвых и жизни будущего века*¹, се ваш образ и написание! Станьте у гроба Сего Мертвеца, подобно тому, как вы станете некогда пред страшным Престолом Его же — Судии; станьте, и дайте Ему отчет в делах своих; сравните, что сделано для вас Спасителем вашим, и что делаете для Него, паче для вас же самих, вы. Вспомните, чего потребует Он от вас на Суде; и рассмотрите, есть ли хотя некая часть того в вас. Если вы из-

¹ См.: Символ веры.

меняете истине, за которую Он умер; если чужды любви и милосердия, для коих Он жил; если не храните правды и чистоты, коими Он облек вас; если те грехи, кои Он пригвоздил на Кресте, снимаете со Креста и полагаете в душу и сердце свое; если вместо того, чтобы готовиться к Суду и вечности, все время и силы ваши отдаете грехам и похотям: то знайте, сколько бы вы ни поклонялись сему изображению, сколько бы ни лобызали сии язвы, ваш *суд написан* (Пс. 149, 9), — написан и подписан — сею же самою кровию, за вас пролиянною! Для грешников нераскаянных нет более Искупителя: остается один Судия и Мздовоздаятель! Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ПЯТОК

*Дщери иерусалимски, не плачитесь о Мне,
обаче себе плачите и чад ваших.*

Лк. 23, 28

Так говорил Господь сердобольным женам иерусалимским, кои с плачем сопровождали Его из претории Пилатовой на Голгофу.

Но можно ли было удерживаться от слез при виде умученного уже воинами Пилатовыми Страдальца, Который с тяжелым Крестом на раменах¹ шествовал теперь посреди злодеев к месту лобному? Плачущие жены могли сказать в ответ то же, что Сам Господь говорил фарисеям при Своем входе в Иерусалим: *аще мы умолчим, камене возопиет* (Лк. 19, 40)!

¹ Плечах (церк.-слав.).

Теперь другое: на нашей ежегодной Голгофе нет более мучений для Сына Человеческого. Когда мы окружаем гроб Его и поем песни исходные, Он сидит во славе одесную Отца и внемлет хвалебным гласам Архангелов и Ангелов. Не тем ли более мы вправе от лица Божественного Страдальца воззвать теперь гласом Голгофским: *дщери иерусалимски* — души чувствительные и состраждущие, при виде сей Плащаницы *не плачьте* о Нем, *обаче себе плачете и чад ваших!*

Не плачьте о Нем; ибо чаша лютых страданий, уготованная для Него правосудием небесным, давно истощена Им до конца; Крест и смерть, яко необходимые для искупления рода человеческого от проклятия за грех, претерпены; состояние земного унижения Сына Человеческого кончилось, и Он почил от всех дел Своих.

Не плачьте о Нем: ибо смерть и гроб не удержали Его в своих узах; Он воскрес со славою; вознесся на небо с торжеством, ниспослал Пресвятаго Духа апостолам и всем верующим; и теперь сидит одесную Отца, ожидая, дондеже все враги Его положатся в подножие ног Его.

Не плачьте о Нем: ибо что плакать о Том, Который наслаждается теперь блаженством и славою, коим нет ни предела, ни конца? Что проливать слезы над Тем, Который для того и восходил на Крест, дабы отъять всякую слезу от всяких очей?

Что же делать, спросите? Ужели на Крест и гроб Спасителя своего можно взирать холодным сердцем и сухими очами? Нет, братие мои,

если где место нашим слезам и воздыханиям, то здесь: только сии слезы и воздыхания должны быть не о Нем, а о нас самих: *себе плачите и чад ваших!*

Плачите себе: ибо Спаситель ваш на небе во славе, а вы еще на земле во плоти, в коей по естеству не живет доброе. Он среди Архангелов и Ангелов, а вы еще среди *мира*, который *весь во зле лежит* (ср.: 1 Ин. 5, 19), еще посреди сетей и искушений, напастей и печалей века, так что не можете быть уверены ни в жизни, ни в самой добродетели своей.

Плачите себе: оплакивайте заблуждения вашей юности, исчезнувшей в суете и помышлениях лукавых; рыдайте над грехопадениями мужества и лет зрелых, кои беспощадно отданы в жертву честолюбию и любостяжанию, плотоугодию и роскоши; слезите над самыми седидами старчества вашего, богатого летами, но не нравами благими, удалившего от вас мир, но не освободившего вас от мира.

Себе плачите: ибо сколько даров природы, или, паче, Творца ее и вашего, вами погублено! Сколько даров благодати отвергнуто или принято вотще! Сколько благих движений духа и сердца принесено в жертву суетным обычаям мирским! Какое множество учинено явных грехопадений, кои, как камень, лежат теперь на вашей совести и тяготят душу!

Себе плачите: плачьте и всегда, тем паче ныне, у гроба своего Спасителя и Господа. Ибо чем заплатили вы за бесприкладную любовь Его к вам, недостойным? Какое употребление сделали из

святых обетований и заповедей Его? На какой кумир земной не меняли безумно Евангелия и Креста Его? Какую самую ничтожную выгоду земную не предпочитали делу вашего спасения?

Плачите убо себе и чад ваших. Плачите и чад, потому что они зачаты вами в беззакониях и рождены во грехах; потому что вместо примера добра вы служили для них нередко в соблазн и претыкание и, собирая для них наследие на земли, не приготовили им ничего на небе.

Плачитесь и чад ваших, кои, оставив дом родительский, не вынесли из него с собою ни чистоты духа, ни чистоты тела, кои, преуспевая в познаниях мудрости земной, небрегут об уроках мудрости небесной, кои от малых лет быв преданы на жертву обычаям иноземным, сделались чуждыми между своих, хладными к вере и преданиям отцов.

Плачите себе и чад ваших: ибо при таком несчастном положении вещей что ожидает вас и чад ваших в будущем? Ожидает гнев Божий на земле и на небе; ожидает расстройство здоровья, превращение благосостояния домашнего и всех отношений семейных; ожидают взаимные распри, плач и горечь...

Себе убо плачите и чад ваших: плачите теперь, когда приемлются наши слезы и отираются рукою милосердного Спасителя, дабы не плакать вечно после, когда они не будут более приемлемы и когда плачущие напрасно будут вопиять к горам: *падите на ны, и к холмам: покройте ны* от лица грядущего гнева (Лк. 23, 30)! Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ПЯТОК

Вы слушали сейчас, братие мои, страшную повесть страданий Богочеловека. Се пред очами вашими самое изображение Божественного Страдальца, снятого уже со Креста и почивающего во гробе. После сего и о нас подобает рещи то же самое, что апостол Павел вещал некогда о христианах церкви Галатийской: *имже пред очима Иисус Христос преднаписан бысть, в вас распят* (Гал. 3, 1)!

Для чего убо Святая Церковь приближает таким образом не только к слуху, но и к самому зрению каждого из нас страдания и Крест Господа нашего? Для того, без сомнения, чтобы каждый из нас, пораженный сею близостию, оставил теперь прочие занятия и обратил все внимание на Спасителя и Господа своего, — для того, чтобы каждый сам вступил ныне в непосредственную беседу с Ним. Да, братие мои, если когда вы можете обойтись без нашего поучения, то в настоящий день; и если мы взошли теперь на сие священное место, то не для обычного собеседования с вами, а чтобы напомнить вам о необходимости вашей собственной беседы со Спасителем вашим. Скажет ли кто-либо, что он неспособен к сему? Увы, со всеми и о всем можем мы беседовать и беседуем сами, а с Господом и Спасителем нашим, с Тем, Кто умер за нас на Кресте, с Ним одним не можем!.. Если действительно есть в ком-либо сия жалкая невозможность, то что значит она? То, что мы бесчувственны и неблаго-

дарны к нашему Спасителю, что мы никогда не думали как должно о своем отношении к Нему, не обращали души и сердца ко Кресту Его: если смотрели на Него иногда, то смотрели как на простое зрелище; если поклонялись Ему, то подобно тому, как поклоняется язычник своим рукотворенным изваяниям. Нет, Крест Христов не подобен сим бездушным изваяниям; он весь облит Кровию живоносною, которая, по уверению апостола, стократ лучше глаголет, *нежели кровь Авеля* праведного (ср.: Евр. 12, 24). Распятый на сем Кресте Господь наш, хотя почивает теперь яко мертв во гробе, но Он мертв для неверующих иудеев, а для тебя, христианин, Он и во гробе есть Божия сила и Божия Премудрость. Премудрость ли Божия не даст ответа нам, если только будем вопрошать ее с верою и смирением?

Итак, кто бы ты ни был, возлюбленный слушатель, первый мудрец или последний невежда, самый великий и важный в мире человек или самый незначайший член общества человеческого, стань у гроба Господа своего и начни беседу с Ним. Спроси, во-первых, откуда этот Крест и гроб, для чего Сын Божий претерпел столько ужасных страданий, подвергся смерти и погребению, скажи с пророком: *Кто сей, пришедший от Едома, и почто червлены ризы Его, яко от Восора?* (ср.: Ис. 63, 1, 2). Скажи и внемли, как он гласом того же пророка отвечает тебе, *яко день воздаяния прииде, лето избавления приспе* (Ис. 63, 4); настал, то есть, давно предсказанный

час искупления рода человеческого, пришло время удовлетворить за грехи его правде небесной и примирить его с Богом: сего ради — *не ходатай, ниже Ангел, но Сам Господь спасе нас* (ср.: Ис. 63, 9), спасе не благовестием токмо слова, не поданием токмо примера благого, как могли бы служить ко спасению и подобные нам человеки, а соделавшись за нас умиловительною жертвою, подъяв за нас самую смерть, коей подлежали мы все, яко преступники закона Божия.

Желаешь ли знать, кто требовал столь великой жертвы за грехи? И он гласом святого Павла отвечает тебе (см.: Рим. 3, 22–24), что сего требовала правда Божия, нашими грехами раздраженная, что без сей очистительной жертвы мы не могли быть терпимы неприступною для грешников святостию существа Божия, что без сего торжественного удовлетворения закону весь порядок мира нравственного потерял бы свою силу и непреложность.

Вопроси далее с верою и любовью, что должно после сего делать человеку, искупленному от грехов и проклятия столь великою ценою, — что должно делать тебе самому, чтобы страдания и смерть Сына Божия не остались для тебя бесплодными? Ибо не может же быть, чтобы Кровь, пролиянная на Голгофе, омывала и освящала каждого и нехотящего, против нашей, так сказать, воли. И Господь, гласом того же апостола, скажет тебе, что для сего необходимы с нашей стороны, во-первых, живая вера в Божественные заслуги и ходатайственную смерть Его за нас

(см.: Еф. 2, 8), а во-вторых, — жизнь по сей вере, то есть жизнь чистая, праведная и богоугодная (см.: Еф. 4, 20–23), что без покаяния во грехах, без исправления нашего сердца и нравов благодатию Духа Святого, и смерть Спасителя останется без всякого плода для нас и не только не спасет нас от гнева небесного, а послужит к вящему нашему осуждению (см.: Евр. 6, 4–9).

Приняв с благоговением сии вещания от гроба Господня, обратись потом, возлюбленный слушатель, к своей совести и своей жизни и рассмотри: есть ли в тебе подобная вера в Спасителя и есть ли жизнь, достойная сей веры? Так ли ты мыслишь, желаешь и действуешь, как прилично христианину и как предписал тебе мыслить, желать и действовать Спаситель твой? И если окажется, что дело спасения в тебе еще и не начиналось, или и зачалось когда-либо, но потом забыто и оставлено, то подумай, что ожидает тебя, за которого умер Сам Сын Божий, и который, однако же, о сей смерти Его не думаешь, как бы ее не было, или бы она не касалась тебя, или составляла нечто неважное. Если мысль о толикой с твоей стороны неблагодарности к Искупителю твоему и представление ужасной участи, которая ожидает презрителей Крови Сына Божия, тронет тебя (а как не тронуть, если у тебя есть сердце?); когда ты увидишь, что нельзя более продолжать тебе своего преступного равнодушия к смерти Искупителя, за тебя подъятой; что непременно надобно сообразить с нею жизнь свою, то обратись паки к своей совести и спроси сам себя, что нужно тебе сделать и делать отселе,

как вести себя, что оставить, что изменить, дабы престать быть христианином по одному имени. Сообразив все это, решившись на жизнь христианскую, стань у гроба Спасителя твоего, призови на помощь благодать Его, дай обет быть верным совести и Евангелию; и иди в дом твой, иди и, снова размыслив, снова призвав Господа на помощь, немедленно начинай дело спасения своего — в твердой уверенности, что Господь не оставит тебя ни вразумлением, ни утешением, ни успехом благословенным.

Се, братие мои, предмет для собственного собеседования каждому из нас с почивающим во гробе Господом нашим! Се текст для проповеди, которую каждый должен сказать ныне сам себе! Видите, что должно быть и заключением сея проповеди! Это заключение, не как в наших проповедях, должно состоять не из слов, а из дел. От сея проповеди должна измениться вся наша жизнь. Если вы займетесь сим важным предметом сей же час, как должно, то не будете иметь нужды в нашем поучении, сами скоро сделаетесь в состоянии учить и назидать других; а если не обратите на сие внимание, если ограничитесь и ныне, как и прежде, обыкновенным слушанием песнопений и чтений церковных, несколькими поклонениями пред Святой Плащаницею и мимолетными воздыханиями, то хотя бы Ангел с неба сшел и возглагодал к нам, мы не получим плода от его проповеди; и при всех наших благих по-видимому мыслях и чувствах, при всех наших поклонениях и даже слезах, останемся теми же, что были, грешниками с прежними

страстями в душе и язвами в совести. Посему собственным спасением вашим умоляем вас, братие, размыслить у сего гроба о том, к чему мы призывали вас, размыслить не поверхностно, не мимоходом, а так, как бы дело шло о вашей жизни и смерти: ибо точно здесь дело идет о жизни и смерти нашей, — жизни некончаемой, смерти вечной. Здесь, в сем гробе, или наше вечное оправдание, или наше вечное же осуждение: отсюда путь или в рай, или в ад! Выбирай любое; но одно из двух непременно избрать должен!

В самом деле, братие мои, если правосудие земное не оставляет без отмщения смерти и обыкновенного человека, то оставит ли без возмездия правосудие небесное Кровь Сына Божия, если мы окажемся ее презрителями? — Теперь можно, пожалуй, ограничиваться одним преклонением главы пред лежащим во гробе Судиею нашим, одним хладным лобзанием изображения язв Его; можно, пожалуй, взглянуть на них с равнодушием и отойти с надменным видом вольнодумца; можно чувствовать, думать и делать у сего гроба, что угодно: Лежащий в нем, подобно обыкновенным мертвецам, не скажет теперь ничего; но надобно явиться пред Сего Мертвеца и тогда, когда Он будет уже не во гробе, а на Престоле славы и всемогущества; надобно будет пред Ним дать отчет там, где окружают Его уже не смиренные служители алтаря, а Херувимы и Серафимы. *Имеяй уши слышати* и ум внимати, *да слышит* (ср.: Мф. 11, 15) и да внимает! Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ПЯТОК

Есть же обычай, да единого вам отпущу на Пасху: хотите ли убо, да отпущу вам Царя Иудейска? Возопиша же вси, глаголюще: не Сего, но Варавву, бе же Варавва разбойник.

Ин. 18, 39—40

Вот наконец среди незаконного суда над Иисусом и глас о Нем народа, — тот глас, в пользу коего ныне по разным странам столько лживых и безумных возгласов! Вот наконец и приговор над Иисусом так называемого свободного собрания общественного, — тот приговор, мнимым беспристрастием коего так жалко прельщаются целые царства и народы! — И Пилат, подобно нынешним мудрецам, уверен был в превосходстве добродетели пред пороком, почему и почитал совершенно достаточным поставить только невинного Иисуса пред народным собранием наряду с Вараввою, дабы спасти Его от казни крестной; но что вышло? Вместо гласа Божия, каковым привыкли иногда называть глас народа, из уст иудеев раздался ужасный голос духа злобы: *не Сего, но Варавву!*..

Остановитесь, несчастные избиратели! Что сделал вам Пророк Галилейский, что вы осуждаете Его так безжалостно на смерть? Не Он ли отверзал очи вашим слепцам, исцелял ваших прокаженных, изгонял бесов, воскрешал мертвых? Не Он ли поучал всех и каждого путям живота вечного? С другой стороны, чем заслужил вашу любовь и предпочтение пред Иисусом Варавва?

Не от него ли столько времени трепетали грады и мирные веси? Не его ли проклинаят доселе за разбой и убийства жены, лишённые супругов, матери, обесчадевшие от детей? Не вы ли сами, наконец, молитесь ежедневно и в храме, и в домах ваших о пришествии Мессии, Который стоит теперь пред вами, ожидая вашего приговора?

Никто и ничего не может сказать напротив; и однако же все вопиют: *не Сего, но Вававву!* Почему? Потому что Божественное лицо и святое учение Иисусово не приходится по страстям и народным предрассудкам иудейским; потому что Он не удовлетворяет и не показывает желания удовлетворить тем мечтательным ожиданиям, кои каждый создал в уме своем касательно лица и действий Мессии.

Нет сомнения, что несчастные избиратели иудейские следовали в сем случае даже не собственному, хотя бы и ошибочному, мнению, а чуждому наущению; нет сомнения, что фарисеями и книжниками внушено им теперь о лице и действиях Иисуса множество самых превратных понятий: что Он *друг мытарем и грешником* (Мф. 11, 19); что Он *не хранит субботы* (Ин. 9, 16); что если *изгонит бесы*, то о *Веельзевуле, князе бесовстем* (Мф. 12, 24); что если бы даже был невинен, то *уне есть, да един человек умрет за люди, а не весь язык погибнет* (Ин. 11, 50) — от мести грозных римлян, в случае признания Его за Мессию и Царя Иудейского. Но, братия мои, лучшим ли от всего этого делается незаконный приговор, который народное собрание иудейское произнесло теперь над Иисусом? Менее

ли отвращения и ужаса внушает к себе это злостное ослепление общественное? — Если Сын Божий, Спаситель человеков, отданный на суд народного мнения, не мог найти у него Себе предпочтения пред Вараввою и осужден на смерть, то какая невинность и какая добродетель могут быть уверены, что глас ослепленного народа не принесет их в жертву если не своим, то чуждым страстям и прихотям?

Итак, видите, когда и где явилась уже во всей силе слепота мнений и приговоров народных, коим лжеименная мудрость возмнила ныне подчинить благоустройство обществ человеческих! Вопрос о сем решен еще на Голгофе, среди суда над Спасителем мира. — И что видим у тех народов, кои в недавние дни, возревновав примеру Пилата, имели безумие отдать общественное благо свое на мнение и суд всех и каждого? Сколько людей мудрых и добродетельных променено уже на Варавв и разбойников! Но иудеи, при всем ослеплении своем, все еще показали себя разумнее мудрецов нынешнего века: они испросили токмо свободу Варавве, но не ставили его во главу и вождя над собою. А в наши несчастные времена Вараввы (см.: Мф. 27, 16–26) из темниц прямо идут восседать на лифостротот¹ не¹ и неомытыми от крови руками берут нагло жезл всенародного правления!..

Возблагодарим, братья мои, Господа за то, что мы далеки от сих безумных шатаний ума превратного, далеки и по месту, а еще более по

¹ Лифостротон — каменный помост перед дворцом римского прокуратора в Иерусалиме, на котором производился суд.

духу, который господствует в благословенном Отечестве нашем. А между тем, собравшись ныне у подножия распятого Спасителя нашего, Который пришел *умиротворить Крестом Своим всяческая* (ср.: Кол. 1, 20), размыслим о том, *яже христианину, при настоящих обстоятельствах, подобает творити* (ср.: Мф. 23, 23), яко богоугодная и потому душеполезная, и *яже отменить*, яко богопротивная и потому душевредная.

Что волнует и мятет ныне несчастные царства и народы? Мысль, каким образом наилучше устроить общество человеческое, кому вручить в нем власть и силу: Единому или всем и каждому?

Прежде всего, заметим, братия мои, что самый вопрос сей в очах истинного христианина есть уже безверие и богохульство. Как будто Промысл Божий, *без воли коего не падает с главы нашей ни единого волоса* (ср.: Лк. 21, 18), мог оставить судьбу целых царств на произвол случая и не явил вседержавной воли своей о том, как и от кого им быть управляемыми? Не со всею ли ясностию сказано в слове Божиим, что Сам *Вышний владеет царством человеческим, и ему же восхощет, даст е* (Дан. 4, 22)? Не Сам ли Бог глаголет устами премудрого [Соломона]: *Мною царие царствуют и сильнии пишут правду* (Притч. 8, 15)? Не Сам ли Он посему воспретил всякое послушание власти предержащей, говоря: *несть власть, аще не от Бога; темже противляющийся власти Божией повелению противляется* (Рим. 13, 1, 2)? Что же после сего недоумевать и вопрошать о том, что решено и утверждено Самим Богом?

Но вообразим на время, что жребий царств и образ управления народов отдан на произвол самих людей: какому примеру всего лучше последовать в избрании его, как не примеру Самого Бога? Ибо царства человеческие, очевидно, не могут иметь учреждения лучше того, как учреждено Царство Божие. Но оно учреждено так, что везде в нем видны не только строгий порядок и подчиненность, но и единодержавие.

Чтобы совершенно убедиться в сем, пройдем мыслью по неизмеримому Царству Божию и, первое всего, взойдем, хотя и недостойные, на небо. Видите ли несчетные сонмы Херувимов и Серафимов, неизмеримые лики Архангелов и Ангелов? Все светлы, все чисты, все могущественны, все блаженны: но все хранят неизменяемый порядок и подчиненность. Низшие приемлют озарение от высших, высшие — от высочайших, сии — от первых и старейших; и все *соединены* навеки *под* единою главою — Единородным Сыном Божиим (ср.: Еф. 1, 10), Который есть Владыка Херувимов и Серафимов, Началовождь Архангелов и Ангелов.

Не подобный ли порядок и чин усматриваются и на видимом нами небе? В середине — Солнце, яко глава и царь; вокруг его, по непреложным законам, вращаются планеты; за ними текут спутники, или луны. Самые кометы, в их своеобразном беге, соблюдают зависимость свою от солнца: к нему единому возвращаются и от него единого, как бы получив новое назначение, уходят. Нарушья этот порядок — сия строгая подчиненность хотя на одну минуту, и весь мир наш сотрясется в самых основаниях своих.

Сойдем с неба на землю и посмотрим, что на ней. Здесь, после падения владыки земли, злополучного прародителя нашего, нет уже первобытного совершенства и согласия; и однако же везде является зависимость и подчиненность низшего высшему, везде закон единства. Нет между тварями земными ни одного большего или меньшего отделения, которое не представляло бы собою некоего вида иерархии, почему самому и называются они не безглавыми обществами, а царствами, в коих существа, одаренные превосходнейшими качествами, именуются даже царями.

Посмотрим ли при сем на самого человека: в теле его множество членов, но всеми управляет глава, и она едина. В душе его множество способностей, но над всеми царствует ум, и он един.

Между дикими животными господствует на земле безначалие и равенство: зато ни одно из них не может сретиться с другим живым существом, чтобы не нанести или не потерпеть смерти, по крайней мере, — вреда и страха.

Сойдем, наконец, мыслию, при свете слова Божия, даже во ад (да дарует Господь, чтобы мы сходили туда одною мыслию, и для того именно, чтобы не сойти туда когда-либо на самом деле!). Где более мятежа и безначалия, как во аде? Ибо отчего и произошли ад и геенна, как не вследствие мятежа на небе Ангелов против Вседержителя? Но и духи злобы поняли, что при совершенном равенстве и безначалии не может существовать никакое общество: и вот те, кои на небе не захотели повиноваться Всемогущему Творцу и Благодетелю, во аде должны раболепствовать пред велениями сатаны-всегубителя!..

Видите теперь, чем держится весь мир, видимый и невидимый? Он держится повиновением и подчиненностью. Видите, прежде всего, какой главный закон господствует в Царстве Божием? Закон порядка и единодержавия. Как же после сего думать и утверждать, что царства человеческие могут существовать иначе, нежели как существует Царство Божие? Тем паче, когда устав царств земных изречен Самим Владыкою неба и земли?

Посмотрим теперь на мир Божий с другой стороны. Явно, что он не таков, каким вышел из рук Творца, что в него вкралось зло, вредящее его совершенству и блаженству тварей. Поелику зло это не могло быть от Бога, то откуда произошло оно? От злоупотребления той самой свободой, которую так неразумно ставят ныне во главу угла. Возмутился против Бога на небе Архангел и отторг вместе с собою, как выражается Тайновидец, *третью часть звезд* (Апок. 12, 4), то есть Ангелов. Возмутился в Эдеме против заповеди Божией первозданный человек и, изгнанный из рая сладости, распространил вместе с собою по лицу земли грех и проклятие. Вот откуда зло в мире — от крамолы и мятежа!

Чтобы еще более убедиться в истине всего нами утверждаемого, воззрите, братия мои, наконец, на образ Божественного Страдальца, подлежащий теперь очам нашим! Для чего Сын Божий сошел с неба, претерпел страдания столь ужасные и умер на Кресте? Для того, чтобы примирить небо с землею, удовлетворить за грехи наши правде вечной, возратить нам возможность паки *чадами Божиими быти* (Ин. 1, 12) и

наследниками Царствия Небесного; чтоб вместе с нами восставить и всё чрез нас падшее и возмутившееся и *соединить*, как выражается святой Павел, *под единою главою* (ср.: Еф. 1, 10). Значит, Сын Божий воплотился и пострадал именно для того, дабы Крестом Своим изгладить столь ужасно тяготеющие над нами и всем миром последствия нашего мятежа эдемского. Если бы злополучные прародители наши, прельщенные пагубным советом змия-губителя, не возмечтали *быть яко бози* (Быт. 3, 5) и не восстали дерзновенно против заповеди своего Творца и Благодетеля — то на земле не было бы ни греха и проклятия, ни болезней и смерти; а посему не было бы нужды и в сей ужасной жертве всемирного искупления. Тогда Сын Божий являлся бы среди нас, как является в мире ангельском, — окруженный величием и славою; а теперь видите, чем увенчана Его глава — тернами! Видите, чем украшены Его руце и нозе — язвами гвоздинными! Видите, чем проникнуто Его сердце — копием!

Помни же все сие, христианин, и, подобясь Спасителю твоему, Который, будучи Единородным Сыном Божиим, *не восхищением*, как говорит апостол, *непщева быти равен Богу, но Себе умалив, зрак раба приим, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 7, 8), востекай и ты на высоту и духовную и вещественную, и частную и общественную путем не превозношения и гордыни, а веры, смирения, преданности и любви ко всему, что дано тебе в руководство свыше и поставлено над тобою Самим Богом. Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ

Между священными законами, данными народу израильскому через Моисея, есть закон и на тот случай, когда бы нашлось где-либо на поле тело человека убиенного, а между тем не было бы известно, кто убийца, — в сем случае старейшины ближайшего к мертвецу града должны были собраться к телу его и, по принесении в жертву юницы¹, умыть над главою ее руки и потом сказать над убиенным собратом своим: *руце наша не пролияша крове сея, и очи наши не видели: да не будет кровь неповинна на людех твоих Израиля* (см.: Втор. 21, 1–8)!

И пред нас, братие мои, изнесено, как видите, тело Убиенного; а убийцы нет при Нем! Мы собрались, по-видимому, для оплакания мученической кончины Сего Страдальца. Но это еще не доказательство нашей невинности. А убийцы? Разве они не делают иногда того же, не показывают сожаления, не проливают даже слез над жертвою их злобы?

Можем ли убо стать у сего гроба и, призвав во свидетели Бога, сказать: руки наши не проливали сей крови, и очи наши не видели?

Не проливали сей крови?.. А что же делали эти руки, когда соплетали клевету на брата своего или сеть для обольщения невинности? — Не проливали крови сей? А что же другое делали, когда подписывали приговор, яко преступнику, тому, кто чист руками и сердцем, или составля-

¹ Телушки (церк.-слав.).

ли подлог и неправду в обязательствах и завещаниях? — Не проливали этой крови? А что же проливали, когда поднимались на угрозу бедным и сирым, на заушение тех, кои не могли ничем отвечать нам, кроме вздохов и слез?

Божественный Страдалец предан, умучен и умерщвлен не от кого другого, как от неправд и страстей человеческих: Он вознесен на Крест, яко жертва за грехи всего мира. Итак, чтоб быть невинным в ранах и смерти Его, надобно быть чистым от греха и беззакония. Но где и в ком сия чистота? Вопросим святого Иова, — он отвечает: *кто чист будет от скверны? никто же, аще и един день житие его на земли* (Иов. 14, 4). Спросим святого Давида, — он вопиет: *вси уклонишася и неключими¹ быша; несть творяй благостыню, несть даже до единого* (Пс. 13, 3)! Спросим святого Павла, — он повторяет то же: *вси согрешиша и лишени суть славы Божией* (Рим. 3, 23)! Спросим свою совесть: она говорит еще более, то есть, что мы сами, вопрошающие о сем — есмы если не первые, то далеко и не последние из грешников.

После сего нечего нам с старейшинами израилевыми свидетельствовать о своей невинности. Надобно употребить над сим убиенным Страдальцем те же слова, только в противном смысле, то есть стать у сего гроба и сказать: наши, наши руки наложили сии язвы и пролили сию драгоценную кровь! *Сей грехи наши носят и о нас болезнает* (Ис. 53, 4)! — В Иуде продало Его наше корыстолюбие; в учениках, Его

¹ Непотребными (церк.-слав.).

оставивших, изменило Ему наше легкомыслие; в Пилате осудило Его наше неправосудие и лицепрятие; в разбойнике и книжниках глумились над Ним наше вольномыслие и кощунство; в воинах пронзила Его наша лютость и буйство; в Каиафе запечатали гроб Его наше нечестие и ожесточение: *Сей грехи наши носит и о нас болезнует!*

Без сомнения, Спаситель наш, приняв на Себя неправды наши, никогда не возвергнет их паки на нас: нет, Его любовь и милость к нам нераскаянны! Но когда мы, освобожденные смертью Его от клятвы и казни за грехи наши, снова предаемся беззаконию, то они сами собою паки упадают на нас со всею их тяжестью, и мы снова являемся врагами Богу, виновными в смерти Сына Его, в крови и страданиях возлюбленного Спасителя нашего, еще более виновны, нежели судии, Его распявшие. Ибо они, распиная Его, не знали наверное Его Божественного достоинства: *аще бо быша разумели*, говорит апостол, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). А мы совершенно знаем, Кто Распинаемый, — что Он есть Единородный Сын возлюбленного Отца, сияние славы и образ ипостаси Его. Посему, презирая смерть Его, за нас подъятую, мы подлежим ответу, как Его убийцы.

Подлежать ответу в убийстве Сына Божия! — Чувствуешь ли ты, грешник, весь ужас сей мысли? Чтобы объяснить тебе это, вообрази, что близ дома твоего найден человек убиенный, что этот человек так важен, что все царство не стоит его единого. Представь за сим, что на тебя пало

подозрение (только подозрение) в его убийстве, и правосудие готовится преследовать тебя, как убийцу. В какой бы ты при сем пришел страх! И каких не употребил бы мер, чтобы доказать или свою невинность, или вознаградить, если можно, содеянное? — Но вот убиен, и кто убиен? Не простой человек, а Сын Царя Небесного: мы сами не можем не признать своего участия в Его мученической смерти, и что же мы делаем вследствие сего? Не чувствуем даже важности своего преступления! Ибо если б чувствовали хотя сколько-нибудь, то давно престали б быть рассеянными зрителями сих ран и сего венца тернового. Если бы чувствовали сколько-нибудь, то давно употребили бы все силы и средства на то, чтобы освободиться от грехов, кои делают нас виновными в Крови Спасителя нашего.

Но при всем желании моем я, скажешь, не могу уже возвратить прошедшего: грехи, мною содеянные, вечно останутся грехами. Правда, возлюбленный, что мы с тобою не можем возвратить прошедшего; но можем располагать настоящим, даже будущим, поколику оно имеет перейти в настоящее. Итак, сделаем то, что можем. Грехи и страсти человеческие умучили и вознесли на Крест Спасителя нашего: престанем убо грешить и быть рабами страстей, утвердим волю и желание свои в законе Господнем; начнем служить Богу живому и истинному с тем же усердием, с каким служили доселе миру и страстям своим; сделаем, говорю, все это, и Кровь Сына Божия, пролиянная на Кресте, хотя пролияна от нас, то есть от грехов наших, но не бу-

дет противу нас, а за нас — в наше оправдание, в наше спасение, в нашу добродетель и заслугу; грехи наши останутся и тогда грехами, но разность в том, что коль скоро мы перестанем грешить, то они сделаются как бы чуждыми для нас, ибо их примет на Себя Искупитель наш, примет и изгладит Крестом Своим.

А без сего — жестокий властелин, сколько бы ты ни поклонялся Сему Страдальцу, лютое бичевание, Им претерпенное, — от тебя, который по слепому произволу лютого сердца своего так беспощадно бичуешь подвластных тебе.

А без сего — этот терновый венец — от тебя, гордый и неразумный мудрец, который поставляешь жалкий ум и познания твои в том, чтобы глумиться безумно над предметами веры и нравственности христианской потому токмо, что они выше понятий твоего бедного разума.

А без сего — эта рана в сердце Божественного Страдальца — от тебя, недостойный пастырь Церкви, который, имея права выну входить во святая святых, вносишь туда с собою мерзость запустения душевного, устами и руками совершаешь тайну спасения, а в сердце и мыслях делаешь тайну неправд и беззакония.

А без сего, то есть без исправления жизни и совести, без предания себя в волю Искупителя нашего, без соображения себя с Евангелием и примером Его, что бы мы ни делали, как бы набожны ни казались, все мы пред судом правды Божией обретаемся, яко убийцы сего Божественного Страдальца: на всех нас Кровь Праведника Сего!

Теперь мысль сия легко может казаться неважною для многих: никто не взыскует сей Крови; мы приходим к жертве нашей и отходим, яко невинные. Но так не будет всегда. Настанет время, когда сей же Божественный Страдалец явится судиею всемогущим, когда сии руце вместо Евангелия примут молнию и громы на нераскаянных. Что будет тогда с тобою, бедный грешник? Что речешь? Чем оправдишься? Куда скроешься? Где найдешь покров и защиту? *Страшно есть впасть в руце Бога жива* (Евр. 10, 31)! Сто крат страшнее впасть в сии руце за Кровь Сына Божия!

Познаем же, братие мои, благотворную силу сея святая и страшная тайны! Убоимся самого преизбытка любви Божией к нам недостойным. Окропленные кровию Завета Вечного, отвергнем грех и всякую нечистоту, да причастницы жизни вечныя будем! Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ

Будет с миром погребение Его.

Ис. 57, 2

И будет покой Его честь.

Ис. 11, 10

Евангелист Ветхого Завета, великий провидец Исаия, предызобразив пророчески страдания и смерть Искупителя мира и показав, *какo праведный погине, и никтоже приемлет сердцем* (Ис. 57, 1), потом как бы в мирное довершение печальной картины присовокупляет: *и будет с миром погребение Его!* А в другом месте своих

дивных видений он предсказует еще более, — не только мир при гробе Спасителя, но и славу: *и будет покой Его честь!*

Трудно было исполниться и первому предсказанию пророка, тем труднее — последнему. Можно ли было ожидать мира окрест гроба Иисусова после того, что совершилось у Креста Его на Голгофе? Если дышащих злобою первосвященников и книжников не мог удержать от злохулений и насмешек взор на скончающегося в муках крестных Страдальца, то тем менее можно бы ожидать великодушия и пощады к бездыханному телу Его же, уже умершего. Напротив, почти необходимо надлежало предполагать, что ожесточенная злоба врагов Иисусовых поставит за долг себе обратить священные останки Божественного Страдальца в предмет всенародного поношения, приложит даже попечение о том, чтобы истребить все следы Его существования.

О чести же какой-либо при погребении Иисусовом, казалось, невозможно было и думать. Ибо какая честь Тому, Кто яко мнимый враг Бога и Моисея осужден был кончить жизнь Свою на Кресте среди злодеев? — И кто бы оказал ее? Разве ученики Иисусовы? Но они еще до смерти Учителя, *оставльшие Его, вси бежаша* (Мф. 26, 56). При таких обстоятельствах и то уже было бы приятною неожиданностию, когда бы Пречистое Тело Иисусово не лишено было хотя того, что законом и обычаем предоставлялось телу каждого понесшего казнь смертную.

Но слово святого Провидца не могло пройти мимо. У гроба Иисусова должны были явиться

не только мир, но и честь, Им провиденные, — и они явились — сначала мир, а потом и честь.

В самом деле, посмотрите на погребение Господа в вертограде Иосифовом: что может быть его мирнее? Видя, как небольшое число друзей Его воздает Ему теперь последний долг, можно подумать, что сему погребению предшествовали не ужасы Голгофы, а кончина совершенно мирная и безмятежная. Вечерний покой вертограда если прерывался теперь чем-либо, то разве тихими слезами погребавших, кои вместе с драгоценным миром лиются на тело возлюбленного Учителя и разве некою поспешностию в действии, коей неотложно требовал наступающий покой субботний. Несравненно больше движения и больше шума было недавно при погребении Лазаря; хотя он умер на ложе своем, в объятиях сестер и друзей своих.

Откуда и как явился у гроба Иисусова этот покой неожиданный? Все сделал закон о праздновании дня субботнего, которое наступило вскоре по смерти Господа на Кресте. Этот закон связал собою иначе ничем неукротимую злобу врагов Иисуса; он заставил их удалиться немедленно домой с Голгофы. К тому же самому содействовал и другой закон о пасхе, которую надлежало вкушать в тот вечер. Агнец пасхальный в сем случае оказал услугу Агнцу Божию, закланному на Кресте, отвратив от Него внимание врагов Иисусовых на себя. Мы видели, как они побоялись войти вчера в преторию Пилата, дабы не потерять чистоты, требуемой законом для вкушения пасхи. Тем паче страшно было для

них по закону прикосновение к телу умершего; и вот почему нет никого из них при погребении Иисуса!

Но как же друзья Иисусовы не убоялись сего страха? Разве для них не существовал закон о пасхе и субботе? Существовал и для них; и они выполняют его, сколько можно: ибо о женах, бывших при погребении, замечается, что они не пойдут в субботу, то есть ныне, ко гробу Иисусову для помазания тела Его именно потому, что это противно покою дня субботнего: *в субботу убо умолчала по заповеди* (Лк. 23, 56). Но, с другой стороны, сии погребатели пользуются снисхождением того же закона, или паче обычая народного, коим позволялось ближайшим к умершему лицам погребать его пред самым наступлением суббот и пасх, дабы тело не оставалось непогребенным в продолжение праздника, чего закон не терпел ни под каким видом. В силу сего-то права действуют теперь Иосиф с Никодимом!

Но нас должно удивить в сем случае не столько это обстоятельство, сколько то, откуда и как явились эти погребатели в сие время. Ибо хотя Иосиф с Никодимом давно принадлежали к почитателям и ученикам Иисусовым, но из опасения своих собратьев по синадрию, коего они были членами, никогда не смели выказать сего явно. Теперь же, смотрите, какая перемена! Доколе Иисус был жив и пользовался славою великого чудотворца, когда принадлежать к числу последователей Его составляло даже не малую честь, Иосиф, как говорит Евангелие, был по-таен — *страха ради иудейска* (Ин. 19, 38). А те-

перь, когда Иисус умер на Кресте, когда мнение о Нем превращено и помрачено в уме большей части народа; когда всякий знак любви к Нему, тем паче уважения, отзывался уже изменою синедриону и, следовательно, был крайне опасен: теперь Иосиф является всенародно учеником и почитателем Иисусовым; и не только является таким, но и что делает? Входит к игемону римскому с просьбою взять тело Распятого и, взяв его, погребает с честью. На все это требовалось много мужества; посему-то евангелист и говорит: *дерзнув вниде к Пилату, и проси теле-се Иисусова* (Мк. 15, 43). Дерзнув, то есть отважившись на все. «Пусть, — как бы так рассуждал сам с собою Иосиф, — пусть и Пилат, и синедрион думают о мне, что угодно; пусть преследуют меня мои собратия; а я сделаю свое дело, воздам последний долг моему Учителю». Любовь к Нему и уважение, столько времени сокрываемые в сердце Иосифа, теперь, как поток, долго удерживаемый, проторглись со всею силою. Почему теперь, когда, по-видимому, надлежало ожидать противного? Может быть, причиной такой перемены в Иосифе были и знамения чудесные, происшедшие на Голгофе, кои убедили в святости Иисуса даже сотника римского; но более всего располагало к тому Иосифа самое сердце его, полное любви и уважения ко всему святому и возвышенному. Таковые сердца могут до времени таить, что в них есть доброго, но не могут рано или поздно не стать прямо за истину; и любят обнаруживать себя именно в минуту опасности, когда требуется наиболее самопожертвования, что было теперь и с Иосифом.

Уже во всем этом немало чести для погребаемого. Ибо Тот, Кто яко преступник закона распят на Кресте, будет погребаем с великим усердием, и даже, несмотря на краткость времени и стесненность обстоятельств, с немалым великолепием. Потому что Никодимом одних благовонных ароматов и мастей принесено, *яко литрсто* (Ин. 19, 39), такое, то есть, количество, какое употреблялось при гробе людей самых высоких и богатых. Но всего этого пророчеству мало. Погребается Царь, как провозгласил о том сам Пилат своею надписью на Кресте Иисусове и как не могли того сокрыть, при всем старании, враги Иисусовы, просившие Пилата переменить надпись (см.: Ин. 19, 19–22). У гроба Царя должна быть почетная стража воинская: где взять ее? Этого не могут доставить никакой Иосиф с Никодимом. Будьте покойны: эту стражу доставят сами враги Иисусовы, и таким образом, не думая и не ведая, воздадут Ему честь истинно царскую. Видите ли, ко гробу Иисуса Назарянина уже спешат воины римские, те воины, при имени коих трепещет весь свет, побежденный их оружием и мужеством! Кто послал их? Пилат. Зачем и для чего? Затем, что первосвященники вспомнили теперь пророчество Иисусово о Его воскресении, то пророчество, которое пришло в забвение у самых учеников Его. Вы слышали вчера, как они ходили к Пилату с опасением, чтобы ученики Иисусовы не похитили тела Учителя, как Пилат, хотя — нехотя, дозволил им приставить ко гробу Его кустодию¹,

¹ Стражу.

как первосвященники, не удовольствовавшись сею стражею, положили еще печать на камне, заграждавшем вход в погребальную пещеру. Лукавая и злобная мысль с их стороны была во всем этом: но мы должны смотреть не на то, что делают по безумию своему люди, а на то, что из действий их выходит наконец по распоряжению Промысла. Каиафе думалось и хотелось кустодиею и печатию своею положить конец благой памяти о Иисусе, а на самом деле все это послужило к большей Его чести и прославлению. Ибо не будь при гробе Иисусовом стражи римской, не лежи на камне печать — тогда Воскресение Иисусово не было бы так достоверно и несомненно. И не Каиафа мог бы сказать тогда: что удивительного, если тела не нашлось в гробе? — Его взяли ученики ночью, так как это крайне легко было сделать. Но теперь нельзя уже сказать ничего подобного. Сами стерегли, сами печатали: стража и печати целы, а Погребенного нет. Где же Он? Воскрес, как Сам прорицал о том и как свидетельствуют о том же бывшие на страже у гроба воины. Для врагов Иисуса, как справедливо возглашает и Святая Церковь, осталось после сего одно из двух — или *Погребенного да дадят*, или *Воскресшему да поклонятся!*¹

Ибудет покой Его честь. Одного, по-видимому, недоставало к сей чести теперь — того, что при погребении Иисуса не присутствовал никто из ближайших учеников Его. Но самый этот недостаток служил к полноте: ибо показывал, что без

¹ Стихирь Осмогласника, глас 2-й, на утрени во вторник 3-й седмицы по Пасхе.

чрезвычайного тайного предраспоряжения свыше Тело Господа имело остаться вовсе без погребения. С другой стороны, присутствие теперь в вертограде погребальном учеников Иисусовых нисколько не придало бы важности действию. Ибо что удивительного, что ученик погребает учителя? Даже могло бы некоторым образом ослабить будущее действие воскресения и дать повод врагам Иисусовым — в подкрепление клеветы — указывать на то, что Он и погребаем был собственными Его учениками. Но теперь нет места подозрениям: из учеников никого не было при погребении, не было, впрочем, не по холодности и недостатку любви к Учителю, а, между прочим, потому, что Он Сам предварительно запретил им вдаваться во время смерти Его, без особой нужды, в опасность. Зато они все окажут любовь свою другим, лучшим образом, — тем, то есть, что каждый — в свое время и в своем месте — положит за Него душу свою.

Таким образом, в час погребения Господня все благорасположилось так, что священнодействие сие, вопреки всякого ожидания, произошло не только в тишине и мире, — *и будет с миром погребение Его* (Ис. 57, 2), — но и с особенною честью: *и будет покой Его честь!* (Ис. 11, 10). А это все потому, что после смерти на Кресте, — когда Самим Страдальцем провозглашено: *совершишася* (Ин. 19, 30)! — не было уже нужды ни в новых ранах, ни в новом уважении и бесчестии. К чему они теперь? Крестом и смертью Богочеловека окончено и совершено все, что было необходимо для нашего спасения: рукопи-

сание грехов человеческих изглаждено; правда и закон удовлетворены; слава Божия восстановлена; благодать и Царство для рода человеческого заслужены. Вместе с сим долженствовало кончиться и уничиженное состояние нашего Искупителя и уступить место состоянию славы и величия, которое и началось теперь у самого Его гроба: *и будет покой Его честь!*

Признаем убо с благоговением, братие мои, что гроб Иисусов, подобно Кресту Его, окружен был своего рода знаменами, кои тем отраднее для сердца, что являются совершенно неожиданно и в ту пору, которую Сам Спаситель называл *годиною и областию темною* (Лк. 22, 53). Возблагодарим пред сими знаменами и почерпнем из гроба Иисусова дух веры и терпения, дух мужества и упования на Промысл Божий, никогда не оставляющий верных рабов Своих и среди самой тьмы страстей человеческих блюдуций их, яко зеницу ока. Если мы верные последователи Иисуса распятого, и дух Его живет в нас, то истина и правда должны быть для нас дороже всего на свете; а кто дорожит, таким образом, правдою и истиною, тот редко не подлежит вражде и гонениям от мира. Но что бы ни делала с нами злоба человеческая, хотя бы возносила на крест, хотя бы самый гроб наш печатала печатью Каиафы, доколе мы верны Господу, дотоле, несмотря на все, мы совершенно безопасны: ибо Господь и Владыка наш не подобен земным покровителям и заступникам, коих вся сила кончается и исчезает у гроба. Нет, Он обладает и мертвыми так же, как живыми, или лучше сказать, пред Ним нет мертвых, все живы; действие

Его могущества во всей силе, можно сказать, и открывается токмо за пределами сей жизни, которая сама во многом еще отдана на произвол страстей человеческих. Посему, оканчивая слово наше над сею Плащаницею Спасителя нашего, и мы скажем вам Его же собственными словами: *не убойтесь убо от убивающих тело, души же не могущих убить. Убойтесь же Могущаго и тело, и душу воврець¹ в геенну огненную: ей, глаголем вам, Того убойтесь* (ср.: Мф. 10, 28; ср.: Лк. 12, 4–5)! Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ²

Ныне, возлюбленные, день погребения Господа, день великий и священнотайный. Важен был седьмой день творения, ибо в него, как поведает Моисей, *почи Бог от всех дел Своих, яже сотвори* (Быт. 2, 3) в предшествующие шесть дней. Настоящая суббота еще важнее, ибо в нее почил от Своих дел Сын Божий по совершении всех дел посольства Своего на земли, после *второго* творения. Первое творение было делом одного всемогущества: *рече, и быша, повеле, и создаша* (Пс. 32, 9; ср.: Быт., гл. 1–2). Второе творение было уже делом не одного всемогущества, а всех совершенств Божиих, преимущественно свободы и любви. Первое творение не стоило никакого усилия Творцу, второе стоило великих усилий Сыну Божию, и что я говорю: усилий? — стоило

¹ Ввергнуть (церк.-слав.).

² Печатано с рукописи. — Примеч. изд. 1873 г.

мучений — самых ужасных, смерти — самой лютой. Велик убо настоящий день покоя, священнотайно пребывание Его во гробе.

Деятельность Сына Божия по видимому вся прекратилась с Его смертью на Кресте: тело Его, подобно прочим мертвецам, соделалось бездушным, недвижимым, ничего не чувствующим: так Он снят со Креста, так помазан мастьми благовонными, так погребен, так запечатан в Своем гробе. Но когда видимо все прекратилось, невидимо в ту же пору все началось. Послушайте, как изображает Святая Церковь эту новую, незримую, великую деятельность почивающего во гробе Господа: *Во гробе плотски, во аде же с душою яко Бог, в рай же с разбойником, и на Престоле был еси со Отцем и Духом, вся исполняяй, Неописанный!*¹

Вот что делал и где был Почивавший в малом вертограде и еще в меньшем гробе Иосифове! Настоящий день был для Него днем покоя по плоти, но величайшей деятельности по духу и Божеству. Измученная плоть осталась во гробе, не разлучаясь с Божеством, ее проникавшим. Пресвятая душа, также не разлучаясь Божества, сошла во ад для возведения оттуда всего, способного взойти горé. Дух, исполненный Божеством, явился в раю, куда вошел, едва ли не первый, благоразумный разбойник. Наконец, Божество Сына пребывало, как и всегда, на Престоле со Отцем и Духом. Подлинно, исполнено деятельностью и присутствием Богочеловека все и вся.

¹ См.: Тропарь 1-й, из последования часов Святой Пасхи и всей Светлой седмицы.

Но наполнено ли, возлюбленный, Господом наше с тобою сердце? Что там: рай или ад? Без Господа и Его благодати и рай — не рай, а с Господом и Его благодатию и ад будет не ад. Если внутри тебя, в душе твоей, произрастают древа райские — добродетели и вера, то благодари Почивающего во гробе: это Его насаждение, — благодари и приими Его в своем рае, как Иосиф в вертограде, представь Ему твое сердце вместо лежа погребального. Если же ты, по несчастию, допустил в душу свою пламень страстей, неумирающий червь самолюбия и похотей, хлад и тар-тар сребролюбия и бесчувствия, — то будь уверен, что Он посетит ныне и твой внутренний ад, ты услышишь от Него — в совести твоей — слово жизни, воззывающее тебя из бездны, в коей находишься. Не пренебреги, возлюбленный, ее гласом, в каком бы виде ты ни услышал слово спасения. Если когда благовременно выходить через покаяние из внутреннего ада, то в нынешний день, когда Спаситель изводит из ада даже и тех нераскаянных в свое время грешников, кои противились проповеди Ноя, егда ожидаше их Божие долготерпение пред потопом. Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ

Не знаем, братие, куда ваши мысли склоняются от сей Плащаницы, а наши — к нашему собственному гробу. И наша жизнь, думается нам, так пройдет, как прошла теперь Четыредесятница; и для каждого из нас на-

ступит потом Великий Пяток смерти; а за сим Великая Суббота успокоения в недрах земли, — великая — по самому продолжению ее для нас. Ибо Господь нисшел во гроб токмо на три дня; а нам долго, долго надобно будет оставаться под землею. Размышление о сем так полезно для души нашей, что иные из добрых христиан почитают за долг иметь у себя наготове и на виду свои гробы, а мы, по крайней мере, в настоящий день перенесемся мыслию к нашему гробу и посмотрим, что будет тогда с нами.

И на нашу главу, когда мы будем лежать во гробе, возложат венец; ибо Церковь не лишает самого последнего из сынов своих сего знака окончания подвигов земных. Из чего бы вы хотели, чтобы составился для вас венец сей? Из роз и крїнов¹ райских? Пусть украшаются ими достойные! Что касается до нас, то лучше, чтобы этот венец, подобно венцу Спасителя, соплетен был из тернов, то есть из скорбей и лишений, кои понесены во имя Его. Доколе мы ходим во плоти, эти терны противны нашему внешнему человеку, ибо бодут² главу его: а в час смерти — это наилучшее украшение для души! По сим священным тернам на главе Ангелы Божии всего скорее признают нас за истинных последователей Распятого и отверзут нам рай, стяжанный Крестом Его.

Будут, вероятно, на нас во гробе нашем и язвы. О, если бы они происходили не от одной руки врача и не от свирепости токмо болезни! Если

¹ Лилий (от *греч.* κρίνον).

² Уязвляют.

бы между сими ранами нашлось хотя несколько из тех язв, коими хвалился некогда святой Павел, говоря: *аз язвы Господа Иисуса на теле моем ношу* (Гал. 6, 17)! Увы, и мы носим в продолжение нашей жизни многие язвы, и душевные, и телесные, но их нельзя назвать Господними! — Ибо кто их возлагает на нас? Или собственная наша плоть с ее страстями и невоздержанием, или мир за наше раболепство его безумным правилам и прихотям. Не с такими язвами являться пред Господа! Их должно врачевать покаянием, доколе есмы на земли живых.

Явятся, вероятно, и при нашем гробе какой-либо Иосиф с Никодимом для воздания нам долга последнего. Кто бы ни были они, да покажут свое усердие к нам и да почтут память нашу не множеством ароматов, не напрасными издержками на украшение гроба и могилы нашей, а усугублением о грехах наших молитв Церкви и дел благотворения. Ибо что пользы для души в пышности убранств надгробных? Пред Престолом Судии всевидящего для ней нужен будет не тленный покров из золота и серебра, коим покрываются гробы, а драгоценная риза заслуг Христовых, единая могущая прикрыть наготу духовную.

Наконец и наш гроб, подобно гробу Спасителя нашего, будет запечатан печатью. Благодарение Господу, что это уже печать не Каиафы, а матери нашей, Святой Церкви! Но чтобы сия священная печать ее имела над нами всю силу и могла хранить прах наш неприступным для духов злобы поднебесной, для сего требуется, чтобы мы в продолжение жизни сохранили нерушимо ту пе-

чать освящения, коею она же, Святая Церковь, запечатлела нас при купели Крещения, и чтобы поступали во всем, как истинные и верные чада ее. А если мы будем христианами только по имени, небрежа о исполнении святых уставов Церкви, если в нас не будет внутреннего душевного союза, родственного пособия и единого духа с сею нашею Материю, то святая печать ее не будет иметь силы над гробом нашим, спадет с него, как спадают печати с веществ, не могущих держать их на себе.

Таковы, братие мои, мысли, с коими стояли мы утром над сею Плащаницею, воспевая песни исходные Зиждителю нашего спасения. Кто хочет, пусть разделит их с нами и продолжит их для себя. У гроба Спасителя после Его смерти ни о чем так ближе и приличнее нельзя помышлять, как о конце собственного жития на земли. Аминь.

СЛОВО В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ¹

Есть на нынешний день проповедь, которую никто на земле не слышал и слышать не будет, никто на земле не читал и читать не будет, которая однако же достойна того, чтобы пред нею возблагововели и земля, и самое небо.

Какая это проповедь? Та, о коей свидетельствует святой апостол Петр в своем Послании. *Христос, пишет он, единою о гресех наших пострада, праведник за неправедники, да приведет*

¹ Печатано с рукописи. — Примеч. изд. 1873 г.

ны Богови, умерщвлен убо быв плотию, ожив же духом, о немже и сущим в темнице духовом сошед пропева, противлившимся иногда, егда ожидаше Божие долготерпение, во дни Ноевы (1 Пет. 3, 18–20), да суд убо примут по человеку плотию, поживут же по Бозе духом (1 Пет. 4, 6).

Видите теперь, кто говорил в нынешний день проповедь? Сам Господь и Спаситель наш, умерший за нас на Кресте.

Видите, где говорена она? Во аде, когда по разлучении пречистой души Его от тела Он сошел духом Своим в это узилище душ умерших.

Видите, кто были слушателями сей проповеди, — души несчастных современников Ноевых, кои противились Божию долготерпению, когда проповедовал Ной и угрожал от лица Божия потопом.

Видите, наконец, какая цель была этой единственной проповеди — чтобы эти несчастные, понесши суд и наказание и волнами потопными и заключением трехтысящелетним в аде, воспользовались нисшествием в него Спасителя и ожили по Богу духом.

Будем ли ожидать, чтобы и нам когда-либо, подобно современникам Ноевым, произнесена была проповедь уже не на земле, а во аде?

Но возлюбленный Спаситель наш, Который един *имеет ключи ада и смерти* (Откр. 1, 18), *раз только*, по уверению слова Божия, сходил во ад со Креста в день настоящий (см.: 1 Пет. 3, 18–19; Рим. 14, 9).

Будем ли воображать, что Он для нас паки сойдет туда уже не со Креста, а с Престола сла-

вы Своя? Нет, Он явится всем уже тогда, как предстанет пред Ним на Суд весь род человеческий, в конце мира; явится уже не для проповеди, а для произнесения Суда последнего.

Будем убо содевать спасение свое на земли: будем пользоваться теми средствами, кои предоставлены нам ко спасению в слове Божиим и Таинствах Святой Церкви. Кто может сказать, что сих средств недостаточно? — Посему к тому, который, живя среди сих средств, погубит нерадением душу свою, к тому со всею силою и справедливостию должны быть обращены слова — к древнему Израилю: «Погибель твоя, Израиль, от тебе бысть» (ср.: Ос. 13, 9).

От чего да спасет всех нас умерший для спасения нашего Господь! Аминь.

Молитва святого Ефрема Сирина

СЛОВО В СРЕДУ 1-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Господи и Владыко живота моего, дух
праздности, уныния, любоначалия и празд-
нословия не даждь ми!*

*Дух же целомудрия, смиренномудрия, тер-
пения и любви даруй ми, рабу Твоему!*

*Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя пре-
грешения и не осуждати брата моего, яко
благословен еси во веки веков!*

Не без особенной причины, братие мои, мо-
литва сия так усвоена Святому и Великому по-
сту, что многократно повторяется на каждом бо-
гослужении. Без сомнения, это сделано Святой
Церковью потому, что, при всей краткости сей
молитвы, в ней сокрыто великое богатство свя-
тых мыслей и чувств и весьма ясно изображены
наши нужды духовные. Посему мы поступим
сообразно намерению Святой Церкви и нашей
духовной пользе, если обратим сию молитву в
предмет наших собеседований и рассмотрим по-
рознь каждое прошение, в ней заключающееся.
Таким образом откроется пред нами целый ряд
святых добродетелей, коими должно украшать
свою душу каждому, и явится целое темное пол-

чище грехов и пороков, от коих надобно беречь свое сердце.

И без напоминания, вероятно, известно многим, что это молитва святого Ефрема Сирина¹. В дополнение к сему скажем, что святой Ефрем принадлежит к числу величайших подвижников благочестия, кои украшали собою древнюю Церковь христианскую. Человек он был по плоти, но ангел по духу и совершенствам. От самых юных лет святой Ефрем оставил мир и вселился в пустыню, где долговременное пребывание, без наставников, соделало его учителем Востока и светилom вселенной. Самым любимым предметом и созерцаний, и поучений Ефремовых было покаяние. Церковь Сирская, к коей принадлежал он по месту обитания, имела в нем все — и учителя веры, и обличителя нравов, и питателя во время глада, и чудотворного врача от болезней, и защитника от еретиков и язычников. Всеобщее уважение за все сии добродетели еще при жизни святого подвижника простиралось до того, что поучения его читались по церквам непосредственно за Святым Писанием.

Из такого-то ума и сердца проистекла молитва, нами рассматриваемая, — из ума богопросвещенного, из сердца, пламеневшего любовью к Богу и ближним, совершенно очищенного и освященного благодатию.

И в молитве своей, как в душе и жизни, святой Ефрем прост и безыскусствен. Он молится и располагает всех нас молить Господа, во-первых,

¹ Церковь чтит память прп. Ефрема Сирина († 373–379), иеродиакона Едесского, 28 января / 10 февраля.

об удалении от нас душевредных пороков, вторых, о ниспослании вместо них боголюбивых добродетелей, предполагая, что и пороки не удалятся от нас, и добродетели не придут к нам без особенного содействия силы Божией.

Такое чувство ненадеяния в деле спасения на свои силы и призывание на помощь благодати Божией есть отличительное свойство нравственности христианской. Гордый язычник говорил самонадеянно: пусть дадут мне боги честь, богатство, здравие, а добродетель я сам себе достану. Но откуда была у него сия пагубная самонадеянность? Оттого, что язычник не знал хорошо греховного растления природы человеческой и ее бессилия духовного, не понимал свойств самой добродетели, ограничивая ее одною внешнею честностью. Просвещенный светом Евангелия христианин, напротив, ясно видит, как падший человек не способен сам по себе и помыслить, не только совершить что-либо истинно доброе, — как грех и зло до того проникли в нашу душу, что овладели самым внутренним источником мыслей и чувств; ясно видит также, с другой стороны, чего требуется от добродетели, дабы она была совершенно чистою и благоугодною не пред очами только человеческими, а и пред очами Божиими, — что для сего необходима не блестящая токмо наружность, часто прикрывающая собою одну тайную гордость и своекорыстие, а искренняя любовь к добру, совершенное послушание воле Божией и закону совести, с отвержением всех расчетов самолюбия; видит, говорю, все сие христианин и, признавая в себе невозможность освободиться собственными си-

лами от яда греховного, стяжать собственными средствами добродетель столь чистую и совершенную, падает в смирении пред престолом благодати и восклицает: *Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми! Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему!* — Если Ты, Всеблагий и Всемогуший, Сам не затворишь бездонных хлябей зла, во мне гнездящегося, — то, при всех усилиях моих, они вечно будут источать поток худых мыслей и деяний, наводнять нечистотою мою душу и сердце. Если Ты, Всесвятый и Праведный, Сам не поставишь меня на путь правды и истины, не утвердишь на камени заповедей Твоих колеблющиеся стопы мои, то я вечно буду преткаться и падать, всегда буду собираться идти к Тебе и не тронусь с места, тем паче не достигну той цели возжеленной, которая предназначена мне Твоею премудрою любовью.

Нельзя также, братие мои, не остановиться вниманием на самом выражении, которое употреблено святым Ефремом в его молитве. Он молит Господа не о том только, чтобы от него были удалены пороки и чтобы ему поданы были добродетели, но чтобы он освобожден был от самого духа сих пороков, чтобы ему ниспослан был самый дух сих добродетелей. Так люди духовные во всем созерцают духа, тогда как люди плотские в самых духовных предметах видят нередко одну плоть! Что же здесь называется духом пороков и духом добродетелей? То ли, что мы обыкновенно называем таким-то пороком

и такую-то добродетелью, или что-либо другое, большее?

Не погрешим, если скажем, что святой Ефрем, моляся об отгнании от него духа праздности, уныния и любоначала и о даровании ему духа целомудрия и смиренномудрия, имел в виду действительных духов, — в первом случае — духов темных и злых, в последнем — духов добрых и светоносных. Человек, по учению Священного Писания, постоянно находится между двумя мирами: горним — светоносным, и дольным — мрачным и диавольским. Тот и другой мир действуют на него непрестанно и ведут между собою брань за него. Мир ангельский действует на человека тем, что охраняет, поддерживает, укрепляет его на пути покаяния и добродетели, вдыхая благие мысли и чувства, сообщая духовную силу и крепость. Мир диавольский действует тем, что старается свратить человека с пути правды, удержать в плену страстей и порока, вдыхая для сего в его душу и сердце все нечистое и богопротивное. Не удивительно после сего, если каждая добродетель имеет своего духа чистого, который по преизбыточествующей силе сей добродетели в нем самом становится особым руководителем для человека, к ней стремящегося. Не удивительно, если и каждый порок имеет своего духа тьмы, который также, может быть, по преизбыточествующей силе сего порока в нем самом становится споспешником его для людей грешных. — Сих-то духов, яко началовождей добра и зла, видит человек Божий своим богопросвещенным оком и молит Господа о ниспослании

ему светоносных духов добродетели и об удалении от него темных аггелов греха.

Кроме сего, каждая добродетель, коль скоро утвердится в человеке, и каждый порок, коль скоро овладеет им, образуют из себя самих свой дух по виду своему. Этот дух добродетели сильнее и светонеснее, нежели самая добродетель; этот дух порока мрачнее и злее, нежели самый порок. — Как образуется в душе этот дух? Также, как в вещах чувственных. Наполните комнату какими-либо вещами и оставьте их там надолго: в комнате образуется дух сих вещей, так что если вы и вынесете их, дух сей останется надолго. Если наполните веществами благовонными, то останется благовоние, если зловонными, то зловоние. Так бывает и с душою, когда она наполняется известным каким-либо видом добродетелей или пороков: в ней образуется дух господствующей добродетели или дух любимого порока. — Кто, например, теперь, в продолжение Святого поста, потрудится, неленостно постясь, у того и по окончании постных дней останется дух поста и соделает его трезвым и воздержным во всем. Кто, напротив, в прошедшие дни предавался много роскоши и сладострастию, из того и Святой пост не вдруг может изгнать духа чувственности и плотоугодия, так что он и среди духовных предметов, в минуты самые священные будет возмущаться от воспоминаний и мыслей плотских. — Вообще борьба с духом порока гораздо труднее, нежели с самим пороком. Порок можно тотчас оставить, но дух порока не скоро оставит тебя: надобно долго сражаться,

долго подвизаться и терпеть, чтобы освободиться от него.

Все сие, без сомнения, имеет в виду святой подвижник Христов и посему просит у Господа совершенного освобождения от зла, совершенного очищения своего духа и тела, совершенного уничтожения в природе своей закваски греховной.

Подражая сему, не остановимся и мы, братие мои, на поверхностном очищении души нашей посредством исповеди от некоторых токмо, видимо злых и богопротивных дел. Что пользы отсекаль ветви, когда остается корень зла? Благоразумно ли убивать одну большую змею, когда десять малых готовы на ее место? Вооруженные духом ревности по Бозе и своем спасении, проникнем до самого исходища зла в душе нашей и постараемся истребить его совершенно. Для нас самих это было бы невозможно, но мы имеем всемогущую благодать Божию, пред коей вся нага и откровенна, вся возможна и удобна. Когда мы усердною молитвою низведем сию благодать в свою душу, предадим ей сердце свое и дадим беспрепятственно действовать в нас и врачевать недуги наши, то бездна тьмы и зла, нас обуревающая, разделится, явится суша — твердое хождение в заповедях Божиих, воссияет над нами свет лица Божия, создастся сердце новое, обновится дух правый; и мы вообразимся прежнею, первобытною добротою невинности и правды, еже буди со всеми нами благодатию Христовою! Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 1-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Господи и Владыко живота моего, дух
праздности не даждь ми!*

Можно было ожидать, что великий подвижник Христов начнет свою молитву прошением об удалении от себя какого-либо другого порока, а не праздности, потому что праздность, по обыкновенному понятию, не есть что-либо важное и опасное. Некоторые готовы почитать ее даже за состояние завидное. Но человек Божий смотрит на вещи иначе, видит в праздности первого врага своему спасению и потому первее всего молит Господа об освобождении от него.

Но что худого делает праздный человек, когда он ничего не делает? — То именно, что ничего не делает, ибо человеку всегда надобно делать что-либо. В самом деле, если Сын Божий о Себе Самом и Отце Своем говорит: *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю* (Ин. 5, 17), то человеку ли предаваться праздности? Деятельность — наше назначение: для сего именно даны нам бытие и жизнь, для сего снабжены мы силами и способностями. И как земная жизнь наша вообще недолговечна, а между тем в продолжение ее мы должны заслуживать целую вечность, блаженную или злополучную, то праздность, рассматриваемая с сей стороны, есть уже великое преступление против нас самих; ибо всякий праздно проведенный час ведет за собою потерю не только для здешней жизни, но и для вечности. Неупотребление данных от Бога сил на дела

благие уподобляет человека рабу, сокрывшему свой талант в землю, и уготовляет ему плачевную участь сего раба, то есть: *и еже мнится имея, взято будет от него* (Мф. 25, 29).

Точно будет взято! Кем? — И правосудием Божиим — в свое время, а теперь самой праздностью! Порок сей, по самому свойству своему, таков, что ослабляет, сокращает и, наконец, отъемлет у нас наши силы и способности. В самом деле, перестаньте, например, ходить и употреблять свои ноги; если это неупотребление продлится долго, то вы потеряете, наконец, способность ходить, едва будете в состоянии встать и стоять на ногах. Так с телом, так и с душою. Всякая способность души упражняемая — возрастает и усиливается; оставляемая в бездействии — слабеет и портится. Что, например, живее по природе и неумолчнее нашей совести? Но не упражняемая, не хранимая, препятствуемая в ее деятельности, — и совесть слабеет, умолкает и засыпает: человек становится бессовестным. Тем скорее вянут и слабеют от неупотребления другие душевные способности: например, для человека, долго не молившегося, трудно поставить себя потом в молитвенное состояние и на несколько минут; человек, не упражнявшийся в посте, не может пребыть без пищи и одного дня.

Но праздность опасна не одним тем, чего лишает, но и тем, что приводит за собою. Что же она приводит? Порок и развращение.

Если бы душа наша была подобна бесчувственному инструменту, который, когда прекращают на нем игру, остается спокоен, то можно

было бы без вреда оставлять ее в бездействии; но с душою, по ее духовной природе, подобного бездействия быть не может, а происходит то же, что с полем, оставленным без возделания: поле покрывается худыми травами, душа — худыми мыслями и чувствами, посему праздность справедливо можно назвать готовой и самородной почвой для всего худого и греховного. Никто так не обуревается множеством нечистых помыслов и желаний греховных, как человек праздный: мысль его, не утвержденная ни на каком предмете, носится всюду и, подобно врану¹ Ноеву, всегда останавливается на том, что манит чувственность; воображение в таком случае обыкновенно рисует пред собою образы обольстительные, кои случалось когда-либо видеть; память представляет случаи, когда страсти находили себе преступное удовлетворение; ум плодит — то разные замыслы житейские, то сомнения о предметах священных; сердце располагает к разным страстным движениям. Кроме сего, праздность имеет то зловерное свойство, что производит в человеке скуку, заставляющую искать развлечений и забав, кои у праздного обыкновенно состоят из того, что вредит душе, поелику обращаются около предметов самых чувственных, если не прямо богопротивных. И здесь-то корень и источник различных пристрастий к забавам, от коих страдают люди праздные, тем забавам, кои губят здоровье и честь, расстраивают состояние, делают са-

¹ Ворону (церк.-слав.).

мого значительного в обществе человека вовсе не тем, чем он мог и должен быть.

Не забудем, наконец, при оценке праздности и того, что для большей части людей порок сей влечет за собою недостатки и бедность, заставляет обращаться к непозволительным средствам приобретения; и так как праздный человек, по привычке к неге, бывает обыкновенно наклоннее других к чувственности и удовольствиям, то искушение пользоваться незаконно трудами других через то самое для праздного еще более увеличивается. Пересмотрите людей, заключенных в темницах, вникните в причину их преступлений, — и увидите, что большая часть их произошла в начале своем, так или иначе, именно от праздности.

Знали все сие святые Божии человеки и ничего так не старались избегать, как праздности. Казалось, самая жизнь пустынная и созерцательная освобождала их от трудов, тем паче телесных; ибо много ли у них оставалось и времени от молитв общественных и домашних? — Но, зная опасность праздности, они брали с собою труд в самые пустыни, не разлучались с ним при совершении дел самых высоких. Кто, например, это сидит у холма пустынного в Фиваиде, поет псалмы и в то же время плетет корзины? Это — светило Египта, Антоний Великий¹. Корзины сии пойдут в Александрию и променяются на круги хлеба, коими столетний старец подкре-

¹ О прп. Антонии Великом, Египетском († 356), см. в Четиях-Минях, 17 января.

плет по временам немощ своей плоти. Кто это во мраке ночном, при свете лампы или луны, занимается деланием шатров и палаток? Это — святой Павел¹. Днем он проповедует Евангелие мудрым эллинам, а ночь употребляет на skinotворство, дабы не быть никому в тягость скудным содержанием своим. Кто это в малой хижине назаретской стучит млатом, действует пилою, трудится с утра до вечера над древоделием? Это — святой Иосиф², воспитатель Господа Иисуса и хранитель Его Матери. Труды рук его доставляют пропитание Святому Семейству. Вообще у святых людей время разделено было между богомыслием и трудолюбием. Первым правилом их было питаться не от чужих, а от собственных трудов. Труда сего, при всей скудости их внешнего состояния, ставало им даже на то, чтобы помогать ближним, питать алчущих, одевать нагих и искупать пленных.

Но что же, спросят, делать тем, кои самым состоянием своим удалены от трудов, тем паче телесных? — Что делать? — Изобрести себе труд по своим силам и обстоятельствам. Ведь изобретаем же мы удовольствия; почему не изобрести и труда? И мало ли чистых и полезных предметов для занятия души и сердца, самых членов тела? Одно необозримое поприще благотворительности может представить каждому для сего все, что нужно. Каков бы ни был труд, только б был безгрешен и занимал силы наши, — и цель

¹ Житие св. апостола Павла см.: Четьи-Минеи, 29 июня.

² Об Иосифе Обручнике см. в Четьях-Минях, 26 декабря.

будет достигнута. Ибо праздность уничтожается не одним телесным трудом, а и всяким.

Рассуждая таким образом о труде и праздности, мы имеем в виду, братие, состояние человека вообще, или паче состояние человека, не возрожденного еще благодатию Божиею, не начавшего жить во Христе. Для человека же облагодатствованного непрестанная деятельность духовная есть уже святая необходимость; ибо он должен непрестанно восходить от силы в силу. Праздность в сем случае есть прекращение самого восхода; а прекращение восхода — то же, что отступление назад. Ибо они, как испрашивается в молитве церковной, и среди сонного безмолвия просвещаются зрением судеб Божиих.

Имея столь высокую цель бытия (ибо мы все предназначены к одному и тому же), да воззовет, братие, и каждый из нас вместе с святым Ефремом: *Господи и Владыко живота моего, дух праздности не даждь ми!* Не даждь, да дни мои, кои так малы и кратки, преходят в суете мирской и бездействии; не даждь, да таланты, мне вверенные, погребаются в земле забвения и лени; не даждь, да по недостатку любви к трудам соделаюсь в тягость подобным себе и постыжду в себе образ Твой! Сотвори, да буду бодр на всякое дело благое, да непрестанно тружусь над возделыванием существа моего для вечности и да все, что ни делаю, делаю для славы Твоей, Господи, а не из угождения себе самому! Аминь.

СЛОВО В СРЕДУ 2-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Господи и Владыко живота моего, дух уныния не даждь ми!

Значит, дух уныния противен не одним забавам мирским, а и жизни христианской. Почему так? Потому что жизнь христианская требует всегдашней деятельности духовной, бодрости, мужества и силы; а в унылом какая деятельность, какая бодрость и сила? — Потому что *Царствие Божие*, в коем находится истинный христианин, *есть*, по свидетельству апостола, *правда, мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14, 17); а в унылом какой мир и какая радость? Посему те, кои думают, что жизнь христианская необходимо сопряжена с унынием, сим самым показывают, что они не знают духа истинного христианства. Нет, это дух света, крепости и силы, дух мира и радости непрестающей. Правда, что христианин не вдруг достигает сего блаженного состояния, подобно как тяжелобольной не вдруг получает здоровье; но чувство самого начала выздоровления душевного есть уже чувство отрадное и утешительное, которое, постоянно возрастая, наполняет всю душу миром и радостью. Правда и то, что истинный христианин, всегда занятый делом своего спасения, вкушая притом, хотя по временам, удовольствия высшие и духовные, чуждается шумных радостей мира, представляется нередко задумчивым в те минуты, когда другие не знают меры своим восторгам; но он столь же мало почитает за потерю участие в радостях

мирских, сколь мало человек возрастной считает за потерю то, что не участвует в играх и забавах детских; его задумчивость происходит не от духа уныния, а от других причин, нередко от мысли, как некоторые могут веселиться, тогда как им надлежало бы плакать. Правда, наконец, и то, что христианин, ведя до конца жизни непрестанную брань со грехом и страстями, подвергается иногда таким искушениям, о каких миролюбцы не имеют и понятия: но духовная брань сия не производит в нем духа уныния; воин Христов исходит против врагов спасения своего еще с большим благодушием, нежели воин царя земного.

Посему, когда увидите, братие мои, истинного христианина, страждущего унынием, то блюдитесь выводить из сего что-либо не в пользу христианства: нет, из сего следует только, что сей член тела Христова еще несовершен в вере и преданности; что он, по слабости природы человеческой, недугует еще сердцем и, может быть, сей недуг духовный нарочно допущен Врачом Небесным для возвращения ему полного здоровья. Как бы то ни было, только уныние всегда есть состояние духа неестественное, есть болезнь, которая при усилении своем и продолжительности может сделаться крайне опасною и причинить смерть не только духа — отчаянием, но и самого тела — его разрушением. *Печаль мира сего*, замечает апостол, *смерть соделывает* (2 Кор. 7, 10). Посему-то святые мужи ничего так не боялись, как уныния, и при первом появлении сего врага спешили принимать все меры к отражению его. По уединенной и подвижниче-

ской жизни их, уныние, конечно, было для них опаснее, нежели для людей, живущих в мире; но и живущие в мире не могут предаваться ему без опасности для своей души и тела, которая тем более возрастает, чем долее продолжается сие неестественное состояние. Посему всем нам полезно вникнуть, отчего происходит уныние и какие против него средства.

Источников уныния много и внешних, и внутренних, и духовных, и чувственных. И, во-первых, в душах чистых и близких к совершенству уныние может происходить от оставления их на время благодатию Божиею. Состояние благодати есть самое блаженное. Но чтобы находящийся в сем состоянии не возомнил, что оно происходит от его собственных совершенств, благодать иногда удаляется и сокрывает себя совершенно, предоставляя любимца своего самому себе. Тогда бывает с святою душою то же, как если бы среди дня наступила полночь или в самый благорастворенный летний день появился мраз зимний: в душе является темнота, холод, мертвость и вместе с тем уныние.

Во-вторых, уныние, как свидетельствуют люди опытные в духовной жизни, бывает от действия духа тьмы. Не могли запясть души на пути к небу чувственностью, прельстить ее благами и удовольствиями мира, враг спасения обращается к противоположному средству и наводит на нее внутреннюю тугу и уныние. В таком состоянии душа бывает, как путник, вдруг застигнутый мглою и туманом: не видит ни того, что впереди, ни того, что позади; не знает, что делать, теряет бодрость и дух, впадает в нерешимость и

некое внутреннее исчезновение. Сему роду уныния подвергаются люди, также немало подвижавшиеся на пути добродетели, уже победившие искушения чувственности.

Третий источник уныния есть наша падшая, нечистая, обессиленная, помертвевшая от греха природа. Доколе мы действуем по самолюбию, наполнены духом мира, надыхаемся¹ страстями, — дотоле сия природа в нас весела и жива; откуда в ней берутся сила, дух, отвага и терпение. Но перемените направление жизни, сойдите с широкого пути мира на узкий путь самоотвержения христианского, примитесь за покаяние и самоисправление — тотчас откроется внутри вас пустота, обнаружится духовное бессилие, ощутится сердечная мертвость. Доколе душа не успеет наполниться новым духом любви к Богу и ближнему, яться² верою за силу Креста Христова и прицепиться, как ветвь, всеми мыслями и чувствами к древу жизни — Господу Иисусу: дотоле дух уныния, в большей или меньшей мере, для нее неизбежен. Счастлива она, если недолго остается в сем состоянии, ибо от него недалеко пропасть отчаяния духовного. Сему роду уныния подвергаются наипаче грешники по их обращении.

Четвертый обыкновенный источник уныния духовного есть недостаток, тем паче прекращение деятельности и привычных трудов. Престав употреблять свои силы и способности, душа теряет живость и бодрость, становится вялою и неудобвижною; самые прежние занятия ей противе-

¹ Обрастаем.

² Взяться (*церк.-слав.*).

ют: начинает быть ощущаема внутренняя пустота; являются недовольство, скука и уныние.

Может происходить уныние и от различных печальных случаев в жизни, как-то: смерти сродников и любимых лиц, потери чести, достояния и других несчастных приключений. Все это, по закону нашей природы, сопряжено с неприятностью и печалию для нас; но, по закону же самой природы, печаль сия должна уменьшаться со временем и исчезать, когда человек употребляет средства к своему одушевлению и не предается печали. В противном случае образуется дух уныния.

Может происходить уныние и от некоторых мыслей, особенно мрачных и тяжелых, когда душа слишком предается подобной мысли и смотрит на предметы не во свете веры и Евангелия. Так, например, человек легко может впасть в уныние от частого размышления о неправде, господствующей в мире, о том, как праведные здесь скорбят и страдают, а нечестивые высятся и блаженствуют, и как все, по-видимому, отдано на произвол страстей человеческих и случая.

Могут, наконец, источником уныния душевного быть различные болезненные состояния тела, особенно некоторых его членов.

От чего бы, впрочем, ни происходило уныние, молитва всегда есть первое и последнее против него средство. В молитве человек становится прямо лицу Божию; но если, став против солнца, нельзя не озариться светом и не почувствовать теплоты, тем паче свет и теплота духовные суть непосредственные следствия молитвы. Кроме сего, молитвою привлекаются благодать

и помощь свыше, от Духа Святаго; а где Дух Утешитель, там нет места унынию, там самая скорбь будет в сладость.

Чтение или слушание слова Божия, особенно Нового Завета, есть также сильное средство против уныния. Спаситель не напрасно призывал к Себе всех труждающихся и обремененных, обещая им успокоение и радость (см.: Мф. 11, 28–30). Радость сию Он не взял с Собою на небо, а всецело оставил в Евангелии для всех скорбящих и унылых духом. Кто проникается духом Евангелия, тот престает скорбеть безотрадно: ибо дух Евангелия есть дух мира, успокоения и отрады.

Богослужения, и особенно Святые Таинства Церкви, также великое врачевство против духа уныния: ибо в церкви, яко доме Божиим, нет для него места; Таинства все направлены против духа тьмы и слабостей природы нашей, особенно Таинства Исповеди и Причащения. Слагая с себя тяжесть грехов посредством исповеди, душа чувствует легкость и бодрость, а приемля в Евхаристии брашно Тела и Крови Господа, чувствует оживление и радость.

Собеседование с людьми, богатыми духом христианским, также средство против уныния. В собеседовании мы вообще выходим более или менее из мрачной глубины внутренней, в которую душа погружается от уныния; вместе с разверстием уст в человеке унылом, можно сказать, разверзаются недра его духа, открывается доступ туда свету и теплоте духовной. Кроме сего, посредством мены мыслей и чувств в собеседовании, мы заемлем у беседующих с нами некую

силу и жизненность, что так нужно в состоянии уныния.

Размышление о предметах утешительных и утверждение мысли на каком-либо из них также весьма много помогает в унынии. Ибо мысль в сем состоянии или вовсе не действует, или кружится около предметов печальных. Чтобы избавиться уныния, надобно принудить себя мыслить о противном. Например, если уныние произошло от печали о смерти лица любимого, то вместо того, чтоб бродить непрестанно мыслию у его могилы, представлять себе его лежащим во гробе или тлеющим в земле, — переноситесь чаще мыслию на небо, где его дух, представляйте день всеобщего, будущего воскресения, когда мы все облечемся новым, прославленным, бессмертным телом и не будем более подлежать горестной разлуке с ближними.

Занятие себя трудом телесным также прогоняет уныние. Человек унылый не способен бывает к труду: но что нужды? Пусть начнет трудиться, даже нехотя; пусть продолжает труд, хотя без успеха: от движения оживает сначала тело, а потом и дух, и почувствуется бодрость; мысль среди труда не приметно отвратится от предметов, наводивших тоску, а это уже много значит в состоянии уныния.

Наконец, если источник уныния скрывается в недугах телесных, то христианин не должен пренебрегать пособия и от искусства врачебного: ибо искусство сие от Бога. *Господь созда*, говорит Писание, *врача на потребу* человека (Сир. 38, 1), посему врач есть слуга Божий для нас во благое.

Все, что мы говорим об унынии, касается уныния христианского. Страдают ли унынием миролюбцы и грешники, нерадящие о спасении души своей? — Всего более и всего чаще, хотя, по-видимому, жизнь их состоит большею частью из забав и утех. Даже по всей справедливости можно сказать, что внутреннее недовольство и тайная тоска есть постоянная доля грешников. Ибо совесть, сколько бы ни заглушали ее, как червь, точит сердце. Внутренний человек, как ни подавляют его, подымлет нередко главу и стоит. Невольное, глубокое предчувствие будущего Суда и воздаяния также тревожит душу грешную, возмущает и преогорчает для нее безумные утехы чувственности. Самый закоренелый грешник по временам чувствует, что он, как ветвь без корня, как здание без основания, что внутри его пустота, мрак, язва и смерть. Отсюда та неудержимая склонность миролюбцев к непрерывным развлечениям, к тому, чтоб забываться и быть вне себя.

Что сказать миролюбцам об их унынии? Оно благо для них, ибо служит призыванием и побуждением к покаянию. Посему вместо того, чтобы прогонять сие уныние, как болезнь, им надобно пользоваться как врачевством, обращая его из бесплодной печали века сего в спасительную печаль по Боге. И пусть не думают, чтобы нашлось для них какое-либо средство к освобождению от сего духа уныния, доколе не обратятся на путь правды и не исправят себя и своих нравов. Суетные удовольствия и радости земные никогда не наполнят пустоты сердечной: душа наша пространнее всего мира. Напротив, с

продолжением времени самые радости плотские потеряют силу развлекать и обаять душу и обратятся в источник тяжести душевной и скуки. Между тем печаль по Бозе, сокрушение о своей незаконной жизни, хотя в начале и прибавит, по-видимому, нечто к тоске душевной, но со временем послужит к совершенному исцелению от всех болезней сердечных; ибо приведет за собою *правду, мир и радость о Дусе Святе* (ср.: Рим. 14, 17). Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 2-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Господи и Владыко живота моего, дух любобначалия¹ не даждь ми!

Не даждь духа, который, вселившись в Ангела светоносного, омрачил его и низринул навсегда с неба, — который, возобладав прародителями нашими, изгнал их невозвратно из рая, — того духа, коим ослепленный фараон вопрошал: *кто есть Бог, Егоже послушаю гласа?* (Исх. 5, 2), коим прельщенные, Дафан и Авирон сошли за свое возмущение против Моисея во ад живы (см.: Чис., гл. 16), — того духа, который заставлял еретиков идти против власти Церкви, возмутителей и крамольников — терзать недра своего отечества, буйных писателей — сеять плевелы и порчу нравов в целых поколениях, — того духа, который, несмотря на чудовищную величину свою, может вселяться в самого мало-

¹ Властолюбия (церк.-слав.).

го человека, и в кого ни вселится, делает его недовольным ничем, тем паче своим состоянием.

В самом деле, братие, от духа любоначалаия и превозношения не безопасен никто: он проникает в самые пустыни и заставляяет иногда людей, отрекшихся всего, искать первенства пред другими, если не в другом чем, то в самом удалении от власти; он появляется в кругу самых юных детей и делает из отрока предводителя себе подобных, который гордо раздает приказания, с завистью смотрит на соперника, мучится духом, если лишается своего начальства. А что сказать о мире и обществе человеческом? Там принято даже за правило, что худой тот воин, который не хочет быть военачальником. Вступая на поприще жизни, редкие не приносят с собою туда видов самых честолюбивых, желаний самых непомерных. И как многим не быть зараженными духом любоначалаия, когда родители и воспитатели сами почитают нередко за долг возбуждать его в юных питомцах, почитая это залогом их будущих успехов в жизни?

В самом деле, это бывает залогом, но чего? Не успехов, а неудач, не возвышения, а падений самых опасных. Ибо, во-первых, возможно ли всем достигнуть мест высоких, честей и отличий блистательных? Доля сия по необходимости принадлежит немногим. А посему для прочих покушение на нее есть покушение почти на невозможное и, следовательно, вредное. А, во-вторых, дух любоначалаия есть вообще самый худой помощник в достижении честей и достоинств. Ибо человек, им проникнутый, никогда почти не имеет терпения и скромности, толи-

ко необходимых для успеха и в делах земных. Надменный духом любоначалия, напротив, готов бывает употребить все средства, чтобы скорее достигнуть цели; а употребляя их безрассудно, редко не подвергается тяжким падениям. В случае неуспеха и превратности с ним бывает еще хуже: он позволяет себе наглости и буйства, кои лишают его и того, что он имел. Обыкновенно таковые люди с обманутым честолюбием бросают путь честей и даже служения общественного и заключают себя преждевременно в круге жизни домашней. Мирный и благой круг сей мог бы вознаградить их за все лишения большого света, но, к сожалению, и здесь честолюбец редко находит для себя успокоение, потому что приносит с собою домой дух недовольства от своих неудач, дух ропота и ожесточения сердечного. Кроме сего, страсть превозношения и здесь хочет находить во всем пищу и, по естественному порядку вещей, сретая нередко сопротивление, беснуется и мучит себя и других.

Человек гордый всем тяжел и противен даже и тогда, когда обладает отличными способностями: ибо все, чем отличила и украсила его природа, он употребляет обыкновенно на унижение других, а кому приятно быть унижаемым? Посему таковых людей обыкновенно стараются избегать. Но дух любоначалия появляется и в людях самых посредственных. Таковых уже и не избегают, а прямо презирают. Сколько отсюда огорчений для презираемого!

Что же, скажет кто-либо, ужели христианину вовсе не позволено желать высоких достоинств?

Христианину не запрещено желать всего доброго. Можно желать, когда чувствуешь способность к тому, и высокого достоинства; но как желать? — Так ли, чтобы почитать себя предназначенным именно к занятию такого или другого высокого звания? Это было бы самомнение и гордость непростительная. Так ли, чтобы, не достигнув своего желания, думать, что уже потеряна вся цель жизни, и потому сокрушаться и мучить себя? Нет, это значило бы не понимать значения и цели своей жизни. Так ли, чтобы все средства к достижению отличий и достоинств почитать законными и позволительными? Но такого любоначалия и честолубия не терпит самый мир. Что же позволительно христианину в отношении к честям и достоинствам? Позволительно готовить себя к тому, чтобы быть их достойным, раскрывать и усовершенствовать в себе все таланты, Богом данные, обнаруживать их правильным и общепольным образом, показывать деятельность, честность и любовь к благу общему. Над всем этим трудись, сколько угодно: все это похвально не пред человеками только, но и пред Богом. А искать усиленно высших мест и достоинств, тем паче употреблять для сего происки и связи, коварство и обман и, не достигнув желаемого, поднимать ропот, приходить в малодушие и отчаяние — все это совершенно дело нехристианское. Христианин спокойно ожидает звания свыше; приходит его чреда — он со смирением исходит на поприще, пред ним открывшееся; не приходит — он употребляет свои способности и познания в том круге, в коем находится, не пререкая вышнему распоряжению, не упрекая

никого в невнимании к себе. Ибо, будьте уверены, Провидение Божие, даруя кому-либо отличные способности, всегда само заботится о том, чтобы они не остались втуне¹, само открывает поприще для употребления их в дело. Нам может казаться, что это поприще мало, не по нам; но если мы, вступив на него, делаем, как должно, свое дело, то все благое, в нас находящееся, найдет сродное себе употребление и принесет плод. А с другой стороны, этот круг часто бывает тесен только вначале — для искушения нашего терпения и смирения, а потом невидимою рукою, смотря по нашей верности, расширяется; и тот, кто думал навсегда оставаться долу, видит себя на высоте, ему приличной. Но и без сей высоты можно всегда сделать много истинно полезного, даже, если угодно, быть первым и вождем для других. Сколько вокруг каждого стезей добра, еще не проложенных, благих подвигов, еще не начатых! Осмотришь и, не теряя духа от своего невысокого положения в свете, начни делать, хотя понемногу и в малом виде то, чего не делано никем, — ты будешь, таким образом, первым, создашь новое для себя поприще и отличие, подашь пример самим начальникам, целому обществу. Не так ли именно начиналась деятельность многих друзей человечества, коих имена потерялись бы между множеством других имен, если бы они пошли общим и обыкновенным путем честей и отличий, и кои теперь блистают в свитке бытописаний, может быть, именно потому, что им не надо было идти сим путем, а предо-

¹ Напрасными (церк.-слав.).

ставлено для блага человечества открыть новое поприще, свое собственное?

Но, говоря таким образом, мы вместо угашения духа любоначалаия можем еще возбудить его в тех, кои имеют предрасположение к тому. Поспешим же в предупреждение сего показать, что требуется от христианина при вступлении на высокое место. *Иже в вас хочет вящий быти, да будет всем слуга* (ср.: Мф. 20, 26): вот закон, изреченный Тем, Кто Сам во всех отношениях есть *Первый и Последний* (Апок. 1, 17)! Христианин, чем выше, тем должен быть смиреннее, трудолюбивее и самоотверженнее. Начальство приносит ему труд и бдение, заботу и печаль обо всем, что под его рукою. Кто будет твердо иметь сие в виду, у того дух любоначалаия упадет сам собою: ибо для труда ли и блага общего гонит сей дух любимцев своих на высоту честей? Нет, он указывает им на сей высоте одну роскошь и довольство, одно величание и похвалы от всех. Уничтожьте в уме своем все это, и приманка исчезнет. Смотрите в высоком достоинстве на неразлучную от него тяжкую ответственность и пред людьми, и паче пред совестью и Богом — и вы вместо честолюбивых желаний ощутите страх от высоких мест и будете смотреть на них, как смотрят на верх высоких зданий, где страшно поставить себя даже и в мыслях.

Но в человеческой природе, скажет кто-либо, есть естественное стремление к высокому и великому: не должно ли его питать и поддерживать? Без сомнения, должно; и если бы мы сохранили и питали его надлежащим образом в душе

своей, то не прельщались бы никакими высотами человеческими и не останавливались бы на них, как на верху всех желаний: ибо врожденное нам стремление к высокому и великому превышает не только всея земли, но и всего мира. Оно то именно, хранимое в чистоте и силе, и спасало бы нас от всех мелких видов земного честолюбия. А чтобы ему самому не оставаться праздным, — для сего всем людям без исключения указана Творцом цель самая высокая. Какая? Та, на которую указывает и к коей всех призывает Евангелие. Что может быть выше тех обетований, кои в нем содержатся? По учению его, все мы предназначены к Царству со Христом, к владычеству над целым миром, к высоте ангельской. Се достоинства для всех и каждого! Стремись всякий: сего не только никто не запрещает, а, напротив, все к тому побуждает. Между тем, кто идет к сим высотам и восходит на них? Худородные века сего, *отребье мира*, как выражается апостол (см.: 1 Кор. 4, 13), то есть люди, удаленные от всех честей и достоинств мирских. А люди, находящиеся на высоте земного величия? Увы! Они, прельщенные высотой своею, редко обращают на сей предмет и внимание! С ними, к сожалению, бывает то же, что с вершинами высоких гор, кои, быв покрыты снегом и льдом, блещут при каждом восхождении и захождении солнца радужными лучами и восхищают взор, но постоянно остаются голы и бесплодны, без всякого признака жизни.

Имея в виду сии опыты, если рука Провидения поставит нас на высоте земных достоинств, будем стоять со страхом Божиим, не забывая своего не-

достоинства и великих обязанностей, на нас лежащих, не прельщаясь своею высотой и устремляя взор ума и сердца постоянно к почестям высшего звания, к тем престолом и венцам, кои раздает достойным не произвол человеческий, а всевятая и праведная воля Вседержителя. А если Провидение судило нам оставаться в низкой доле, будем стоять в ней с благодушием и преданностью, памятуя, что Господь наш есть Господь *гор* и *юдолей* (3 Цар. 20, 23), что стояние долу есть стояние токмо на время и что все мы предназначены к такой высоте, пред коей все высокое и великое на земле есть один призрак и тень. Аминь.

СЛОВО В СРЕДУ 3-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Господи и Владыко живота моего, дух
празднословия не даждь ми!*

Видно, празднословие есть порок весьма опасный, что против него столько молитв! Ибо и святой Давид, как вы сами часто слышите, постоянно молится ко Господу, говоря: *Положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих* (Пс. 140, 3)! И премудрый сын Сирахов восклицает молитвенно: *Кто даст ми во уста моя хранилище, и на устне мои печатъ разумну* (22, 31)!

А у нас, братие, напротив: ничто так мало не хранится, как слово; ничто так праздно не расточается, как слово. Те самые, кои могли бы подавать пример благоразумного употребления

слова, то есть люди, одаренные отличным умом и познаниями, нередко первые небрегут о сем и подают пример противного.

Хорошо ли это? Весьма худо уже потому, что за *всякое праздное*, тем паче худое слово, по свидетельству Самого Господа нашего, надобно будет некогда *дать ответ* (ср.: Мф. 12, 36). Нам кажется, что слова наши исчезают в воздухе; а они все, напротив, остаются целы, собираются и печатлеются на день Суда и воздаяния. Посему человек празднословный собственными устами произносит будущее осуждение на самого себя. Малость ли это? И напрасно бы мы воображали, что когда будут судить нас за слова наши, то таким образом поступят с нами слишком строго. Нет, Суд сей правилен и необходим: ибо нам только кажется, что слова наши ничего не значат и что расточать их безумно есть вещь неважная; между тем слово человеческое очень важно и очень стоит того, чтобы в нем требовать отчета.

Ибо что такое наше слово? Явно, отпечаток слова Творческого. В Боге слово, и в человеке слово, правда, что слово в Боге не то, что наше слово; в Боге оно есть самый впечатлительный образ существа Его, Единородный Сын Божий; но и в нас слово не праздный звук, и в нас оно есть отпечаток и образ нашего духа, так что если бы собрать все слова наши, то мы увидели бы в них свое собственное изображение. Благоразумно ли не дорожить сим изображением, обременять его чертами отвратительными и марать безжалостно?

Далее, словом человек видимо и преимущественно отличен от всех тварей, его окружаю-

щих. Это главный признак и главное средство нашего владычества над миром, как то и показано в самом начале через наречение имен от прародителя нашего всем животным. Чего не производило слово человеческое в чистом его виде, как оно было у святых Божиих человеков! Останавливало солнце, заключало и отверзало небо, воскрешало мертвых. Кто после сего не признает в слове скипетра нашего владычества над миром? Мы не способны еще действовать сим скипетром; не будем, по крайней мере, повергать его в грязь и ломать безрассудно. У животных малое только и слабое подобие нашего слова; но посмотрите, как они берегут его: употребляют не иначе, как по крайней нужде; придет весна — способные отверзают уста и поют со всеусердием хвалу и славу Создателю; а в прочее время года и они безмолвствуют.

Словом, далее, держится в силе и союзе весь род человеческий: это проводник наших взаимных мыслей, чувств, нужд, радостей и печалей, предприятий и усовершенствований. Словом связуется у нас таинственно прошедшее с настоящим, настоящее с будущим; приходят в тесное сообщение те, кои никогда не видали друг друга. Отнимите слово у людей, и все остановится в мире человеческом. Как же покрывать ржавчиною греха или делать ядовитою златую цепь, связующую все человечество?

Обратите еще внимание на последствия слова человеческого. Всякое слово, исшедшее из уст ваших, никогда уже не возвратится к вам; нет, оно пойдет по умам и устам. По годам и ве-

кам; произведет неисчислимое множество мыслей и чувств, деяний и поступков и, разросшись в огромное древо, обремененное всякого рода плодами по роду и виду его, сретится с тобою, творцом его, на Суде Страшном. — Как же не позаботиться о таком плодовитом произведении и производить их целыми тысящами безумно?

И в настоящем времени на самого изрекающего слово оно не остается без действия. По словам нашим, во-первых, все судят о нас; уста наши доставляют нам или уважение, или вселяют к нам отвращение и презрение. *Премудрый, замечает древний мудрец, в словеси любезна сотворит себе; а умножаяй словеса мерзок будет* (Сир. 20, 8, 13). Празднословие терпится иногда для развлечения, как держат для сей же цели некоторых пернатых; но никогда не заслужит уважения. Если вас слушают, когда вы говорите пустое, и не показывают отвращения, — то будьте уверены, что сего отвращения нет только на лице слушающих, а в сердце оно у многих. Благоразумно ли же не дорожить тем, от чего зависят наша честь или бесчестие, любовь или не-расположение к нам всех и каждого?

Если бы мы вознебрегли мнением о нас других людей за худое употребление нашего языка и слова, то и тогда не уйдем от наказания: ибо празднословие наказывает само себя. Человек празднословный пустеет внутренно: ум его становится мелким, суждение несвязным, виды пустыми, предположения ничтожными или предосудительными. Пред взором человека наблюдательного он бывает похож на глупое дитя,

не умеющее молчать. Такой человек не способен ни к чему важному и истинно полезному, как это замечено еще в древности, где мудрецы не принимали к себе и в ученики тех людей, кои продолжительным молчанием не доказали в себе способности к делу.

Не должно, наконец, опустить без особенного внимания и того, что происходящие от празднословия пустота души и неосновательность ума не останавливаются на одних устах, а, по закону природы нашей, переходят в самые наши действия и жизнь. Премудро заметил святой Иаков, что *еще кто в слове не согрешает, сей силен обуздать и все тело* (Иак. 3, 2): это естественная награда за обуздание своего языка. Привыкший, напротив, грешить в слове, скоро начнет грешить и в жизни. В самом деле, кто худой правитель и судия? Человек празднословный. Кто худой исполнитель приказаний начальников? Человек празднословный. Кто худой отец, сын, друг? Человек празднословный. Кто худая мать семейства? Жена празднословная. Где источник пересуд, клевет, ссор? В устах жены празднословной.

По всему этому не дивитесь, братия, что слово Божие так строго преследует празднословие и угрожает судом за слова; не только худые, но и праздные. Это к нашей истинной пользе. Ибо слово наше губит нас.

Как же, спросите, должно употреблять слово, чтобы оно не послужило некогда к нашему осуждению?

Употреблять его, во-первых, с крайней бережливостью, как того требуют высокое проис-

хождение слова, великое назначение его в мире и крайне важные действия его на других людей и нас самих.

Употреблять, во-вторых, на предметы того достойные, во славу Божию, на пользу ближних и к нашему усовершенствованию и никак не употреблять на предметы срамные, на мысли нечестивые, на чувства зловердные; не употреблять на ложь и обман, на клевету и ябеду, на брань и ссору.

В-третьих, наблюдать за употреблением своего слова и по временам требовать у себя отчета в нем, — всего лучше отходя ко сну, ежедневно.

В-четвертых, обращаться с молитвою к Господу, чтобы Он Сам *положил хранение устам нашим* (ср.: Пс. 140, 3), Сам ограждал нас Своею благодатию от духа празднословия, который с такою свирепостью заражает ныне всю вселенную. Ибо если святые Божии человеки, Давиды, Сирахи, Ефремы, не видели в себе самих достаточных сил на сражение с сим обольстительным и зловердным духом, то нам ли ожидать победы над ним без помощи свыше?

В-пятых, должно приносить покаяние в словах худых и праздных и стараться вознаграждать их — всего ближе — посредством благого употребления того же слова, сознаваясь, где можно, прямо в прежнем безрассудном его употреблении.

Когда мы будем поступать таким образом, то слово наше постепенно освободится от всех недостатков и сделается наконец тем, чем быть должно, — живоносным отгласом в нас слова Творческого, светлым отпечатком чистого су-

щества нашего, могущественным органом нашего владычества над тварями, священной цепью, связующей нас со всем человечеством, верным посредником к сообщению другим того, что в нас есть доброго, и к принятию от других, чего недостает нам, — всегдашним орудием и залогом нашего преуспеяния во всяком совершенстве. Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 3-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Господи и Владыко живота моего, дух
целомудрия даруй ми, рабу Твоему!*

Если какой дух, то целомудрия должен быть испрашиваем свыше: ибо для сохранения сей добродетели надобно сражаться с собственной природою; а где, скажем словами Иоанна Лествичника, побеждается природа, там должно быть присутствие Существа, Которое выше природы. «Напрасно будешь сражаться, — продолжает тот же святой наставник, — и отгонять от себя духа нечистоты плотской философскими доказательствами и противоречиями; потому что он может и с своей стороны представить нам немало с разумом сходного и состязаться с нами естественными доводами, посему желающий преодолеть плоть сам собою всеу течет. Предложи ко Господу немощь естества своего и признай пред Ним все твое бессилие: тогда нечувствительно приимешь от Него и дар целомудрия»¹.

¹ См.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица. Слово 15: О нетленной чистоте и целомудрии... Гл. 9, 25, 26.

Кроме общей, как можно чаще повторяемой, молитвы о даровании духа целомудрия, у того, кто хочет быть целомудренным, по совету святых мужей, должна быть всегда наготове краткая молитва частная — на случай искушений греховных. — А именно, когда почувствуешь, говорят они, что в сердце твоём — от видения ли, от слуха ли, или само собою — возрождается нечистое плотское вожделение, то устрями тотчас мысль ко Христу с молитвою о помощи и держи там ее, доколе не получишь подкрепления. Отвратив таким образом внимание свое от искры греховной, запавшей в твоё сердце, ты сим самым как бы отнимешь у нее воздух, и она через то угаснет. А когда нужно, то низойдет и роса благодати для ее угашения.

После молитвы ничто так не ограждает целомудрие, как пост и труды. В самом деле, отними из-под котла хвращение — угаснет огонь; отними у тела роскошные яства и сытость — и угаснет вожделение чувственности. Обремененному трудами телу не до страстных движений: оно ищет тогда покоя и тишины; праздность, напротив, и нега суть неиссякаемый источник сладострастия. Посему думающий сохранить целомудрие среди пресыщения и роскоши подобен тому, кто бы, возлежа среди блата¹, надеялся остаться чистым. Может быть, он успеет сохранить чистоту телесную, но непременно лишится душевной.

Равным образом, желающему хранить чистоту души и тела необходимо избегать всех случаев, где она видимо может подлежать очернению;

¹ Болота (церк.-слав.).

а для сего, по примеру святого Иова, должно *положить завет с очами* (см.: Иов. 31, 1), слухом и всеми чувствами своими. Ибо не напрасно пророк чувства наши называет окнами, чрез кои входит в нашу душу смерть. Все грехи любят входить сими окнами; но ничто так часто не входит ими, как похоть плоти: посему и надобно блюсти сии окна и не отверзать их безрассудно. А когда уже нельзя почему-либо не видеть и не слышать соблазнов, то на таковые случаи надобно иметь противоядие духовное. Таким средством во время окружающего соблазна, кроме сердечной молитвы, может служить устремление мысли ко Кресту Христову и Его пречистым язвам или к собственному гробу и смерти. Таким образом, яд соблазна обессиливается верно и скоро.

Смирненное расположение духа и сердца, по учению святых отцов, есть также великая ограда для целомудрия: потому ли, что на смиренных всего более призирает Господь, — а где взор Его, там и благодать, оттуда бежит всякий соблазн и грех, — или, может быть, и потому, что свойства смирения есть понижать и подавлять в человеке все выходящее из пределов, следовательно, и възыгание плоти и крови. Гордость, напротив, и надмение, особенно соединенные с осуждением ближнего, по замечанию людей опытных в духовной брани, всего скорее подвергают самого совершенного, по-видимому, человека, искушению от плотских скверн, да накажется не превозноситься своей добродетелью, видя внутрь себя столь лютую язву.

Размышление о предметах духовных и происходящая отсюда любовь к ним, особенно любовь

к Господу и Спасителю нашему, к Его страданиям и Кресту — также средство к ограждению чистоты духа и тела. «Целомудренный человек, — учит святой Иоанн Лествичник, — любовь любовью отражает и огонь телесный погашает духовным»¹.

С другой стороны, ограждает целомудрие представление мук вечных и огня геенского. Этот огонь сам по себе будет жечь, а теперь может охлаждать и спасать от огня страстей, когда живо представляем его. Один подвижник, не довольствуясь представлением сего огня в уме своем, решился дать почувствовать предварительно жестокость его своему телу. «Ты побуждаешь меня ко греху, — сказал он, — посмотрим же, способно ли ты вынести муку, угрожающую за грехи!» — и с сими словами положил перст руки на горящую свечу. Боль от огня угасила пламень плоти.

То самое, что возжигает плотское похотение, может быть с пользою употреблено как врачевство против страсти. «Призывает ли тя, — вопрошает святой Димитрий Ростовский, — уязвлятися красотою лица тлеющая во гробе плоть? Итак, когда сия красота начнет уязвлять твое сердце, вообрази ее во гробе лежащую, безобразную, покрытую тлением и смрадом, — и она потеряет силу влечь тебя»².

Сими и подобными средствами должны мы ограждать себя, братие, от нападений плотских помыслов; должны, если то нужно, сражаться до

¹ Ср.: Слово 15, гл. 3.

² См.: *Димитрий Ростовский, свт.* Алфавит духовный, гл. 9 // Творения: В 3 т. М., 2005. Т. 3. С. 219–221.

крови, но исходить из брани победителями. Ибо победить непременно нужно, потому что Бог призвал нас, как учит апостол, *не на нечистоту, а во святость* (1 Сол. 4, 7). *Ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи*, утверждает он же, *Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 9, 10). И поелику таковые люди любят обыкновенно обманывать самих себя тем, что их грех невелик, что они выполняют якобы только требование природы, что если вредят сколько-нибудь, то себе, а не другим, притом имеют нередко сердце мягкое, сострадательность к ближним и другие добрые качества, чем и успокаивают себя, равно как и милосердием Божиим; то апостол, имея в виду все сие, предваряет суд свой на прелюбодеев словом: *не льститеся!* Вы, как бы так говорил он, надеетесь, несмотря на свою плотскую нечистоту, при помощи некоторых добродетелей ваших ускользнуть от гнева небесного, быть допущенными в чистое и святое Царствие Божие; нет, это жалкий обман и самообольщение — *не льститеся! ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи Царствия Божия не наследят.* Почему? Потому, что в него *не может внити ничтоже скверно* (ср.: Ин. 3, 5; Рим. 14, 14). И приметьте, где апостол поставляет блудников и прелюбодеев? Вокруг идолослужителя, как бы сии пороки были одного и того же свойства. И они точно одинакового свойства: как идолослужитель есть прелюбодей, ибо сердце свое, которое должно быть посвящено одному Богу истинному, для Коего оно и создано, отдает идолу и таким образом нарушает союз любви и верности, так и прелюбодей есть идолослужитель, ибо

вместо Бога и Творца отдает сердце свое твари, делая из неё для себя кумир студный.

Будем же первое всего хранить в чистоте свое сердце, возлюбленные, дабы сохраненное от похоти сердце сохранило и плоть от нечистоты. Не будем полагаться ни на какую твердость свою и чистоту. «Не верь, — говорит святой Лествичник, — брэнной своей плоти во всю свою жизнь и не надейся на воздержание ее, дондеже не представиши Христу»¹. Там только, где не будет более никакого врага, — на небе, у Христа и Господа нашего, можно будет предаться совершенному покою; а здесь, доколе живем, посреди сетей ходим и потому должны непременно бодрствовать.

Что же, спросит кто-либо, делать тому, кто имел несчастье поработить себя плотской страсти и связан навывком греховным? — То же, возлюбленный, что делаем мы, будучи повержены в какую-либо глубокую и крутую пропасть: осмотревши свое положение, оградив себя крестом Христовым, призвав на помощь Бога и Ангела хранителя, начать выходить из пропасти; — карабкаться, если то нужно, руками и ногами, но восходить; — засыпаться падающею землею и камнями, но восходить; — чувствовать уязвление и боль во всех членах тела, но восходить; — обрываться по временам и падать, но паки восходить. Когда будем поступать таким образом и употребим с своей стороны все, что можно, то, будь уверен, в нас явятся сила и мужество непреодолимые; невидимая рука поддержит нас,

¹ См.: Слово 15, гл. 17.

а вероятно, явится и видимая помощь, посланная от Того, Кто оставляет девяносто и девять овец и ищет в горах единой — заблудшей (см.: Мф. 18, 10–14). Аминь.

СЛОВО В СРЕДУ 4-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Господи и Владыко живота моего, дух сми-
ренномудрия даруй ми, рабу Твоему!*

Так многократно повторяем мы, если не устами, то мыслию, вместе с служителем алтаря. Но многие ли на самом деле желают стяжать прекрасную добродетель смиренномудрия? Увы, дух мира, дух явной или тайной гордыни и тщеславия до того возобладали между самыми христианами, что добродетель смиренномудрия пришла едва не во всеобщее забвение, и если продолжает стоять в ряду добродетелей, то как редкость, бывшая когда-то в употреблении, а теперь пригодная разве только для некоторых особенных, так сказать, охотников до добродетели.

Между тем, какая добродетель любезнее для всех — смиренномудрия? — Для всех, говорю; ибо Сам Господь свидетельствует о Себе: *на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2). И мы сами не чувствуем ли особенного удовольствия, когда нам доводится иметь дело или сретиться с человеком истинно смиренномудрым, особенно когда он украшен способностями?

Для того, чтобы мы любили смирение и не думали, что оно может унижить нас или помешать

нам на пути жизни к нашему возвышению, сей добродетели прямо обещана награда, и именно возвышение; равно как за противоположный порок — гордости — прямо угрожается наказанием, и именно унижением: *всяк, сказано, возносяйся смирится; смиряяй же себе, вознесется* (Лк. 18, 14). И поелику это говорит Сам Бог, неложный во всех словесех Своих, то опыт непрестанно подтверждает сказанное. Сколько гордецов низверженных, сколько смиренных — вознесенных!

Но нас ничто не трогает и не может привлечь к смирению — ни слово Божие, ни опыт. Гордиться, высокоумствовать, почитать себя лучше других, презирать подобных себе, искать первенства, отличий, — все это сделалось для нас как бы некоей необходимостью. Отчего? От незнания самих себя, от необращения внимания на свои недостатки. Кто знает хорошо самого себя, тот какими бы ни обладал талантами, всегда будет смиренномудр. Почему? Потому что, при всех совершенствах наших, в нас всегда есть множество недостатков, следовательно, и причин к смирению как естественных, так и от нас зависящих. И, во-первых, приметьте: Творец премудрый, в ограждение нас от гордости, даруя кому-либо отличные в известном роде таланты, всегда почти отъемлет у такого человека способность на некоторые самые обыкновенные вещи или присоединяет к талантам какой-либо видимый, ощутительный недостаток. Так, например, люди, одаренные великим умом, часто не имеют никакого дара слова; изумляющие памятью бывают бедны рассудком; особенно красивые не-

редко близоруки или тупы. Самые совершенства наши, достигая скоро предела и встречая преграду, за которую нельзя прейти, должны вести нас к смиренномудрию. Ты, например, отличен умом высоким, познаниями обширными: так тебе же более и скорее, нежели кому другому, должно быть известно, что значит весь ум человеческий и все наши познания; как этот ум, говоря словами Соломона, *с трудом обретае* *и то, что на земле, а того, что на небесах*, что за пределами чувственного мира, ни познать сам собою, ни определить не может (ср.: Прем. 9, 16–17). Самая непрочность и бренность многих совершенств наших — также постоянное побуждение к тому, чтобы не превозноситься. Ты одарена теперь здоровьем и красотой, кои побуждают тебя выситься пред другими; но долго ли продолжится эта свежесть лица, этот розовый цвет ланит и уст, этот так называемый небесный, а в самом деле нередко адский взгляд? Завтра придет болезнь, и все исчезло; послезавтра посетит печаль и горе, и все увяло; через несколько времени наступит преклонность лет, и ты станешь наряду со всеми. Не лучше ли же не отделяться гордостью от других теперь, когда это все поставят тебе в добродетель и заслугу?

Если засим бросить хотя беглый взгляд на наши недостатки нравственные, вспомнить о вольных и невольных грехопадениях наших, то откроется неиссякаемый источник побуждений к смирению для всякого. Ибо сколько у каждого обязанностей не выполненных или выполненных нерадиво! Сколько случаев к добру, опущенных неразумно или употребленных на добро, но

своекорыстно и только отчасти! Сколько прямых и очевидных худых наклонностей и мрачных дел! Тем паче сколько порочных мыслей и чувств! Стоит только, хотя по временам, заглядывать в свое сердце, пересматривать свиток своих мыслей, чувств и деяний — и всяк увидит, как он еще мал духом и нечист сердцем, как далек от того, чем мог и должен быть.

Если кому-либо из нас по этим и многим другим причинам придет святое желание не только молиться устами о духе смиренномудрия, а и на самом деле стяжать сию боголюбезную добродетель, тот да ведает, что смиренномудрие есть такое состояние души, в коем она, познав всю слабость и нечистоту свою, бывает далека от всякого высокого мнения о себе; постоянно старается раскрывать в себе все доброе, искоренять все злое, но никогда не почитает себя достигшею совершенства и ожидает его от благодати Божией, а не от собственных усилий. Человек смиренномудрый всегда имеет некую святую недоверчивость к себе, к силам своего ума и воли и потому осмотрителен, скромен и тих во всех своих словах и действиях. Он никогда не позволит себе дерзких суждений, тем паче о лицах и предметах, кои выше его, тем паче о таинствах веры. Человек смиренномудрый особенно боится похвал и высоких достоинств: посему не только не ищет их, но рад, когда они мимоходят его. Он охотно уступает другим первенство во всем, в самых делах благих. Но когда нужно подать пример, он первый. Смиренномудрый без огорчения, даже иногда с радостью, встречает неудачи и огорчения, ибо знает цену и пользу их

для своего внутреннего исправления. Потому он не памятозлюбив, всегда готов простить обидевшего и воздать ему за зло добром. Таковы очевидные признаки смиренномудрия! Оно любит сокрывать свои добродетели, любит, напротив, обнаруживать свои недостатки, если то может быть без соблазна для ближнего.

У кого учиться смиренномудрию? Всего менее у мудрости земной. *Разум* по натуре своей, как замечает святой Павел, *кичит* (ср.: 1 Кор. 8, 1), то есть надмевает и располагает к гордости и величанию; одна любовь чистая созидает, — смиряя, соединяя, утверждая. Всего лучше учиться добродетели смиренномудрия у святых Божиих человеков, кои оставили нам величайшие образцы смирения, как, например, Авраам, который, удостоившись чрезвычайных откровений и великого названия другом Божиим, не престаивал называть себя *землею и пеплом* (Быт. 18, 27); святой Давид, коему ни сан царя, ни звание пророка не воспрепятствовали сказать о себе: *аз есмь червь, а не человек, поношение человеков* (Пс. 21, 7); святой Павел, который, будучи первым из апостолов по трудам, смиренно исповедует, что *он есть первый из грешников* (1 Тим. 1, 15). Но чтобы мы охотнее учились сей трудной для нашего самолюбия добродетели, то учителем смиренномудрия взялся быть для нас Сам Господь и Спаситель наш. *Научитесь*, говорит Он, *от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Какого не оставил Он нам урока, какого не подал примера в смирении? При самом вступлении в мир наш Он, яко Владыка и Господь всяческих, мог бы окружить колыбель Свою, если

не роскошью, то удобством; но где рождается Он? — В вертепе. На чем возлегает Рожденный? В яслях. Се пример смирения для вас, богатые! Ирод воздвигает на Него лютое гонение, Его жизнь в опасности: а что бы послать против гонителя хотя единого из тех дванадесяти легионов Ангел, кои готовы были всегда к исполнению Его велений? — Но Он, гонимый, смиренно спасает жизнь Свою бегством во Египет. Се пример смирения для вас, сильные земли! Иоанн исходит на Иордан проповедовать покаяние и совершает крещение во оставление грехов: тут ли место Тому, Кто не сотворил ни единого греха и для того пришел на землю, чтобы истребить всякий грех правдою Своею? И что подумают, если безгрешный будет просить сего крещения и получит его? Но Господь просит крещения и приемлет его смиренно от Своего Предтечи. Се пример смирения для вас, кои слишком дорожите мнением о вас человеческим и из опасения того, что подумают о вас, уклоняетесь от совершения дел благих! — А на Голгофе? Здесь уже не пример, а, можно сказать, чудеса смирения, пред которыми все наши подвиги и опыты в смирении суть ничто!

Итак, ищущая смирения душа, нет нужды нам с тобою много думать, кого избрать себе наставником и образцом смирения: им будет для нас Сам Господь и Спаситель наш. Для сего предадим себя Ему всецело, как малое дитя предается учителю, и будем слушать, что Он начнет внушать нам. Люди могут только учить и подавать советы; Он же и научит стократ лучше, и явит в

Себе совершенный пример того, чему поучает, и подаст нам силы исполнить выученное на самом деле. Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 4-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Господи и Владыко живота моего, дух терпения даруй ми, рабу Твоему!

К сему прошению не нужно много возбуждать просителей: ибо для кого излишен дух терпения? Все мы так или иначе страдаем; у всех природа отвращается скорби и печалей, посему каждому нужен дух мужества и терпения, дабы не поникнуть под печалию, не предаться малодушию и ропоту.

Но где взять сего духа терпения? В собственном сердце? Ах, оно первое отрекается терпеть, бьется беспокойно при малом неудовольствии, ропщет и стонет от боли — при сильной напасти. В своем рассудке? Он готов, по временам, смотреть холодно на бедствия, но только по временам; и что из сего хладного взгляда? — Новая туга в душе, новая тяжесть в сердце. — У подобных себе людей? Но, во-первых, у каждого есть свое горе; притом люди способнее разделять с нами радости, нежели скорби и, разделяя скорби наши, способнее с нами плакать, нежели осушать наши слезы. В обстоятельствах жизни? Из них-то более возникают наши огорчения, наши печали и бедствия; взгляд на мир человеческий — самый слабый утешитель. В природе

и ее стройном порядке? Но самая стройность ее и благолепие есть как бы укор нашей бедности. А притом взор человека страждущего, минуя то, что в природе есть отрадного и успокоительного, останавливается обыкновенно на том, что в ней представляется мрачного и возмущающего; а мало ли такого?

Таким образом, мысль человека скорбящего, как голубица Ноева, не находя нигде, ни внутри, ни вне себя, места для успокоения, естественно, стремится к небу. Внутреннее, ничем не заглушимое, чувство говорит каждому, что там — горé — есть сила для укрепления всякой немощи, есть радость, способная изгнать всякую печаль, есть жизнь, которая вовсе не знает смерти и тления.

Что всего неожиданнее, самый нераскаянный грешник в минуту сильных огорчений и бед также подымлет иногда очи к небу и ожидает себе помощи и духа терпения. Но для чего? Дабы, собравшись с силами, снова устремиться к достижению тех же или подобных беззаконных и безумных замыслов! Можно ли пожелать таковым духа терпения? Нет, Господи, даждь им духа не терпения, а малодушия и отчаяния в исполнении беззаконных замыслов, да уразумеют, что напрасно уклонились от закона Твоего, вотще мнили найти у мира и плоти то, что обретается у Тебе единого. Отними у нас самих духа терпения, если мы будем употреблять его не на подвиги любви и благочестия, а на служение миру и страстям.

Молитву о терпении имеет право приносить тот, кто терпит за правду или для правды.

Господи и Владыко живота моего, дух терпения даруй рабу Твоему, — может сказать непостыдно человек, обремененный семейством и бедностью, — да не возропщу от тяжкого жребия моего, да возмогу трудами рук моих воспитать детей моих, да, томимый нуждою, не простру сих рук к обману и хищению. *Господи и Владыко живота моего, дух терпения даруй ми*, — может непостыдно сказать человек, облеченный высокой властью и достоинством, — да возмогу проходить, как должно, великое служение мое, ничего не забывая и не оставляя, что служит ко благу общему, да понесу с благодушием всю тяжесть пререканий человеческих, да *буду всем вся* (ср.: 1 Кор. 9, 22), не жалея ни сил, ни покая моего, не смущаясь никакими трудностями и неудачами. *Господи и Владыко живота моего, дух терпения даруй рабу Твоему*, — может сказать слуга, желающий служить господину своему по-христиански, — да возмогу без ропота переносить прихоти и жестокость моего владыки, да не соблазнюсь худыми примерами роскоши и греха, коими окружен я, да не опущу никогда из виду той вечной награды, которую обещал Ты всем верным слугам в Царствии Твоем. *Господи и Владыко живота моего, дух терпения даруй рабу Твоему*, — может говорить самый последний из преступников, когда он, возненавидев прежний путь беззакония, испрашиваемый дар терпения решился употребить на благодушное перенесение заслуженного наказания, на побеждение в себе навыка ко греху, на очищение своей жизни и совести подвигами покаяния и благих дел.

Все таковые и им подобные да просят смело духа терпения и могут быть уверены, что им не будет отказано. Ибо если что угодно пред Господом и Владыкою живота нашего, то это наша готовность переносить страдания и искушения. Таковых Он никогда не оставит Своею помощью.

Но как же, скажет кто-либо, я давно страдаю жестоко, пламенно молюсь, вопию о помощи, прошу, по крайней мере, духа терпения, и не вижу его в себе, не чувствую никакой отрады и мужества? — Кто бы ни был, страждущий таким образом, да будет ведомо тебе, что Господь слышит молитву твою, видит скорбь твою, сострадает тебе, хранит тебя невидимо и уготовляет тебе венцы и награду. Ибо как бы Он мог не видеть твоих слез и не сострадать им? — Это значило бы для Него отказаться от собственного всеведения и самого существа Своего, которое есть любовь и милосердие. — Почему же не подается тебе мужество и терпение? — Может быть, потому что для тебя надежнее и полезнее состояние малодушия, нежели мужество, дабы ты, пройдя это искушение, познал все бессилие человеческой природы и возверг всю надежду свою единственно на Господа; может быть даже, что испрашиваемый дар подан уже тебе, и ты не видишь его только потому, что воображал получить его не в том виде или не в той мере, как он тебе подан. В самом деле, если ты продолжаешь молиться и уповать, то в тебе уже есть по крайней мере начаток духа терпения. Ибо сей дух состоит не в том, чтобы не чувствовать своего бессилия и своих страданий, не плакать и не вопиять

о помощи, не в том, чтобы не преклоняться под тяжестью бед и искушений и никогда не падать, а чтобы не пасть вовсе и не потерять веры и упования. В ободрение тебе на крестном пути твоём мы можем и должны сказать тебе с апостолом одно, — что Господь никому и никогда не допускал и не допустит искуситься паче, *еже может понести, но со искушением всегда творит и избытие* (ср.: 1 Кор. 10, 13).

Но мне, скажет иной, уже ничего не осталось ожидать и желать, как только смерти. И что же, возлюбленный о Христе страдалец, если и смерти? Разве бы ты не умер, если б был самым первым счастливым мира и когда бы все находилось в твоей власти? Смерть есть событие, неизбежное для всех и каждого. Об одном должно заботиться всем, чтобы умереть о Господе, с истинным раскаянием во грехах и с верою в Икупителя. В таком случае смерть не потеря, а успокоение от трудов и скорбей. *Блажени мертвии, умирающие о Господе; ей, глаголет Дух, да починут от трудов своих* (ср.: Апок. 14, 13)!

Но меня, возразит страждущий, смущает не собственная смерть, а мысль о том, что будет с моим семейством, с кем и как оно, бедное, останется? — Останется с Тем, Кто именует Себя Отцом сирых и Заступником вдовиц, в деснице Коего все жребии человеческие, Кто трех отроков сохранил невредимыми в печи огненной, Кто из младенца, преданного волнам речным, воздвиг вождя народу израильскому и бога фараону. — Что будет с твоим семейством? Будет то, чего мы с тобою не можем и знать, но что давно уже, от вечности, положено в Совете

Божием, — будет то, что во всяком случае может послужить к истинному его благу. И семейство твое, конечно, будет страдать и терпеть; но сие терпение послужит оградой от соблазнов роскоши и, может быть, стократ вознаградится еще в этом мире. В самом деле, сколько примеров, что из семейств самых бедных и сиротствующих выходят люди самые прекрасные; между тем как там, где, по-видимому, все было употреблено на воспитание и образование детей, являются члены семейства, служащие ему в печаль и укоризну.

Сими и подобными размышлениями да укрепляем себя, братие, на пути земных скорбей и лишений, воодушевляясь примером Самого Господа и Спасителя нашего, *Иже, вместо предлагающия Ему радости, претерпе крест, о срамоте нерадив, и тако одесную престола Божия седе* (ср.: Евр. 12, 2), уготовляя венцы для всех истинных страдальцев. Аминь.

СЛОВО В СРЕДУ 5-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Господи и Владыко живота моего, дух любви даруй ми, рабу Твоему!

Даруй: ибо *аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, бых яко медь звенящи, или кимвал звяцаий.*

Даруй: ибо *аще имам пророчество, и вею тайны вся и весь разум, и аще имам всю веру, яко и горы престаивати, любви же не имам, ничтоже есмь!*

Даруй: ибо *еще раздам вся имена моя, и еще предам тело мое, во еже сжещи е, любви же не имам, ни кая польза ми есть* (1 Кор. 13, 1–3).

Так высоко ценит дар любви святой апостол Павел, у коего заимствовали мы слова сии. Он называет ее союзом или совокупностью всех совершенств, ставит ее не только превыше пророчеств, дара языков и знаний, но и выше самой веры и надежды: *больши же сих любви* (1 Кор. 13, 13). Иначе и нельзя ценить сию добродетель, ибо Сам Господь Бог наш, по свидетельству святого евангелиста, *любви есть, и только пребывающий в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4, 16).

Но что это за любовь, так высоко ценимая? Очевидно, не та, что господствует в мире; ибо и мир исполнен любовью, но какой? *Все, еже в мире*, говорит тот же апостол, *есть похоть плотская, похоть очес и гордость житейская* (1 Ин. 2, 16). Сия нечистая любовь не успокаивает, а раздражает, не созидает, а превращает; от сей любви рушится тишина и благо семейств, стонут веси и грады, льется иногда рекою кровь человеческая. Любовь сия хуже самой ненависти мирской: ибо ненависть заставляет быть осторожным и убежать сетей вражиих, а любовь плотская заставляет добровольно стремиться в пропасть.

Хотите ли знать свойства чистой любви христианской? — Нельзя лучше изобразить ее, как она изображена у святого апостола Павла. *Любы, — говорит он, — долготерпит, милосердствует; любви не завидит; любви не превозносятся, не гордится, не безчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется*

ся о неправде, радуется же о истине: вся покрывает, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит, любви николиже отпадает (1 Кор. 13, 4–8).

Очевидно, такой любви нет в мире. Были все мы созданы для сей святой любви и имели ее некогда, но не умели сохранить. Пришел дух злобы и возмущил адским дыханием своим поток любви в нашем сердце. С тех пор мы во вражде со всем миром и с самими собою. В самом деле, что теперь любовь наша? Большею частию сокрытая ненависть. Если мы любим Самого Бога, то потому, что Он всемогущ, и мы опасаемся впасть в руки Его правосудия, — подвергнуться Его гневу и мукам вечным. Отнимите пламень ада, — и у многих угаснет любовь к Самому Богу. Что же это за любовь, которая имеет нужду возгреваться от пламени адского? — Если мы любим ближних, то потому, что они служат к нашей пользе и удовольствию; потому, что видим в них необходимые орудия для своего самолюбия, своих страстей и прихотей. В противном случае тотчас заступает место отвращение и даже ненависть, вражда и преследование. Что, наконец, выходит из любви нашей к самим себе, которая по-видимому так беспредельна и неизменна? То, что мы, раболепствуя всю жизнь похотям и страстям своим, погибаем наконец телом и душою. Посему-то слово Божие не находит для нашего блага другого средства, как предписать нам вместо нечистой любви чистую ненависть к самим себе. Такова наша любовь!

Кроме сего злополучного превращения в нас дара любви, в сердце нашем есть другое, ужасное зло, — дух ненависти и злобы. Как мы ни скры-

ваем этого пришельца из бездны, но он нередко проглядывает во многом, — в явной и тайной гордости, с коею небрежно презираем подобных себе и не терпим вышших себя, — в постоянной зависти к малейшему совершенству ближних, особенно когда его нет в нас самих, — в некоем злорадстве при огорчениях и неудачах не только чуждых нам людей, но самых ближних и друзей наших. Пламень прирожденной злобы, в нас гнездящийся, хотя сокрывается во глубине духа, подобно огню подземному, производит нередко ужасные взрывы и потрясения, от коих превращаются дома, грады и целые царства. У него есть притом, как у огня подземного, постоянные отверстия на поверхности уст наших, в кои выходит чад из *студенца бездны* (Апок. 9, 2), в виде слов бранных и зловонных. Вместе с сим чадом извергаются, как камни из гор огнедышащих, брани и ссоры нередко за самые ничтожные и пустые вещи, — распри и ненависти между такими лицами, кои связаны всем, что природа и дружба имеют у себя самого крепкого. Наконец, как огненная лава, текут обманы наглые, явные хищничества, жестокости и убийства, особенно во времена браней и междоусобий.

Взирая с сей стороны на мир человеческий, ощущая вокруг себя бурное дыхание злобы и ненависти, усматривая в собственном сердце николиже оскудевающий источник злобы и лукавства, кто не почувствует нужды возвесть очи к небу и вместе с святым Ефремом воззвать: *Господи и Владыко живота моего, дух любви даруй ми, рабу Твоему!* Даруй, да не увлекусь всемирным потоком самолюбия и зависти, да воз-

могу любить всех, кого Ты любишь, любить так, как Ты любишь, не тою мирскою любовью, которая во всем ищет своих себе, а любовью возлюбленного Сына Твоего, которая готова положить душу за брата, тем паче умеет сносить все недостатки ближнего и оскорбления, готова прощать и любить самых врагов своих!

Но, ожидая и испрашивая таким образом огня чистой любви свыше, мы, братие, и сами не должны оставаться в бездействии, а уготовлять души и сердца свои, как светильники, к тому, чтобы огонь небесный, сошед на них от Духа Святого, мог удобно воспламенить их. В чем должно состоять сие приготовление? После молитвы всего более в размышлении о любви Божией и о том блаженном союзе, коим во Христе связаны неразрывно все потомки Адамовы.

В самом деле, Отец Небесный объемлет Своею любовью всех человеков; Он сияет солнцем Свое равно на праведные и неправедные; мы именуемся и хотим быть чадами Его: если именуемся не напрасно, если хотим быть чадами не на словах токмо, а и на самом деле, то как нам ненавидеть тех, коих любит общий Отец наш?

Единородный Сын Божий, возлюбленный Спаситель наш, пришел на землю и умер для спасения всех; любовь Его к бедным грешникам не отвергает никого, ни мытаря, ни прелюбоде-ев; Он подал прощение со Креста самым распинателям Своим и молился за них. Мы сознаем себя грешниками; хотим, чтобы грехи наши были очищены Его Кровию, прикрыты Его заслугами: услышится ли наша молитва о сем, по-

дастся ли нам прощение во грехах наших, если мы не будем подражать великодушию и любви нашего Искупителя, не отпустим долгов ближним нашим, кои, в сравнении с нашими долгами¹, составляют такую малость?

Дух Святый, Коим знаменовались мы в купели Крещения и от Коего получили обручение живота вечного, положил драгоценное, неизгладимое знамение Свое не на одних нас и не на одних тех, кои любезны нам, но на всех и каждом; Он силен из Савла соделать Павла, из мытаря — евангелиста, из разбойника, на кресте висящего, — наследника рая; будем ли мы после сего смотреть на кого-либо, как на отверженного, — лишать совершенно любви своей того, кто не лишен знамения и любви Духа Святаго?

И к чему стремимся мы? К наследию Царствия Небесного, в которое не может вникнуть никакая злоба и ненависть, посему, если бы кто-либо из ближних наших и заслуживал своею нечистотою наш гнев, то мы не должны питать к нему ненависти из любви к нам самим, дабы сия ненависть, как вещь запрещенная, не помешала нам войти в царство любви и мира.

Подобными размышлениями, братие, должны мы разогреть хладное сердце свое для любви к ближним и таким образом приуготовлять его для принятия огня любви небесной от Самого Духа Святаго, твердо памятуя, что доколе сей огонь не низойдет на нас, душа наша может теплеть, разгорячаться, даже дымиться, так ска-

¹ См.: Молитва Господня «Отче наш...»

зять, любовь; но никогда не произведет из самой себя чистого, постоянного и неугасающего пламени любви Христовой. Аминь.

СЛОВО В ПЯТОК 5-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков!

Что бы, казалось, легче и естественнее для человека, как зреть собственные свои прегрешения? — Но, видно, это не собственность наша, а дар, и дар немалый, когда его просит для себя и такой великий подвижник, как святой Ефрем. Подлинно, сей дар нисходит только свыше, и весьма нужен для всех и каждого. Во всех нас есть какое-то непостижимое отвращение от того, чтобы зреть свои прегрешения. Может быть, это знак, что грех несвойствен природе нашей; но во всяком случае это крайне пагубно для нас: ибо как я займусь исправлением своей жизни, если не знаю, что во мне худого и в чем состоят грехи мои? — О сем-то, однако же, познании менее всего заботятся. Тут оставляет человека даже врожденное ему любопытство, так что вы найдете множество людей, кои, подобно Соломону, пересмотрели все от кедра до иссопа¹ и ни разу не рассматривали самих себя хотя столько, как они рассматривают какое-либо насекомое или травку. Судя по сему, можно бы даже подумать, что человек ненавидит себя и потому не хочет

¹ Трава, из которой делают кропила.

знать. Между тем он любит себя более всего и во всем ищет только себя, все относит к себе, видимо, непрестанно занимается собою; но рассматривать свой характер и поведение, свое сердце и совесть — к этому нет у человека охоты; в сем отношении он готов заняться чем угодно, только бы не самим собою; готов дни и недели проводить над разбиранием самых маловажных вещей, только бы не быть принужденным беседовать с своею совестью.

В самом деле, много ли употребляем мы времени на испытание своей совести даже пред исповедью, когда нужно бывает дать пред служителем алтаря, или, иначе, пред Самим Спасителем нашим, отчет в нашем поведении и выслушать приговор с разрешением или осуждением нас на всю вечность? — Много, если употребляем на сие важнейшее дело несколько часов. А сколько часов, дней, недель и месяцев употребляется нами на предметы самые неважные для души и совести, на мелкие счета и отчеты по хозяйству, на рассмотрение какой-либо книги или древности, на составление плана для каких-либо увеселений, на продажу или покупку нескольких животных? Напрасно слово Божие непрестанно повторяет нам, что душа наша бесконечно важнее тела и что если погубим душу, то ничто не поможет, хотя бы приобрели целый мир (см.: Мф. 16, 26; Мк. 9, 25; Лк. 8, 35); напрасно пастыри и учителя Церкви внушают нам, что не надобно пренебрегать греховных ран сердца, что они, оставленные без внимания, соделаются неисцелимыми и причинят смерть душе; напрасно внутренний человек наш, брошенный без помо-

щи, подьмет иногда главу и стопами своими напоминает нам, что внутрь нас смерть и пагуба, — мы глухи и слепы ко всем сим внушениям и указаниям; бросив беглый взгляд на мрачную картину своего бытия, поправив в ней иногда некоторые черты, слишком уродливые, тотчас закрываем ее от самих себя завесою забвения. Кто же после сего может возбудить нас от пагубного нечувствия и невнимания к самим себе, если Сам Господь не придет к нам и не коснется сердца нашего Своею всемошною благодатию? — Но сию благодать надобно испросить усердною молитвою, без чего она, если и придет к нам, то не найдет себе у нас входа и места. Посему-то человек, начинающий ощущать нужду в познании нечистоты и грехов своих, должен как можно чаще обращаться с молитвою ко Господу и вопиять из глубины души: *Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения!* Сними с умственных очей моих бельмо самолюбия, да вижу всю черноту моих преступных деяний; направь Сам душевное мое зрение на мою совесть, да не скользит оно и не рассеивается по предметам для меня чуждым, хотя и обольстительным! — Ибо что пользы, если я буду знать все, а не познаю самого себя? Что пользы, если я совершу дела великие и громкие, коим будет дивиться свет, а не исправлю себя для вечности? — Пусть лучше останется для меня в неизвестности все, что происходит в свете, как падают и возвышаются царства, но да не останется неведомым то, что совершается в моем сердце и совести, как падаю и как должен восставать от падения я сам.

При пагубной невнимательности к себе и состоянию души своей в человеке есть другая крайность — несчастная склонность к осуждению своих ближних. Не говорим уже о слабом поле, у коего склонность к пересудам ближних делается нередко господствующей страстью: самые мужи, от коих ожидалось примеров совершенно противного, и они наряду с немощными сосудами раболепствуют сему недугу. И откуда берется в сем отношении дальнорительность у самых близоруких умов! Откуда сметливость и тонкая сообразительность у самых косных на все прочие суждения! Откуда неутомимость в исследовании чужих дел и намерений у самых недеятельных!

И здесь также в людях не без странного противоречия. Облеките сих самозванных судей и пересудчиков обязанностью судить грехопадения ближних по законам: они скоро потеряют терпение и будут тяготиться своей должною, показывать небрежность в ее выполнении, хотя это со вредом для блага общественного. А без обязанности, дома, в праздной беседе, сии же люди всегда готовы, не утомляясь, судить и пересуждать весь свет.

Сама добродетель и порок не производят в нас, в отношении склонности осуждать ближнего, почти никакого различия. Человеку набожному, например, вовсе неприлично заниматься не только осуждением, но и суждением о грехопадениях своих ближних; ибо если кто, то работающий Господеву должен знать, что *имже судом судит* человек ближнего, себя осуждает (ср.: Мф. 7, 2). Но многие ли из людей набожных со-

вершенно свободны от несчастной склонности осуждать при каждом случае ближнего? У некоторых, напротив, набожность служит как бы вместо признанного всеми права видеть и указывать *сучец*, находящийся *в очию брата* (Мф. 7, 3). Подобное с людьми явно порочными и обесславленными. Собственные грехи и чернота должны бы навсегда запечатлеть им уста и заставить смотреть долу. Но они-то первые готовы кричать на весь свет о том, что заметят в вас, прибавляя от собственного запаса зла то, чего недостает к худости вашего поступка.

После сего не удивительно, если истинно добрый христианин, чувствуя наряду с другими в падшей природе своей склонность к осуждению ближнего и видя невозможность самому собою всегда удерживать язык от злоречия, обращается с молитвою ко Господу о том, чтобы ему дарована была благодать *зрети своя прегрешения и не осуждати брата своего!* Довольно, Господи, с меня моих собственных грехов и язв внутренних, кои еще не осмотрены, не исчислены, остаются без уврачевания и со дня на день делаются глубже и неисцельнее; а до грехов чуждых, коль скоро согрешающие не зависят от меня, какая мне нужда? Есть у них свой судия и вместе врач — Твоя правда и Твоя любовь. Стоят ли они? Тебе, своему Господу, стоят. Падают ли? Тебе, своему Господу, падают. И Ты всегда силен восставить их. Сколько грешников посредством покаяния соделались людьми святыми! Может быть, и осуждаемые мною уже престали от греха, давно начали свое покаяние и оправданы благодатию Твоею: а я буду продол-

жать преследовать их злоречием и, подобно диаволу, клеветать на них, теперь уже невинных и оправданных Тобою! — Да сохрани меня от сего благодать Твоя и да подаст вместо осуждения ближнего *зрети моя прегрешения*, зреть не хладным оком чуждого зрителя, а как взирают на свою нищету, на свои раны, на собственную смерть, зреть и плакать о зримом, зреть и врачевать гнилость души, зреть и употреблять все средства не впадать в новые грехи и в новую пагубу!

Если бы кто засим спросил: какое надежнейшее средство к тому, чтобы при помощи благодати Божией приучить себя зреть свои прегрешения, — тому скажем, что лучшее средство принудить себя к тому (с намерением говорим — *принудить* (см.: Мф. 11, 12), ибо без принуждения и всякое благое дело, тем паче сие, никогда не совершится) состоит в том, чтобы назначить известное, хотя краткое, время именно на рассмотрение своих поступков и чувств, назначить так, чтобы оно не было уже употребляемо ни на что другое. Таким образом, мы поставим себя в необходимость заниматься самими собою; а занимаясь постоянно, если не вдруг, то с продолжением времени непременно узнаем, каковы мы, какая в нас господствующая страсть, чем недугует наш ум и сердце. Совет сей может показаться неисполнимым для тех, кои не вправе располагать своим временем. Но, во-первых, нет человека, у коего бы вовсе не было своего времени, а здесь его немного и нужно; во-вторых, если не можешь располагать временем, то располагай мыслями: этого никто не может отнять

у тебя. Ты, например, слуга, должен всякий час быть готов исполнять приказания господина; но среди самого исполнения их у тебя есть немало возможности обратить мысль на самого себя, на свою жизнь, на свои грехи. Сим святым занятием наполнялось бы даже у тебя множество праздных промежутков времени, в которые ты не знаешь, что делать, скучаешь, предаешься злоречию или еще худшему.

Как приучить себя, с другой стороны, не осуждать брата своего, то есть всякого ближнего? — Во-первых, смотри всегда на согрешающего собрата как на больного, потому что грех есть действительно болезнь, худшая всех болезней. При таком взгляде страсть к осуждению непременно будет хладеть и гаснуть. Ибо осуждаем ли мы больного, кто бы он ни был? Нет, мы чувствуем к нему невольное сострадание. Во-вторых, должно поставить себе за правило, увидев что-либо худое в ближнем или услышав о том, тотчас мысленно помолиться за него. Это каждому и завсегда весьма легко делать; и между тем это сильнейшее средство против духа осуждения, который не терпит молитвы и бежит от нее.

Когда мы будем, таким образом, сами делать свое дело по силам, будем приучать себя к тому, чтобы смотреть на свои падения, а не на грехи ближнего, то Господь подаст нам и благодать Свою, с которою нам можно будет достигнуть того вожделенного состояния, в коем знают только себя и свои грехи и не ведают, есть ли в мире хотя один подобный грешник. Аминь.

СЛОВО В СРЕДУ 6-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Кончилась, братие, молитва святого Ефрема. Окончатся и наши собеседования о ней. Ужели кончится вместе с ними и дух молитвы и собеседований? — Да не будет! — Ибо, если так, то напрасно проведено здесь время; напрасно и мы выходили пред вас и расточали мысли и слова наши; напрасно и вы собирались в таком множестве, стояли немалое время в такой тесноте, следуя за нами взорами и мыслью вашей. Но если виденное нами в вас во время Святого поста может служить порукою за будущее, — то мы вправе иметь не столь печальные надежды. Ибо что мы видели? Постоянное, усердное расположение к Святой Церкви и слушанию поучений; видели глубокое благоговение к предметам священным и внимание к делу своего спасения; слышали частые вздохи при напоминании о грехах, были не раз свидетелями даже слез ваших. Возможно ли, чтобы все это рассеялось и исчезло, не оставив следа? Не наших каких-либо трудов жаль нам было бы при сем, братие. Много ли мы трудились, и не вознаграждает ли подобный труд сам себя? Нет, нам жаль было бы в таком случае вас и душ ваших. Ибо, если бы хождение в церковь и слушание поучений, продолжавшиеся столько времени, не оставили по себе никакого следа в наших нравах и жизни, то это значило бы, что сердца наши подобны камням, на коих, что ни сей, не дождешь никакого плода, на

коих, если что и всходит, то, не имея углубления в корне, скоро иссыхает потом бесплодно. Это значило бы, что мы находимся в глубоком ослеплении и безжалостно обманываем самих себя: ибо когда наступит время поста, притихаем во зле, оставляем угождения плоти и рабство страстям, обращаемся, по-видимому, к Богу; а когда пройдет пост и паки предстанет мир с его отравой, то бежим стремглав к сему врагу, пьем до дна подносимую нам отраву, отдаем ему в жертву то, что успели приобрести доброго.

Какого же плода, спросите, ты требуешь от нас, и что хочешь, чтобы произвели в нас беседы твои? Не наши беседы, возлюбленные. Если бы мы надеялись на свое слово и свой ум, то никогда бы не решились разверзть пред вами уст своих. Но мы уверены, что с нами, на сем месте, всегда невидимо Тот, Кто избрал нас, недостойных, в дело служения и поручил *нам слово спасения* (2 Кор. 5, 19), Кто дает, когда нужно, уста и мудрость самым буим¹ мира, Кто словом Своим *может воздвигнуть от камня чада Аврааму* (ср.: Мф. 3, 9) и из самого ожесточенного грешника соделать *сосуд в честь* (ср.: Рим. 9, 21). В нас есть уверенность, что когда мы совершаем священнодействие благовествования Христова и оглашаем своими словами слух ваш, в то же время действует над сердцами вашими благодать Духа Святаго, Того общего всех нас Наставника, Который посредством рыбарей и мытарей обратил из тьмы в свет, из области са-

¹ Глупым, несмышленным (церк.-слав.).

таны к Богу — целую вселенную, Который может тронуть не только самое закоснелое во грехе сердце, но и переменить его на сердце новое, чистое и святое. При таких великих и всемогущих действователях почему не ожидать самых чудес обращения? — В самом деле, разве рука Господня сократилась? Разве у Спасителя не осталось для нас Крови очистительной, а у Духа — огня просвещающего? — Не мните же, что вы не обязаны ни к чему важному потому, что слушали человека, вам подобного. Пусть человек сей будет далек от совершенства, пусть будет самым последним из грешников, — но он вещал вам о имени Господнем, вещал не от себя, а от лица Спасителя вашего; вместе с ним действовал на вас Сам Дух истины и благодати. Пренебречь таким действием — значит забыть о спасении души своей.

Не забывайте же сего, возлюбленные! Не будьте подобны человеку, который, посмотревшись в зеркало и увидев лицо свое и черные пятна на нем, вместо того, чтобы тотчас умыться, отошел и забыл, что видел и что надобно ему было сделать.

Изяснимся прямее. Перед вами, по мере сил наших, изображены пороки, кои безобразят душу нашу и коих потому всемерно надобно избегать христианину; изображены и добродетели, кои могут украсить все существо наше и кои потому самому надобно во что бы то ни было стяжать и хранить до конца жизни. Быть не может, чтобы не только наше слово, но и собственная совесть ваша не говорила вам, что и в вас, как и в прочих людях, есть сии пороки и немалый недо-

статок в сих добродетелях. Не должно ли после сего, — если мы не почитаем за ничто и пороков, и добродетелей, — принять все возможные меры к искоренению в нас первых и к насаждению и укреплению последних? — Итак, кто любил доселе празднословить и кощунствовать, да научится отселе полагать словам своим вес и устам затвору. Кто любил предаваться праздности и губил драгоценное время в забавах, да изыщет полезное, сродное своему состоянию и способностям, занятие. Кто увлекался слепо мечтами честолюбия, да возлюбит смирение и перестанет гоняться за призраком хвалы мирской. Кто привык встречающиеся в жизни искушения сретать ропотом и жалобами на свою судьбу, да встречает их отселе преданностью в волю Божию, яко врачевство полезное для души. Кто был в отношении к другим суров, жесток и нелюбовен, да примет противный образ обхождения и действий. Кто забывал свои грехи и любил смотреть на чужие недостатки, да престанет *видеть сучец в очесе брата* и да научится извлекать *бревно из собственного глаза* (ср.: Мф. 7, 3).

Когда последует такая перемена с нами, тогда можно будет сказать, что настоящий Святой пост прошел для нас не без пользы, что мы не напрасно посещали храм, не напрасно слушали поучения. Тогда и мы возблагодарим Господа, что благодать Его удостоила нас послужить делу вашего спасения. А доколе не произойдет сего, то и окончив по-видимому дело, мы с вами стоим еще на распутии между успехом и неудачею, между потерей и приобретением. Стоят,

без сомнения, и светносные души добродетелей и мрачные души пороков и ожидают теперь, к кому из них мы обратим лицо свое, за кем пойдем вслед. Не заставим же, братие, их в недоумении долго взирать на нас. Что медлить? В чем сомневаться? Пойдем за Ангелами Божиими путем любезных им добродетелей в Царствие Божие, дабы, окружая нас и сопутствуя нам в продолжение жизни нашей, они явились к нам и при исходе из тела души нашей и сопроводили нас на лоно Авраамле. Отвратимся однажды и навсегда от темных агтелов греха и пороков, извергнем из души и сердца своего, через покаяние и исповедь, все, что занято от них богопротивного и душевредного, дабы в противном случае они не предстали у смертного одра нашего и не повлекли бедную душу нашу, как свою собственность, в глубины адовы.

Господь, давший силу немощи нашей возвестить вам путь истины и правды, да дарует и вам хотение и силу вступить на сей путь с бодростию и шествовать по нему без преткновения. О сем не престанем молить Его благость выну, доколе не оскудеет слово во устах наших. Аминь.

Содержание

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Слово в Неделю мытаря и фарисея	5
Слово в Неделю мясопустную	14
Слово в Неделю сыропустную	21
Слово в понедельник 1-й недели Великого поста	26
Слово во вторник 1-й недели Великого поста	32
Слово в среду 1-й недели Великого поста	39
Слово в среду 1-й недели Великого поста	46
Слово в четверг 1-й недели Великого поста	50
Слово в пятницу 1-й недели Великого поста	55
Слово в пятницу 1-й недели Великого поста	63
Слово в субботу 1-й недели Великого поста	66
Слово в Неделю Православия	69
Слово в Неделю Православия	84
Слово в Неделю Православия	91
Слово в Неделю Православия	97
Слово в Неделю Православия	100
Слово в среду 2-й недели Великого поста	107
Слово в пятницу 2-й недели Великого поста	113
Слово в пятницу 2-й недели Великого поста	121
Слово в субботу 2-й недели Великого поста	123
Слово в Неделю 2-ю Великого поста	126
Слово на память čtyрeдeсяти мучеников	133
Слово в среду 3-й недели Великого поста	142
Слово в пятницу 3-й недели Великого поста	148
Слово в Неделю Крестопоклонную	154
Слово на память Алексия, человека Божия	172
Слово в среду 4-й недели Великого поста	178
Слово в пятницу 4-й недели Великого поста	184
Слово в Неделю 4-ю Великого поста	190
Слово в среду 5-й недели Великого поста	200
Слово в четверг 5-й недели Великого поста	206
Слово в пятницу 5-й недели Великого поста	211
Слово в пятницу 5-й недели Великого поста	219

Слово в субботу 5-й недели Великого поста	223
Слово в субботу 5-й недели Великого поста	229
Слово в Неделю 5-ю Великого поста	233
Слово в среду 6-й недели Великого поста.....	245
Слово в пяток 6-й недели Великого поста	252
Слово в пяток 6-й недели Великого поста	256
Слово в субботу Лазареву	260
Слово в Великий Понедельник.....	264
Слово в Великий Понедельник.....	271
Слово в Великий Понедельник.....	276
Слово в Великий Понедельник.....	282
Слово в Великий Вторник.....	289
Слово в Великий Вторник.....	297
Слово в Великую Среду	298
Слово в Великую Среду	302
Слово в Великую Среду	305
Слово в Великий Четверток.....	306
Слово в Великий Четверток.....	312
Слово в Великий Четверток.....	313
Слово в Великий Пяток.....	321
Слово в Великий Пяток.....	328
Слово в Великий Пяток.....	335
Слово в Великий Пяток.....	339
Слово в Великий Пяток.....	345
Слово в Великую Субботу	353
Слово в Великую Субботу	358
Слово в Великую Субботу	367
Слово в Великую Субботу	369
Слово в Великую Субботу	372

МОЛИТВА СВЯТОГО ЕФРЕМА СИРИНА

Слово в среду 1-й недели Великого поста.....	377
Слово в пяток 1-й недели Великого поста	384
Слово в среду 2-й недели Великого поста.....	390
Слово в пяток 2-й недели Великого поста	398
Слово в среду 3-й недели Великого поста.....	405
Слово в пяток 3-й недели Великого поста	411
Слово в среду 4-й недели Великого поста.....	417
Слово в пяток 4-й недели Великого поста	423
Слово в среду 5-й недели Великого поста.....	428
Слово в пяток 5-й недели Великого поста	434
Слово в среду 6-й недели Великого поста.....	441

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОТЧИЙ ДОМ»

предлагает:

- широкий ассортимент православной литературы по издательским ценам;
- большой выбор церковной утвари.

Для оптовых покупателей — гибкая система скидок. Высылаем списки литературы, работаем по предварительному заказу, осуществляем доставку книг контейнерами и автотранспортом.

Высылаем книги по почте наложенным платежом.

Телефон издательства: 8 (499) 261-18-87.
e-mail: otdom@yandex.ru

Телефон склада: 633-08-02; тел./факс: 633-00-71.
Адрес склада: г. Москва, 2-й Донской пр-д., 7/1.

Проезд:
до станции метро «Ленинский проспект»,
выход к ул. Орджоникидзе, далее пешком.

Режим работы: с 10.00 до 18.00 часов без перерыва.

В субботние, воскресные дни и двенадесятые праздники склад не работает.

ПОСЕТИТЕ НАШ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

www.otchiy.ru

Новинки православных издательств

**Святитель Иннокентий
Херсонский**

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

**МОЛИТВА СВЯТОГО
ЕФРЕМА СИРИНА**

Редактор *А.А. Власова*
Корректор *А. А. Воронков, А. Г. Демичева*
Технический редактор *А.Л. Гулина*
Выпускающий редактор *Л.В. Бутримова*
Компьютерная верстка *А.В. Марак*
Дизайн обложки *С.Л. Белокурова*

Подписано в печать 10.12.11. Формат 84x108^{1/32}
Бумага офсетная. Печать офс. Физ. п. л. 14
Тираж 4000 экз. Заказ № 1042.

ООО Издательство «Отчий дом»
119017, Москва, Старомонетный пер., д. 9, стр. 1
Тел. 8-499-261-18-87

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

«ОТЧИЙ ДОМ»

